10317.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

VII.

10317

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМПІЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕНВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРКАСТО, ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА, КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ, ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ, И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портретовъ, и изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Часть седьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1837.

39

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Октября 27-го дня, 1836 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

65931

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Океанія : острова Гамоа, Ніуга, Тонга, Вити, Новые Гебридскіе.

ГЛАВА LXIV.

ОСТРОВА ГАМОА. — ГЕОГРАФІЯ И ИСТОРІЯ.

Цѣпь острововъ *Гамоа* занимаетъ протяженіе около 100 льё, отъ востока на западъ, подъ 14° шир. южной. Самые западные суть наибольшіе изъ нихъ; средній, *Мауна*, менѣе; три острова на востокъ самые малые; островъ *Розъ*—скала среди морскихъ волнъ.

Опунъ, *Леоне*, *Фанфуе*, отдѣленные одинъ отъ другаго узкими проливами, суть земли высокія, лѣсистыя, которыя въ нѣкоторомъ отдаленіи кажутся составляющими одинъ островъ. Они находятся между 14° 5′—14° 13′ ш. ю. и 171° 42′—172° 2′ долгот. в.

Мауна, гористый, лѣсистый и плодоносный, составляетъ 17-ть миль, отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при средней ширинѣ 6-ти, или 7-ми миль. Два острова присоединяются къ нему на В. и З. — Западная оконечность его подъ 14° 21′ шир. ю. и 173° 7′ долг. з.

Оіолава, миловиднѣе и плодоноснѣе Мауна, неменѣе 40-ка миль въ длину, и 10-шь въ самой большой ширинѣ своей. Нѣсколько островковъ примыкаютъ къ нему съ В. и съ З., и въ числѣ ихъ *Низкій* островъ, столь обильный и столь населенный. Вершина горы этого острова находится подъ 13° 53′ шир. ю. и 174° 25′ долг. з.

Пола, послѣдній островъ къ западу, великолѣпенъ. Чудесные разсказы Лаперуза и Коцебу заставляютъ сожалѣть, что до сихъ поръ не осмотрѣли его въ совершенной подробности. Красота мѣстоположеній и безспорная плодоносность земли дѣлаютъ изъ него родъ Океанійскаго Элизія. Общность острова образуетъ огромнѣйшій конусъ, форму котораго Коцебу сравниваетъ съ Гавайскимъ Муна-Роа, а вышину съ Тенерифскимъ Пикомъ. Заключая въ себѣ около ста миль въ окружности, Пола находится между 13° 26′—13° 48′ шир. ю. и 174° 30′—175° 8′ долг. з.

По всѣмъ видимостямъ, купа острововъ Гамоа есть тотъ самый архипелагъ, который Голландецъ Роггевейнъ открылъ въ 1722 году, и назвалъ *островами Баумана*. «Подъ 12-мъ град. широты южной — говоритъ сей мореплаватель — мы нашли вдругъ много острововъ, весьма пріятнаго вида, покрытыхъ плодовитыми деревьями и овощами. Земля на нихъ перерѣзывается горами и веселыми долинами; въ нѣкоторыхъ будетъ по 10, 15 и 20-ти миль въ окружности. Каждое семейство жителей, кажется, управляется здѣсь отдѣльно, и племена распредѣлены по званіямъ, какъ на островѣ

Пасхи.» Островитяне выплыли къ Голландцамъ въ открытое море, и предложили имъ рыбу, кокосы, бананы, и другіе превосходные плоды, за что дали имъ Голландцы разныхъ издѣлій Европейскихъ. Можно было полагать сіи острова весьма населенными, по множеству мужчинъ и женщинъ, сбѣжавшихся на берегъ. Мужчины казались бѣлы, и отличались отъ Европейцевъ только тѣмъ, что кожа у нихъ была загорѣлая отъ солнца. Тѣло ихъ было испещрено разными красками. Оружіе ихъ составляли луки и стрѣлы. Лоскуты шканей, искусно сдѣланныхъ и украшенныхъ бахрамою, закрывали ихъ отъ поясницы до пятъ; на головахъ у нихъ были шляпы изъ такой-же шкани, и цвѣточныя вязанки на шеяхъ. Видъ туземцевъ казался кротkимъ и ласковымъ, характеръ умнымъ и веселымъ. «Это—прибавляетъ повѣствователь—самый честный и самый образованный народъ изъ островитянъ Южнаго Океана. Они почли насъ богами, и плакали, когда мы разставались съ ними.»

Вотъ разсказъ Роггевейна, запутанный, какъ всѣ разсказы его путешествія, и еще болѣе запутанный послѣ примѣчаній ученаго Флёрьё, который взялся изъяснять его разсказы. Смѣшеніе въ географическихъ опредѣленіяхъ, ошибки, неточность въ событіяхъ, сдѣлали всѣ подробности этого путешествія весьма сомнительными, и отняли у нихъ большую часть ихъ достовѣрности.

Выходитъ, что по праву, если не по дѣлу, первымъ обрѣтателемъ купы Гамоа былъ Бугенвиль. Онъ поналъ сюда въ 1768 году, черезъ нѣсколько

дней послѣ отбытія изъ Таити, обошелъ острова Опунъ, Леоне, Фанфуе, и особенно Мауна, издали видѣлъ Оіолава, и не замѣтилъ Пола. Онъ имѣлъ нѣсколько сношеній съ туземцами, но изображеніе ихъ, сдѣланное имъ, почти не походило на Роггевейново. «Здѣшній народъ — говоритъ онъ — не такъ кротокъ, какъ Таитяне; физіогномія ихъ болѣе дикая, характеръ коварнѣе и обманчивѣе, и они безпрестанно старались обманывать насъ въ промѣнахъ.» Самое замѣчательное въ этихъ островитянахъ была ихъ ловкость въ плаваніи. Лодки ихъ, построенныя лучше лодокъ другихъ Океанійскихъ народовъ, летали по водѣ съ удивительною скоростью. По этому, Бугенвиль назвалъ всю купу *островами Мореплавателей* (Iles des Navigateurs), и это имя оставалось на картахъ, гдѣ теперь должно поставить, вмѣсто его, туземное названіе: *острова Гамоа.*

По плану Лаперузова путешествія предположено было полное обозрѣніе этой купы, только что начатое Бугенвилемъ. Лаперузъ явился здѣсь 6-го Декабря, 1787 года, и во время его десятидневнаго здѣсь пребыванія случилось несчастное дѣло, въ которомъ лишился онъ одного изъ своихъ лучшихъ офицеровъ.

Въ теченіе первыхъ дней, Лаперузъ имѣлъ съ жителями восточныхъ острововъ нѣсколько сношеній мирныхъ и незначительныхъ. Декабря 9-го перешелъ онъ къ острову Мауна, гдѣ и остановился, на 30-ти брассахъ глубины. Въ тотъ-же вечеръ, капитанъ Делангль отправился къ берегу,

со многими офицерами, на трехъ вооруженныхъ лодкахъ, и осмотрѣлъ многолюдное селеніе, гдѣ былъ принятъ дружески. Было уже поздно, и желая освѣтить дорогу гостямъ своимъ, жители зажгли большой огонь. Все кончилось очень хорошо, и лодки воротились къ кораблямъ.

Также спокойно казалось все на другой день. Дикари явились на корабли торговать, и мѣняли съѣстные припасы на желѣзныя издѣлія, а особенно на стеклянныя вещи, которыя имъ весьма нравились. Шлюпки отправились наливаться водою, и оба начальника фрегатовъ были при томъ въ своихъ лодкахъ. Впрочемъ, въ этотъ день согласіе уже нарушалось. Матрозы, оставленные стеречь шлюпки, были слишкомъ ласковы съ дикарками, и одинъ шуземецъ ударилъ матроза своею дубиною. Вмѣсто того, чтобы наказать за это жестоко, Лаперузъ велѣлъ только прогнать дерзскаго. Надобно было поступить строже, чтобы заставить уважать себя этотъ сильный и рослый народъ, слишкомъ полагавшійся на выгоды своего тѣлеснаго преимущества. Надобно было показать здѣсь превосходство Европейцевъ и дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія, не тѣмъ только, что застрѣлить пары двѣ голубей.

Между тѣмъ Лаперузъ, сопровождаемый нѣсколькими вооруженными людьми, отправился осмотрѣть селеніе, расположенное подъ тѣнью рощицы плодовитыхъ деревьевъ. Хижины поставлены были тутъ около прекраснаго круглаго луга, шу-

азовъ 50-ши въ поперечникѣ. Стоя передъ дверьми своихъ жилищъ, всѣ дикари, мужчины, женщины, дѣти, старики, просили Лаперуза удостоить ихъ своимъ посѣщеніемъ. Онъ входилъ во многія хижины. Во всѣхъ полъ былъ составленъ изъ отборныхъ каменьевъ, возвышаясь фута на два надъ землею, устланный красиво-сплетенными рогожками. Форма хижинъ, большею частью, была округлая, и ряды обрубковъ поддерживали крыши изъ кокосовыхъ листьевъ. Во многихъ видны были щегольство и опрятность. Для прохлажденія въ жаркіе дни, въ иныхъ хижинахъ устроены были рогожки, поднимавшіяся на подобіе нашихъ шторъ. Нѣкоторые предметы роскоши, какъ-то, молодыя горлицы, красивые, ручные попугаи, дополняли меблировку въ жилищахъ дикарей. Все это, казалось, означаетъ народъ счастливый, кроткій и тихій, но широкіе рубцы и еще незажившія у многихъ раны, являли въ дикаряхъ въ тоже время привычку къ дракѣ и буйству.

Это лучше оказалось на фрегатахъ въ отсутствіе начальниковъ экспедиціи. Не смотря на бдительность часовыхъ, дикари прокрались на палубы кораблей, украли намъ разныя вещи, и насилію надобно было противопоставить силу. Нэвидная наружность Французовъ и ихъ неогромный ростъ, не могли внушить къ нимъ уваженія въ дикихъ силачахъ. Кровавымъ доказательствомъ слѣдовалобы ушвердить свое превосходство надъ ними. Объ этомъ не подумали. Лаперузу потребенъ былъ

опытъ, плата за урокъ, и это купилъ онъ дорогою цѣною.

Впрочемъ, какъ будто что-то роковое увлекало Делангля на бѣдственную участь. Декабря 10-го замѣтилъ онъ при ближнемъ заливѣ красивое селеніе, и захотѣлъ осмотрѣть его на другой день, не смотря на несогласіе Лаперуза. Около полудня 11-го числа, двѣ шлюпки и двѣ большія лодки, съ 61-мъ человѣкомъ всего на все, подъ начальствомъ Делангля, пустились отъ мѣста стоянки кораблей къ прибрежью, гдѣ Делангль замѣтилъ удобное мѣсто для наливанія водою. На шлюпкахъ были небольшія пушки ихъ, а люди вооружились ружьями и саблями. Прибывши на мѣсто, осмотрѣнное наканунѣ, вмѣсто обильнаго источника прѣсной воды, Делангль нашелъ груду коралловыхъ утесовъ, сквозь которую пробивался бѣдный ручеекъ. Мѣсто это измѣнялось отъ морскихъ приливовъ и отливовъ. Делангль хотѣлъ сначала повернуть къ ближнему источнику воды, но ласковый привѣтъ туземцевъ разувѣрилъ его. Онъ остался. Выкатили изъ шлюпокъ боченки, поставили часовыхъ, для охраненія отъ дикарей, и работа началась. Вначалѣ, когда число дикарей не превышало сотенъ двухъ, никакая опасность не могла угрожать Деланглю, при его средствахъ защиты; но мало по малу, со всѣхъ сторонъ приплывали лодки, и вскорѣ тысячи полторы островитянъ заняли прибрежье и покрыли бухту. Тутъ начались смятеніе и безпорядокъ. Желая прекратить ихъ, по несчастному внушенію, Делангль вздумалъ раз-

дать подарки дикарямъ, которыхъ почелъ начальниками. Это неудовлетворило никого, ни тѣхъ, кто получилъ подарки, ни тѣхъ, кому ничего недосталось. Обдѣленные стали завидовать, взбѣсились, и послѣ того схватка съ дикарями была уже неизбѣжною. Делангль приказалъ идти къ шлюпкамъ, и дикари не препятствовали, но только сами пошли за матрозами, принужденными идти въ бродъ, чтобы достигнуть шлюпокъ. Въ этомъ переходѣ были подмочены ружья и порохъ. Все еще не начиналось насиліе, пока не данъ былъ приказъ пускать шлюпки на греблю. Дикари стали бросать каменья. Делангль опвѣчалъ выстрѣломъ изъ ружья на воздухъ, и—это было знакомъ общаго нападенія туземцевъ. Находясь уже въ шлюпкѣ, Делангль не успѣлъ выстрѣлить и двухъ разъ, какъ на него напала толпа островитянъ; пораженный дубиною, онъ упалъ, и послѣ смерти его дикари били еще дубьемъ обезображенный трупъ его, и привязали потомъ къ шлюпкѣ. Подлѣ начальника, въ одно мгновеніе были еще убиты естествоиспытатель Ламанонъ, офицеръ Таленъ и многіе изъ матрозовъ. Отвсюду бросились въ море толпы дикарей, разсѣянныя во всѣхъ сторонахъ, такъ, что выстрѣлы пушечные и ружейные мало могли имъ вредить. Окруженные справа, слѣва, сзади, спереди, Французы не знали кого слушаться, какъ защищаться. Это была страшная схватка, кровавое, смѣшенное побоище, гдѣ выгоды положенія должны были уничтожить и превозмочь превосходство оружія. Нельзя было въ одно

время и двигать въ ходъ шлюпки, и защищаться отъ нападенія непріятелей. Рѣшились бросить шлюпки и бѣжать въ лодкахъ, по счастію, споявшихъ далѣе на морѣ. Это было спасительнымъ средствомъ. Дикари увлеклись жаждою грабежа, бросились на шлюпки, имъ оставленныя, и спорили другъ съ другомъ за малѣйшую часть добычи. Это походило на трупъ, кинутый стаѣ хищныхъ птицъ. Въ нѣсколько минутъ шлюпки были разломаны— дикари тащили обломки досокъ, лавокъ, веселъ, снастей, оковку, гвозди, и занятые этимъ дѣломъ разрушенія забыли о бѣжавшихъ непріятеляхъ. Французы достигли своихъ лодокъ, выбросили изъ нихъ боченки, назначенные для воды, чтобы облегчить грузъ и всѣмъ помѣститься, а потомъ спѣшили плыть. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ выхода изъ залива чуть было снова не погибли несчастные бѣглецы. Лодка Астролябіи засѣла въ каменьяхъ. Съ обѣихъ сторонъ, по каменьямъ, дикари могли снова напасть на убѣгавшихъ. Разграбленіе шлюпокъ было уже кончено, и толпы неистовыхъ, гордые успѣхомъ, могли всѣ сбѣжаться сюда. Онѣ и дѣйствительно уже бѣжали на новую, вѣрную добычу, испуская страшные вопли, и надѣясь перерѣзать дорогу непріятелю. Но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ спасли нашихъ моряковъ отъ вторичнаго бѣдствія. Лодки успѣли освободиться и достигнуть фрегатовъ. Это можно было назвать неожиданнымъ счастіемъ. Еслибы послѣ убіенія Делангля, дикари не задержались грабежемъ шлюпокъ, всѣ остальные Французы, безъ начальниковъ, въ

лодкахъ, худо вооруженныхъ, съ излишкомъ наполненныхъ народомъ, навѣрное погибли-бы до одного человѣка.

Когда увидѣли съ фрегатовъ эти лодки, заваленныя ранеными, когда особливо узнали о смерти капитана Делангля и товарищей его бѣдствія, яростный, продолжительный крикъ отозвался на обоихъ корабляхъ. Въ то-же мгновеніе хотѣли мстить за бѣдныя жертвы. Лодокъ съ сотню плавали около фрегатовъ, наполненныя мужчинами, женщинами и дѣтьми. Это было-бы достойное жертвоприношеніе тѣни Делангля. Экипажи хотѣли принесть ему эту жертву, и, можетъ быть, такой рѣшительный поступокъ былъ-бы даже мѣрою благоразумною и политическою. И притомъ надобно было вырвать трупы земляковъ изъ рукъ этихъ каннибаловъ, вѣроятно, предназначавшихъ ихъ для варварскаго пира. Но Лаперузъ думалъ, что не должно уступать увлеченію гнѣва, и заставилъ подчиненныхъ своихъ умолкнуть. Холостой выстрѣлъ разогналъ лодки дикарей. Безъ сомнѣнія, тяжко было начальнику экспедиціи показаться столь человѣколюбивымъ, и не воздать другу своему жертвы, равной скорби его. Но несчастное событіе это осталось ему, по крайней мѣрѣ, урокомъ, и потомъ поведеніе его съ дикарями уже не представляло такой пагубной неосторожности.

Не смотря на кровавое событіе, на другой день лодки дикарей появились близъ фрегатовъ, и другія спѣшили увеличить число ихъ. Экипажи фрега-

товъ едва удерживали свою ярость; самъ начальникъ едва могъ преодолѣть свое негодованіе, и если-бы онъ нашелъ выгодное якорное мѣсто, конечно, онъ началъ-бы пушечную пальбу по прибрежнымъ селеніямъ, но ему показалось лучшимъ оставить эти пагубныя мѣста. Отдавъ приказъ вступить подъ паруса, 14-го Декабря, Лаперузъ пошелъ около береговъ острова Оіолава, гдѣ опять выплыли къ нему лодки дикарей. Эти люди, по внѣшнему виду, походили на островитянъ Маунскихъ, но обращеніе ихъ казалось миролюбивѣе и тише. Жены и дѣти сопровождали ихъ. Вечеромъ, фрегаты остановились передъ великолѣпнымъ заселеніемъ. «Обширное пространство — говоритъ Лаперузъ — было здѣсь покрыто хижинами, съ вершины горъ до самаго берега. Горы занимали почти средину острова, и покатою отлогостью сходя къ берегамъ, представляли взорамъ нашимъ амфитеатръ, покрытый деревьями, хижинами и зеленью. Дымъ подымался изъ средины заселенія, и море было покрыто лодками безъ числа, привлеченными, отчасти изъ одного любопытства, отчасти желаніемъ мѣны.

Осмотрѣвъ еще островъ Пола, Лаперузъ оставилъ здѣшній архипелагъ. — Въ свою очередь обходилъ его Англичанинъ Эдуардсъ, въ 1791 году, и надавалъ новыхъ именъ островамъ. — До 1824 года никакой значительный мореплаватель не являлся здѣсь. Но сей годъ былъ означенъ прибытіемъ капитана Коцебу. Его обозрѣніе, въ нѣкоторыхъ

подробностяхъ подтвердило, въ иныхъ исправило замѣчанія Лаперуза. Коцебу также замѣтилъ, что обитатели западныхъ острововъ, Оіолава, Плаша и Пола, крѣпче и общительнѣе жителей Мауна. Отъ чего такое различіе между двумя сосѣдственными народами? Происходитъ-ли оно отъ причинъ глубокихъ и коренныхъ? Или причиною тому противоположность въ формѣ правленія, болѣе правильнаго на островахъ западныхъ, болѣе безпорядочнаго на восточныхъ? Тамъ видимъ начальниковъ, власть которыхъ уважена — здѣсь нѣтъ никакой власти — народъ самъ себѣ владыка, и можетъ все дѣлать безнаказанно. Впрочемъ, туземцы Гамоа безспорно принадлежатъ къ Полинезійскимъ племенамъ, хотя измѣнившимся отъ сосѣдства Меланезовъ. Особливо языкъ образуетъ, кажется, явный діалектъ языковъ Полинезіи. По извѣстіямъ Лаперуза, обыкновенный ростъ туземцевъ 5 футовъ, 10 дюймовъ, съ членами исполинскаго размѣра. Нагіе, только съ правянымъ поясомъ, нисходившимъ до колѣнъ, они, казалось, были одѣты, потому, что тѣло ихъ все татуировано. Ихъ длинные, всклоченные волосы прибавляли свирѣпости ихъ физіогноміи. Женщины не уступали мужчинамъ. Высокія, ловкія, красивыя, иныя прекрасныя, онѣ оказывали отвратительную наглость въ поступкахъ и движеніяхъ. Никакое чувство стыдливости и скромности, казалось, не было извѣстно этимъ дикаркамъ. Во все время пребыванія здѣсь Лаперуза происходили самыя соблазнительныя явленія. . .

Островитянамъ Гамоаскимъ небезызвѣстны нѣкоторыя промышленныя занятія. Они искусно обдѣлываютъ дерево своими базальтовыми, острыми и крѣпкими топорами, выдѣлываютъ большія блюда, фута по три величиною, и строятъ лодки, хорошо плавающія подъ парусомъ. Кромѣ листяныхъ матерій и обыкновенныхъ рогожекъ, вырабатываются еще на здѣшнихъ островахъ мягкія и шелковистыя ткани, похожія на тѣ, которыя выдѣлываютъ Ново-Зеландцы изъ растенія Phormium. Неизвѣстно изъ чего дѣлаютъ такія ткани Гамойцы.

Мѣра народонаселенія сей купы острововъ можетъ быть только предположительная. Если считать по разсказамъ Лаперуза и Коцебу, принимая на видъ многолюдныя селенія, ими описываемыя, и множество лодокъ, ими видѣнныхъ, должно положить неменѣе 50,000 число жителей на архипелагѣ Гамоа. И такъ, это значительная статья въ Океанійской географіи. Будемъ надѣяться, что новѣйшее знаніе лучше опредѣлитъ ее. Исполнивъ свои благочестивыя занятія въ Полинезіи восточной, миссіонеры, конечно, помыслятъ и объ этихъ западныхъ земляхъ, безспорно, болѣе дикихъ, но болѣе важныхъ и значительныхъ для обращенія. Можетъ быть, христіанство утвердится здѣсь только на крови нѣсколькихъ мучениковъ, но дѣло обращенія явится тѣмъ славнѣе и полезнѣе. Благочестивымъ проповѣдникамъ предоставлена честь пояснить здѣсь важные вопросы географіи, требующіе для рѣшенія, чтобы къ благочестію пропо-

вѣдника присоединялась добросовѣстность ученаго. Да, поймутъ это назначеніе миссіонеры Океанійскіе, и двойной вѣнокъ ожидаетъ ихъ — служителей вѣры и споспѣшествователей человѣческимъ знаніямъ!

ГЛАВА LXV.

ПЕРЕѢЗДЪ ОТЪ ОСТРОВОВЪ ГАМОА КЪ ОСТРОВАМЪ ТОНГСКИМЪ. — НІУГА. ТОНГА.

Мая 13-го мы опять завидѣли землю. Это была купа острововъ *Ніуга*, оставшаяся у насъ подъ вѣтромъ. Шутенъ нашелъ сіи острова и останавливался при нихъ, 11-го Мая 1816 года. Туземцы выплыли на встрѣчу ему въ небольшихъ легкихъ лодкахъ, построенныхъ изъ краснаго дерева особеннаго сорта. Они мѣняли коренья и плоды на гвозди и стеклянныя издѣлія. Все шло хорошо, пока шлюпка не отвалила отъ корабля, для сысканія якорнаго мѣста. Думая легко поживиться, лодокъ двадцать окружили ее, и туземцы грозили матрозамъ своими копьями. Въ нихъ выстрѣлили и одинъ дикарь палъ мертвый. Друзья его хотѣли было возбудить на мщеніе жителей всего острова. Но туземцы, бывшіе въ сношеніяхъ съ кораблемъ, казались такъ довольны ласковымъ пріемомъ, что

несогласились вмѣшаться въ ссору, которая могла дурно для нихъ кончиться.

Подобно обитателямъ Гамоа, эти дикари казались также безстыдными ворами. Они бросались на все, какъ на свою добычу, и схвативши что нибудь, спрыгивали въ море. Даже гвозди изъ корабля пытались они вытащить. Сильные и рослые, они ходили совершенно нагіе, за исключеніемъ небольшаго пояса, въ родѣ *маро*. Тѣло ихъ было шашуировано, уши у нихъ были разрѣзаны и висѣли до плечъ. Волосы, какъ у Гамойцевъ, были разчесаны искусно и вбиты хохлами. На шеѣ у нихъ были раковинки, зубы и птичьи перья. Изображеніе пѣтуха было нарисовано на парусахъ ихъ лодокъ. Хижины, разставленныя по приморью, казались весьма населенными.

Шутенъ оставался много дней при Ніуга, къ большому удовольствію дикихъ. Они не могли налюбоваться на корабль, и многіе, чтобы увѣриться въ его прочности, подплывали подъ киль корабля и пробовали бить его каменьями. Впрочемъ, жадные мѣняться, они завалили палубу свиньями, птицею, овощами, плодами, и были довольны бездѣлками въ обмѣнъ. Вскорѣ удостоилъ Голландскихъ мореплавателей своимъ посѣщеніемъ и подарками *лату*, или царь сосѣдственнаго острова. Онъ приплылъ въ большой лодкѣ, сопровождаемой множествомъ маленькихъ. Когда онъ сталъ у корабля, трубами и барабанами отдали ему шумный привѣтъ, чѣмъ казался онъ очень доволенъ. Послѣ такого концерта, царь началъ говорить, и провоз-

гласилъ рѣчь, которую повторяло все собраніе дикарей, и которая показалась Голландцамъ весьма почтительною и благосклонною. Потомъ явились на корабль три человѣка, и принесли капитану отъ имени царя прекрасную рогожку. Они передали это приношеніе почтительно, стоя на колѣняхъ. Шутенъ отдарилъ ихъ взаимно старымъ топоромъ, стеклянными бездѣлушками, старыми гвоздями и кускомъ полотна, и царь восхищался его дарами. Царь этотъ казался полновластнымъ властителемъ. Нѣсколько лодокъ стали такъ, что стѣсняли Голландцевъ; они жаловались Его Ніугскому Величеству, который едва только закричалъ: « *Фану, фану!* лодки удалились. Не смотря на просьбы капитана, царь не хотѣлъ взойдти на самый корабль. Онъ послалъ своего сына, который усердно упрашивалъ Голландцевъ сойдти на землю.

Послѣ дня, проведеннаго столь дружески, невозможно было и подумать о томъ, что случилось на другой день. Безъ сомнѣнія, весь этотъ ласковый пріемъ и обязательныя ласки были только ловушкою, чтобы завлечь Европейцевъ на берегъ. Когда дикари увидѣли, что хитрость неудается, то прибѣгнули къ насилію. Утромъ, Мая 13 го цѣлая флотилія лодокъ шуземныхъ напала на корабль. Ее составляли двадцать три двойныя лодки, управляемыя каждая 23-мя дикарями, и 45 лодокъ маленькихъ, въ каждой по пяти человѣкъ. Самъ царь прибылъ въ двойной лодкѣ, и началъ обозрѣніемъ позиціи корабля. Потомъ, когда увѣрился онъ въ довольствѣ силъ своихъ, одинъ изъ

дикарей сильно ударилъ во что-то, похожее на барабанъ, и всѣ дикари отвѣчали на этотъ призывъ пронзительнымъ крикомъ. Это было знакомъ битвы. Двойная лодка, гдѣ находился царь, пустилась въ бой первая. Ее правили усильно, прямо на корабль, но она не расшибла его, а расшиблась сама, и Его грозное Величество принужденъ былъ вплавь отправиться къ берегу. Дикари и безъ царя держались сильно, бросали каменья, пока ружьями съ борда и огнемъ нѣсколькихъ маленькихъ пушекъ, заряженныхъ пулями и старыми гвоздями, разсѣяли эту толпу. « Нѣтъ сомнѣнія — говоритъ историкъ путешествія — чтобы не было убитыхъ и раненыхъ притомъ дикарей. Такимъ образомъ *Индійцы* были опибипы, ибо не ожидали подобныхъ залповъ, о которыхъ никогда не слыхивали, и которые погубили нѣкоторыхъ изъ нихъ столь страннымъ для нихъ образомъ, послѣ чего стали они далѣе выстрѣловъ корабля. Вѣроятно, что царь собралъ всѣ силы для своего предпріятія, ибо онъ имѣлъ съ собою болѣе 1000 человѣкъ, между коими былъ одинъ совершенно бѣлый. » — На слѣдующій день, Шутенъ оставилъ сіи острова, назвавши ихъ *островами Кокосовымъ* и *Злодѣевъ* (Verraders). Валлисъ снова видѣлъ ихъ, въ 1767 году, но не останавливался, не находя удобнаго мѣста. Только лодки его имѣли сношенія съ низкимъ островомъ. Валлисъ находилъ островитянъ здѣшнихъ довольно похожими на Таитянъ, и замѣтилъ что у всѣхъ дикарей былъ отрубленъ верхній суставъ мизинца. Голландскія имена острововъ пере-

мѣнили тогда на названія *Boscawen* и *Keppel*. Наконецъ, въ Апрѣлѣ 1781 года, Испанецъ Маурелль, истощенный, неимѣвшій почти запасовъ, освѣжился, запасся здѣсь, и за то назвалъ купу здѣшнюю островами *Утѣшенія* (Consolacïon). Онъ разсказывалъ, что туземцы говорятъ одинакимъ языкомъ съ жителями Вавао. Съ Испанцами вели они себя честно и кротко. Послѣ Маурелля явился здѣсь Лаперузъ, въ 1787 году, и осмотрѣлъ только высокій островъ, или островъ Злодѣевъ, по Шупенову названію. Онъ торговался съ туземцами, представлявшими, по его разсказу, много сходства съ жителями Гамоа. И онъ подтвердилъ также, что островитяне отрубаютъ суставъ у мизинца. Послѣ сего никто особенно не обозрѣвалъ острововъ Ніуга, о которыхъ говорится однакожь въ путешествіи Маринера, этого столь исправнаго описателя острововъ Тонгскихъ.

По описанію Лаперуза, небольшая купа Ніугская состоитъ изъ двухъ маленькихъ острововъ, раздѣляемыхъ проливомъ, мили въ три шириною. Сѣверный островъ представляетъ собою остроконечную гору, отъ вершины до подошвы покрытую деревьями, въ поперечникѣ почти трехъ миль. Другой островъ низкая, плоская земля, съ горою по срединѣ. Проливъ, туазовъ 150-ти въ ширину, дѣлитъ его на двѣ половины; длина острова $3\frac{1}{2}$ мили, а ширина только мили двѣ. Утесы выдвигаются здѣсь въ море въ южной части, и образуютъ якорное мѣсто, на 20 и 25-ти брассахъ

глубины. Сѣверный островъ лежитъ подъ 15° 50′ ш. ю. и 176° 25′ д. з.

Съ самаго отплытія своего отъ Гамоа, Пендлетонъ приказалъ держаться по вѣтру, и эта благоразумная осторожность была оправдана послѣдствіемъ. Теченіемъ отнесло Океанію на 30-ть миль къ З. Такимъ образомъ, все, что могли мы сдѣлать въ слѣдующій день была возможность пройдти между Вавао и Амаргура, въ трехъ, или четырехъ миляхъ отъ перваго подъ вѣтромъ. Наконецъ 15-го, прошедъ раннимъ утромъ низкіе острова Гапаи, и оставя вправо отъ себя волканическія вершины Као и Тофуа, около полудня остановились мы на пристани Намука, у сѣверныхъ утесовъ этого острова.

Наше прибытіе вскорѣ оживило здѣшній заливъ, сначала казавшійся пустыннымъ. Изъ за-всѣхъ утесовъ, изъ за-всѣхъ песчаныхъ мѣлей, совсего приморья, изъ всѣхъ бухтъ спѣшили лодки, нагруженныя разными припасами, свиньями, кореньями и плодами. Эти щегольскія, красивыя лодки поднимали до 40-ка и 50-ти дикарей. Черезъ часъ послѣ нашего прибытія, мы уже насчитали вокругъ нашего корабля болѣе сотни лодокъ. «Смотрѣть строго! «закричалъ Пендлетонъ. «Непускать всей этой сволочи на корабль — поставить часовыхъ! «Приказаніе капитана едва только успѣли выполнить, страшный шумъ привлекъ наше вниманіе. «Капитанъ!» отвѣчали на вопросъ Пендлетона — какой-то дикарь лѣзетъ на корабль, и не слушается часоваго. Онъ говоритъ, будто онъ

начальникъ, *эгуи*, даже король.» — Ну, король, такъ короля пустить можно — сказалъ Пендлетонъ, усмѣхаясь — я самъ король на моемъ кораблѣ — это будетъ дипломатическое свиданіе. — Мнимому королю позволено взойдти, но за нимъ полѣзла такая куча не-королей, что надобно было повторить запрещеніе. Уже человѣкъ шестдесятъ вскарабкалось къ намъ, и пора было остеречься.

Запасовъ было еще у насъ довольно, но пріѣхавшіе къ намъ дикари такъ дешево продавали ихъ, что вскорѣ вся палуба покрылась у насъ свиньями и иньямами. Въ обмѣнъ давали мы разныя желѣзныя бездѣлки и ожерелья изъ стеклянныхъ бусовъ, *синяго* цвѣта, что туземцы цѣнили выше всего. Бусы другихъ сортовъ не шли въ такой цѣнѣ, и даже мало требовались. Впрочемъ, дикари показались мнѣ съ перваго раза гораздо общительнѣе всѣхъ Полинезійскихъ народовъ, какихъ только видѣлъ я до сихъ поръ. Не было въ нихъ ни той торговой ловкости, какая внѣдряется уже между Гавайцами, на дѣтскихъ привычекъ и докучливой ласковости, отличающихъ Таитянъ, но я находилъ за то болѣе разумѣнія, личнаго достоинства и сознанія силъ своихъ. Видно было, что осторожностью въ своихъ поступкахъ, они избѣгали назойливости, соблюдая родъ приличій, и не показываясь ни скучными попрошайками, ни безстыдными ворами. Я былъ очарованъ, и началъ говорить Пендлетону, что вотъ люди, съ которыми можно быть другомъ. «Да, на день, на два— отвѣчалъ мнѣ онъ — не первымъ намъ прикидыва-

лись они такими добряками. Они до того обольстили даже угрюмаго Кука, что онъ назвалъ этотъ архипелагъ *островами Друзей*. Но послѣдовавшіе за нимъ плаватели съ горемъ видѣли годится ли это названіе. Теперь ужъ мы знаемъ, какъ надобно полагаться на первое дружество этихъ дикарей. Англичанинъ Маринеръ, капитаны Дюрвиль и Диллонъ, научили насъ, что тутъ больше хитрости, нежели природнаго добродушія, больше разсчета, чѣмъ правды. Эти плуты придутъ къ вамъ съ маслиною въ рукѣ, а ножикъ у нихъ за поясомъ. Они ласкаютъ и льстятъ вамъ, чтобы получше разглядѣть, гдѣ можно васъ поразить сильнѣе. Вотъ теперь они честны, предупредительны, даже почтительны, но потому, что они въ нашей клѣткѣ, и видятъ, что мы ихъ сильнѣе. А попадись мы къ нимъ послѣ разбитія корабля—они сдерутъ съ насъ послѣднюю рубашку. Честность ихъ — лукавство. И никогда не станутъ они буянить, пока не увидятъ въ этомъ выгоды и удобства. Нѣтъ, нѣтъ! не вѣрю я этимъ плутамъ — у нихъ, какъ у сосѣдей ихъ на Вити, такіе-же когти, только они ихъ прячутъ»...

Пендлетонъ такъ сильно разочаровалъ меня, и противодѣйствіе было столь велико, что я измѣнилъ даже мои физическія впечатлѣнія. Незамѣчавши въ этихъ дикаряхъ прежде ничего, кромѣ робости и ласковости, я началъ открывать слѣды коварства и лукавства; подстерегалъ косые взгляды, которые хотѣли сдѣлать ласковыми, и шпіоня за выраженіями осторожности и умѣренности — я

открывалъ всякіе недостатки въ новыхъ знакомцахъ. Такова сила предубѣжденія, такъ страшно его вліяніе на сужденія и впечатлѣнія наши.

Пендлетонъ явился сюда не для повѣрки только своихъ антропологическихъ наблюденій. Ему надобно было подновить запасъ воды, и Намука казался мѣстомъ способнымъ для этого. Но приключеніе Делангля и его товарищей было еще событіе столь свѣжее въ памяти, что безъ предварительнаго залога нельзя было отважиться на прогулку къ острову. Приближась къ *эгуи*, Пендлетонъ спрашивалъ: «согласенъ-ли онъ остаться, вмѣсто аманата, на Океаніи, пока шлюпки корабля пробудутъ у острова?» Вопросъ этотъ переведенъ былъ Англійскимъ дезертеромъ, поселившимся на Намука. Выслушавъ его, эгуи усмѣхнулся, и потомъ отвѣчалъ съ важнымъ видомъ: «Скажи Европейскому эгуи—да, скажи эгуи, начальнику этого корабля, что уже годъ прошелъ, какъ живутъ Гапаи христіане, и не причиняютъ зла своимъ Европейскимъ собратіямъ.» Пендлетонъ изумился; онъ ничего не зналъ объ этомъ скоромъ обращеніи, все еще сомнѣвался, и сказалъ: «Христіане вы, или нѣтъ, все таки согласенъ-ли онъ будетъ остаться аманатомъ?» — Разумѣется — отвѣчалъ эгуи — если только это угодно моимъ Европейскимъ собратіямъ. — Немедленно отвели каюту для почетной тюрьмы знаменитаго аманата и человѣкъ пяти его товарищей; офицеры принялись развлекать его заключеніе, а чтобы оно еще сноснѣе казалось, Пендлетонъ велѣлъ подать собесѣд-

никамъ лучшаго кушанья и вина, какос у насъ случилось. За эшу цѣну не одинъ *эгуи* Полинезійскій сдѣлался-бы аманатомъ.

Шлюпки наши поплыли къ берегу, подъ начальствомъ втораго лейтенанта. Пендлетонъ и Филипсъ осшались на кораблѣ, первый изъ предосторожности, второй по нездоровью. Я не могъ видѣть отправленія безъ того, чтобы самому не принять въ немъ участія. Согласіе на это было выпросить нетрудно; Пендлетонъ баловалъ меня снисхожденіемъ. Мы плыли къ берегу, окруженные множествомъ пуземныхъ лодокъ, съ парусами и на веслахъ. На приморьѣ ожидала насъ многочисленная толпа, но вмѣсто шумной и докучной встрѣчи, какія видѣли мы въ другихъ мѣстахъ, насъ привѣтствовали скромно и почтительно. Среди толпы ходило нѣсколько важныхъ людей, родъ какой-то полиціи, казалось, приставленныхъ для надзора, и проповѣдывавшихъ, безъ сомнѣнія, учтивость и скромность противъ насъ. Я угадывалъ, что это были туземные пасторы, которыхъ миссіонеры стараются завести всюду, гдѣ только проповѣдываютъ христіанство.

Между тѣмъ матрозы занимались наливаніемъ бочекъ изъ озерка, неподалеку отъ берега, пуазовъ 60-ть въ длину и 20, или 30-ть въ ширину. Вода оказалась солоноватa, и совсѣмъ не такъ хороша, какъ полагалъ Пендлетонъ, а потому лейтенантъ его не взялъ полнаго запаса и оставилъ нѣсколько боченковъ пустыхъ. Въ это время, я разсматривалъ окрестности, и сначала осно-

рожно въ виду мангрозовъ, но потомъ, ободряемый болѣе и болѣе, обнадеженный на аманата, бывшаго на кораблѣ, увлеченный ласковостью одного изъ миссіонерскихъ учениковъ, который вызвался быть моимъ путеводителемъ, я пустился внутрь земли — даже не спросясь нашего угрюмаго лейтенанта Реймбова.

Прежде всего поразилъ меня странный видъ самыхъ обыкновенныхъ хижинъ. Онѣ были футовъ по 8-ми и 9-ти въ вышину, но вмѣсто ошвѣса, какъ на другихъ архипелагахъ, ихъ простниковыя стѣны раздвигались наружу, когда кровля оканчивалась оспреемъ. Полная форма ихъ представляла пентагонъ. Самыя большія были по 20-ти, по 30-ти футовъ, при 8-ми и 9-ти ширины. Отверстіе, два фута квадратныхъ, находилось на одной изъ широкихъ сторонъ, дюймахъ въ 18-ти отъ земли. Огромныя кучи иньямовъ могли заставить почесть ихъ анбарами, если-бы рогожки и деревянные обрубки, тамъ и сямъ разбросанные, не свидѣтельствовали назначенія ихъ для житья. Въ числѣ хижинъ, нѣкоторыя имѣли наружность болѣе щегольскую и удобную, составляя навѣсы, поддержанные столбами, провѣваемые со всѣхъ сторонъ, съ поломъ покрытымъ рогожками. Я подумалъ сначала, что это жилища начальниковъ, но онѣ составляли просто обиталища туземцевъ во время дня; другія служили имъ ночью.

Окрестъ этихъ жилищъ, то совокупленныхъ, то разбросанныхъ, простирались прекраснѣйшія, какія только видалъ я въ этихъ климатахъ, поля,

насажденія иньямовъ, таро, особливо кавы, превосходно содержимыя. Они были выполоты, вымешены, очищены отъ негодной травы. Каждое поле было огорожено, защищено отъ человѣка и отъ бродящаго животнаго прочною и красивою огородкою, изъ тростника, или сахарныхъ тростей. Очарованный гулялъ я среди этихъ свидѣтельствъ плодородія и обилія. Мои предубѣжденія начинали изчезать — на землѣ столь благодатной, человѣкъ не можетъ быть золъ. Инстинктъ кровожадности тревожитъ только голоднаго звѣря — будучи сытъ, самый свирѣпый звѣрь спокоенъ. Впрочемъ, природа казалась здѣсь такъ хороша, произрастаніе свѣжее и блестящее сгибалось передо мною въ полукруги зелени, столь пріятные, и волновалось такими тѣнистыми и многоразличными меандрами....

Послѣ получасовой прогулки, я достигъ уже до береговъ внутренняго озера, мили на три въ длину, на одну милю въ ширину, отдѣленнаго отъ моря узкою окраиною. Три островка, опѣненные зеленью, казались дремлющими на его волнахъ, будто оазисы зелени на океанѣ песковъ. Они глядѣлись въ его прозрачныя, гладкія воды, едва струимыя крыльями кой-какихъ морскихъ птицъ. Съ высоты листвянаго луга, я обнималъ общность этого мѣстоположенія—чудный образчикъ красотъ Намука, которыми восхищаться имѣлъ всѣ причины естествоиспытатель Форстеръ. Отсюда слѣдовалъ я за всѣми изгибами низкой, лѣсистой земли, испещренной холмиками, покрытой плетня-

ми и рощицами, украшенной по мѣстамъ купами кокосовъ и казуаринъ. Въ срединѣ острова виднѣлась гора, кажется, базальтоваго начала, къ чему прибавились мадрепоровыя дополненія. Опъ общности вида переходилъ я къ подробностямъ, и—что за перспективы гармоническія и восхитительныя, что за цвѣты, свѣжіе и пестрые, что за птицы, чудныя своими блестящими перьями — голуби, попугаи, карастели, не говоря уже о родахъ болѣе мѣлкихъ, съ тысячью оттѣнковъ, съ тысячью формъ!

Мой восторгъ былъ возмущенъ голосами нѣсколькихъ человѣкъ, казалось, споривших о чѣмъто очень горячо съ моимъ проводникомъ. Первая мысль моя была, что я предметъ этого спора, и я приложилъ руки къ моимъ пистолетамъ. При такомъ движеніи, одинъ изъ спорщиковъ бросился ко мнѣ, и недовѣрчивость Пендлетона пришла мнѣ въ голову. Я рѣшился дорого расплатиться, если вздумаютъ грабить меня. По счастью, все дѣло кончилось недоразумѣніемъ. Новые сопутники мои спорили съ проводникомъ моимъ о чести также провожать меня, благоразумно разсчитывая, что за то получатъ какую нибудь награду, что нибудь изъ Европейскихъ драгоцѣнностей. Я утишилъ ссору, принявши всѣхъ въ мои проводники, но, опасаясь, чтобы моя живописная прогулка не кончилась драматическою развязкою, оборотился къ мѣсту наливанія водою. Впрочемъ, мои новые сопутники вели себя самымъ скромнымъ образомъ. Съ благодарностью приняли они, что я подарилъ имъ, но ничего не канючили сами. Миссіонерскій ученикъ,

зная нѣсколько Англійскихъ словъ, служилъ мнѣ толмачемъ съ другими. Слушая разговоры ихъ, я могъ замѣтить, что хотя въ основаніи языкъ туземцевъ былъ Полинезійскій, но великое различіе существовало однакожъ между Таитскимъ и Тонгскимъ нарѣчіями, почти такое-же, какъ между Итальянскимъ и Испанскимъ. Такимъ образомъ, два слова, которыя обыкновенно находятся въ устахъ каждаго дикаря, когда они говорятъ съ Европейцами, слова, служащія для отличенія всего, что они продаютъ и покупаютъ, эти неизбѣжныя условія каждаго торга, словомъ — «хорошо» и «худо», по-Таитски говорятся: *маитаи* и *гино*, а по-Тонгски: *леилеи* и *кови*. Видите, что различіе здѣсь велико.

Разговаривая съ моими сопутниками, я приблизился къ пристани и испугался: шлюпки нашей тутъ не было! Наскучивши ждать меня, угрюмый Раимбовъ отправился къ кораблю, но—добрый товарищъ! онъ все еще ждалъ меня, глядѣлъ въ трубу съ своей шлюпки, и тотчасъ повернулъ назадъ, едва увидѣлъ меня. Такимъ образомъ, испугъ мой не былъ продолжителенъ. Но по таинственному тотопу между дикарями, по жаднымъ и мрачнымъ взглядамъ, которые заступили мгновенно мѣсто прежней дружбы и ласковости, я могъ понять, что въ случаѣ оставленія меня среди ихъ *дружелюбной* толпы — мое положеніе могло быть ужасно! «Вы, сударь, повѣса!» говорилъ мнѣ Раимбовъ, приставши къ берегу — «флагъ для отбытія уже съ часъ торчитъ на корабельной мачтѣ—

я не повиновался ему, сколько могъ долѣе. Пендлетонъ теперь взбѣсится — онъ неумолимъ въ дисциплинѣ — а все отъ вашихъ прогулокъ! » — Я былъ виноватъ и молчалъ. За то, я первый взбѣжалъ на Океанію, все разсказалъ капитану, снималъ на себя вину лейтенанта. Пендлетонъ разбранилъ меня, какъ дитя. Но тѣмъ все кончилось, и добрый лейтенантъ былъ спасенъ отъ бѣды, а это уже значило большую милость у Пендлетона.

Въ тотъ-же вечеръ отправились мы съ Намукской гавани. На другой день, 16-го Мая, вышедъ на палубу рано утромъ, я увидѣлъ, почти на пути нашемъ, двѣ страшныя громады, недалѣе льё разстояніемъ одна отъ другой, темные, черные, скалистые утесы, неприступные, по-видимому, и каждый около полу-мили въ ширину. «Вотъ добрые лоцманà — сказалъ мнѣ Пендлетонъ, указывая на нихъ — превосходные маяки, поставленные природою, чтобы проводить корабли въ опасныхъ проливахъ Тонга-Табу.» Едва сказаны были эти слова, съ мачты раздался крикъ. «Хорошо!» отвѣчалъ капитанъ, и математически снялъ онъ положеніе обоихъ утесовъ, *Гунга-Тонга* и *Гунга-Гапаи;* потомъ обернулся къ сторожевымъ, и приказалъ навѣрно смотрѣть новую землю на Ю. З. — Это былъ островъ *Amata.* Черезъ полчаса, когда показался этотъ островъ, Пендлетонъ раздалъ новые приказы; экипажъ былъ весь по мѣстамъ, одни на палубѣ, другіе на мачтахъ; капитанъ самъ сталъ наблюдателемъ и кормчимъ. Океанія наша входила

шеперь въ узкій проливъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ находились каменья, о которые море разбивало валы свои, пѣнисто и яростно. За тѣмъ являлось пространство тихое, но еще болѣе опасное— дно морское усѣяно было тутъ коралловыми отрогами, яркихъ, живыхъ цвѣтовъ; одни изъ нихъ были видны, другіе скрыты въ неравной глубинѣ — настоящіе кинжалы подводные, ежемгновенно грозившіе вонзить свои тысячи остреевъ въ дно корабля, прорѣзать его и повалить на груды скалы, умирающій, на вѣрную гибель! Въ торжественныя эти минуты глубокое молчаніе царствовало всюду. Чело капитана, сложенное въ широкія морщины, показывало опасность возможную и—страшную. Взоры всѣхъ, казалось, доспрашивались отвѣта о судьбѣ нашей у морскихъ безднъ, мѣряли, вопрошали эти безотвѣтныя скалы и глубины, искали въ нихъ возможности спастись, готовы были прокопать проходъ нашему превосходному кораблю. Земля, земля была теперь смертнымъ приговоромъ нашимъ. Корабль — это рыба; если нѣтъ у него воды — онъ погибъ. Величайшій непріятель корабля — земля, ибо онъ созданъ для моря, глубокаго, обширнаго моря, и когда видитъ онъ землю, куда должно ему пристать — онъ боится ея, недовѣряетъ ей. Ни одно изъ тяжкихъ испытаній мореходца, заставляющихъ блѣднѣть при одномъ разсказѣ, не бываетъ такъ гибельно, такъ ужасно, какъ опасность на коралловыхъ мѣляхъ! Пусть бьютъ корабль Антильскіе ураганы, Китайскіе шифоны, Капскіе вихри, бури Ледови-

шыхъ морей — пусть молнія зажжетъ его мачты, шромба запопитъ его палубы, вѣтеръ изорветъ его паруса—пусть терпитъ онъ канонаду, абордажъ — пусть будетъ въ долгомъ путешествіи, при недостаткѣ сухарей и воды, съ губительнымъ скорбутомъ, съ желтою лихорадкою, двадцать дней принужденный выкачивать воду, какъ будто страдая водяною болѣзнью — что-же? Все это еще не смерть, не гибель! Пусть только послѣ этого коснется онъ добраго пристанища, и—вотъ онъ спасенъ, возобновленъ, поюнѣлъ — у него будутъ новые члены, новая, блестящая опояска, еще легче мачты, еще лучше паруса и снасти, вмѣсто ветхихъ, имъ брошенныхъ — онъ осуществитъ собою феникса — онъ обновится! Но кораблекрушеніе на утесѣ, ударъ объ коралловое остріе и—что такое корабль? Обломки безъ имени, деревянная щепа, развалины—смерть плавателямъ!

И здѣсь, мѣстность умножала еще ужасъ нашего положенія. Спасеніе на Европейскій берегъ, конечно, представляетъ непріятную будущность съ Европейскими таможнями, которыя не знаютъ состраданія, если оно не предписано тарифомъ, не вѣдаютъ ничего, что не позволено уставомъ цолнерскимъ, но—перейдя эту драконовую стражу, вы, по крайней мѣрѣ, свободны, отдохнете, оживете. А здѣсь? Мы были противъ скалъ новой Тавриды, гдѣ въ жертву неумолимой богинѣ погибалъ спасшійся изъ волнъ моря — мы доставались въ руки варварскаго племени дикарей, о которомъ повѣствуютъ такъ различно, которое подозрѣва-

юнъ въ свирѣпствѣ, безчеловѣчнаго, жестокаго, если не по природѣ, то по разсчету корысти! Надобно признаться, что все это было страшно — матрозъ, офицеръ, пассажиръ, каждый задумывался о своей будущности.

Въ одно изъ этихъ мгновеній мнѣ показалось, что мы уже допропулись коралловаго хребта ушесовъ—корабль нашъ остановился, задрожалъ— онъ казался вздрогнувшимъ, будто кипъ, чующій прикосновеніе погибельной пилы-рыбы. Если-бы можно было это повѣрить осмотромъ, я увѣренъ, что на ребрахъ Океаніи нашлась-бы длинная царапина, положенная отрогомъ коралла, какъ будто на стеклѣ алмазомъ. Но это продолжалось одно мгновеніе — на лбу Пендлетона не успѣла вполнѣ образоваться лишняя морщина— его говорная труба не была донесена до рта, и опустилась спокойно — опаснѣйшее мѣсто было пройдено, и—Тонга-Табу, мало по малу, раскрывалъ передъ нашими взорами свои прибрежныя чудеса, свою землю, устланную произрастаніемъ, свои разбросанныя хижины, свои заселенія, свои *фантока*, высящіеся уступами. Мы касались гавани, мы были спасены. Въ два часа по полудни бросили мы якорь передъ островкомъ Пангай-Моду, гдѣ наиболѣе останавливаются Европейскія суда.

Тутъ, какъ обыкновенно, толпились туземцы. Еще мы не кончили дѣла съ якоремъ, а лодокъ шестдесятъ окружали уже нашъ корабль. Дикари, въ нихъ бывшіе, не отличались ничѣмъ отъ видѣнныхъ нами вчера. Кажется, и Пендлетонъ не довѣ-

рялъ здѣсь такъ-же, какъ и на Намука; одинакія осторожность и бдительность были отъ него строго предписаны. Между тѣмъ, три лодки, болѣе щеголеватыя и просторныя, раздвинули кучу простолюдинскихъ лодокъ. Это были три начальника острова, три великіе *эгуи*. Ихъ пустили на корабль, со всею ихъ свитою. Какъ переводчикъ и министръ, подлѣ начальниковъ виднѣнъ былъ Англичанинъ, по имени *Снинглетонъ*, матрозъ, спасшійся во время гибели корабля *Портъ-о-Пренсъ*, и захваченный дикими, въ 1804 году. Еще два Англичанина, Джонъ Ридъ и Ритчетъ, здѣсь поселившіеся, также слѣдовали за великими эгуи.

Мы скоро узнали исторію нашихъ знаменитыхъ гостей. Прежде Тонга-Табу повиновался одному царю, *Туи-Тонга*, но въ слѣдствіе жестокаго междоусобія, царя принудили бѣжать на Вавао, и власть его раздѣлилась между многими. Наши гости, Тагофа, старшина Беа, Палу, старшина Муа, Лавака, богатый островитянинъ, называли себя царями. Но кромѣ ихъ, намъ сказывали множество именъ разныхъ властителей — Гаша, управлявшаго областью Гифо, гдѣ долго жили миссіонеры, Тубо, который принялъ христіанство, и тѣмъ уронилъ себя въ глазахъ подчиненныхъ своихъ, Аваи-Матуа, Гула-Каи, Ма-Фу, Веи-Гала, Огила, и проч. — Но власть на этой сторонѣ казалась особенно принадлежащею нашимъ гостямъ. Лавака, человѣкъ глупый, уважался только за свое богатство, и настоящими властителями были Тагофа и Палу — одинъ храбрый, какъ Ахиллесъ, другой

краснорѣчивый и плутъ, какъ Улиссъ, первый грозный своею дубиною, другой спрашный своимъ языкомъ.

Тагофа казался человѣкомъ около 45-ти лѣтъ. Ростъ его не превосходилъ почти 5 футовъ 3 дюймовъ, но размѣры тѣла показывали ужасную силу мускуловъ; видъ его былъ благороденъ и важенъ, лобъ широкъ и выразителенъ, глаза живы и смѣлы, губы алы и невелики, волосы рѣдки, курчавы и темнаго цвѣта. При первомъ взглядѣ нельзя было открыть въ немъ предпріимчивой отваги; ничего грубаго не было въ его поступи, ничего свирѣпаго въ его движеніяхъ. Это былъ въ одно время воинъ и дипломатъ, повелитель двухъ-тысячнаго войска — значительной силы въ Тонга-Табу, и хитрый политикъ, заставившій усыновить сына его, какъ владыку, *туи-тонга-фафине*. Одежда Тагофа не отличала впрочемъ его отъ другихъ островитянъ; онъ носилъ широкую гибисковую юбку, около пояса, но голова и ноги его были голыя.

Что касается до Палу, это была толстая, жирная, едва двигавшаяся туша. Между тѣмъ, лицо этого старшины казалось пріятно, спокойно, и выражало нѣкоторую тонкость и важность. Волосы его были коротки и гладки, шея толста, лобъ большой и широкій. Одаренный краснорѣчіемъ и способностями, онъ одинъ изъ туземцемъ могъ понимать и немного говорить по-Англійски. Синглетонъ и Ридъ, находясь въ его службѣ, были его учителями, и благодаря ихъ стараніямъ, Палу

могъ довольно порядочно коверкать Англійскія слова. Впрочемъ, кажется, этотъ дикарь былъ страшный Англоманъ; онъ гордился знаніемъ Европейскихъ манеровъ общежитія, ѣлъ по-Англійски, пилъ ромъ по-Англійски, любилъ Англійскіе *toasts* (тосты) до излишества, и все, что только было и называлось Англійскимъ.

Всѣ три начальника не одни взошли на нашъ корабль; съ каждымъ была свита, родъ двора, или лучше сказать, стражи, гвардейцевъ. Этихъ провожатыхъ называютъ *мата-буле*, и число ихъ измѣняется, смотря по важности и богатству начальника. За Тагофа, Палу и Лавака слѣдовала толпа мата-буле, наполнявшая нѣсколько лодокъ. Ихъ не всѣхъ пустили на корабль нашъ, но мы насчитали однакожъ посѣтителей болѣе 50-ти.

Съ перваго дня прибытія, Пендлетонъ хотѣлъ уговориться о дѣлахъ. Онъ объявилъ министру Синглетону, что промѣны между имъ и островитянами тогда только начнутся, когда начальники утвердятъ его условія. Условія эти состояли въ томъ, чтобы одинъ изъ начальниковъ постоянно оставался на кораблѣ, какъ амапапъ, и какъ порука за безопасность шлюпокъ, отправляющихся къ берегу. Едва Синглетонъ передалъ это требованіе капитана, удивленіе, притворное, или истинное, оказалось между великими эгуи. Тагофа наморщилъ лобъ, Палу кусалъ себѣ губы, и только Лавака казался спокойнымъ, едва понимая въ чемъ состоитъ дѣло. Палу почелъ обязанностью объясниться, сталъ въ ораторскую позу, говорилъ

съ четвертъ часа, пріятно и съ достоинствомъ. Слова его, казалось, были исполнены убѣдительнымъ сладкорѣчіемъ и краснорѣчивою силою, чего не могли вполнѣ передать намъ толмачи. «Какъ?» восклицалъ онъ — вы не довѣряете намъ? Но мы лучшіе друзья Европейцевъ! И для чего будемъ мы причинять вамъ зло? Вы доставляете намъ предметы, которые намъ нравятся — желѣзо, шкани, ожерелья изъ синихъ пронизокъ. Если мы поступимъ съ вами худо, вы не придете къ намъ опять, и у насъ не будетъ желѣза, тканей и пронизокъ. И притомъ, на вашихъ корабляхъ есть пушки, у вашихъ людей есть ружья, и если-бы недостаточно васъ было для защиты, мы знаемъ, что васъ много у великихъ вашихъ царей—пріѣдутъ ваши братья и уничтожатъ за васъ Тонга-Табу. И такъ, вы видите, что вамъ нѣчего бояться. Идите къ намъ—эгуи будутъ вашими покровителями, и вы положитесь смѣло на ихъ слова.» — Пендлетонъ слушалъ все внимательно, и понявши смыслъ рѣчи, не далъ даже договорить переводчикамъ. «Толковать много нѣчего—сказалъ онъ — мы знаемъ что вы народъ хитрый. Вспомните, что̀ случилось съ Дюрвилемъ и Диллономъ. Сперва лисій хвостъ, а потомъ волчій ротъ. Но мы должны пользоваться прежними опытами. Скажите вашимъ эгуи мое послѣднее слово: одинъ изъ нихъ останется аманатомъ на кораблѣ. Если не такъ — мы сей часъ подымемъ паруса и оставимъ Пангай-Моду.» — Увидя такую рѣшительность, начальники дикарей уступили. Палу согласился остаться на кораблѣ,

съ нѣсколькими изъ своихъ мапа-буле. Положили, что Тагофа и Лавака будутъ замѣнять его, если ему понадобится быть на островѣ.

Послѣ заключенія такого условія начались промѣны. Число посѣтителей корабля не должно было превышать числа 30-ти. Другіе, сверхъ этого количества, должны были торговаться изъ лодокъ, и передавать тяжелыя вещи на веревкахъ и въ корзинахъ. Лодки дикарей были наполнены свиньями, птицею, овощами и плодами. Все это отдавалось за бездѣлицу, но всему предпочитали дикари синія пронизки, или бусы. Это казалось самымъ драгоцѣннымъ предметомъ для дикарей на Тонга, какъ позументы на Таити. За пять маленькихъ бусовъ синяго стекла охотно давали курицу, а за 50-ть большую свинью. За 20-ть штукъ, я составилъ себѣ цѣлый кабинетъ рѣдкостей — коралловъ, раковинъ, мадрепоровъ, а за 50-ть еще — полный наборъ туземнаго оружія, ножъ, дубину, копье, щитъ. И другія произведенія Европейскія покупали охотно, но не съ такимъ жаромъ. Были охотники на ножи, кольца, ножницы, зеркальцы. Желѣза спрашивали мало, но охотно брались за ружья и порохъ. По несчастью для бѣдныхъ торгашей, на нашей Океаніи было полное обиліе, и уже съ недѣлю матрозы наши просто роскошничали, ежедневно ѣли свѣжую свинину, по двѣ, по три птицы приходилось на каждаго, а бананами, иньямами, пастеками была завалена вся палуба. Надобно было расшевелить уже удовлетворенныя потребности, и мы покупали не столь-

ко по необходимости, сколько изъ мошовства, но за то лучше торговались, и намъ все отдавали почти даромъ. Не смотря однакожь на скупость нашу, съ утра до вечера около Океаніи была настоящая ярмарка. Нѣсколько сотъ мужчинъ и женщинъ безпрестанно старались передавать на палубу свой товаръ, безпрерывно болтая, шумя, сопровождая болтанье и шумъ движеніями, но впрочемъ поступая честно и добродушно, сохраняя вѣрность въ промѣнахъ, и стараясь, какъ-можно менѣе надоѣдать. Полинезійцы Гавайскіе, Таитскіе, Нукагивскіе казались мнѣ гораздо безстыднѣе и хуже.

Весь первый день нашего пребыванія, прое великихъ эгуи не оставляли нашего корабля, обѣдали за столомъ съ нами, и потомъ отдыхали въ нашихъ каютахъ. По Океанійскому обычаю, каждый изъ нихъ хотѣлъ выбрать себѣ *офа*, или друга, званіе, равное Таитскому *taio*, съ одинакими преимуществами и обязанностями. Волею и неволею Пендлетонъ побратался съ Палу, я достался Тагофу, Лавака навязался Филипсу. Всѣ главные мапа-буле выбрали себѣ офа изъ офицеровъ, нѣкоторые принуждены были удостоить этой чести матрозовъ. Каждая пара офа мѣнялась другъ съ другомъ именами, и дружба становилась неразрывною послѣ раздѣленія нѣсколькихъ стакановъ добраго *грога*.

На другой день Пендлетону надобно было отправляться на островъ. Обнадеженный взятыми имъ средствами предосторожности, онъ хотѣлъ

посѣтить Гата, начальника въ Гифо, который въ прежнее, кратковременное посѣщеніе обѣщалъ дать ему двухъ лоцмановъ для сопровожденія въ затруднительномъ плаваніи по архипелагу Виши. Океанія отдана была подъ надзоръ Филипса, съ строгимъ приказаніемъ наблюдать за поведеніемъ дикарей. Лодка, съ десятью вооруженными людьми, должна было везти капитана. Я былъ неизбѣжнымъ его товарищемъ, и мы пустились раннимъ утромъ. Гифо находится въ 15-ти миляхъ отъ пристани. Надобно было идти на веслахъ все это разстояніе, и черезъ коралловые утесы достигать такимъ образомъ до западной оконечности острова. Поѣздка наша была не безъ труда. Нѣсколько разъ, матрозы сходили въ воду и стаскивали лодку съ мѣлей. Наконецъ, мы достигли до длиннаго ряда коралловъ, гдѣ вовсе не было проѣзда. Берегъ оставался еще довольно далеко, и для перехода на него надобно было намъ идти по кораламъ, и въ иныхъ мѣстахъ вода доставала намъ чуть не по грудь

Измокшіе и исцарапанные вышли мы наконецъ на сухой прибрежный песокъ. Взглядъ на окрестности могъ насъ утѣшить. Со всѣхъ сторонъ видны были тутъ прелестныя хижинки, скрытыя въ густотѣ деревъ и огороженныя плетнями. Этотъ видъ довольства и счастія, эта зелень свѣжая и живая, эта природа, это солнце, эти воды и рощи — все это заставило насъ позабыть скуку и продолжительность переѣзда. Ни одна долина, исключая Намукскую, не казалась мнѣ столь

плодородною, столь хорошо обработанною. Поля съ *кава* (Piper methysticum) были настоящіе сады, содержимые тщательно, въ порядкѣ, съ удивительною заботливостью, такъ, что напрасно спали-бы вы искать на нихъ хоть былинку негодной травы.

Прошедъ шаговъ сотню отъ пристани, нашъ маленькій караванъ достигъ Гифо. Это заселеніе дикарей представляло нѣчто похожее на укрѣпленія — валы, крѣпко построенные, и рвы, наполненные водою, безъ сомнѣнія, послужившіе въ немалую пользу при здѣшнихъ смятеніяхъ. Около сотни хижинъ, разсѣянныхъ въ рощѣ, раздѣльно и купами, безпрерывно появлялись передъ нами, съ нашимъ приближеніемъ. Всѣ онѣ являли строеніемъ своимъ характеръ обыкновенной архитектуры дикарей, и только одно зданіе показывало Европейскую форму, столь обыкновенную на Таити. Это былъ домикъ въ два этажа, деревянный, раскрашенный зеленою краскою, съ тремя окошками въ переднемъ фасадѣ. Маленькая загородка, хорошо обнесенная плетнемъ, составляла дворикъ. Здѣсь обитали Англійскіе миссіонеры, проповѣдники на Тонга-Табу — Томасъ, Гутчинсонъ и другіе члены здѣшней церкви. Теперь домикъ этотъ былъ пустъ. Послѣ долгихъ усилій, миссіонеры отчаялись обратить начальника Гифоскаго. Они отказались отъ этого дѣла, и преемники ихъ, вмѣсто безплодныхъ усилій въ Гифо, предпочли переселиться въ Ніуку-Лофа, мѣстопребываніе старшины Тубо.

Хотя оставшись упорнымъ язычникомъ, Гаша не хотѣлъ показаться намъ грубымъ дикаремъ. Онъ даже признался намъ потомъ, что политическая реформа нашла-бы скорѣе ревностнаго въ немъ участника, не касаясь его вѣры. Пріемъ нашъ произвелъ онъ съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ, приличнымъ его сану. Его семейные эгуи, мапабуле и служители стали кружкомъ около *малаи* (площадки), которая составляла эспланаду передъ жилищемъ начальника. Далѣе толпа народа, съ видомъ любопытства, но скромно, ожидала выхода своего повелителя. Онъ появился, пошелъ къ верхней сторонѣ круга, и его легко было распознать по богатому ожерелью изъ зубовъ каналота, отличію, показывавшему, что онъ имѣлъ званіе главнаго полководца. Замѣтивъ насъ, онъ протянулъ намъ руку, посадилъ насъ подлѣ себя, и потомъ далъ знакъ—это было начало *кава*. Такъ называется знаменитый обрядъ въ странахъ Океанійскихъ, родъ либаціи, иногда религіозной, иногда политической, сегодня показывающей торжество и праздникъ, завтра простое угощеніе, въ родѣ нашего домашняго чая, или пунша, но скромную вѣжливость, то необузданную оргію туземцевъ. Теперь кава была назначена для насъ. Гаша хотѣлъ насъ поподчивать торжественно и великолѣпно.

По данному знаку, одинъ изъ главныхъ мапабуле, сидѣвшій на противоположномъ концѣ круга, взялъ большое блюдо, родъ треножника, внутренность котораго, облакированная отстоемъ

напитка, показывала долговременность его употребленія. Взявши потомъ изъ рукъ одного дикаря огромную корзину съ кореньями кавы, предназначенными для сегодняшняго угощенія, онъ раздалъ по корешку въ народъ, выбирая мужчинъ помоложе и женщинъ покрасивѣе. Эти избранные и избранныя должны были служить вмѣсто пресса, или мѣльницы — жевать коренья, какъ у насъ жуютъ солодковый корень, и это для того, чтобы вода лучше извлекла потомъ все крѣпкое начало, заключенное въ кавѣ. Въ пять минутъ коренья были изжеваны, и каждый принесъ данную ему часть. Мапа-буле собралъ все это въ кувшинъ, сталъ наливать водою, и между тѣмъ мѣшалъ разжеванные корни, давилъ ихъ, и всячески старался извлечь изъ нихъ перечный вкусъ ихъ. Собравши потомъ ихъ въ сѣтку, для окончательнаго дѣйствія, онъ выдавилъ все это, и отдѣлилъ наконецъ пережеванные коренья, въ которыхъ ничего не должно оставаться соку и вкуса, ибо безъ того въ кавѣ не будетъ силы. Впрочемъ, мапа-буле, которому даютъ приготовлять каву, долженъ хорошо знать свое дѣло. Кава негодная, при торжественномъ угощеніи, нанесла-бы на приготовителя неизгладимый стыдъ.

При нашей кавѣ, приготовитель сдѣлалъ свое дѣло превосходно. Это былъ опытный артистъ и знатокъ, лучшій мастеръ изъ всего поколѣнія дикарей. Каждый изъ насъ приготовилъ между тѣмъ свой стаканъ — изъ кокосоваго листа, искусно свернутаго. Такой стаканъ употребляется только

одинъ разъ. Выпивши изъ него каву, бросаютъ его. Поставленные кругомъ большаго кувшина, стаканы были наливаемы одинъ послѣ другаго напимъ эшансономъ. При каждомъ, Гаша говорилъ: « Давай такому-то » — соблюдая строжайшій этикетъ, такъ, чтобы раздача начиналась самыми главными начальниками и оканчивалась самыми младшими. Намъ оказали особенную честь — поднесли первымъ. Когда Гаша произносилъ чье-либо имя, удостоенный выбора хлопалъ руками, чтобы показать гдѣ онъ сидитъ, потомъ съ важностью бралъ подносимый стаканъ, выпивалъ напитокъ и бросалъ стаканъ далеко отъ себя. Раздача кончилась, когда всѣ сидѣвшіе въ кругу были обнесены. Простолюдины, стоявшіе за кругомъ ничего неполучали: Я попалъ въ число избранныхъ, но немогъ проглотить почетнаго питья — перечный, крѣпкій вкусъ его захватилъ мнѣ горло, и я принужденъ былъ передать питье сосѣду, который вытянулъ драгоцѣнность эту съ наслажденіемъ. Пендлетонъ, привыкшій къ кавѣ, пилъ ее охотно, будто стаканъ рому.

Но приготовленіе кавы, видѣнное нами, хотя и было произведено съ обрядами, все еще неимѣло торжественности великой народной кавы, собраній политическихъ, или религіозныхъ, на которыя сходятся всѣ знатнѣйшіе начальники острова, и гдѣ нерѣдко споръ за предсѣдательство оканчивается боемъ. Англичанинъ Маринеръ первый описалъ намъ обряды великой кавы, со всѣми формами ея подробностей и уставовъ.

Въ этихъ великихъ собраніяхъ, начальникъ, предсѣдательствующій при кавѣ, и онъ всегда бываетъ старѣйшій по достоинству, садится въ двухъ, или трехъ футахъ отъ края хижины, на рогожкѣ, постланной по землѣ, обратясь лицомъ къ малаи, гдѣ раздвигается кругъ собесѣдниковъ. По сторонамъ этого президента находятся два его мата-буле, или церемоніймейстеры кавы. Далѣе садятся начальники, по строжайшему разбору старшинства, потомъ мата-буле, и наконецъ муа, если они есть, какъ званіе нисшее двухъ первыхъ. Иногда засѣданіе присутствующихъ уравнивается порядкомъ ихъ прибытія; этикетъ въ этомъ случаѣ гораздо менѣе значителенъ, нежели въ раздѣленіи потомъ напитка. По срединѣ круга, противъ президента, находится дѣлатель кавы, мата-буле, муа, шуа, иногда эгуи. — Можно раздѣлить кругъ кавы на двѣ части— одна верхняя, во главѣ которой сидитъ президентъ, и подлѣ него знатнѣйшіе начальники; другая нижняя, гдѣ находятся младшіе начальники и остальные гости. Подлѣ нихъ стоитъ народъ, образуя такимъ образомъ внѣшній кругъ. Это дѣленіе круга кавы на двѣ части считается весьма важнымъ. Преимущества въ этомъ случаѣ разсчитываются чрезвычайно строго. Если въ собраніи будетъ особа самаго высшаго званія, но тутъ-же есть родственникъ старше его, или отецъ его, онъ неможетъ сѣсть въ верхнемъ кругу, хотъ-бы и пониже старшаго. Если онъ уже сидитъ тамъ, когда приходитъ его отецъ, онъ обязанъ немед-

ленно встать и сѣсть въ нисшемъ кругу. Когда всѣ усядутся, церемоніймейстеръ призываетъ одного изъ служителей, и тотъ входитъ въ средину круга. По полученному приказанію приносятъ потребное количество кавы и кладутъ у ногъ президента. Потомъ, по другому приказу, передаютъ ее приготовителю кавы. Тутъ начинается его должность: онъ ломаетъ каву на мѣлкіе кусочки, чиститъ ихъ острыми раковинами, и наконецъ располагается раздавать охотникамъ для жеванья. До тѣхъ поръ соблюдаютъ глубокое молчаніе, но едва приготовитель раздалъ нѣсколько кусочковъ кавы своимъ сосѣдямъ, подымается общій крикъ: *Маи ма кава! Маи, маи ма кава! Маи е кава* (дайте мнѣ кавы, дайте мнѣ кавы)! На работу выбираются лучшія челюсти изъ толпы, самые здоровые и крѣпкіе зубы. Такимъ образомъ происходитъ въ кругу жеванье кавы, и ее кладутъ на банановыхъ листахъ, а потомъ несутъ въ общую чашу. Едва кончится эта работа, снова воцаряется глубочайшее молчаніе. Приготовитель наклоняетъ немного чашу передъ президентомъ, и говоритъ: *Кое кава гени гуа ма* (вотъ кава пережевана), на что президентъ, если находитъ, что кавы уже довольно, отвѣчаетъ: *Палу* (мѣшай)!— Тутъ два помощника становятся по бокамъ приготовителя, одинъ подливаетъ воду, другой отгоняетъ мухъ. Мата-буле, церемоніймейстеръ, сидящій подлѣ президента, начальствуетъ дѣломъ, какъ будто воинскою эволюціею, въ двѣнадцать темповъ: *Линги а ваи! Мау е ваи! Палу геръ татау,*

беа фака мау (лей воду — довольно воды—мѣшай сильнѣе и ровнѣе, вездѣ, хорошенько), и проч. — Каждое приказаніе его немедленно исполняется. Когда кава довольно уже смочена и перемѣшана — *'Ан е фу* (клади въ фу)! восклицаетъ маша-буле. *Фу* называется та сѣтка, о которой я уже упоминалъ—это рѣшеточки изъ жилокъ гибискусовой коры. Приносятъ ихъ достаточное количество, чтобы покрыть всю поверхность кавы, и кладутъ на поверхности сосуда. Тутъ начинается самая важнѣйшая работа: надобно, чтобы фу обхватили всю каву, и потомъ должно выжимать изъ нихъ сокъ. Сила, ловкость, пріятность тѣлодвиженій дѣлателя кавы бываютъ въ это время предметомъ общихъ замѣчаній. Всѣ слѣдуютъ внимательно за каждымъ размахомъ рукъ дѣлателя кавы, и заботятся о слѣдствіи его работы съ безпокойнымъ ожиданіемъ.

Наконецъ, кава приготовлена; стаканы изъ банановыхъ листьевъ также готовы. Приготовитель возглашаетъ: *Гуа ма е кава мен* (готова кава)! Маша-буле отвѣчаетъ: *Фака тау* (наливай)! Два или три человѣка приближаются съ множествомъ стакановъ въ рукахъ. Приготовитель кавы погружаетъ въ жидкость фу, свернутую клубкомъ, какъ будто губку, и потомъ давитъ изъ нея сокъ въ подносимый ему стаканъ. Каждая порція составляетъ съ треть пинты. Тутъ служитель кричитъ: *Кава гуа гека* (кава налита)! Маша-буле отвѣчаетъ: *Ангуи ма...* (Давай *такому-то*), означая по имени самаго старша-

го въ собраніи. Крайчій приближается къ названной особѣ со стаканомъ, подаетъ ему стаканъ, и такъ обходятъ поочередно всѣхъ. — Эта раздача кавы есть самое важнѣйшее дѣло, и строго наблюдается мата-буле. Обыкновенно старѣйшій, начальникъ круга, получаетъ первый или третій стаканъ, третій наиболѣе, ибо первый нерѣдко мата-буле велитъ подноситъ своему товарищу, сидящему подлѣ старѣйшаго по другую сторону. Есть однакожъ исключенія изъ этикета. Такъ иногда посторонній начальникъ, гостъ съ ближняго острова, имѣетъ честь перваго стакана. При обыкновенной кавѣ, кто даетъ коренья, хотя онъ будетъ ниже званіемъ, нерѣдко предпочитается всѣмъ другимъ на первый стаканъ. Всего чаще однакожъ президенту даютъ первый или третій стаканъ, а мата-буле, неотдающему приказаній, второй или четвертый. За тѣмъ раздача идетъ по порядку старшинства. При большихъ засѣданіяхъ кавы, гдѣ присутствуютъ сотни гостей, отличенныхъ званіемъ, несчитая толпы народа, стоящей кругомъ, невозможно распорядиться церемоніяльною раздачею всѣмъ и каждому. Потому ограничиваются особами высшаго круга и ихъ роднею въ нисшемъ кругѣ, слѣдуя порядку старшинства. Осушивъ по одному стакану, нерѣдко начальникъ велитъ обноситъ по другому, потомъ по третьему и даже по четвертому. При всякомъ новомъ обносѣ, прежняя церемонія неизмѣняется; каву готовятъ снова и разносятъ по обыкновенію. Иногда, при извѣстномъ случаѣ, осо-

бы верхняго круга предлагаютъ отъ себя коренья и заступаютъ мѣсто угощающаго. Но старшій никогда однакожь нейдетъ на каву къ нисшему, и еслибы такой необыкновенный случай представился, нисшій выходитъ изъ круга и предоставляетъ старшему предсѣдательство за своею собственною кавою. При религіозной кавѣ соблюдаются одинакіе обряды, но только предсѣдаетъ жрецъ, и всѣ соблюдаютъ глубокое молчаніе.

Малая кава, какою угостилъ насъ начальникъ Гифо, хотя и небыла вполнѣ церемоніяльна, но могла однакожъ дать намъ вѣрную идею о церемоніяхъ кавы вообще. Впрочемъ, не одно это могли мы узнать въ сей день. Едва кончилась кава, явились два служителя, и съ торжественною важностью поднесли начальнику живую свинью. Гапа произнесъ только нѣсколько словъ и свинью унесли. Онъ велѣлъ приготовить ее для нашего угощенія. Много разъ слыхалъ я съ величайшими похвалами о методѣ приготовленія свиней здѣшними островитянами, и потому немогъ пропустить столь благопріятнаго случая быть самовидцемъ ихъ повареннаго искуства. Пендлетонъ согласился идти со мною, и самъ Гапа провожалъ насъ.

Убивши свинью, вытерли ее сокомъ банановаго обрубка, опалили на огнѣ изъ тростника, оскребли ей шкуру острыми раковинами и вымыли ее. Послѣ этой приготовительной работы, въ нижней части брюха прорѣзали круглое отверстіе, и одно за другимъ, вынули изъ животнаго кишки, желу-

докъ и печень. Чтобы никакая жидкость невлилась въ мясо, съ величайшимъ стараніемъ завязали прежде всего intestin rectum. Изъ трехъ предметовъ, извлеченныхъ изъ внутренности, только печень были обмыта и положена снова въ животное; желудокъ и кишки жарили потомъ отдѣльно на горящихъ угольякъ.

Между тѣмъ топилась печь; ее составляла круглая яма, выкопанная въ землѣ, фута въ два глубиною. Когда надобно приготовлять жаркое, наполняютъ часть этой ямы каменьями и круглымъ булыжникомъ, хорошо удерживающими жаръ, и потомъ зажигаютъ на каменьяхъ большой огонь. Раскаливши достаточно каменья, выбрасываютъ поспѣшно головни, оставляя уголья и пепелъ, накидываютъ на нихъ смоченныхъ вѣтвей и покрываютъ ихъ слоемъ зеленыхъ листьевъ. Тутъ, въ эти горячіе каменья, одѣтую листьями хлѣбнаго дерева, заткнувши пукомъ травы то мѣсто, черезъ которое вынимали внутренность, свинью кладутъ на самый жаръ и покрываютъ банановыми листьями. Подлѣ нея кладутся иньямы и папапы, чтобы испечь ихъ вмѣстѣ съ свининою, и все это закрывается толстымъ слоемъ земли, такъ, чтобы паръ нисколько невылеталъ. Черезъ часъ разрываютъ печь, и свинья средней величины бываетъ готова. Если животное очень велико, его рѣжутъ на четыре части, неперемѣняя порядка въ приготовленіи. Свинью, приготовленную такимъ образомъ для насъ, принесли съ величайшею торжест-

венностью въ хижину Гапа. Мы принялись за обѣдъ, сидя на нашихъ сумкахъ, а туземцы присѣвши на корточки, и мясо свиньи показалось мнѣ превосходнымъ, отъ того-ли, что оно было само по себѣ хорошо, или причиною тому былъ образъ приготовленія, но только никогда въ Европѣ поваренное искуство недостигало до такой степени изящнаго вкуса въ приготовленіи свинаго мяса. Мягкое, пучное, оно имѣло какой-то благовонный запахъ. Можетъ быть, это происходило отъ обвертки его въ листья банановаго и хлѣбнаго дерева, придававшихъ ему вкусъ и благоуханіе.

Послѣ обѣда говорили о дѣлѣ. Пендлетону надобно было условиться съ Гапа о лоцманахъ, которыхъ онъ обѣщалъ, и также собрать отъ него разныя торговыя извѣстія, важныя для капитана, но неинтересныя для меня. Потому оставилъ я его разговаривать, при помощи переводчика Синглетона, и съ другимъ Англичаниномъ отправился погулять въ окрестностяхъ. Мы углубились подъ свѣжіе, пѣнистые своды ближнихъ лѣсовъ, удивляясь въ частности каждому изъ здѣшнихъ деревьевъ, составляющихъ столь прекрасную общность. Тутъ видны были прелестные бананы, доставляющіе столько пользы туземцамъ — вкусный плодъ, широкія салфетки для стола, стаканы для кавы и обмыванья рукъ послѣ обѣда, свѣжій сокъ, текущій въ разрѣзъ коры. Тамъ являлись *папайеры*, съ румяными, пахучими плодами, *латаны*, изъ которыхъ дѣлаютъ вѣера для начальниковъ, *вакуи*, простые и многорастные, гдѣ сто деревъ

видно въ одномъ деревѣ, гибкіе и полезные *гибиски*, изъ перепончатой коры которыхъ шкупся шкани, превосходные *папороти*, съ ихъ роскошными листьями, и надъ всѣмъ этимъ произрастаніемъ, какъ царь и повелитель, возносился *кокосъ*, съ своею зеленою головою, на гибкомъ, высокомъ стволѣ, то прямомъ, то немного согнутомъ — благодѣтель здѣшнихъ странъ, пригодный на все, способный на все, двадцатью манерами употребляемый на пользу туземцевъ, какъ питье, какъ ѣда, для утоленія жажды и голода, доставляющій масло для наряда ихъ, дерево для постройки, листья для крыши домовъ, веревки для лодокъ.

Тамъ и здѣсь, среди этихъ очаровательныхъ лѣсовъ, окруженные рядами деревъ въ родѣ аллей, являлись храмики, посвященные богамъ, молитвенницы, опрятно содержимыя, и еще болѣе *фаи-тока*, погребательные памятники, чрезвычайно чтимые туземцами. Впрочемъ, здѣшніе фаи-тока совсѣмъ небыли ни такъ обширны, ни такъ великолѣпны, какъ въ Муа. Вмѣсто зданій, складенныхъ изъ огромныхъ каменьевъ и расположенныхъ уступами, это были земляныя насыпи, обложенныя дерномъ, съ небольшимъ строеніемъ надъ ними, гдѣ предполагается жилище покойника. Дерева, дающія тѣнь этимъ гробницамъ, суть обыкновенно *казуарины*, священныя наравнѣ съ самыми погребальницами. На вѣтвяхъ казуаринъ висятъ сотнями летучія мыши, огромной величины. Прицѣпясь когтями и сплотясь одна къ другой, такъ, что обманываютъ зрѣніе, эти животныя издали похо-

дятъ на длинныя черныя кисти плодовъ, висящія съ вѣтвей дерева. Взглянувши мимоходомъ, можно обмануться. Но стоитъ только бросить камень въ дерево и загадка разрѣшается. Тотчасъ, множество огромныхъ летучихъ мышей подымутся съ вѣтвей дерева, полетятъ съ пронзительнымъ крикомъ, и послѣ небольшаго круга по воздуху, одна послѣ другой возвращаются онѣ и цѣпляются за вѣтви, какъ прежде. Но кромѣ этихъ, довольно отвратительныхъ полу-птицъ и полу-звѣрей, порхали по лѣсу красивыя горлицы, зеленаго цвѣта съ амаранговою головою, блестящіе зимородки, объяринные попугаи и красивые *филедоны*.

Наступала ночь. Пендлетонъ распрощался съ начальникомъ Гифо, и мы отправились на свою шлюпку. Идя къ берегу, Синглетонъ указалъ капитану на груды коралловъ, въ которыхъ видны были обширныя, правильныя пустоты. «Здѣсь — говорилъ намъ Англичанинъ — дикари выламывали огромныя глыбы, изъ которыхъ построены зданія въ Муа. Нѣкоторые куски коралловъ увидите вы тамъ футовъ по 12-ти, при соразмѣрной величинѣ. Ихъ ломаютъ во время отлива, потомъ кладутъ на бревна и тащатъ сколько можно далѣе на море. При наступленіи прилива, дикари приплываютъ за ними въ лодкахъ. Но многія каменья добыты гораздо далѣе, такъ, что за ними отправлялись въ Гапаи и Вавао.

Благодаря искусству и знанію мѣстности островитянъ, намъ ненужно было на сей разъ идти въ водѣ по поясъ. Наша шлюпка свободно летѣла по

волнамъ, сопровождаемая туземными лодками, изъ которыхъ однѣ шли на парусахъ, другія на греблѣ, и многія близко отъ насъ, сохраняя отъ всякой опасности. Дикари пѣли и били мѣру веслами. Пѣсня ихъ была однообразна, но тиха, пріятна, и съ риѳмами, такъ что ее можно было затвердить. Я записалъ слова этой пѣсни, но не могъ добиться потомъ ея изъясненія. Англичане, хорошо зная языкъ туземный, увѣряли меня, что это наборъ созвучій, котораго нельзя перевести, какъ часто бываетъ съ подобными народными припѣвами. Вотъ слова:

Иго коіа
Отy вуай мабуна;
Анъ-ги-га-ге,
Отy вуай таффе.

Часть дикарей запѣвала: *Иго коіа;* другіе отвѣчали: *Отy вуай мабуна;* первые подхватывали: *Анъ-ги-га-ге,* а вторые оканчивали: *Отy вуай таффе.* И такъ, передавая стихи одинъ послѣ другаго, эти дикіе гондольеры поютъ сряду нѣсколько часовъ, даже цѣлые дни.

Мы достигли нашей Океаніи при звукахъ туземной пѣсни. Во время нашего отсутствія, все шло здѣсь, какъ нельзя лучше. Палу и Филипсъ подружились за трубкой табаку и бутылкой рому, чѣмъ прогоняли скуку заключенія. Промѣны между дикарями и экипажемъ нашимъ производились дружески, а аманаты вели себя весьма учтиво. По видимому, никакого замысла, ни тѣни раздора, что

требовало-бы строжайшихъ мѣръ осторожности. Но, какъ ни разувѣрялся этимъ Пендлетонъ, на слѣдующій день самъ онъ хотѣлъ остаться на кораблѣ. Мнѣ одному надобно было отправляться въ Ніуку-Лафа, мѣсто пребыванія обращеннаго въ христіанство начальника Тубо. Ніуку-Лафа славно въ лѣтописяхъ междоусобій Тонга-Табу, и священное мѣсто для туземцевъ, хотя по другимъ отношеніямъ, нежели Мафанга.

Ніуку-Лафа находилось всего миляхъ въ двухъ отъ пристани Пангаи-Моду, и полчаса было намъ достаточно на переѣздъ. Синглетонъ сдѣлался моимъ оффиціяльнымъ сопутникомъ въ этой прогулкѣ. Едва стали мы у берега, онъ повелъ меня къ двумъ стариннымъ лодкамъ, вытащеннымъ на берегъ, и для сохраненія лежащимъ подъ навѣсомъ. Размѣръ этихъ лодокъ являлся исполинскій. Самая большая изъ нихъ, 86 ти футовъ въ длину, была прикрыта палубою, или площадкою, въ 41 футъ длины и 18-ть ширины. Въ ней могли помѣститься до 200 человѣкъ. Другая была только однимъ футомъ короче. Обѣ казались уже стары, гнилы и негодились къ употребленію. Ихъ хранили, какъ образецъ и памятникъ мореходства прежнихъ временъ. Но дикари до сихъ поръ гордятся величіемъ этихъ кораблей, ихъ бывалою ловкостью на ходу и важностью въ бояхъ. Лодки меньшаго размѣра, по видимому, болѣе легкія и способныя въ дѣйствіи, уничтожались передъ этими великанами. Нынѣ дикари неспроятъ уже судовъ такого раз-

мѣра, и самая большая изъ лодокъ ихъ неболѣе 60-ти футовъ длиною.

Тропинками между богатыхъ насажденій, пришли мы къ часовнѣ этого округа, небольшому зданію, опрятному, хорошо содержимому, построенному на образецъ Таитскихъ церквей. Самая постройка ея производилась двумя Таитянами, по имени *Тафета* и *Гапа*, и Таитянкою *Тан*. Эти люди, подвигнутые благочестивою ревностію, рѣшились, въ 1826 году, начать проповѣдь Евангелія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде испытывали столько неудачь Миссіонеры. Родину свою оставили однакожъ они съ тѣмъ, чтобы поселиться на островахъ Вити, и только мимоѣздомъ думали заглянуть на Тонга-Табу. Но начальникъ здѣшній Тубо принялъ ихъ такъ ласково, просилъ ихъ остаться съ нимъ такъ убѣдительно, и показалъ себя столь горячимъ и ревностнымъ христіаниномъ, что проповѣдники Таитскіе отказались отъ дальнѣйшаго путешествія и остались въ Ніуку Лафа. Миссія ихъ увѣнчалась счастливыми успѣхами. Почти всѣ родственники начальника, друзья его и часть подданныхъ приняли христіанство. Можно было подумать, что весь островъ послѣдуетъ доброму примѣру, но въ этой надеждѣ обманулись. Начальникъ Гифоскій, какъ я уже говорилъ, воспротивился убѣжденіямъ миссіонеровъ Томаса и Гутчинсона, и самый Тубо обращеніемъ своимъ потерялъ много власти надъ туземцами. Недавно прислано однакожъ сюда подкрѣпленіе проповѣдникамъ Тонга-Табу. Миссіонеры Турнеръ,

Ваткинсъ и Вунъ явились въ Ніуку-Лафа, и при пособіи эгуи Тубо стараются распространить между дикарями здѣшними свѣтъ истинной вѣры. Синглетонъ разсказалъ мнѣ всѣ сіи подробности, и потомъ проводилъ меня къ жилищу Миссіонеровъ. Но мы незастали въ немъ никого, ибо всѣ пасторы отправились посѣтить нашу Океанію, и мы разъѣхались съ ними въ пути. Неразлучный приверженецъ ихъ, Тубо отправился съ ними.

Ніуку-Лафа непредставляла мнѣ ничего особеннаго, а солнце было еще довольно высоко. «Отправимся въ Мафанга — сказалъ мнѣ Синглетонъ— это святое мѣсто для здѣшнихъ идолопоклонниковъ, святилище, столь уважаемое ими, что среди ужасовъ свирѣпаго междоусобія, они несмѣютъ нарушить его святыни.» — Мы отправились и шли почти подъ безпрерывными сводами зелени: Тонга-Табу можно назвать безконечнымъ садомъ, пространствомъ почти безъ неровностей, землею, составившеюся изъ растительныхъ остатковъ, медленно прилипавшихъ къ мадрепоровому основанію. Чѣмъ ближе подходили мы къ Мафанга, тѣмъ болѣе хижины, огорожи, капища и *малаи* являлись намъ обширнѣе и богаче. Это была священная часть острова, мѣсто табу въ величайшей степени, отдѣленіе, предоставленное самымъ святымъ храмамъ, самымъ благороднымъ фаи-токамъ, знаменитѣйшимъ гробницамъ. Здѣсь утихаетъ ненависть, и самые непримиримые враги должны уважать себя взаимно. Пролить кровь въ Мафанга значило-

бы осквернить весь острова. Синглетонъ изъяснилъ мнѣ все это, объяснивъ всѣ преимущества, привязанныя къ землѣ, по которой мы шли, и потомъ прибавилъ: «Вы, М. Г., Французъ, и какъ вамъ незнать, что одинъ вашъ соотечественникъ осмѣлился стрѣлять въ Мафанга, и, право, онъ имѣлъ на то причины. Безъ этой смѣлой рѣшительности, шесть матрозовъ съ его корабля остались-бы на Тонга-Табу, захваченные лукавымъ Тагофа. Нѣкоторые изъ негодяевъ, бывшихъ на кораблѣ присовѣтовали это дикарю; онъ послушался совѣта. Захватили людей, бывшихъ на шлюпкѣ, убили одного изъ посланныхъ для отысканія. Ну! тутъ надобно было посмотрѣть, что̀ сдѣлалъ капитанъ! Онъ придвинулъ свой корабль сюда, на одинъ только кабельтовъ отъ коралловой мѣли, съ опасностью удариться о подводные каменья. Картечью началъ онъ разсчитываться съ этимъ священнымъ Мафанга, огороженнымъ и закрытымъ рвами; пять дней стоялъ здѣсь въ опасномъ положеніи, и оставилъ его тогда только, когда дикари возвратили захваченныхъ людей. Капитанъ Дюрвиль поступилъ здѣсь такъ, что его нападеніе на Мафанга можно назвать счастливымъ вдохновеніемъ. Единственное было это средство образумить непріятелей. Тагофа хотѣлъ противиться, но другіе непосмѣли. Людей было побито немного, три, четыре человѣка неболѣе. Но удары попадали въ фаи-тока и капища боговъ (*гутуа*). Всячески готовы были дикари остановить такое безславіе мѣста священнаго.»

Хотя уже четыре года прошло этому событію, но по дорогѣ нашей могли мы видѣть нѣкоторые слѣды тогдашняго опустошенія. Тамъ и здѣсь, кокосы, перебитые ядрами, и провалившіяся крыши жилищъ, оставались признаками мщенія Французовъ.

Разговаривая такимъ образомъ съ моимъ проводникомъ, мы достигли жилища добраго Фака-Фануа, главнаго стража и начальника священнаго мѣста. Старикъ принялъ меня съ большимъ дружествомъ, самъ проводилъ меня къ капищу своихъ готуа, и особенно настоялъ, чтобы я внимательно осмотрѣлъ молельню Туи-Фака-Нуа, которой придавалъ онъ особенную важность. Предполагалъли онъ въ ней пребываніе своего родоваго бога, или мѣсто храненія бога покровителя Мафанга — незнаю.

Всѣ здѣшнія молельни, капищи, фаи-тока походили на подобныя зданія въ Гифо. Только, по причинѣ большей святости мѣста, все это было огромнѣе и великолѣпнѣе. Хижины, загорожи, огороды являлись также красивы. Въ строеніяхъ, куда я входилъ, видѣлъ я только куски тканей, веревокъ, и чаши, кажется, составляющія *ex-voto* (привѣски). На одной изъ нихъ были вырѣзаны грубыя фигуры людей. Я бралъ ихъ въ руки и разсматривалъ, но Фака-Фануа этому непротивился, и это заставило меня думать, что никакого религіознаго понятія несоединяется съ этими статуйками.

Мы были тогда на публичной площади, малаи Мафанской, прелестномъ лугѣ, отѣненномъ прекрасными деревьями, гдѣ во время торжественныхъ праздниковъ сбирается все народонаселеніе Тонга-Табу. Когда капитанъ Дюрвиль напалъ на Мафанга, главная квартира Тагофа была на этомъ лугу. Лучшіе его воины стояли здѣсь, позади громаднаго фиговаго дерева. Но первое ядро сломало огромную вѣтвь дерева, и дикари разбѣжались съ отчаяннымъ крикомъ.

Осмотрѣвши Мафанга, простился я съ Фака-Фануа, заплативъ за его ласковость нѣсколькими бездѣлками, и снова послѣдовалъ за Синглетономъ, который хотѣлъ показать мнѣ селеніе Нугу-Нугу, мѣсто пребыванія туи-тонга-фафине. Прежнее произрастаніе, прежнія громады деревьевъ встрѣчались намъ по дорогѣ. Въ самомъ густомъ мѣстѣ лѣса остановился Синглетонъ. «Здѣсь», сказалъ онъ, «былъ убитъ дикарями Французъ, капралъ съ корабля Дюрвилева. Но, вообразите, какая была это неосторожность! Девятнадцать человѣкъ пошли въ этотъ лѣсъ, гдѣ могли засѣсть пять сотъ дикарей. Отважность безъ толку! Будь туземцы немного ловчѣе, они перерѣзали-бы всѣхъ своихъ непріятелей.»

Селеніе Нугу-Нугу, куда пришли мы, также сохраняло память о ссорѣ Дюрвиля съ дикарями. Французы тогда выжгли его. Съ того времени оно опять выстроилось вполнѣ, и теперь показывало видъ довольства и благосостоянія. Безъ сомнѣнія,

житье здѣсь старой туи-тонга-фафине немало этому споспѣшествовало. Отъ времени до времени, хитрый Тагофа посѣщаетъ эту старуху, единственную наслѣдницу религіозной власти на Тонга-Табу. Онъ ловко умѣлъ ее заставить усыновить его родное дитя, мальчика семи, или восьми лѣтъ, которому достанется потомъ вся власть надъ островомъ.

Будущій властитель находился у старой туи-тонга-фафине, когда Синглетонъ привелъ меня къ ней. Это былъ красивый дикарёнокъ, обвернутый лоскутомъ ткани, который оставлялъ голыми руки его и грудь. Все великолѣпіе и украшеніе одежды его состояло въ ожерельи изъ синихъ пронизокъ; голова его была выбрита по обычаю туземцевъ, и только на вискахъ видны были пуки завитыхъ, блестящихъ отъ кокосоваго масла волосовъ. Едва пробыли мы нѣсколько минутъ, явился Тагофа. Мой любезный *офа* совсѣмъ непоказался теперь ласковъ со мною, какъ будто забылъ нашу мѣну именами. Онъ явился озабоченнымъ, занятымъ, вступивши въ хижину съ множествомъ своихъ мата-буле и едва замѣчая меня, прямо пошелъ къ своему сыну, простерся ницъ передъ нимъ, взялъ ногу ребенка, положилъ ее къ себѣ на затылокъ и пробылъ нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи. Такой обрядъ называется *мое-мое*, или цѣлованіе ноги, и подобное обожаніе воздаютъ только одному туи-тонга. Едва кончилъ свое поклоненіе эгуи, всѣ мата-буле слѣдовали его примѣру, и ребенку недавали играть, безпрестанно

развлекая его цѣлованіями ногъ, при каждомъ приходящемъ.

Такъ требовала политика Тагофа, и чтобы освятить власть въ глазахъ другихъ, онъ первый подчинился ей. Онъ, Наполеонъ острова, самый могучій воинъ, самый уважаемый старшина подвергалъ свою гордость обряду смѣшному и унизительному, потому, что онъ хитро разсчелъ дѣйствіе этого обряда на толпу народа, и тѣмъ упрочивалъ свою существенную власть и силу. Никто изъ туземцевъ немогъ послѣ сего уклониться отъ мое-мое, исключая только туи-тонга-фафине, названную матѣ сына Тагофа, старшую его по титулу. Настоящая мать ребенка, дочь Палу и жена Тагофа, уравнивалась со всѣми въ почтеніи ея сыну. Пришедши черезъ нѣсколько минутъ послѣ мужа своего, она исполнила почтительно свое поклоненіе. Она была красивая дикарка, съ волосами блестящими отъ кокосоваго масла, нагая до пояса, закрывши остальное тѣло широкою понявою, завязанною по поясу.

Намѣреніе Тагофа было очевидно. Онъ хотѣлъ замѣнить на Тонга-Табу республиканскій федерализмъ теократическою автократіею, возстановить туи-тонга, власть котораго могла-бы уравнивать всѣ мѣлкія притязанія старшинъ, и дать потерянное единство правленію, утратившему его. Въ глазахъ его, собственный его сынъ, туи-тонга-фафине, матабуле, жена, подвластные были только орудіемъ, посредствомъ коего достигалъ онъ своей цѣли, медленно, но вѣрно. Все предвидѣлъ

онъ и разсчелъ. Обезоруживая Палу, Тагофа женился на дочери этого, самаго опаснаго изъ своихъ соперниковъ. Съ тѣхъ поръ пользы ихъ сдѣлались общими. Глупый Лавака и робкій Тубо неимѣли ни ума, ни силы для противоборства. Только Гаша, начальникъ Гифо, храбрый воинъ и хитрый политикъ, могъ противиться системѣ преобладанія Тагофа. Но Гаша властвовалъ на другомъ краю острова, смирно, думая только о своей безопасности, незанимаясь тѣмъ, что дѣлается за предѣлами Гифо, впрочемъ уже старый и помышляющій о поддержаніи настоящаго порядка вещей только на время жизни своей. Тагофа понималъ все это и непрогалъ Гаша. Вліянія другихъ старшинъ были и остаются ничтожны.

Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ юный Тагофа, вѣроятно, увидитъ, благодаря настойчивой хитрости отца своего, званіе пуи-тонга, и всѣ выгоды, соединенныя съ этимъ званіемъ, въ своихъ рукахъ. Никакое мѣстное препятствіе, кажется, неотвратитъ этого слѣдствія, если только постепенное распространеніе христіанства невоспротивится замыслу. Если Тонга обратится въ христіанство, по примѣру Таити, званіе великаго первосвященника, обрядъ мое-мое, капищи готуа, все политическое образованіе острова — все это изчезнетъ, уравняется, измѣнитъ направленіе, видъ и форму. Возвеличеніе своего рода, о которомъ мечтаетъ Тагофа, медленно приготовляя его, уступитъ мѣсто полудикому, полу-Европейскому правленію, которое

видимъ на Таити и Гаваяхъ. Спрашась подобныхъ слѣдствій, Тагофа спремится предупредить ихъ, и потому-то онъ объявилъ себя самымъ дѣятельнымъ пропивникомъ истинной религіи, отвергаетъ всѣ предложенія Миссіонеровъ, и готовъ-бы гнать и преслѣдовать ихъ, если-бы небоялся. Можно быть увѣреннымъ, что сообразивъ выгоды общественныя съ благимъ намѣреніемъ просвѣтить дикарей свѣтомъ Евангелія, и употребляя во благо честолюбивые замыслы Тагофа, Миссіонеры всего скорѣе могли-бы успѣть. Но всякое другое средство едвали неостанется пищетнымъ. Холодный честолюбецъ рѣшится по разсчету даже и на добро — но ко всему другому глухи душа его и сердце.

День склонялся къ вечеру. Пользуясь отливомъ, я перебрелъ, почти по колѣно въ водѣ, отъ одного къ другому, на островки *Онеата*, *Манима* и *Пангаи-Моду*, гдѣ ожидала меня шлюпка, и угостилъ потомъ на кораблѣ спутника и путеводителя моего Синглетона.

Во все время моего отсутствія, мой любезный Пендлетонъ былъ въ большихъ заботахъ. Посѣщеніе Миссіонеровъ и необыкновенный обѣдъ, которымъ надобно было угостить капитанскаго офа, или друга, Палу, заняли цѣлый день. За то знаменитый эгуи былъ отъ обѣда въ такомъ восторгѣ, что на другой-же день хотѣлъ заплатить за праздникъ праздникомъ, за угощеніе угощеніемъ. Меня пригласили вмѣстѣ съ другими, и хотѣли доставить намъ всѣ роды забавъ и увеселеній. Лейтенантъ Ренибовъ долженъ былъ отправиться съ

нами, но Филипсу предписывалось остаться стражемъ корабля. Пендлетонъ невѣрилъ никакой дружбѣ дикарей. Палу, сдѣлавшись нашимъ Амфитріономъ, былъ замѣненъ въ аманатствѣ Тагофа, который остался на кораблѣ. Пендлетонъ нехотѣлъ измѣнить однажды сдѣланнаго договора, и — мы увидимъ въ послѣдствіи, что онъ имѣлъ на то вѣрныя причины.

Въ 8-мь часовъ утра поплыли мы къ Муа, въ нашей китоловкѣ. Обогнувши съ сѣвера Пангаи-Моду, мы вошли въ обширный лагунъ, который окружаетъ сѣверная часть Тонга-Табу. Прелестно и удобно плаваніе по этому бассейну, покрытому зелеными островами и опороченному рядами кокосовъ. Мы пристали подлѣ жилища, которое долго занималъ миссіонеръ Лоурей (Lowry), подлѣ огромнаго фиговаго дерева, и въ которомъ теперь устроенъ сарай для лодокъ и Англійской китоловки, принадлежащей Палу.

Важно и почтительно принялъ насъ Палу при входѣ въ его жилище. Окруженный своими матабуле, онъ приказалъ готовиться къ неизбѣжной кавѣ, а между тѣмъ, въ ожиданіи большаго обѣда, каждый былъ свободенъ въ выборѣ своего занятія. «Пойдемте взглянуть на здѣшнія фаи-тока,» сказалъ мнѣ Пендлетонъ — « они почитаются лучшими на всемъ островѣ.» Синглетонъ повелъ насъ. Первый, который мы увидѣли, составлялъ гробницу знаменитаго Финау, прославленнаго разсказами Кука. На немъ, среди прямоугольника, складеннаго изъ камней и окруженнаго дерномъ, можно

было замѣтить посрединѣ, развалины молельни. Слѣдующій за тѣмъ былъ семейный памятникъ, гдѣ похоронены останки Тугу-Аго, брата его Тубо-Малоги и сына Тубу-Тоа. Немного далѣе увидѣли мы гробницу Тафоа, дѣда Муи-Муи, и сестры его Фучи-Пала. Такимъ образомъ, рядомъ положены были здѣсь всѣ знаменитые особы острова, и надгробные памятники ихъ представляли пуземную исторію. Несмотря на тщательное стараніе, произрастаніе разрушаетъ безпрерывно сіи надгробныя зданія; кустарникъ покрываетъ и уничтожаетъ ихъ. Нѣсколько статуекъ деревянныхъ видно было тутъ, но, какъ уже говорилъ я, имъ непридавали никакого особеннаго, религіознаго почтенія.

Далѣе осмотрѣли мы фаи-токи Фапа-Файскія, древнихъ духовныхъ властителей острова. Нѣкогда надзираемые тщательно, усаженные величественными деревьями, покрытые красивымъ дерномъ, они запущены теперь, съ тѣхъ поръ какъ муи-тонга оставилъ Тонга-Табу. Всѣ строенія, окружавшія погребальницы, разваливаются, всѣ загородки, столь тщательно хранимыя прежде, уничтожаются силою чуждаго произрастанія. Нѣкоторые изъ памятниковъ совсѣмъ закрыты кустарникомъ, другіе погребены въ немъ до половины, и ни одного невозможно теперь разсмотрѣть въ его полнотѣ. Одинъ изъ лучше-сохранившихся представляетъ еще теперь строеніе прямоугловое, восходящее уступами до маленькой ниши, гдѣ предполагается пребываніе души муи-тонга.

Камни, составляющіе сей надгробный памятникъ, простираются до 20-ти футовъ въ длину и 6-ти, и 8-ми футовъ въ поперечникѣ. Внутренность набита землею и голышами. У самаго возвышеннаго изъ памятниковъ пять рядовъ ступеней, такъ, что высота его доходитъ до 20-ти футовъ. Въ одномъ измѣренномъ мною фаи-тока нашелъ я прямоугольникъ 180 футовъ въ длину и 120-ть въ ширину. На камнѣ, кончащемъ его къ верху, было, сказываютъ, мѣсто для туи-тонга-фафине, когда она присутствовала при похоронахъ туи-тонга. Нѣкоторыя изъ гробницъ, менѣе другихъ обширныя, представляютъ овальную, или эллиптическую форму.

Всѣ сіи огромныя произведенія зодчества, предполагая довольно значительныя свѣдѣнія въ счетникѣ, механикѣ и зодчествѣ, суть неоспоримыя доказательства нѣкогда бывшаго здѣсь, древняго образованія. Со времени воздвиженія этихъ гробницъ дикари явно упали. Пропалъ-ли у нихъ вкусъ къ искуствамъ, или религіозный фанатизмъ ихъ погасъ отъ удаленія духовныхъ начальниковъ, но только нынѣ дикари уже нестроятъ фаи-токовъ. Послѣдній изъ Финау, какъ говорятъ, перенесъ погребалища царскія на Вавао, и по его повелѣнію поставлены тамъ два памятника, одинъ для послѣдняго умершаго туи-тонга, другой для отца его. Но на Тонга-Табу время такихъ построеній прошло. Самымъ знаменитымъ начальникамъ едва воздвигаютъ небольшіе *tumulus*, или четыреугольники, покрытые дерномъ и окруженные коралловыми каменьями.

Когда кончили мы обозрѣніе наше и возвратились въ жилище Палу, пиръ былъ уже готовъ, и всѣ мы присѣли къ столу. Какъ всегда, началось жареною свининою, составляющею основаніе обѣда. Мы ѣли ее со всѣмъ аппетитомъ людей, прогулявшихся на воздухѣ, употребляя иньямы и бананы печеные вмѣсто хлѣба. Но Палу готовилъ намъ удивленіе. Самый искуснѣйшій изъ поваровъ преземныхъ, имъ вызванный, составилъ для насъ угощеніе, достойное трапезы великаго властителя. Всѣ соусы, всѣ приправы появились передъ нами. Прежде всего подали *ваи-уфи*, иньямы, вареные и смѣшанные съ молокомъ кокосовыхъ орѣховъ; потомъ *ваи-чи*, родъ желе изъ *ма* и сока корня *чи*, далѣе *бобои*, особенное приготовленіе тѣхъ-же веществъ; *лу-лолои* и *лу-еффеніу*, листья таро, переваренныя и поджаренныя съ сокомъ кокосовыхъ орѣховъ; *тао-гуту*, родъ пирожковъ, изъ корня *магоа* и кокосоваго орѣха; *ве-гало*, молодые кокосовые орѣхи, сваренные въ ихъ молокѣ, и наконецъ *аутаи*, внутренность молодыхъ кокосовыхъ орѣховъ и сокъ корня чи, смѣшанныя съ кокосовымъ молокомъ, и проч. и проч.

Всѣ эти кушанья предлагались на банановыхъ листахъ. Передъ каждымъ ставили его порцію и онъ съѣдалъ ее отдѣльно. Служители обносили гостямъ чашки съ водою и кокосовымъ сокомъ. Желая почтить насъ особенно, знаменитый Палу велѣлъ достать на сей разъ бутылку стараго рому, подарокъ какого нибудь Европейца, но такъ

скупъ былъ онъ на эту щедрость, что ромомъ своимъ поподчивалъ только Пендлетона и меня.

Послѣ обѣда оставались мы свободны, и по рѣшенію Пендлетона отправились съ визитомъ къ Тамагѣ. Это была сестра изгнаннаго туи-тонга, но, несмотря на остракизмъ брата, уважаемая на островѣ, какъ знаменитая особа. Только она одна оставалась теперь представителемъ могущаго и великаго рода Фата-Фаи. Ее звали Фака-Кана, и она жила въ прелестной хижинѣ на морскомъ берегу, въ селеніи Палеа-Магу. Насъ приняла она, окруженная своими родственниками и прислужницами, чрезвычайно предупредительно. Выраженіе лица ея было благородно, кротко, добро, привлекательно, хотя она считала себѣ за шестдесятъ лѣтъ. Всѣ мореплаватели, посѣщавшіе островъ здѣшній, были ей знакомы и вѣдомы. Она помнила Кука, Валлиса, Лаперуза, Блея и Антркасто. За три года до нашего прибытія, ее посѣщалъ капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль, и ей одолженъ онъ былъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ, что Лаперузъ, прежде погибели своей близъ Ваникоро и черезъ нѣсколько дней послѣ своего отбытія изъ Ботани-Бея, останавливался у Намука. Подтверждая это обстоятельство, почтенная старушка присовокупила къ этому разсказъ о битвѣ дикарей Намукскихъ съ Французами, утверждая, по извѣстіямъ туземцевъ, будто Французъ, убитый ими, самъ былъ виноватъ и обманулъ ихъ въ промѣнѣ.

Подлѣ Тамаги находились двое изъ ея младшихъ братьевъ, и близъ ихъ молодой человѣкъ,

по имени *Лату*, сынъ ея старшей сестры. По этому преимуществу, Лату считался знатнѣе своихъ дядьевъ, хотя они и были старше его годами. Они обязаны были воздавать ему почести поклоненія мое-мое.

Возвращаясь изъ гостей отъ Тамаги, подлѣ источниковъ туи-тонга увидѣли мы чудовищное дерево, изъ рода *ficus*, называемое дикарями *меа*. Возвышенное на морскомъ прибрежьи, простирая часть вѣтвей своихъ на морскія волны, оно закрываетъ своею тѣнью значительное пространство, и исполинскими размѣрами составляетъ почти цѣлый лѣсъ. При посредственной высотѣ, безмѣрный пень его слился, кажется, изъ множества раздѣльныхъ стволовъ! По измѣренію Дюмонъ-Дюрвиля, цѣльно-ли выросшій, или составной изъ многихъ, онъ неменѣе 100 футовъ въ окружности. Вышину всего дерева можно положить въ 120 футовъ, а одна изъ вѣтвей, висящихъ надъ моремъ, будетъ въ толщину до 18-ти футовъ. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что пень, несмотря на его огромность, можно почесть цѣльно выросшимъ. Дерево это, исполинское, какъ власть туи-тонга, было особенно посвящено ему. Послѣ своего воцаренія, властитель острова всегда садился подъ его тѣнью. Окруженный своими чиновниками, онъ исполнялъ тутъ предписанный церемоніялъ, пока туи-тонга-фафине омывалась въ ближнемъ источникѣ, при пособіи нѣсколькихъ своихъ прислужницъ. Въ источникѣ этомъ никто, кромѣ ея, несмѣлъ мыться, подъ смертною казнью.

Но теперь завѣтный источникъ оскверненъ, потому, что небытіе туи-тонга разрушило запрещеніе.

Возвратясь въ селеніе Муа, мы обходили по хижинамъ его, гдѣ видѣли дикарокъ, занятыхъ приготовленіемъ тканей. Однѣ искусно сдирали корку съ молодыхъ вѣточекъ *бруссонетіи*, и скребли ихъ потомъ раковинами; другія перегибали очищенныя вѣточки въ противную сторону противъ естественнаго ихъ перегиба, и клали ихъ мокнуть въ водѣ. Потомъ растягиваютъ ихъ на пнѣ древесномъ, служащемъ вмѣсто верстака, и бьютъ ихъ небольшимъ призматическимъ молоткомъ, съ четырьмя сторонами, которыя иногда гладки, иногда съ полосками. Отъ времени до времени вѣточки перегибаютъ на пнѣ, растягиваютъ и бьютъ снова. Потомъ, когда уже доведены онѣ бываютъ до надлежащей степени тонкости и крѣпости, сушатъ ихъ. Длина тканей, по нашему замѣчанію, составляетъ отъ 5-ти до 6-ти футовъ, при ширинѣ въ половину, но бываютъ куски гораздо болѣе. Въ естественномъ состояніи ткань бѣлаго цвѣта; особенными способами лакируютъ и красятъ ее. Для этого растягиваютъ ее по широкой доскѣ, гдѣ положенъ густой слой волокнистыхъ веществъ. Красильщица мочитъ тряпку въ растворѣ *коковой коры*, и водитъ ею по ткани, которая принимаетъ отъ этого темный и блестящій цвѣтъ. Такъ продолжается, пока вся ткань будетъ окрашена. Обыкновенно оставляютъ полосу по каждому краю, и гораздо шире полосу на обоихъ кон-

цахъ, некрашеными. Черную краску добываютъ дикарки смѣшивая сажу изъ маслянистаго орѣха *тутуи* (aleurites triloba) съ сокомъ *кока*. Ткани здѣшнія лучше Таитскихъ, по своей прочности и хорошему цвѣту; потому сопутники Кука упопребляли ихъ на обмѣнъ другимъ Полинезійцамъ.

Изъ хижины въ хижину бродилъ я, стараясь схватить на мѣстѣ замѣтки о нравахъ жителей, привычкахъ, домашней жизни и занятіяхъ промышленныхъ. На каждомъ шагу попадалась мнѣ какая нибудь особенность: здѣсь мать брила голову своему сыну рекиновымъ зубомъ, и такъ-же ловко, какъ дѣлалъ-бы это Турецкій цырюльникъ своими бритвами; тамъ совершали домашнюю каву; далѣе видѣлъ я ловлю мышей; тамъ вязанье сѣтей рыболовныхъ — вездѣ что-нибудь любопытное и замѣчательное. Вообще женщины показались мнѣ здѣсь скромнѣе и стыдливѣе, нежели на всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ островахъ. Конечно, имъ трудно было удерживаться отъ обольщенія подарковъ, но онѣ небросались на безстыдный торгъ. Впрочемъ, спасительное опасеніе ихъ удерживало; многими опытами узнали здѣсь, какими бѣдствіями сопровождается близкое сношеніе съ Европейскими матрозами, и съ ужасомъ отказывались дикарки отъ самыхъ увлекательныхъ приманокъ.

Какъ всѣ прежніе путешественники, и я скоро замѣтилъ, что почти у всѣхъ островитянъ здѣшнихъ отрубленъ суставъ мизинца, у иныхъ даже два сустава, и рѣдкіе изъ дикарей сохраняли его вполнѣ. Странный этотъ обычай называютъ здѣсь

туту-нима. Его исполняютъ въ случаѣ болѣзни какого нибудь близкаго родственника, и такою жертвою надѣются обезоружить гнѣвъ боговъ и доставить больному выздоровленіе. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ подобнаго событія; оно совершилось въ хижинѣ, гдѣ находился умирающій островитянинъ. Дѣти, плачущіе вокругъ него, казалось, старались умѣньшить его жестокую болѣзнь своею скорбью, а маленькая дѣвочка, лѣтъ семи, показывала молодому дикарю, чтобы онъ взялся за топоръ; она рѣшилась отрубить себѣ часть мизинца для спасенія своего бѣднаго отца. Дикарь повиновался; страдалицѣ протянули ученку на обрубкѣ дерева, и отъ одного удара суставъ мизинца отлетѣлъ у нея далеко. Дѣвочка даже неохнула, но только, чтобы остановить текущую кровь, всунула изувѣченную руку въ дымъ какой-то нарочно зажженной травы. Обыкновенно отъ этого средства заживаетъ рана сутокъ въ двое.

Почти при каждой тяжкой болѣзни близкаго роднаго совершаются подобныя жертвы. Послѣ двухъ первыхъ суставовъ обоихъ мизинцевъ можно рубить суставы другихъ пальцевъ, и какъ я говорилъ уже, это считается самымъ обыкновеннымъ и простымъ дѣломъ между дикарями, къ которому приступаютъ они безъ малѣйшей боязни и жалобы. Пока небыло имъ извѣстно желѣзо, они совершали операцію острымъ камнемъ, или раковиною.

Далѣе, на Муаской малаи, увидѣлъ я двухъ эгуи здѣшнихъ, горячо занятыхъ игрою въ *лагви*. Эта

игра любимое развлеченіе начальниковъ, и даже самъ важный Палу спрасшный до нея охотникъ. Удержанный на нашемъ кораблѣ аманатомъ, съ ушра до вечера занимался онъ ею съ своимъ маша-буле, игрокомъ по неволѣ. Вотъ что значитъ леагви: два игрока садятся одинъ противъ другаго, каждый имѣя въ лѣвой рукѣ по пяти маленькихъ палочекъ. Начинающій игру долженъ сдѣлать свободною рукою одно изъ трехъ предписанныхъ движеній, а именно: поднять руку открытую, сжатую въ кулакъ, или сжатую, но съ отогнутымъ указательнымъ пальцемъ. Противникъ долженъ немедленно повторить тоже самое. Если онъ ошибся, то платитъ немедленно одну палочку, а если угадалъ, ему чередъ играть. Кто проигралъ всѣ палочки, тотъ потерялъ партію. Иногда въ леагви играютъ въ-четверомъ, сторона на сторону. По описанію, вы видите, что эта Океанійская забава весьма походитъ на Провансальскую и Неаполитанскую *мурру* (mourre).

Но, повѣрите-ли, что не этимъ только обычаи на Тонга походятъ на обычаи нашихъ южныхъ областей Европы? *Фана-калаи* называется здѣсь ловля птицъ, помощію приманки птицею. Охотникъ становится съ оружіемъ въ засадѣ, откуда можно разглядывать подбѣгающую добычу. На виду выставляютъ птицу изъ рода *калаи*, самца — это родъ гагары. Онъ привязанъ за лапку, сильно бьется, хлопаетъ крыльями, а между тѣмъ въ клѣткѣ неподалеку сидитъ самка и зоветъ его. На шумъ

и призывъ сбѣгается множество калаи, и охотникъ бьетъ ихъ стрѣлами, или изъ ружья.

Пока продолжалъ я по селенію любопытный обзоръ странныхъ нравовъ и обычаевъ здѣшнихъ, Палу приготовилъ намъ праздникъ по всѣмъ правиламъ. Толпа народа собралась на малаи, когда я занялъ почетное, оставленное мнѣ мѣсто.

Первоначальное увеселеніе являло что-то воинственное. Тридцать дикарей, вооруженныхъ дубинами, пришли въ ограду и производили разныя движенія, въ порядкѣ и ловко. Они удалились потомъ и стали по обѣ стороны позорища. Изъ одного ряда ихъ вышелъ воитель и призывалъ противника. Онъ явился изъ другаго ряда и соперники начали бой. Одна за другою, всѣ пары дикарей сцѣпились такимъ образомъ. Каждый изъ побѣдителей подходилъ къ Палу, кланялся ему въ землю, вставалъ потомъ и удалялся. Старики, родъ судей боя, провозглашали торжество каждаго, и всѣ зрители повторяли съ шумнымъ восторгомъ имена ихъ.

Промежутки этого турнира были наполнены сценами кулачнаго боя и борьбы, весьма краткими, чтобы развлечь только вниманіе зрителей. Мнѣ особенно понравились при всѣхъ этихъ битвахъ доброе согласіе и веселость противниковъ; они безпрестанно хохотали. Между тѣмъ многіе получали удары столь сильные, что удалялись облитые кровью, и несмотря на то не переставали смѣяться. Съ своей стороны побѣдители непоказывали ни малѣйшей гордости, скромно довольствуясь

сивуясь своимъ торжествомъ, и вовсе недумая хвастать.

Нестоль поучительное зрѣлище представила намъ схватка двухъ дикарокъ, которыя начали награждать себя ловкими кулаками, имѣя на рукахъ повязки, въ родѣ сесты. Но битва продолжалась немного. Одна изъ сражавшихся объявила себя побѣжденною, и восклицанія толпы поздравили другую.

Съ битвъ перешли къ пляскѣ. Палу отдалъ приказъ начать *гейву*. Арена боя превратились въ бальную залу. Двадцать музыкантовъ явились съ отрубками бамбука, вмѣсто всякихъ инструментовъ. Означая мѣру, каждый билъ по землѣ своею бамбуковиною, издававшею звукъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ длиннѣе была палка. Для прошивоположности, прое музыкантовъ живо ударяли въ свои *нафа*, издававшіе рѣзкій и шумный звукъ. Эти нафа родъ барабана, цѣльный отрубокъ дерева, отъ 2-хъ до 4-хъ футовъ длины, соразмѣрной толщины, полупустой, ибо у него выдолблена средина въ двѣ трети его длины. Дикари бьютъ по нафа двумя цилиндрическими, изъ крѣпкаго дерева, длинными въ два фута палочками. Впрочемъ, только половина оркестра имѣла нафа и бамбуковины; другіе пѣли.

Начались пляски. Четыре отдѣленія по двѣнадцати дикарей вышли на сцену. У каждаго въ рукахъ былъ маленькій пагай, изъ тонкаго и легкаго дерева. Плясуны выкидывали этими пагаями красивыя и увлекательныя штуки, то обращая па-

гаи направо и налѣво, и наклоняя въ тѣ стороны тѣло свое, то быстро перевертываясь на другую сторону, то перекидываясь ими изъ рукъ въ руки съ чудною быстротою. Важная и спокойная въ началѣ, пляска оживлялась постепенно. Сами плясуны начали пѣть, и хоръ музыкантовъ вторилъ ихъ речитативу. Наконецъ, въ круговомъ, окончательномъ tutti, актеры, оркестръ и зрители соединили свои голоса, въ оглушительномъ ревѣ.

Плясуны дѣлали потомъ еще нѣсколько фигуръ, то вмѣстѣ, то порознь. Они смѣшивались, соединялись, перемѣняли мѣста, дѣлились снова, уравнивали движенія взаимно, сходились, удалялись и окончили родомъ общаго круга.

Во второй пляскѣ, оркестръ составляли два барабана и двадцать музыкантовъ. Плясуны на сей разъ расположились въ два ряда, одинъ, состоявшій изъ 13-ти человѣкъ, другой изъ 2-хъ только. Канонъ-Гата, старшій сынъ Палу, красивый молодой человѣкъ, какъ почетное мѣсто, занялъ средину перваго ряда. Все это плясало потомъ и пѣло пѣсню, около четверти часа. Движенія безпрерывно измѣнялись; то шла мѣра тихая и важная, то шумная и быстрая. Плясуны схватывали ее и слѣдовали за нею, съ такою точностью, какъ будто одна воля одушевляла тѣла ихъ. Потомъ показалась еще третья толпа, ставшая въ три ряда. Одинъ изъ дѣйствующихъ проговорилъ прологъ, на который отвѣчали его товарищи, какъ въ междудѣйствіяхъ Греческаго театра. Пѣніе пе-

рекликалось послѣ сего съ оркестромъ мѣрными куплетами. При нѣкоторыхъ выходкахъ, плясуны вертѣли пагаями на тысячу манеровъ, красиво и быстро. Зрители отвѣчали имъ кликами: *Malie, malie! Фан-фогу* (хорошо, хорошо! еще)! Послѣ нѣсколькихъ переходовъ и новыхъ движеній, и эти плясуны, въ свой чередъ, стали по сторонамъ театра.

Всѣ различныя пляски, видѣнныя нами до сихъ поръ, называются общимъ именемъ, *меи-тау-пагуи* ибо ихъ исполняютъ съ пагаями, называемыми *пагуи*. Маринеръ говоритъ, что всѣ сіи увеселенія первоначально были изобрѣтены на островѣ Ніуга. Самобытная хореграфія Тонга-Табу неуступитъ тамошней ни разнообразіемъ, ни славою. Намъ хотѣли теперь показать *бу-меи*, или ночныя пляски, совершенно туземнаго, здѣшняго происхожденія. Было уже восемь часовъ вечера, и вскорѣ всѣ углы малаи убрали горящими факелами.

Заигралъ оркестръ, сливая, по обыкновенію, тихіе, медленные звуки бамбука съ рѣзкими звуками нафы, изъ чего составлялась странная и дикая разноголосица. На призывъ ея бросились двадцать молодыхъ дикарокъ, красивыхъ, полунагихъ, съ головною уборкою изъ Китайскихъ розъ и другихъ алыхъ цвѣтовъ, съ листвяными вязанками по головѣ и по шѣлу. Окруживъ музыкантовъ, запѣли онѣ унылыя, нѣжныя пѣсни, сопровождая ихъ красивыми движеніями, то подымая руки выше головы, то складывая на обнаженной груди своей. По временамъ прыгали онѣ впередъ, на одной ногѣ, и

тихо перегибались, подражая фигурѣ волны. Наконецъ весь хороводъ обернулся къ зрителямъ, пошелъ къ нимъ мѣрными шагами, и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи. Двѣ плясуньи отдѣлились, окружили сцену въ противоположную сторону и стали близъ хоровода. Другія подражали имъ въ этомъ, и всѣ сошлись въ кругъ около музыкантовъ. Типъ фигуры плясокъ сдѣлались живѣе— это былъ контрадансъ послѣ менуэта; главныя плясуньи вертѣлись, хлопали руками, щелкали пальцами, и притомъ еще пѣли. Но пѣніе умолкало каждый разъ, когда движенія становились быстрѣе и живѣе. Изъ скромныхъ движеній являлись болѣе и болѣе свободныя, и вотъ что называется здѣсь *бу-мен*, ночныя пляски, совершенно похожія на тѣ, какія видѣлъ и описалъ Кукъ.

Послѣ этихъ дикихъ баядерокъ явилось 15-ть мужчинъ, одни молодые, другіе уже въ лѣтахъ, но неменѣе молодыхъ легкіе и сильные. Толпа эта повторила почти все то, что дѣлали молодыя дикарки, становясь подлѣ оркестра, такъ, что одни плясуны глядѣли въ одну, другіе въ другую сторону. Пѣніе, движеніе, волнообразные изгибы были здѣсь представлены сильнѣе и рѣзче. Ускореніе окончательныхъ движеній было таково, что у насъ, зрителей, закружились головы.

Но забавы наши этимъ еще некончились. Дѣло шло о чести Палу, и онъ рѣшился истощить для насъ весь реэстръ туземныхъ увеселеній. За баломъ слѣдовала комедія. Явилось на сцену 12 ть человѣкъ—одинъ былъ актеръ, корифей, другіе хо-

ристы, фигуранты; онъ пѣлъ, остальные вторили. Послѣ сего началась какая-то непонятная для насъ пантомима. Девять женщинъ сѣли противъ насъ. Всталъ одинъ изъ сидѣвшихъ съ нами мужчинъ, и обоими кулаками ударилъ сидѣвшую съ краю женщину, потомъ другую, третью; четвертой былъ ударъ въ грудь. Тутъ вскочилъ другой дикарь, и такъ сильно треснулъ дубиною по головѣ драчуна, что онъ растянулся на землѣ. Его унесли, безъ всякаго вниманія, и другой дикарь окончилъ битье остальныхъ пяти женщинъ, кулаками по спинѣ. Послѣ того, битыя дикарки принялись плясать, но, видно, какъ нибудь неладно, потому что ихъ остановили, и со стыдомъ принуждены были онѣ переплясывать снова.

Эту нелѣпую и грубую сцену перервалъ приходомъ своимъ какой-то шутъ, и его остроты привели собраніе въ веселость. Слыша безпрестанно слово: *іурути*, и замѣчая, что онъ на насъ указывалъ, мы легко могли понимать, что шутъ смѣялся надъ нами, и что мы были предметомъ общаго хохота островитянъ.

Долго надобно-бъ было разсказывать вамъ о всѣхъ играхъ и пляскахъ, въ которыхъ актеры и актрисы образовывали собою раздѣльные и общіе круги, спутывались, распутывались, свивались, какъ длинныя ящерицы, и всегда соблюдали притомъ порядокъ и согласіе. Перейду къ послѣдней пляскѣ, аристократической, какъ видно, ибо самъ Палу непренебрегъ пристать къ ней, съ своими мата-буле и наличными эгуи. Складъ фигуръ былъ

почти прежній, но только частныя движенія дѣйствующихъ совершенно измѣнились. Они были также ловки и проворны, какъ и у предшествовавшихъ плясуновъ, только состояли въ движеніи головы съ плеча на плечо, такъ проворно, съ такою гибкостью, что можно было подумать, будто всѣ члены дикарей переломаны, какъ у нашихъ фокусниковъ и прыгуновъ. Одинъ акторъ явился послѣ всего, и его движенія были столь ловки, положенія столь выразительны, что даже и незнатокъ здѣшней мимики могъ угадать и поздравить въ этомъ кривлякѣ лучшаго изъ всѣхъ дикарей артиста. Можно было также замѣтить, что пляшущіе аристократы далеко превосходили пляшущихъ простолюдиновъ. Это было послѣднее выраженіе искуства Тонга-Табовъ, пляски и пѣнье на образецъ. Толстый, тучный Палу неуступалъ другимъ въ веселыхъ занятіяхъ. Потѣя ручьями, съ оживленнымъ взоромъ, тяжело дыша, онъ, казалось, звалъ на ошлику самыхъ молодыхъ и проворныхъ. За то все собраніе гремѣло въ честь великаго эгуи единодушными рукоплесканіями.

Было уже почти 11-ть часовъ по полудни. Пендлетонъ уже давно отправился домой, потому, что никакія увеселенія немогли изгладить у него памяти объ его Океаніи. Я остался, ужиналъ съ моимъ радушнымъ Палу, и сколько могъ удобнѣе расположился потомъ спать на рогожкахъ, какъ неприхотливый дикарь. Только вмѣсто деревянной подушки, обыкновеннаго изголовья островитянъ, я подложилъ подъ голову мой дорожный мѣ-

шокъ. Несмотря на усталость, и довольно безпокойныхъ мусшиковъ, ночь была проведена мною очень спокойно, какъ будшо я лежалъ въ моей Океанійской койкѣ. Стражи Палу храпѣли кругомъ меня. Самъ эгуи удалился въ свой гаремъ, отдѣлявшійся отъ моего ночлега рогоженною перегородкою.

На другой день, съ разсвѣтомъ, мнѣ надлежало выперпѣть несносную каву, и потомъ Палу велѣлъ готовить лодку, для доставленія меня на корабль. Приказаніе исполняли тихо и лѣниво, какъ будто лодочники нарочно искали предлоговъ къ промедленію. Напрасно обращался я къ Синглетону, къ Палу — дѣло казалось безконечнымъ, находились отговорки, и я неѣхалъ. Впрочемъ, я еще нисколько небеспокоился, потому, что Пендлетонъ располагалъ отправиться только на другой день. Но медленность была досадна, сердила меня. Мало по малу, мое вниманіе было поражено толпами дикарей, отвсюду сходившихся. Правда, пляски и забавы вчерашнія оправдывали стеченіе мужчинъ и женщинъ, но теперешнія толпы осшровишянъ состояли только изъ воиновъ, которые, какъ казалось, сходились отрядами, въ какомъ-то воинскомъ порядкѣ. Почти у каждаго видѣлъ я дубину въ рукахъ. Вскорѣ вся присшань прибрежная была усѣяна лодками, выплывавшими въ море.

Тутъ началъ я спрашиться какого нибудь вѣроломсшва. Прежнія дѣла здѣшнихъ дикарей, ихъ перемѣнчивое расположеніе къ мореплавашелямъ, ихъ нечаянныя нападенія на корабли, останавливавшіе-

ся донынѣ въ гаванях Тонга-Табу, столь недавнія еще битвы ихъ съ землякомъ моимъ Дюмонъ-Дюрвилемъ—все это пришло мнѣ въ голову. Я видѣлъ, что надобно дѣйствовать рѣшительно. «Что вы, злодѣй или нѣтъ?» вскричалъ я, ухвативши за-ворошъ Синглетона. Онъ испугался. «Я? — Нѣтъ, нѣтъ! вы ошибаетесь—я невиновашъ!» пробормоталъ онъ. — Изъясни-же мнѣ, что значатъ всѣ эти задержки, это воинское приготовленіе—лодки въ морѣ?—«Это изумляетъ меня самого, но, право, я незнаю причины—можетъ быть, они придумаютъ какое нибудь злодѣйство».. . — Хорошо! веди же меня къ Палу, и вѣрнѣе переводи мои слова.—Знаменитаго эгуи встрѣтили мы идущаго къ пристани. Я началъ говорить ему, такъ сильно, что онъ струсилъ. Лодку спустили на море. Я, Палу, Синглетонъ отправились въ ней, и — время уже было. Неожиданный сигналъ изъ пушки показывалъ, что мой Пендлетонъ уже готовъ къ отъѣзду. Вооруженная шлюпка плыла за мною, и самъ Филипсъ находился въ ней. Между тѣмъ Океанія поднимала якорь, и это быстрое рѣшеніе капитана было слѣдствіемъ замѣченной имъ, нежданной перемѣны обстоятельствъ. Утромъ аманатъ нашъ Тагофа убѣжалъ съ корабля, тихонько, вплавь, и ясно было, что его намѣренія были вредныя и хищническія. Изъ всѣхъ заливовъ и бухтъ острова являлись большія военныя лодки дикарей, и видимо, одна цѣль была назначаема ихъ движенію. Вѣроятно, что по сношеніямъ съ хитрымъ Тагофа, Палу долженъ былъ задержать меня въ плѣну. Но

у него недостало духа исполнить столь дерзкое предпріятіе, и онъ, казалось, былъ радъ, отдавши меня невредимымъ Филипсу. Никакихъ объясненій небыло. Только Синглетонъ прибавилъ къ своему прощанью слова: « Слава Богу, что такъ кончилось! »

Благополучно добрались мы до Океаніи. Предпріятіе дикарей теперь небыло для насъ опасно, при легкости нашего превосходнаго корабля и ловкости капитана и экипажа. Мы вышли изъ гавани, прежде нежели дикарскія флотиліи успѣли соединиться и помѣшать намъ. Тагофа могъ теперь на свободѣ преслѣдовать только взорами нашу Океанію, паруса которой живо надувалъ Ю. В. вѣтеръ, какъ будто волшебствомъ похищенную отъ безсильной вражды вѣроломца.

ГЛАВА LXVI.

АРХИПЕЛАГЪ ТОНГА. — ГЕОГРАФІЯ.

Надобно насчитать почти до сотни, если захотѣть исчислить всѣ острова и островки архипелага Тонгскаго, простирающагося на 200 миль отъ С. къ Ю., при средней ширинѣ отъ 50-ти до 60 миль, то-есть, отъ 18-го до 20-го градуса ш. южной, между 176—178° долг. западной.

Но архипелагъ сей необходимо дѣлить на три различныя купы — острова *Тонга* - собственно, на югъ, острова *Гапаи,* въ срединѣ, острова *Гафулу-Гу* на сѣверъ. Кромѣ того отдѣляется нѣсколько разсѣянныхъ острововъ.

Самая южная изъ всѣхъ этихъ земель островъ *Эоа,* который Тасманъ открылъ въ 1643 году, и назвалъ *Миддельбургъ.* Это земля средней вышины, довольно населенная, одиннадцать миль отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., и шириною 6-ть, или 7-мь миль. Форстеръ, обозрѣвавшій Эоа въ 1773 году, представляетъ плѣнительную картину его мѣстности и гостепріимныхъ нравовъ его обитателей. Буду-

чи лишенъ хорошаго якорнаго мѣста, онъ былъ рѣдко посѣщаемъ послѣ Кука. Прежде Эоа признавалъ власть шуи-тонга, но съ упадкомъ сего владычества, онъ повинуется властителю особенному. Вершина горъ на островѣ лежитъ подъ 21° 25′ ш. ю. и 175° 17′ долг. вост. — Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ острова Эоа небольшой островокъ, именуемый *Катао*.

Тонга-Табу, главный островъ всего архипелага, земля плодоносная, мало возвышенная, но покрытая богатымъ произрастаніемъ. Тасманъ былъ первымъ ея обрѣтателемъ и назвалъ ее *Амстердамъ*. Восмнадцать миль отъ В. къ З., при 12-ти миляхъ ширины, составляютъ пространство всего острова. Глубоко вырѣзанный къ сѣверу обширнымъ лагуномъ, островъ представляетъ по этому фигуру неправильнаго полумѣсяца. Вся сѣверная полоса окружена сверхъ того обширнѣйшею мѣлью, покрытою зеленѣющими островками. Самые замѣчательные изъ нихъ: *Атата, Пангаи-Моду, Онеата, Нугу-Нугу, Фафаа, Малиноа, Оневаи, Ногу* и *Тау*. За мѣлями, по берегу есть пристанища, довольно надежныя, но проходы къ нимъ трудны и опасны. Противъ восточнаго прохода, совершенно отдѣляясь отъ Тонга-Табу, есть маленькій островокъ, называемый *Эоа-Ти*, миля, или двѣ въ длину. — Прѣсная вода вообще рѣдка на здѣшней плоской землѣ, но копая до извѣстной глубины, находятъ ее годною для питья. Флора туземная богата, представляетъ нѣкоторыя сходства съ Меланезійскою, и имѣетъ нѣсколько видовъ, ко-

торыхъ нѣтъ въ Восточной Полинезіи.—Главнѣйшее дѣленіе острова прежде было слѣдующее: область *Гифо* на западъ, *Муа* въ срединѣ, *Гагуи* на востокъ, а *Лего* общее имя для южной части, необработанной и мало населенной. Съ изгнаніемъ туи-тонга, все это прежнее дѣленіе острова уничтожилось. Каждый округъ имѣетъ теперь своего старшину, и они сносятся между собою, такъ, что живутъ въ добромъ согласіи. Народонаселеніе Тонга-Табу опредѣляли различно. Англичанинъ Синглетонъ полагалъ его въ 20,000, Дюмонъ-Дюрвиль въ 15-ть, Валдегравъ въ 12,000. Миссіонеры насчитывали до 4000 жителей въ одномъ округѣ Гифо. Положительно только одно, что Тонга-Табу можетъ выставлять до 5000 воиновъ. Гавань Пангаи-Моду находится подъ 21° 8′ ш. ю. и 177° 33′ долг. зап.

Миляхъ въ 25-ти на сѣверъ отъ Тонга-Табу находятся два утеса, *Гунга-Тонга* и *Гунга-Гапаи*, отстоящіе одинъ отъ другаго мили на двѣ — маяки, показывающіе собою приближеніе къ великому острову, мѣста, только птицамъ небеснымъ доступныя, высокія скалы, увѣнчанныя кустарникомъ на ихъ вершинѣ. Подобно волканическимъ островамъ *Као* и *Тофуа*, они служатъ полезными указателями для мореплавателей. Болѣе южный изъ нихъ лежитъ подъ 20° 36′ ш. ю. и 177° 44′ долг. зап.

Купа *Гапаи*, длиною на 60 миль отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З., будетъ до 25, или 30-ти миль въ ширину. Она состоитъ изъ низкихъ острововъ, связанныхъ между собою непрерывною цѣпью мѣлей.

Вся эта купа признавала прежде власть туи-тонга, но теперь на каждомъ островѣ свой властитель, отдѣльно отъ другихъ имъ управляющій. Говорятъ, что христіанская вѣра тамъ утверждена и оказываетъ безпрерывные успѣхи. Всѣ сіи острова, лѣсистые и плодородные, населены болѣе или менѣе. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ отличить нижеслѣдующіе:

Лефуга, самый главный изъ всѣхъ, нѣкогда столица царя Финау I-го, шесть миль въ длину отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З., при трехъ миляхъ ширины. Положеніе: 19° 50′ ш. ю. и 176° 49′ д. з.

Намука, открытый Тасманомъ, въ 1643 году, и названный въ то время *Роттердамъ.* Я уже говорилъ о томъ, какъ онъ богатъ очаровательными мѣстоположеніями. Окружность его около 12-ти миль. Широта южная 20° 15′, долгота зап. 177° 19′

За тѣмъ слѣдуютъ — *Фоа, Вига, Гаано, Нинива, Футуна,* маленькіе, низкіе, лѣсистые островки, различной величины, отъ 4-хъ до 7-ми миль въ окружности. Остальное въ этой купѣ состоитъ изъ островковъ вовсе неважныхъ.

Народонаселеніе купы Гапайской неможетъ быть означено достовѣрнымъ образомъ. По соображенію войска, съ которымъ Финау I-й вышелъ отсюда для покоренія Тонга-Табу, можно положить его въ 10,000. Но въ такомъ случаѣ должно причислить сюда еще слѣдующія земли:

Тофуа, островъ, открытый Кукомъ, въ 1774 году, потомъ вновь видѣнный Маурелемъ въ 1781 году (тогда назвали его *San-Cristoval*), и нако-

нецъ видѣнный Лаперузомъ, Блеемъ и Эдуардсомъ. Онъ высокъ, лѣсистъ, населенъ, и дѣятельный волканъ высится на немъ. Прежде отсюда брали на весь архипелагъ базальтъ и куски лавы, изъ которыхъ дикари выдѣлывали острыя орудія. Тофуа считался священною землею, обителью морскихъ боговъ. Туземцы крѣпко вѣрили, что аккулы несмѣютъ приближаться къ плавающимъ въ волнахъ моря окрестъ ихъ острова. Маринеръ, осматривавшій волканъ Тофуйскій, говоритъ, что кратеръ его около 30 футовъ въ поперечникѣ. Изверженія его, болѣе или менѣе частыя, бываютъ иногда въ недѣлю три раза, иногда въ мѣсяцъ два раза. Всходъ на гору весьма труденъ, по причинѣ обгорѣлыхъ каменьевъ, покрывающихъ бока ея.

Къ Тофуа присталъ Блей съ своею шлюпкою, когда выбросили его бунтовщики на произволъ Океана. Вмѣсто того, чтобы снабдить припасами бѣднаго странника, дикари здѣшніе казались готовыми употребить насиліе, хотѣли задержать капитана и его спутниковъ, и только съ трудомъ, пожертвовавши однимъ матрозомъ, Блей могъ спастись. Несчастную жертву зарѣзали, и потомъ волокли до ближняго малаи, чтобы тамъ похоронить. Когда Маринеръ былъ потомъ на Тофуа, ему показывали мѣсто, гдѣ совершилось безчеловѣчное убійство, и дикари прибавляли, что повсюду, гдѣ волокли потомъ трупъ убитаго, трава завяла и никогда незеленѣла въ послѣдствіи. Окружность Тофуа около 12-ти миль. Положеніе: 19° 46′ ш. ю. и 177° 33′ д. з.

Као, открытый Кукомъ въ 1774 году, былъ видѣнъ имъ опять въ 1777 году, потомъ Маурелемъ въ 1781 году (и названъ имъ *Прекрасная гора, Monte-Hermoso*), наконецъ Лаперузомъ въ 1787 году. Это весьма возвышенный островъ, населенный, девять миль въ окружности. Положеніе: 19° 42′ ш. ю. и 177° 30′ д. з.

Латаи, открытый Маурелемъ въ 1781 году, былъ осмотрѣнъ въ 1787 году Лаперузомъ, и въ 1791 году Эдуардсомъ, который назвалъ его островомъ *Биккертона.* Это опять высокая земля, населенная, почти круглой фигуры, 6 или 7 миль въ окружности. Положеніе: 18° 47′ ш. ю. и 177° 30′ д. з.

Послѣдняя купа архипелага, Гафулу-Гу, состоитъ изъ двухъ большихъ острововъ, *Вавао* и *Пангаи-Моду,* и дюжины островковъ, кругомъ разбросанныхъ.

Вавао, открытый въ 1781 году Маурелемъ, назвавшимъ его *Mayorga,* былъ видѣнъ Лаперузомъ, потомъ Эдуардсомъ (который наименовалъ его островомъ *Гове*) и Малеспина. Этотъ островъ, самый обширный въ архипелагѣ, 20 миль длины, отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З., и 10-12 миль ширины. Какъ на Тонга-Табу, морской заливъ врѣзывается въ землю и даетъ здѣсь доброе пристанище. Мало неровный, Вавао представляетъ мѣстоположенія прелестныя, но внутренность его, осмотрѣнная Валдегравомъ, состоитъ, по разсказамъ сего мореплавателя, изъ земель совершенно необработанныхъ, покрытыхъ только лѣсами деревъ, лизеро-

нами, дикими иньямами и изгибистыми лианами. Потому Вавао населенъ менѣе Тонга-Табу. Основаніе острова мадрепоровое, хотя и примѣчаютъ въ немъ слѣды огненнаго дѣйствія. Здѣсь бывали прежде особенные старшины, признававшіе власть шуи-тонга, но въ началѣ сего столѣтія Финау I й покорилъ Вавау и соединилъ его съ своимъ Гапайскимъ царствомъ. Сынъ его, Финау II-й, отказавшись отъ другихъ владѣній, удовольствовался владычествомъ на Вавау. Въ 1830 году, Валдегравъ нашелъ здѣсь самовластнаго властителя, въ особѣ молодаго человѣка, лѣтъ 30-ти, называвшагося *Финау*, вѣроятно, сына, или племянника Финау II-го. Сей мореплаватель опредѣлялъ населеніе Вавао въ 6000 человѣкъ, но другіе полагаютъ его болѣе значительнымъ. Средина острова подъ 18° 41′ ш. ю. и 176° 20′ д. з.

Пангаи-Моду будетъ длиною отъ 7-ми до 8-ми миль, но онъ узокъ, отдѣляясь отъ Вавао длиннымъ проливомъ, по которому есть добрыя пристанища.

Изъ маленькихъ островковъ вокругъ Вавао должно упомянуть о *Таонга, Лека-Лека,* и особливо *Гунга,* славномъ потому, что тамъ есть чудесная пещера, послужившая нѣкогда убѣжищемъ двухъ любовниковъ, гонимыхъ жестокимъ довелителемъ. Вы припомните описаніе Байрона, въ его поэмѣ, гдѣ описалъ онъ бунтъ противъ Блея. Пещеру составляетъ пустота, футовъ 40 въ вышину и почти столько-же въ длину и ширину. Достигнуть въ пещеру нельзя иначе, какъ въ нижнее отверзтіе, 8-ми, или 9-ти

футовъ длиною, совершенно закрытое волнами. Любовники бросились въ море ища смерши, и открыли подводную эту пустоту. Теперь собираются тамъ иногда дикари и распиваютъ каву.

Въ нѣкоторомъ разстояніи на С. З. отъ Вавао находится *Амаргура*, послѣдній изъ острововъ, причисленныхъ къ Тонгскому архипелагу. Это возвышенная, населенная, но небольшая земля. Испанецъ Маурель открылъ ее въ 1781 году, и далъ ей упомянутое нами имя (печаль, скорбь). Эдуардсъ приставалъ сюда и переименовалъ островъ, въ 1791 году, *Гарднеромъ*. Туземное имя его неизвѣстно. Лежитъ онъ подъ 17° 57′ ш. ю. и 177° 20′ д. з.

Нѣкоторые изъ географовъ присоединяютъ еще къ Тонгскимъ островъ *Пильстартъ*, небольшую землицу, три, четыре мили въ окружности, льё въ 30-ти, или далѣе, на югъ отъ Тонга-Табу, высокую, лѣсистую. Тасманъ открылъ ее въ 1643 году, Кукъ видѣлъ въ 1773-мъ, Маурель въ 1781 году, и назвалъ *Сола*. До 1819 года почитали ее необитаемою, но тогда Фрейсине, плывя довольно близко около береговъ, замѣтилъ лодки и жителей. Безъ сомнѣнія, дикари здѣшніе принадлежали къ племенамъ Тонгскимъ, но небыли-ль это рыбаки наѣздомъ, или плаватели, сбившіеся съ пути противными вѣтрами? Положеніе острова: 22° 30′ ш. ю. и 178° 24′ д. з.

Тонгскій архипелагъ составляетъ предѣлъ Полинезіи на западъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него къ западу находится уже архипелагъ Вити, первая земля Меланезійская; впрочемъ типъ Поли-

незійскій, какъ мы увидимъ, является еще далѣе, на нѣкоторыхъ изъ острововъ Ново-Гебридскихъ, на малыхъ островахъ Ротума, Тикопіа, Дуффъ, и проч. — Но всѣ эти отдѣленія суть маленькіе народцы, со всѣми признаками переселенія въ Меланезію. Окрестъ ихъ, за означеннымъ нами предѣломъ, царствуетъ и преобладаетъ поколѣніе Меланезское, на всѣхъ большихъ западныхъ островахъ, до самаго начала Малайскихъ поколѣній. Сосѣди острововъ Вити, острова Тонгскіе болѣе передали своего этимъ сосѣдямъ, нежели приняли отъ нихъ. Они полуобразовали Меланезскихъ варваровъ, незаразившись сами варварствомъ ихъ. Типъ Вити уступилъ типу Тонга.

Тонгскій архипелагъ, особливо островъ Тонга-Табу, поставленный на предѣлахъ жаркой зоны, наслаждается температурою ровною и умѣренною. По наблюденіямъ на кораблѣ Астролябіи, въ Апрѣлѣ и Маѣ, термометръ поддерживался между 23-26°, и правильные вѣтры много уменьшаютъ жаръ. Миссіонеры говорятъ, что климатъ здѣсь здоровъ и чистъ, а зимою, при южныхъ вѣтрахъ, онъ становится почти холоднымъ.

Пассатные вѣтры здѣшнихъ морей суть Ю. Ю. В. и В. Ю. В. — Но въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ иногда дуютъ вѣтры отъ С. З. и З. — Они производятъ бурную погоду, сопровождаемую дождями и сильными шквалами. Въ это время года Лаперузъ и Дюмонъ-Дюрвиль испытывали здѣсь грозные порывы противныхъ вѣтровъ. Почти всегда зыбь отъ Ю. З., производимая бурями высшихъ

мѣстъ Австральнаго Океана, установляетъ жестокій прибой на южныхъ берегахъ Тонга-Табу. Землетрясенія должны быть довольно часты на здѣшнихъ островахъ, ибо первые Миссіонеры, поселившіеся здѣсь въ 1797 году, чувствовали ихъ три раза въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Огнедышащій кратеръ Тофуа, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ причинамъ, производящимъ колебанія земли.

ГЛАВА LXVII.

АРХИПЕЛАГЪ ТОНГА. ИСТОРІЯ.

Мореплаватель, открывшій острова Тонгскіе, былъ Голландецъ Тасманъ. Января 19-го 1643 года, увидѣлъ онъ островъ *Пильсартъ*, а на слѣдующій день усмотрѣлъ, сначала *Эоа*, потомъ *Тонга-Табу*, которые назвалъ, первый *Миддельбургомъ*, второй *Амстердамомъ*. Остановясь въ открытомъ заливѣ *Гифо* (который наименовалъ *Маріинскимъ*), Тасманъ увидѣлся здѣсь съ дикарями, прибывшими къ нему въ лодкахъ. Они явились безъ оружія, и поступки ихъ были дружественны и честны. Безъ непреодолимой наклонности ихъ къ воровству, объ нихъ ничего нельзя было сказать, кромѣ добраго. Старый начальникъ, по видимому, обладавшій главною властью, часто являлся на корабль, показывался предупредительнымъ, почтительнымъ, дружественнымъ, и съ жаркою благодарностью принималъ подарки, какіе ему дѣлали. Въ числѣ ихъ находилось деревянное блюдо, которое, сохра-

няясь, какъ драгоцѣнностію, властителями острова, имѣло въ послѣдствіи странное назначеніе — служить чашею испытанія въ уголовныхъ дѣлахъ. Потомъ возвысили его еще на бо́льшую почесть: въ отсутствіи туи-тонга, оно замѣняло его особу, и ему воздавали такія-же почести, какъ самому религіозному начальнику дикарей. Можетъ быть, этому обстоятельству надобно было приписать воспоминаніе о посѣщеніи Голландцевъ, сохранившееся между дикарями. Когда Кукъ явился здѣсь въ 1774 году, туземцы говорили ему о сношеніяхъ съ Тасманомъ, и чтобы опредѣлить время, прибавляли, что тогдашній туи-тонга, Пулаго, былъ пятый наслѣдникъ Фапа-фаи, царствовавшаго въ 1643 году.

Отъ Тонга-Табу направился Тасманъ къ *Намука*, который назвалъ *Роттердамомъ*. «Здѣшніе островитяне—сказано въ его описаніи—похожи на своихъ сосѣдей. Они кротки, неимѣютъ оружія, только большіе воры. Тутъ мы запаслись водою, и нашли еще разные припасы. Мы прошли островъ съ одного края до другаго, и видѣли множество кокосовъ, правильно посаженныхъ одинъ подлѣ другаго, а также прекрасные сады, хорошо устроенные, и украшенные всякими родами плодовитыхъ деревьевъ, посаженныхъ прямыми линіями, что дѣлаетъ прекрасный видъ.» Оставивши Роттердамъ, Голландцы сдѣлали еще нѣсколько открытій.

Всѣ простыя и добродушныя описанія эти были писаны рукою самаго Тасмана, и тѣмъ драгоцѣннѣе они, что земли, описываемыя въ нихъ, неизмѣ-

нили вида своего въ теченіе 200 лѣтъ. Таковъ былъ этотъ архипелагъ при Тасманѣ, какъ при Кукѣ, и потомъ при Дюмонъ-Дюрвилѣ, только съ тою разницею, что описаніе перваго было кратко и сдѣлано на лету, а описанія двухъ другихъ являются подробны и полны.

Въ Октябрѣ 1773 года, Кукъ остановился близъ береговъ Эоа. Дикари явились къ нему съ дружескою поспѣшностью. Одинъ изъ старшинъ, по имени *Тап-Оне*, особенно истощался въ свидѣтельствахъ дружбы и гостепріимства. Онъ повелъ Англичанъ въ свое жилище, принялъ ихъ какъ могъ лучше, угощалъ музыкою и кавою. Естествоиспытатель Форстеръ былъ въ числѣ гостей, и отдѣлился отъ другихъ, чтобы осмотрѣть окрестности. По дорогѣ видѣлъ онъ только дружбу и благонамѣренность. « Старики и молодые люди, мужчины и женщины — говоритъ онъ—осыпали насъ самыми нѣжными привѣтствіями, цѣловали наши руки съ самымъ сердечнымъ почтеніемъ, и клали ихъ себѣ на грудь, глядя на насъ такъ дружески, что это немогло насъ не растрогать. » Но несмотря на всю эту дружелюбную внѣшность, дикари были почти всѣ вооружены, дубинами разнаго вида, копьями, луками, стрѣлами. Все это оружіе неприводилось въ дѣйствіе, но, конечно, невсегда было оно предназначаемо только для вида и украшенія.

Однакожъ ничто ненарушало добраго согласія между Англичанами и ихъ друзьями. Форстеръ обошелъ окрестности якорнаго мѣста, осмотрѣлъ

и описалъ ихъ. « Мы взошли на холмъ—говоритъ онъ—желая обозрѣть внутренную сторону, и перешли черезъ богатыя насажденія, или сады, огороженные бамбуковыми плетнями и рядами деревьевъ *erythrina corallodendron*. За шѣмъ достигли мы тропинки между двумя загорожами, и видѣли съ обѣихъ сторонъ бананы и иньямы, разсаженные съ такимъ порядкомъ и такою правильностью, какія соблюдаемъ мы въ нашихъ садахъ. Тропинка кончилась среди луга, весьма обширнаго и покрытаго густою зеленью. Съ противоположной стороны открывалось прелестное мѣсто для прогулки, около мили въ длину, образованное четырьмя рядами кокосовъ, которые склонялись опять къ дорожкѣ, между весьма правильными насажденіями, окруженными купою памплъмуссовъ и другихъ деревъ. Дорожкою этою приходили къ обработанной долинѣ, гдѣ пересѣкалось множество тропинокъ. Тутъ нашли мы прелестный лужокъ, съ нѣжною, густою зеленью, со всѣхъ сторонъ обставленною большими тѣнистыми деревьями. Хижина безъ жителей занимала одну изъ сторонъ; хозяева ея, вѣроятно, находились тогда на пристани. Товарищъ мой, г-нъ Годжъ сѣлъ рисовать это прекрасное мѣстоположеніе; мы дышали сладостнымъ, благоухающимъ воздухомъ; морской вѣтерокъ вѣялъ въ нашихъ волосахъ и нашемъ платьѣ, освѣжая и смягчая атмосферу; множество птичекъ щебетали и горлицы ворковали окрестъ насъ въ деревьяхъ. Корни дерева, на которомъ сидѣли мы, были весьма замѣчательны; они шли отъ пня, почти

въ восьми футахъ надъ поверхностью земли, и крупные стручья украшали всѣ вѣтви. Плодоносное и уединенное это мѣсто являло намъ подобіе очарованныхъ рощицъ, гдѣ романисты стараются соединить всѣ воображаемыя красоты. И дѣйствительно, невозможно было-бы найдти на землѣ уголокъ болѣе увлекательный для уединенія, если-бы можно было присовокупить сюда водоскатъ, или ручеекъ; по несчастью, вода составляетъ именно то, чего недостаетъ этой прекрасной сторонѣ. Налѣво открылъ я еще мѣсто прогулки, укрытое тѣнью, и приводившее къ лугу, на срединѣ котораго высилась небольшая гора, съ двумя хижинами на ея вершинѣ. Бамбуковины, посаженныя на разстояніи фута одна отъ другой, окружали этотъ пригорокъ, и впереди его видно было множество казуаринъ. Туземцы, сопровождавшіе насъ, нехотѣли сюда приближаться; мы подошли одни, и съ большимъ трудомъ успѣли заглянуть въ хижины, ибо входъ въ нихъ закрывался кровлею, почти на вышину одной пальмы сверхъ земли; въ одной увидѣли мы трупъ, еще свѣжій; другая была совершенно пуста.»

На другой день Кукъ остановился передъ Гифо у Тонга-Табу. Спѣша посѣтить корабль его, дикари привезли запасовъ всякаго рода, и съ радостью мѣняли ихъ на самые дрянные Европейскіе лоскутья. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, *Аттаго*, по словамъ Кука, *Аттага*, по увѣренію Форстера, но въ самомъ дѣлѣ называвшійся *Тага*, сдѣлался особеннымъ другомъ знаменитаго мореплa-

вателя, оказывая ему знаки своего вниманія и почтенія.

Въ первой прогулкѣ своей, Кукъ посѣтилъ главный *фаи-тока*, родъ возвышенія, на которомъ была построена молельня. Изъ этого капища вышли три старика, и проговорили молитву, или какое-то привѣтствіе посѣтителямъ. Весь островъ былъ усѣянъ подобными памятниками. Руководимые Тага во внутренную область, Кукъ и его товарищи достигли другаго фаи-тока, обширнаго и значительнаго болѣе перваго. Къ нему примыкалось жилище, занятое старымъ начальникомъ, просившимъ странниковъ отдохнуть и раздѣлить съ нимъ умѣренное угощеніе, состоявшее изъ иньямовъ и другихъ снадобьевъ. Обычай привѣтствовать рѣчами, вѣроятно, составлялъ необходимую принадлежность всѣхъ религіозныхъ убѣжищъ здѣшнихъ, ибо и теперь, старшій изъ жрецовъ началъ рѣчь, то обращаясь къ идоламъ, то оборачиваясь къ Куку, пока ему несдѣлали знака согласія головою. Казалось, что оратоpъ небылъ однакожь силенъ въ краснорѣчіи, потому, что отъ времени до времени останавливался онъ, и спрашивалъ пособія у своего сосѣда, также жреца, игравшаго роль суффлера. Впрочемъ, Кукъ непонялъ ни одного слова изъ безконечнаго и многословнаго болтанья дикаря. Туземцы, разсѣянно стоявшіе кругомъ сохраняли молчаніе, но неоказывали вниманія, и видъ Англичанъ занималъ ихъ болѣе всякихъ рѣчей.

Послѣ краткаго отдыха, Кукъ воротился на корабль, въ сопровожденіи Тага. Былъ часъ обѣда;

пріятеля усадили за капитанскій столъ, и уже онъ хотѣлъ воспользоваться такою почестью, когда извѣстили о прибытіи старика, почти слѣпаго, *эгуи* здѣшней стороны. Новаго гостя ввели и пригласили къ обѣду, какъ Тага, но каково было удивленіе присутствовавшихъ, когда увидѣли, что Тага бросился изъ за-стола, и поспѣшно удалился въ уголокъ, гдѣ немогъ его увидѣть эгуи, сдѣлавшійся собесѣдникомъ Англичанъ! Это значило, что Тага былъ нисшій старшина, а слѣпой старикъ принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ религіозныхъ властей острова; ѣсть съ нимъ за однимъ столомъ составило-бы величайшее преступленіе со стороны Тага. Впрочемъ, великій эгуи, столь почитаемый народомъ, немогъ внушить къ себѣ личнаго почтенія. По словамъ Кука, онъ едва могъ понимать свое собственное достоинство, находясь въ состояніи ребячества и одурѣлости. Кукъ потребовалъ отъ него особеннаго свиданія, и вотъ какъ онъ объ немъ разсказывалъ въ своемъ путешествіи: «Мы нашли нашего эгуи сидящаго, съ важностью, столь глупою и угрюмою, что несмотря ни на какіе разсказы, я рѣшительно увидѣлъ въ немъ слабоумца, обожаемаго дикарями только въ слѣдствіе суевѣрныхъ понятій. Поздравивши его, началъ я съ нимъ говорить, но онъ ничего неотвѣчалъ, и непоказалъ даже никакого признака вниманія; въ самой физіогноміи его небыло никакого измѣненія. Я просто хотѣлъ уже идти прочь, когда одинъ молодой и умный дикарь, видя мое недоумѣніе, началъ мнѣ объяснять весьма

понятно, что глупый старикъ былъ точно главнѣйшій властитель острова. Тогда предложилъ я старику свои подарки—рубаху, топоръ, кусокъ красной ткани, зеркало, нѣсколько гвоздей, медалей и пронизокъ. Все это онъ принялъ, или, лучше сказать, непрепятствовалъ рубаху надѣть на него, а другія вещи разложить вокругъ, но неперялъ прежнемъ своей. важности, не говорилъ (нислова, необорачивалъ даже головы ни направо, ни налѣво, и оставался неподвиженъ, словно истуканъ деревянный. Неподвижнымъ пнемъ оставилъ я его, отправился на корабль, и вскорѣ старикъ удалился съ мѣста ауэдіенціи, а меня извѣстили, едва только вступилъ я на палубу, что на пристань были присланы отъ нашего стараго истукана запасы, въ подарокъ мнѣ. Шлюпка отправилась за ними. Они состояли изъ 20-ти корзинъ жареныхъ банановъ, иньямовъ, хлѣбныхъ плодовъ и жареной свиньи, фунтовъ въ 20-ть вѣсомъ. Передавая все это посланному отъ меня офицеру, г-ну Эджекомбу, и матрозамъ, дикари подтвердили, что *арики* острова посылаетъ сіи дары *арики* корабля. Тутъ нельзя уже было сомнѣваться, что полоумный старичишко былъ точно знатная особа.» — Въ послѣдствіи Англичане имѣли случай ближе узнать таинственнаго властителя. Имя этого глупаго молчаливца было *Лалу-Либулу*; онъ былъ членъ божественнаго семейства *фата-фаевъ*, которымъ по рожденію воздавались великія почести, хотя дѣйствительная власть ихъ была часто весьма ограничена.

Первое пребываніе Кука на Тонга-Табу неознаменовалось впрочемъ никакимъ непріятнымъ событіемъ. Кромѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ покушеній на воровство, дѣло шло какъ нельзя лучше. Воровъ преслѣдовали, но наказаніе ихъ невело за собою никакого общаго смятенія. Одинъ изъ мошенниковъ схватилъ матрозскую куртку, спрыгнулъ въ море, избѣжалъ восьми ружейныхъ выстрѣловъ, по немъ сдѣланныхъ, и былъ схваченъ уже на присшани матрозами, шамъ находившимися. Другой прокрался въ каюшу, ушащилъ нѣсколько книгъ и разныхъ вещей, пошомъ бросился съ корабля и старался уплыть къ берегу. Его замѣтили и преслѣдовали въ лодкѣ. Но поймашь его было нелегко, ибо только голова его показывалась ошъ времени до времени изъ волнъ, и какъ рыба нырялъ онъ съ приближеніемъ лодки. Одинъ матрозъ успѣлъ ударить его плюпочнымъ багромъ, зацѣпилъ его за ребро, и безъ всякой жалости тащилъ въ лодку, но несмотря на боль и теченіе крови, бездѣльникъ имѣлъ еще силы вырвать багоръ и плыть снова. За нимъ слѣдовали упорно. Тутъ счастливая мысль пришла дикарю. Онъ бросился подъ лодку и сбросилъ съ нея руль. Плаванія продолжать было невозможно, и воръ спасся, несмотря, что шакъ дорого досталось ему спасеніе.

Но все это, какъ я сказалъ, немѣшало дружескимъ сношеніямъ между дикарями и Кукомъ. Они разстались пріятельски, съ самыми нѣжными изъявленіями дружбы. Старый Лашу-Либулу невыходилъ, правда, изъ своего безчувственнаго креши-

низма, но добрый Тага горестно плакалъ. Онъ просилъ Кука возвратиться поскорѣе, и привесть ему такой-же мундиръ, какой видѣлъ онъ на своемъ другѣ. Въ замѣну того обѣщалъ онъ нагрузить корабль свиньями, птицей, кореньями и плодами.

На слѣдующій годъ, Кукъ возвратился къ архипелагу Тонгскому, и сталъ на сѣверномъ прибрежьи Намука. Естествоиспытатели обошли весь островъ, и оставили намъ очаровательное изображеніе его плѣнительныхъ мѣстоположеній. Привѣтливость и радушіе дикарей служили оградою всѣмъ, кто посѣщалъ берегъ. Только лекарь корабельный небылъ такъ счастливъ. Оставшись на землѣ, былъ онъ окруженъ толпою дикарей, отнявшихъ у него плашокъ, ружье, и сорвавшихъ съ него галстухъ. Наглецы, по видимому, хотѣли продолжать свой разбой, и неоставить ничего бѣдняку, но онъ догадался выхватить свой гоповальникъ, и приложился имъ, будто смертельнымъ оружіемъ. Дикари испугались, остановились, но вскорѣ ободрились снова, и усталому сыну Эскулапа могло быть очень плохо, если-бы незаступилась за него молодая дѣвушка, съ прекрасными, кудрявыми волосами, и невзяла его подъ свое покровительство. Она защитила Англичанина отъ своихъ земляковъ, подчивала его пампельмусами, охраняла и сберегла его, пока неприбыли шлюпки отъ корабля и невзяли бѣднаго лекаря.

Впрочемъ, отъ времени до времени, разныя воровства нарушали спокойствіе и миръ, на ко-

раблѣ и на берегу. Кукъ неумѣлъ прощать подобныхъ дерзостей, и всегда платилъ за нихъ наказаніемъ жестокимъ. По случаю покражи нѣсколькихъ ружей, онъ велѣлъ захватить на берегу двѣ большія, двойныя лодки; одинъ изъ дикарей хотѣлъ этому воспротивиться, и по приказанію Кука въ него выстрѣлили дробью, но вблизи. Бѣднякъ былъ почти нагой и его жестоко ранили. Крикъ и слезы страдальца растрогали даже угрюмаго капитана. Онъ велѣлъ осмотрѣть и перевязать рану его. Лекарь хотѣлъ было положить послѣ того на больное мѣсто катаплазмъ изъ банановъ, но дикари принесли ему сахарныхъ тростей, вынули изъ нихъ сердцевину и предложили ее, какъ лекарство болѣе надежное. Послѣ перевязки раненаго, островитяне умножили ласковость свою къ Европейцамъ. Форстеръ, бывшій свидѣтелемъ всего происшествія, говоритъ объ немъ такъ: «Женщины, видѣвшія всѣ заботы наши о раненомъ ихъ землякѣ, казалось, особенно старались о возстановленіи мира, и ихъ робкіе взгляды, какъ будто упрекали насъ за наше жестокое и безчеловѣчное мщеніе. Онѣ сѣли на красивомъ лужку, составивъ толпу, женщинъ изъ пятидесяти, приглашали насъ сѣсть подлѣ нихъ и оказывали намъ всевозможныя ласки и привѣтствія. Покровительница нашего лекаря была привѣтливѣе другихъ, и могла притомъ почесться одною изъ дикихъ красавицъ. Она была стройна; всѣ члены тѣла ея были прекрасны; черты лица, совершенно правильнаго, были исполнены кротости и преле-

сни; черные большіе глаза ея блистали, а цвѣтъ кожи былъ бѣлѣе, нежели у простолюдинокъ. Она была одѣта въ темную ткань, схваченную поясомъ ниже грудей и широко раздвигавшуюся къ ногамъ. Одѣяніе это было, право, наряднѣе инаго щегольскаго Европейскаго платья.»

При второмъ посѣщеніи своемъ, Кукъ осмотрѣлъ острова *Гапаи*, на сѣверъ отъ Намука. Онъ прошелъ между *Као* и *Тофуа*, и видѣлъ огнедышащую гору на послѣднемъ изъ нихъ. Шквалъ хватилъ корабли, когда они находились подъ вѣтромъ противъ волкана, и тогда замѣтили, что дождевая вода имѣла въ себѣ что-то горькое и острое; попадая въ глаза, она щипала ихъ. Кажется, во время втораго своего здѣсь пребыванія, Кукъ далъ архипелагу названіе *острововъ Дружбы*, нынѣ замѣненное названіемъ *Тонга*, болѣе приличнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Посѣщеніе Кука въ третье путешествіе его, въ 1777 году, было важнѣе и замѣчательнѣе двухъ прежнихъ его здѣсь пребываній. Едва остановился онъ на Намукской пристани, къ нему прибылъ начальникъ, называвшійся *Тубо*. Но черезъ три дня приплылъ съ Тонга-Табу эгуи гораздо болѣе замѣчательный: это былъ *Финау*, высокаго роста, но худощавый дикарь, съ чертами лица почти похожими на Европейскія. Онъ называлъ себя царемъ всѣхъ Тонгскихъ острововъ, и въ самомъ дѣлѣ, по гордому и важному виду, повелительной походкѣ, а особливо почтенію къ нему дикарей, можно было почесть его за верховнаго вла-

спителя. Никто неподходилъ къ нему безъ того, чтобы непоклониться ему въ землю и недотронуться ногъ его ладонями. Малѣйшее забвеніе такого обряда стоило виноватому жестокой брани и палочныхъ ударовъ. Впрочемъ, Финау объявилъ себя другомъ и сотрапезникомъ Кука, и всякій день пріѣзжалъ къ нему на корабль обѣдать. Такая почесть избавила Англійскаго капитана отъ докучливыхъ дикарей, которые считали себя уже недостойными послѣ этого сидѣть за однимъ столомъ съ своимъ повелителемъ, а это уменьшило ежедневное воровство и запрудненія наказаній за каждое изъ нихъ. Кукъ нерѣшался безпрестанно расплачиваться съ ворами ружейными выстрѣлами, замѣняя пули и дробь плетью и опредѣленіемъ выкупа припасами. Это оказывалось недостаточнымъ. Придумали брить половину головы каждому, кто попадется съ поличнымъ, или на мѣстѣ преступленія, и къ удивленію — стыдъ такого наказанія дѣйствовалъ лучше всего.

Отъ Намука хотѣлъ было Кукъ перейдти къ Тонга-Табу, но, по видимому, это очень неправилось Финау. Убѣдительно просилъ онъ прежде зайдти къ островамъ Гапайскимъ, и Кукъ исполнилъ его желаніе. Мая 17-го, корабли стали подъ вѣтромъ у *Лефуга*, и ихъ окружило множество лодокъ, предлагая мѣняться припасами на Европейскія вещи. По приглашенію Финау, Кукъ сошелъ на берегъ и видѣлъ всякія ласки соотороны хозяина, который угощалъ его борьбою, плясками, концертами на дикарскихъ инструментахъ. За-

ключеніемъ праздника былъ подарокъ припасовъ съ царскою щедростью. Двѣ огромныя пирамиды, основаніе которыхъ составляли иньямы, пататы, овощи, а верхъ увѣнчивался, на одной шестью свиньями и двумя черепахами, на другой двумя свиньями и шестью птицами, были устроены на берегу самымъ живописнымъ образомъ и предоставлены Англичанамъ. За такую учтивость, Кукъ отвѣчалъ потѣшными огнями и фейерверками. Это увеселеніе дано было на берегу, подъ деревьями, въ присутствіи 4-хъ, или 5000 зрителей. Съ наступленіемъ ночи, отъ одного мѣста до другаго разставили факелы, и тѣмъ продолжили свѣтъ для веселья.

Между тѣмъ, среди сихъ блестящихъ доказательствъ взаимной дружбы составился ужасный заговоръ, случайно разрушенный, и мы незнали-бы даже объ немъ, если-бы въ послѣдствіи необъяснилъ его Маринеръ. Если вѣрить этому повѣствователю, Финау и старшины Гапайскіе рѣшились зарѣзать Кука и всѣхъ офицеровъ во время *бу-меи* (ночной пляски), а потомъ овладѣть кораблями. Никто изъ заговорщиковъ непочиталъ замысла, ни безсовѣстнымъ, ни жестокимъ, а только одни думали, что ночь была способнѣе для исполненія, другіе, и Финау съ ними, что днемъ будетъ исполненіе удобнѣе и легче. Взаимный споръ отклонилъ вѣроломство, и праздникъ небылъ сопровождаемъ убійствомъ.

Тутъ пришло время, когда хитрому Финау надобно было разоблачиться отъ своего мнимаго

первенства на архипелагѣ. Онъ уже подвергался сей опасности при появленіи старика Лапу-Либулу, котораго Кукъ почелъ главнымъ властителемъ острововъ въ свое прежнее путешествіе. Какъ духовный владыка, Лапу-Либулу, дѣйствительно, былъ старше Финау, но избѣгая позора, хитрецъ умѣлъ искусно ускользнуть отъ него, и когда Лапу явился на кораблѣ — еще глупѣе, еще неподвижнѣе, нежели въ 1773 году—Финау притворился, будто невидитъ его, а тупоумный старичишка нешутя проглазѣлъ нарушеніе должнаго ему поклоненія.

Но настоящій *туи-тонга,* царь всего архипелага, явился своею высокою особою. Это былъ *Пулаго Фата-Фаи.* Предувѣдомленный объ его пріѣздѣ, Финау рѣшился избѣжать встрѣчи съ нимъ. Онъ отправился на Вавао, и когда Кукъ сталъ говорить, что желаетъ осмотрѣть сей островъ, Финау отклонилъ такое намѣреніе, увѣряя, что тамъ нѣтъ пристани. Все это было лганье и хитрость.

Пулаго прибылъ къ островамъ Гапайскимъ, когда Кукъ находился на пристани Гуа-Левской. Объ немъ извѣстили, какъ о настоящемъ и главномъ царѣ острововъ. Кукъ сначала неповѣрилъ, но принялъ однакожъ вѣжливо новаго претенденпа на первовластительство. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, весьма толстый, около сорока лѣтъ. Волосы у него были гладкіе, физіогномія счастливая, видъ умный, важный и степенный. Легко взошелъ онъ на корабль, со вниманіемъ осмотрѣлъ все, задалъ Куку нѣсколько ловкихъ вопросовъ, и

особенно настоялъ въ желаніи узнать, что̀ привело Кука въ его владѣнія? Послѣ нѣсколькихъ учтивостей, которыми размѣнялись на палубѣ, капитанъ пригласилъ царя въ каюту, но противъ этого возстала царская свита. Спутники властителя объявили, что особа царя священна, табу, и нельзя допустить никого ходить надъ его головою. Затрудненіе уладили тѣмъ, что матрозамъ невелѣно было ходить надъ каютою. Пулаго былъ гораздо сговорчивѣе своихъ сопутниковъ; недумая о табу, сошелъ онъ охотно во внутренность корабля, обѣдалъ съ Кукомъ, ѣлъ и пилъ умѣренно, и упорно утверждалъ притомъ, что онъ именно дѣйствительный царь Тонгскій. Вскорѣ неосталось въ этомъ запутанномъ дѣлѣ никакого сомнѣнія. На берегу никто несмѣлъ говорить передъ Пулаго. Всякій, входившій въ его жилище, или выходившій изъ него, подклонялъ голову подъ ноги Пулаго, и никакого исключенія небыло замѣтно ни для одного человѣка при семъ унизительномъ свидѣтельствѣ почтенія.

Еще болѣе убѣдились въ истинѣ черезъ недѣлю, по возвращеніи Англичанъ къ Намука, куда Пулаго слѣдовалъ за ними въ своей лодкѣ. Тутъ находился тогда Финау, горделивый Финау, мнимый царь архипелага, хитрый вѣроломецъ, и теперь чрезвычайно затруднившійся въ томъ, какъ съ честью вывернуться и прикрыть ложь свою. Пулаго встрѣтился съ нимъ на Англійскомъ кораблѣ. Финау смѣшался, незналъ что̀ дѣлать. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на ухо царю, онъ сталъ смѣлѣе

и спокойнѣе. Но съ сего времени униженіе его сдѣлалось очевидно. Онъ несмѣлъ садиться съ Пулаго за капитанскій столъ, и при отъѣздѣ долженъ былъ подвергнуться униженію *мое-мое* передъ неумолимыми правами туи-тонга.

Пулаго дѣйствительно былъ первовластитель архипелага. Впрочемъ, во времена Кука легко было ошибиться, ибо политическое и общественное образованіе островитянъ представляло темноту и безчисленныя противорѣчія. Вопросъ объяснился только новѣйшими изслѣдованіями Дюмонъ-Дюрвиля, который сличилъ всѣ прежнія извѣстія и пояснилъ ихъ личными наблюденіями. Вотъ его выводы:

Во главѣ общества на Тонгскомъ архипелагѣ, съ незапамятуемыхъ временъ находился *туи-тонга*, то есть, *властитель Тонга*, ибо слово: *туи* значитъ: *господинъ, повелитель*, и оно опредѣляетъ степень и важность особы, которой издревле принадлежало. Туи-тонгу придавался религіозный характеръ святости, и это значеніе переходило даже за предѣлы Тонгскаго архипелага, распространяясь на ближніе острова, каковы Ніуга и купы Гамоа и Вити. Хотя дѣйствительная власть этого царя-священника была далеко небезпредѣльна, но все дѣлалось отъ его имени, и ни одинъ эгуи, какъ-бы ни могущественъ онъ былъ, немогъ уклоняться отъ обряда мое-мое. Великія почести, большія преимущества соединялись съ званіемъ туи-тонга. Онъ избавлялся отъ пашуажа и обрѣзанія; говоря объ немъ, надлежало употреб-

лишь особенный родъ выраженій; особые обряды были установлены для его свадьбы, похоронъ и траура по немъ. Наконецъ, при торжественномъ праздникѣ, называвшемся *начи*, весь архипелагъ подносилъ ему начатки земныхъ произведеній, до этого времени почитавшихся табу.

Достоинство туи-тонга было наслѣдственное. Его передавали старшіе младшимъ, отъ которыхъ переходило оно къ дѣтямъ старшихъ. Только изъ семейства *Фата-Фаи* могли происходить туи-тонги, и это свидѣтельствуется преданіями, какъ равно древними и обширными *так-фока* (могилами) этого семейства. Столь много уваженный другими, туи-тонга самъ подвергался разнымъ уставамъ почестей. Онъ долженъ былъ простираться на землѣ передъ старшими сестрами своего отца и предка, и даже передъ потомками сихъ особъ, иногда принимавшими на себя титулъ *тамага*.

Ниже туи-тонга полагались три великія общественныя званія: *Туи-гата-калава*, *Туи-кана-каболо* и *Гата* — два первыя были гражданскія, третье военное. Власть и принадлежности ихъ прежде бывали довольно неопредѣленны, и почти всегда зависѣли отъ силы и характера занимавшихъ ихъ людей.

Задолго до переворота, изгнавшаго туи-тонга изъ Тонга-Табу, титулъ туи-гата-калава казался уже ничтожнымъ. Изъ-за этого чиновника, туи-кана-каболо, которымъ былъ старшій въ родѣ Финау, пріятель Кука, мало по малу сосредото-

чилъ въ себѣ власть, и передалъ ее своимъ наслѣдникамъ Му-Муи и Тугу-Аго. Это продолжалось до всеобщаго возстанія, когда всѣ старшины объявили себя независимыми.

Почти въ одинаковой степени величія съ семействомъ Фапа-Фаи было семейство *Тубо*, потому, что изъ него выходили люди для наполненія званій Туи-гапа-калава и Туи-кана-каболо. Въ наше время, покровитель Миссіонеровъ, робкій Тубо, и родственники его Гула-Каи, и Огила, могли-бъ быть законными претендентами на обѣ знаменитыя должности, если-бы только могли возстановить ихъ.

По весьма понятной политикѣ, то и другое семейство соединяли взаимно пользы свои родственными союзами.

Первая жена туи-тонга всегда избиралась изъ рода Тубо. Но иногда честолюбіе и зависть превозмогали всякое родство, и постепенно эти пагубныя страсти довели до погибели оба сильные рода Фапа-Фаевъ и Тубовъ.

Когда Кукъ явился въ архипелагѣ въ третье свое путешествіе, въ 1777 году, царствовавшій тогда туи-тонга Пулаго женился на дочери *Мари-Вагуи*, бывшаго главнымъ въ родѣ Тубо. Мари-Вагуи наслѣдовалъ мѣсто Туи-гапа-калава, занятое прежде старшимъ братомъ его *Тубо-Лаги*, между тѣмъ какъ родной сынъ Тубо-Лаги, честолюбивый *Финау*, былъ возведенъ въ званіе Туи-кана-каболо. Слѣдственно, по союзу родства, Финау былъ *кузиномъ* (братомъ) туи-тонга.

Такъ распредѣлялись государственныя званія на Тонгскомъ архипелагѣ во время остановки Кука при Тонга-Табу, продолжавшейся мѣсяцъ. Стоянка эта была безпрерывнымъ праздникомъ. Всѣ начальники острова соперничали между собою, кто лучше угоститъ Англичанъ. Пулаго, Мари-Вагуи, младшій братъ его Муи-Муи, Финау поочередно принимали и веселили Кука и его офицеровъ. Это былъ безпрерывный рядъ борьбы, сраженій, плясокъ, пѣнья, обѣдовъ, одно другаго великолѣпнѣе. Давали между прочими и періодическіе праздники, похожіе однакожь на тѣ, которые уже описаны мною. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ однакожь этому путешествію Кука исключительно. Это было великое торжество *наги*, кромѣ Кука никѣмъ невиданное, и, кажется, въ послѣдствіи невозобновленное.

Праздникъ этотъ совершали 8-го Іюля. Утромъ Кукъ и его сопутники переправились въ Муа, гдѣ нашли они въ загородкѣ, довольно неопрятной, Пулаго, предсѣдающаго за кавою. Только къ 10-ти часамъ утра отправились всѣ на главную *малаи*. Вскорѣ, со всѣхъ дорогъ, примыкающихъ къ сей площади, пришли толпами дикари, вооруженные копьями и дубинами. Спавши рядами на малаи, они запѣли хоромъ тихую, печальную пѣсню. Въ это время множество другихъ дикарей шли одинъ за другимъ, неся каждый на вилахъ иньямъ, который каждый потомъ клалъ у ногъ пѣвуновъ. Явились туи-тонга и 12-ти лѣтній старшій сынъ его. Они сѣли на правѣ. Тогда только пригласили Англичанъ помѣститься близъ знаменитыхъ властите-

лей, но въ знакъ почтенія, они должны были снять башмаки и развязать косы. Когда всѣ приносители иньямовъ прошли, вилы были собраны и отданы двумъ дикарямъ. Дикари пошли торжественнымъ маршемъ, отрядами, по 10-ти и 12-ти человѣкъ, переходя скорыми шагами черезъ малаи. Каждый отрядъ былъ предводимъ воиномъ, вооруженнымъ дубиною, или чѣмъ-то въ родѣ сабли, и сопровождался другими воинами. Одинъ дикарь, неся на фигурныхъ вилахъ живаго голубя, слѣдовалъ въ заключеніе всей толпы, составлявшей около 250 человѣкъ. Всѣ направились къ ближнему фаи-тока, гдѣ склали иньямы въ двѣ кучи.

Кончивъ сіи предварительныя церемоніи, Пулаго объявилъ Куку, что онъ долженъ удержать своихъ матрозовъ въ шлюпкахъ, ибо торжественное табу скоро будетъ наложено на весь островъ, и каждый, кого найдутъ въ полѣ, чужеземецъ и туземецъ, подвергается опасности быть *мате* (битымъ). Капитанъ просилъ допустить его одного, или съ малымъ отрядомъ, къ окончанію церемоній. Туи-тонга отпѣкивался, уклонялся, и только послѣ большихъ усилій, Кукъ, долго недопускаемый дикарями, успѣлъ найдти мѣстечко, съ котораго видѣлъ все, что происходило на фаи-тока.

Множество дикарей находилось уже въ его оградѣ. Они все еще шли торжественно, съ вилами, на которыхъ висѣли деревянные шарики въ видѣ иньямовъ, и носители ихъ представляли видъ людей, чрезвычайно устававшихъ подъ тяжестью но-

шей. Такъ прошли они мимо Англичанъ, пока вступили въ большую хижину Пулаго. Тутъ новое препятствіе встрѣтило Кука и его товарищей—самое строгое запрещеніе. Но они успѣли спять за высокимъ палисадомъ, который совершенно закрылъ-бы отъ нихъ внутренность святилища, еслибы они недогадались прорѣзать въ немъ широкихъ отверзтій своими ножами.

Множествомъ дикарей были заняты малаи и аллеи, къ ней ведущія. Сквозь эти толпы пробирались люди, несущіе маленькія палочки и кокосовые листья. Передъ всѣми шелъ старикъ. Онъ сѣлъ на дорогѣ, важно проговорилъ длинную рѣчь и удалился. Наскоро, несшіе палочки и листья построили изъ нихъ небольшой балаганчикъ среди малаи, присѣли около него на минуту, и потомъ снова смѣшались съ толпою. Сынъ Пулаго, въ предшествіи четырехъ или пяти дикарей, присѣлъ тутъ въ свою очередь, и двѣнадцать женщинъ высшаго званія подходили къ нимъ по-парно, каждая пара держа въ рукахъ кусокъ бѣлой ткани, два, или три аршина длиною, развѣвая такимъ кускомъ въ промежуткѣ, отдѣлявшемъ ее отъ другой пары. Этимъ образовывалась какая-то живая, движущаяся драпировка. Подходя къ юному принцу, пары присѣдали, обвивали его тканями и потомъ вмѣшивались въ толпу.

Тогда явился самъ Пулаго, съ четырьмя дикарями, сѣлъ съ лѣвой стороны подлѣ своего сына, и это заставило сего послѣдняго встать и занять мѣсто между старшинами, подъ ближнимъ навѣ-

сомъ. Такое движеніе произвело въ собраніи какіе-то странные повороты; дикари побѣжали на конецъ луга и тотчасъ воротились назадъ; другіе кинулись къ принцу съ зелеными вѣтвями, и послѣ различныхъ остановокъ заняли опять свои мѣста.

Тутъ предстала большая процессія, пришедшая изъ Фаи-тока дальными переходами. Она направилась къ правой сторонѣ навѣса, гдѣ сидѣлъ принцъ, простерлась на землю, положила свои поддѣльные иньямы, удалилась съ почтительнымъ видомъ и присѣла къ бокамъ малаи. Во время продолжительнаго ея шествія, три дикаря, сидѣвшіе подлѣ принца, произносили родъ какой-то молитвы, медленно и однозвучно. Послѣ новаго молчанія заговорилъ ораторъ, поставленный на высшей сторонѣ луга, и произнесъ длинную рѣчь, перерывая ее отъ времени до времени ломаньемъ вилокъ, принесенныхъ процессіею, пришедшею изъ Фаи-тока. Едва рѣчь эта, или моленіе, были кончены, принцъ и свита его поднялись, прошли между двумя рядами дѣйствующихъ и зрителей и удалились. Но собраніе нерасходилось. Изломанныя вилки оставались разбросанныя по пространству малаи. Такъ кончился первый день начи.

Обряды начались на другой день весьма рано, и несмотря на несогласіе дикарей, Кукъ опять присутствовалъ при нихъ. Когда пришелъ онъ, толпа была уже многочисленна, а по землѣ были разбросаны связочки кокосовыхъ листьевъ на маленькихъ палочкахъ. Понемногу толпа увеличивалась, и каждое отдѣленіе приходившихъ привѣт-

спвовалъ рѣчью особенный, назначенный для того чиновникъ, часто повторяя въ ней слово: *арики*.

Приближался торжественный часъ. Снова просили Кука удалиться, но онъ спорилъ, съ своимъ привычнымъ упрямспвомъ, и надобно было сдѣлать для него исключеніе, съ тѣмъ однакожъ, что онъ раскроетъ свои плечи, подобно дикарямъ. Кукъ неотказался отъ предложеннаго условія, и полураздѣтому позволили ему споять и смотрѣть. Это было по мгновеніе, когда приходятъ царь, жены его и сынъ. Начались вчерашнія церемоніи, переходы дикарокъ съ пѣснями, перебѣганья, рѣчи. Въ одно время, когда толпа бѣжала въ двухъ или трехъ шагахъ отъ Кука, его заставили опустить взоры въ землю и сохранять скромный и тихій видъ молодой дѣвушки. Это было немножко не къ лицу угрюмаго и безстрашнаго моряка, но—таковъ обычай.

Какъ прежде, опять явилась процессія и тянулась по малаи. Только вмѣсто настоящаго, или поддѣльнаго иньяма, несли на вилкахъ кокосовые листья. Едва носители положили свои ноши, пришла новая толпа, и каждая пара дикарей держала корзину изъ пальмовыхъ листьевъ. За тѣмъ явилась третья, съ разными родами маленькихъ рыбокъ, также привѣшенныхъ на вилки. Корзинки спавили передъ старикомъ, который бралъ ихъ одну за другою, переставлялъ и бормоталъ какія-то слова. Рыбокъ передали двумъ дикарямъ, имѣвшимъ въ рукахъ зеленыя вѣтви, такъ, что первую рыбку положили на правой сторонѣ подлѣ нихъ, вто-

рую на лѣвой. Все началось въ порядкѣ, но при шрепьей рыбкѣ, одинъ изъ дикарей, сидѣвшій сзади двухъ вѣпвеносцевъ, бросился впередъ и хотѣлъ схвапишь рыбку; ему нестали давашь, заспорили, и кончилось шѣмъ, что рыбку разорвали на кусочки. Нападашель бросалъ назадъ себя все, что успѣвалъ ухвашишь, а противники его клали опиняное по обѣ спороны подлѣ себя. Такая-же смѣшная драка была за слѣдующихъ рыбокъ, и все продолжалось, пока нападашель неуспѣлъ схвашишь рыбки цѣликомъ. Тогда все собраніе захлопало и закричало: *Маліе! Маліе* (хорошо)! Послѣ этого раскладка рыбокъ кончилась безъ помѣхи.

По совершеніи сего важнаго, по видимому, обряда, молишвами пригоповилось собраніе къ существенному предмепу праздника: царь допускалъ своего сына къ величайшей почесши — ѣсшь въ одно время съ нимъ. Это исполнено было на кускѣ поджареннаго иньяма, который поднесли вкусишь царю и сыну его. Въ шоржесшвенную минушу сію, Кука оборошили спиною къ зрѣлищу, шакъ, чшобы онъ ничего немогъ разглядѣшь. Капишанъ шихонько нарушилъ запрещеніе, но безъ пользы — шолпа зришелей загородила его опъ царя, и никакихъ подробносшей разглядѣшь было невозможно.

Вновь марши, конпръ-марши, процессіи, эволюціи, шо молчаливо, шо въ сопровожденіи шумныхъ пѣсенъ и движеній руками и ногами, слѣдовали за совершеніемъ шаинспва начи между опцомъ и сыномъ. Праздникъ заключился примѣрною биптвою, шолпа противъ шолпы и одинъ противъ одного;

потомъ борьбою и кулачнымъ боемъ, необходимыми принадлежностями всѣхъ здѣшнихъ народныхъ увеселеній.

Очевидно, что всѣ подробности начи, безсмысленныя для Европейскаго наблюдателя, должны были имѣть аллегорическое значеніе для шуземцевъ. Иньямы, фигуры, ихъ замѣняющія, кокосовые листья, длинныя вилки, молитвы, сраженія, переходы, перебѣжки, драка за рыбокъ, ѣда сына съ отцомъ, все это долженствовало знаменовать религіозныя эмблеммы и шуземные миѳы. Невозможно было обмануться въ этомъ, судя по благоговѣйному вниманію зрителей, по строгому и разсчитанному распоряженію подробностей, по выбору участниковъ и дѣйствующихъ изъ высшихъ званій, и наконецъ по строгому наблюденію приличій, какимъ подчинили даже присутствовавшихъ Европейцевъ. Желая удовлетворить своему любопытству, Англичане принуждены были обнажиться до пояса, распустить волосы по плечамъ, сидѣть на землѣ, поджавши подъ себя ноги, съ самымъ смиреннымъ и скромнымъ видомъ. Впрочемъ, начи, видѣнное ими, по словамъ дикарей, не было еще самое торжественное. Сказывали Куку, что черезъ три мѣсяца потомъ, на Тонга-Табу будутъ торжествовать другой начи, куда сойдутся всѣ жители острова и прибудутъ дикари съ Гапаи, Вавао, принося дань всякаго рода. Важная и грозная церемонія эта должна притомъ обагриться кровью нѣсколькихъ человѣкъ, приносимыхъ на жертву идоламъ.

Іюля 10-го 1777 года, Кукъ оставилъ Тонга-Табу, не безъ нѣкоторой опасности на мѣляхъ съ восточной стороны острова. Онъ остановился близъ Эоа, гдѣ былъ привѣтствованъ старшиной *Тагофа*, или Таи-Оне, какъ называли его Англичане въ 1773 году. Во время сей стоянки узнали, что Эоа почти весь совершенно принадлежалъ великимъ эгуи Тонга-Табскимъ и обработывался ихъ подчиненными. Впрочемъ, ничто особенное неозначило краткаго пребыванія здѣсь Кука. Англичане были только свидѣтелями наказанія, какому подвергся какой-то красавецъ, пойманный на мѣстѣ преступленія съ женщиною, находившеюся подъ запрещеніемъ табу. Приведя несчастнаго въ кругъ дикарей, подняли ему черепъ и разбили одну ногу дубиною. Безъ вступательства Англичанъ, ему пришлось-бы расплатиться смертью. Преступница, какъ превышавшая своего сообщника знатностью рода, расплатилась нѣсколькими палочными ударами.

Въ продолжительномъ своемъ здѣсь пребываніи, покидая окончательно Тонгскій архипелагъ, 17-го Іюля 1777 года, Кукъ неуспѣлъ осмотрѣть и описать только острова *Вавао*, и скалъ, около него лежащихъ.

Честь этого была предоставлена Испанцу Маурелю, начальнику фрегата *la Princesa*. Сей мореплаватель находился въ бѣдственномъ состояніи, когда, 26-го Февраля 1781 года, завидѣлъ островъ *Амаргура*, и прошелъ около него въ одной или двухъ миляхъ разстоянія. Онъ присталъ-бы къ

нему, если-бы утесистые берега непоказывали совершеннаго безплодія. Слѣдуя далѣе на югъ, Маурелль увидѣлъ на слѣдующій день землю, увѣнчанную возвышенною плоскостью. Вершина эта казалась обгорѣлою, но богатое и свѣжее произрастаніе покрывало ребра горы. Въ разстояніи мили появились уже близъ корабля лодки съ кокосами и бананами, которыхъ накупили для экипажа. Одинъ изъ старшинъ взошелъ на корабль и приглашалъ капитана пристать къ острову, который называлъ онъ *Латан*. Но Маурелль отказался, незамѣчая по берегу пристаней, и видя притомъ на востокъ земли, явно болѣе обширнѣйшія и безъ сомнѣнія болѣе важныя. Черезъ четыре дня потомъ, Испанцы стали у Вавао, въ прекрасной, надежной гавани, которую назвали они *гаванью Убѣжища*.

Съ самаго появленія ихъ у береговъ, обиліе смѣнило недостаткъ припасовъ; корабль завалили свиньями, курицами, кореньями и плодами. Успокоенный и безопасный, Маурелль былъ посѣщенъ эгуи, котораго называетъ онъ *Тубу* — вѣроятно, это Куковъ знакомецъ *Тубо*, братъ туи-гатакалава Мари-Вагуи и дядя Финау. Онъ былъ тогда уже старъ, и такой толстякъ, что почти внесли на палубу. Съ нимъ явилась жена его, молодая, пріятная, и такъ правильно красивая, что Маурелль сравниваетъ ее съ самыми обольстительными Европейками. Взойдя на корабль, знаменитые гости сѣли на вахтенной скамейкѣ, и дикари свиты ихъ цѣловали имъ ноги. Послѣ сего обряда начались привѣтствія. Тубо предложилъ капитану лодку,

наполненную папатами, а капитанъ отдарилъ за то прекрасными бездѣлками. Подробно былъ показанъ весь фрегатъ знаменитымъ посѣтителямъ; ихъ привели въ каюты, дали имъ разсмотрѣть батареи пушечныя, и они поплыли домой очарованные ласкою, приглашая Маурелля посѣтить ихъ взаимно. Капитанъ исполнилъ приглашеніе, отправился на берегъ Марта 7-го, съ вооруженнымъ прикрытіемъ, и имѣлъ почесть кавы, которую описываетъ неподозрѣвая важности такого угощенія.

«Тубу—говорилъ онъ—чрезвычайно ласкалъ меня и обнималъ стократно. Свита его сѣла, образовавши обширный кругъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ она прибыла. Принесли два пальмовые ковра. Король сѣлъ на одинъ изъ нихъ, а меня посадили на другой, съ правой руки его. Всѣ хранили глубокое молчаніе; только бывшіе подлѣ Тубу, и по преклоннымъ лѣтамъ своимъ, безъ сомнѣнія, болѣе уважаемые, тщательно повторяли всѣ слова его. Вскорѣ принесли кореньевъ, изъ которыхъ составили, въ особеннаго рода сосудахъ, напитокъ, вѣроятно, весьма горькаго вкуса, судя потому, что всякій, кто пилъ его, морщился. Питье это раздавали въ чашечкахъ, сдѣланныхъ изъ свернутаго банановаго листа. Три или четыре молодые Индійца первымъ предложили его мнѣ и Тубу. Я немогъ и отвѣдать, потому, что одинъ видъ напитка отвращалъ меня. Ближайшій къ Тубу дикарь указывалъ на тѣхъ, кого надобно подчивать, и кому неназначалъ онъ, тѣмъ непода-

вали. Потомъ поставили передо мною жареные пататы и бананы совершенно зрѣлые; я ѣлъ, и въ это время появились лодки, наполненныя подобнымъ кушаньемъ для раздачи моимъ солдатамъ. »

Маурелль посѣтилъ послѣ сего Тубо въ собственномъ его жилищѣ. На предшествовавшей аудіэнціи, жена Тубо являлась въ сопровожденіи 8-ми, или 10-ти молодыхъ дикарокъ, каждая отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ. Однѣ отгоняли отъ нея мухъ; на другихъ она опиралась, потому, что закутанная въ множество разныхъ лоскутовъ тканей, она немогла идти безъ помощи. Увидя Испанскаго капитана, ласково улыбнулась она, и привѣтливо произнесла: *Леле, леле* (хорошо, хорошо)!

Тубо заподчивалъ своего гостя праздниками, такъ-же какъ задушилъ его своими объятіями. Маурелль описываетъ всѣ угощенія столь добродушно, что грѣшно было-бы передавать его описанія съ какою нибудь перемѣною. И припомъ, умный Испанецъ видѣлъ все нехуже другихъ, только разсказываетъ своимъ манеромъ.

« Король пригласилъ меня на праздникъ, который вознамѣрился дать мнѣ. Переправясь на берегъ 12-го числа, я увидѣлъ въ густой рощѣ, близкой къ гавани, обширное круглое пространство, такъ хорошо вычищенное, что на немъ неосталось ни одного пенька. Немного спустя, Индійцы пошли попарно въ жилище Тубу, неся на плечахъ длинныя вилы, съ которыхъ висѣло множество пататовъ, банановъ, кокосовъ и рыбъ. Тубу велѣлъ

нести всѣ сіи припасы на недавно очищенное пространство, и тамъ составили изъ нихъ кучу кубической формы, вышиною въ двѣ *вары* (около 6-ти футовъ).

«Эгуи и почтенные старшины пришли препровождать Тубу, а онъ взялъ за руку меня, и такъ явились мы въ обширный кругъ, гдѣ дожидалось болѣе 2000 Индійцевъ. Мы сѣли на пальмовыхъ коврахъ, нарочно приготовленныхъ. Весь народъ сдѣлалъ тоже, но только соблюдая различіе кастъ и семействъ, которыя отнюдь немѣшались одни съ другими.

«Король предложилъ мнѣ тогда всю груду припасовъ, и ихъ перетаскали въ мою шлюпку, совершенно загрузивши ее. Носившіе стали потомъ на своихъ мѣстахъ, и глубокое молчаніе сохранялось, пока говорилъ Король. Тѣ, кому лѣта, или достоинства ихъ давали права сидѣть подлѣ Короля, повторяли всѣ слова его.

«Я незналъ чѣмъ все это кончится, и приказалъ между тѣмъ солдатамъ, которыми предводилъ мой первый лоцманъ, быть готовыми на стрѣльбу изъ ихъ ружей и пистолетовъ, если замѣтятъ они малѣйшее покушеніе на какую нибудь непріязнь.

«Тутъ вышелъ изъ рядовъ молодой человѣкъ, сильный и могучій, положивъ лѣвую руку на грудь и правою ударяя по своему локтю. Онъ сдѣлалъ такимъ образомъ, кругомъ по собранію, множество прыжковъ, пропивъ тѣхъ, которые небыли его родичи. Потомъ явился другой, производя подоб-

ные-же прыжки, и оба они схватились наконецъ бороться, уцѣпившись другъ за друга съ такимъ усиліемъ, что всѣ жилы и нервы ихъ напряглись. Борьба кончилась паденіемъ одного изъ соперниковъ, столь жестокимъ, что я сомнѣвался: можетъ-ли этотъ упавшій снова подняться. Но онъ поднялся однакожь, весь въ пыли, и удалился, несмѣя повернуть лица. Побѣдитель воздалъ почтеніе Королю, а поколѣніе его запѣло, незнаю только, прославляя-ли побѣду своего родича, или порицая стыдомъ побѣжденнаго имъ непріятеля.

«Такая борьба продолжалась нѣсколько часовъ; у одного изъ борцовъ переломили руку; другихъ видѣлъ я оглушенныхъ жестокими ударами. Пока пянулось это увеселеніе, предстали новые атлеты, окутавши руки и кисти у рукъ толстыми веревками, что замѣняло имъ *сесть*. Сей родъ битвы былъ гораздо страшнѣе борьбы. Съ первыхъ взмаховъ, сражавшіеся начали бить другъ друга въ лобъ, брови, щеки, во всѣ части лица, и кому доставались сіи жестокіе удары, тѣ дѣлались бѣшенѣе и горячѣе. Я видѣлъ низпровергнутыхъ съ перваго кулачнаго тычка. Зрители этихъ сраженій глядѣли на нихъ съ какимъ-то почтеніемъ, и не всѣ были допускаемы принимать участіе въ нихъ.

«Женщины, особливо прислужницы Королевы, присутствовали при этомъ праздникѣ. Я нашелъ ихъ совсѣмъ другими, нежели каковы казались онѣ мнѣ до сихъ поръ. Совсѣмъ непочиталъ я ихъ и прежде некрасивыми, но въ этотъ день были онѣ убраны лучшими своими нарядами. — Ихъ плащи,

прекрасно сложенные, и укрѣпленные на лѣвомъ плечѣ большимъ узломъ, ожерелья изъ большихъ пронизокъ на ихъ шеяхъ, волосы красиво заплетенные, шѣло вымытое и облагоуханное масломъ, съ весьма пріятнымъ запахомъ, кожа, столь опрятная, что на ней небыло пылинки малѣйшей — все это обратило мое вниманіе, и представило дикарокъ гораздо болѣе красивыми, нежели прежде.

« Король приказалъ женщинамъ драться на кулачкахъ, какъ мужчинамъ. Онѣ схватились съ такимъ ожесточеніемъ, что неоставили-бы другъ другу ни одного цѣлаго зуба, если-бы отъ времени до времени неразлучали ихъ. Это зрѣлище взволновало мою душу, и я просилъ Короля прекратить ихъ битву. Онъ согласился на просьбу мою, и всѣ прославляли состраданіе, какое показалъ я къ бѣднымъ дикимъ дѣвушкамъ.

« Тубо заставилъ потомъ пѣть одну старуху, у которой на шеѣ висѣла оловянная чашечка, и старуха непереставала пѣть цѣлые полчаса, сопровождая пѣсню свою движеніями, по которымъ можно-бъ было почесть ее актрисою, декламирующею на театрѣ.

« Наконецъ игры прекратились, и мы вернулись въ жилище Короля. Тутъ нашелъ я Королеву, принявшую меня съ обыкновенными знаками благоволенія. Я спросилъ у нея, почему неприсутствовала она на праздникѣ; она отвѣчала мнѣ, что такого рода побоищи ей ненравятся.

« Узелъ дружбы завязался между нами до такой степени, что Тубо назвалъ меня своимъ гоха

(hoxa), то есть, братомъ (правильнѣе, *офа*, другомъ). Я распростился съ нимъ и съ Королевою, и отправился на пристань. Приморье было покрыто Индійцами, оказывавшими тысячи ласкъ моимъ подчиненнымъ, за то, что мы согласились присутствовать на ихъ праздникѣ.

« Побѣдители въ бою подняли меня на плеча, и такъ посадили меня въ шлюпку. Тубо, изъ своего жалища видѣвшій толпу, зная, какъ непріятно мнѣ, когда Индійцы смѣшиваются съ моими людьми, приказалъ своимъ капитанамъ разогнать островитянъ, и самъ такъ разсердился на народъ, что вышелъ съ большою палкою и билъ всякаго, кто попадался ему подъ руку. Всѣ бросились въ лѣса; двое, которымъ досталось болѣе другихъ, были оставлены на мѣстѣ за-мертво, и незнаю небыли-ль они изувѣчены. »

Вотъ разсказъ Маурелля, добродушный, трогательный, почти пасторальный въ разныхъ частяхъ его. Между тѣмъ, рядомъ съ этими праздниками и торжественными изъявленіями дружества, нѣсколько покушеній на воровство показали привычный инстинктъ островитянъ. Надобно было выстрѣлить изъ пистолета въ дикаря, болѣе другихъ дерзкаго, который покушался уже въ другой разъ отвязать цѣпь отъ руля. Доброе согласіе непрекращалось, и сожалѣніе всѣхъ дикарей сопровождало Маурелля, когда приготовился онъ къ отбытію отъ острововъ. Маурелль далъ этой купѣ названіе *острововъ дона Мартина Майорга.* Ихъ означаютъ теперь на картахъ подъ именемъ купы

Гафулу-Гу, въ которой главная земля островъ *Вавао*. Испанскій капитанъ видѣлъ потомъ острова Гапаи, осмотрѣлъ ихъ съ моря, и былъ посѣщенъ на кораблѣ начальникомъ, называвшимъ себя царемъ сорока восьми острововъ. Направясь далѣе къ югу, Маурелль видѣлъ Тофуа, и назвалъ его *Санъ-Кристовалъ* (San-Cristoval); скалы Гунга-Тонга и Гунга-Гапаи названы имъ *las Colubras*; Пильстартъ, наименованъ имъ *la Sola*; наконецъ, какой-то островъ *Васкезъ* (Vasquez), котораго послѣ него невидалъ никто. Достигнувъ 30° ш. ю., Маурелль вернулся назадъ и правилъ къ С., намѣреваясь снова отдохнуть при Вавао, но вѣтры и морское теченіе сбили его, и принудили уже прямо пуститься къ островамъ Маріаннскимъ.

Въ концѣ Декабря 1787 года, явился здѣсь Лаперузъ. Постепенно осмотрѣлъ онъ Вавао, Амаргура, Лапаи, Као, Тофуа и скалы Гунга-Тонга и Гунга-Гапаи. Декабря 31-го, когда обходилъ онъ мѣли Тонга-Табу, семь или восемь лодокъ явились къ нему, и одинъ изъ взошедшихъ на корабль дикарей назывался сыномъ Финау. Сношенія, впрочемъ самыя краткія, были совершенно дружескія, и осмотрѣвши Пильстартъ, Лаперузъ отправился въ Ботани-Бей. Когда возвращался онъ изъ сей колоніи, кажется, по двойному мнѣнію Дюмонъ Дюрвиля и Диллона, основанному на изъясненіяхъ, взятыхъ въ самыхъ источникахъ, что Лаперузъ снова посѣщалъ архипелагъ Тонгскій, прежде погибели своей на скалахъ Ваникоро. Впрочемъ, мнѣніе упомянутыхъ нами мореплавателей разнится

въ одномъ пункшѣ. Слѣдуя Дюрвилю, лично спрашивавшему изъясненій у царицы Тамаги, во время пребыванія на Тонга-Табу, Лаперузъ провелъ десять дней у Намука, и его экспедиція осшалась въ памяши шуземцевъ подъ именемъ *Луаджи*, шакъ, какъ поиомъ экспедицію Данпркасто означили они на память именемъ *Селенари*. Но слѣдуя разсказу Англійскаго капишана, Лаперузъ здѣсь совсѣмъ неосшанавливался, а шолько крейсировалъ около сушокъ передъ осшровомъ.

Въ Апрѣлѣ 1789 года, пришелъ сюда Блей и провелъ при дня у Намука, гдѣ видѣлъ двухъ спаршинъ, называвшихся Тубо, и одного по имени *Таипа*. По ихъ разсказамъ, Пулаго, Финау и Тубо осшавались еще въ живыхъ. Черезъ два дня послѣ опъѣзда ошъ осшрова сдѣлалось на кораблѣ возмущеніе, лишившее Блея начальсшва и предавшее его, съ немногими, осшавшимися ему вѣрными людьми, на произволъ свирѣпосши Океана. Объ эшомъ я уже разсказывалъ. Блей успѣлъ въ своей шлюпкѣ приспашь къ Тофуа, гдѣ дикари, сначала благосклонные, кончили спараніемъ насильно захвашишь Англичанъ. На приспани началась драка, и одинъ оспавшій машрозъ былъ схваченъ и изувѣченъ. Шлюпки, успѣвши ошбишься, были преслѣдованы, и небросивши въ море кой-какой одежды, чѣмъ успѣли заняшь осшровишянъ, Англичане конечно досшались-бы въ руки своихъ дерзкихъ непріяшелей.

Послѣ Блея, мы находимъ здѣсь, въ 1791 году, капишана Эдуардса (Edwards), который два раза

останавливался у Намука, и могъ убѣдиться въ непреодолимой склонности туземцевъ къ воровству. Они нападали нѣсколько разъ, и при такомъ случаѣ одинъ изъ хищниковъ былъ убитъ. Впрочемъ, начальники показались весьма хорошо расположенными, и царь, котораго Эдуардсъ называетъ *Фетафи* (вѣроятно, *Фата-Фаи*), согласился плыть на Эдуардсовомъ кораблѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ Тубо къ Тофуа. Былъ-ли этотъ Фата-Фаи самъ Пулаго, или братъ его? Неизвѣстно, но, кажется, Пулаго умеръ уже въ это время, ибо Данпркасто уже незастaлъ его. По словамъ Дюмонъ-Дюрвиля и переводчика его Синглетона, Пулаго умеръ и былъ погребенъ на Вавао. Также является достовѣрнымъ, что Финау несуществовалъ уже болѣе, когда останавливался здѣсь Эдуардсъ.

Данпркасто (D'Entrecasteaux) остановился у Тонга-Табу 23-го Марта 1793 года. Тогда верховная власть находилась здѣсь въ рукахъ Тубо, или *Му-Муи*, младшаго брата Тубо-Лаги и Мари-Вагуи, наслѣдовавшаго званіе туи-гапа-калава. Юный Фапа-Фаи, сынъ Пулаго (собственное имя его было *Фуа-Нуну-Гава*), хотя уже и лѣтъ 24-хъ отъ роду, все еще небылъ облеченъ типпуломъ туитонга. Тетка его *Тине*, женщина, умѣвшая пріобрѣсть большое вліяніе, получала почести отъ всѣхъ, какъ тамага, или *туи-тонга-фафине*. Какой-то Финау игралъ важную ролю во время Данпркасто, и незнаемъ: былъ-ли это *Финау-Лука-Лало*, умершій при появленіи первыхъ Миссіонеровъ, или *Финау-Тугу-Аго*, кузинъ Кукова Финау? Впрочемъ,

имя *Финау* было весьма обыкновенно въ семействѣ Тубовъ.

Первыя сношенія Французовъ съ дикарями запечатлѣлись кровавыми ссорами. Воровство неистребимое было этому виною. Въ одной изъ ссоръ жестоко ранили матроза. Финау представилъ виновнаго дикаря, и даже просилъ казнить его. Дантркасто удовольствовался порядочнымъ урокомъ линьками.

И на сей разъ необошлось безъ нѣкоторыхъ празднествъ. Но они неимѣли ни важности, ни торжественности данныхъ Куку. Марта 30-го Дантркасто отправился на одинъ изъ праздниковъ, и нашелъ все ничтожнымъ, неопрятнымъ и безвкуснымъ. Поступая щедрѣе туземныхъ старшинъ, начальникъ экспедиціи раздалъ богатые подарки, но ихъ приняли весьма холодно. Съ трудомъ и какимъ-то принужденіемъ отвѣчали на его вопросы; на требованія находили увертки, изворотцы, предлоги; всѣ казались въ замѣшательствѣ; туи-тонга, эгуи, народъ—всѣ смотрѣли недовѣрчиво и смятенно. Дантркасто замѣтилъ все это и удалился прежде окончанія увеселеній.

Дѣло объясняется изслѣдованіями Дюмонъ-Дюрвиля: рановременное удаленіе спасло Дантркасто и его товарищей. У дикарей сдѣланъ былъ вѣроломный умыселъ, и праздникомъ прикрыли они измѣну. Неудачѣ причиною былъ только случай, и жертвы избавились опасности, когда заговорщики небыли еще вполнѣ готовы. Синглетонъ неоднажды слышалъ разсказъ объ этомъ отъ своего по-

кровителя старика Веа, который не одобрялъ вѣроломнаго замысла, но немогъ его отвратить.

Какъ-бы то ни было, но Данткрасто понялъ, что кротость невсегда бываетъ лучшимъ средствомъ приобрѣсть уваженіе здѣшнихъ дикарей. Воровства ихъ продолжались, жалобы неостанавливали дерзкихъ; Французы расплатились однажды съ бездѣльниками картечью. Трое изъ нихъ были убиты. Небоясь такого урока, другіе приплыли на другой день въ лодкахъ, и спокойно продолжали торговлю, какъ будто ничего не случилось. Впрочемъ, воры принадлежали къ самому нисшему званію народа, и начальники нетолько нежалѣли о смерти ихъ и нехотѣли мстить за нихъ, но первые готовы были проломать имъ головы дубьемъ. Охотно рады были они перерѣзать своихъ гостей гуртомъ, и завладѣть чужимъ добромъ безъ остатка, но — маленькое воровство казалось имъ непростительнымъ преступленіемъ.

Знаменитая Тине, тамага острова, сама переселилась на время на островъ Пангаи-Моду, прошивъ стоянки кораблей, желая по нѣскольку дней угощать своихъ посѣтителей. Апрѣля 3-го данъ былъ Французскимъ офицерамъ праздникъ, главнѣйше состоявшій въ дневныхъ пляскахъ. «Мѣра, то медленная, то быстрая—говоритъ Данткрасто—придавала порядокъ пляскамъ, производя весьма пріятное дѣйствіе. Въ этихъ балетахъ дикарей общность шла такъ хорошо, какъ въ нашихъ лучшихъ спектакляхъ, и я несомнѣваюсь, что они

принесли-бы большое удовольствіе даже и на сценѣ большой Оперы Парижской.

При разныхъ случаяхъ, Дантркасто могъ замѣтить, что глубокое почтеніе островитянъ къ нѣкоторымъ членамъ священнаго для нихъ царскаго семейства, не всегда соединяло съ этимъ идею о верховной власти. Любопытный примѣръ видѣлъ онъ даже на своемъ кораблѣ. Фаша-Фаи находился въ каютѣ начальника съ своимъ родственникомъ, и получилъ нѣкоторые подарки. Тутъ пришелъ братъ старшины Тубо, и Фаша-Фаи поспѣшилъ спрятать отъ взоровъ его вещи, ему подаренныя, какъ будто боясь, что ихъ у него отнимутъ. Но предосторожность не спасла бѣднаго властителя. Замѣтивши подарки, новый гость подошелъ къ царю и вынулъ ихъ у него изъ за-пояса. Фаша-Фаи, казалось, уступилъ охотно, но когда онъ вышелъ изъ каюты вмѣстѣ съ грабителемъ, то остановился, протянулъ руку назадъ, и наглецъ принужденъ былъ исполнить передъ нимъ мое-мое. Такимъ образомъ выходило, что наслѣдники туи-тонговъ имѣли право заставлять цѣловать себѣ ноги, когда имъ было угодно, и между тѣмъ лишены были права защищаться противъ человѣка, который отнимаетъ у нихъ собственность. Странное и неизъяснимое противорѣчіе!

Послѣ пребыванія, почти двухъ — недѣльнаго, Дантркасто оставилъ Тонга-Табу 9-го Апрѣля. Воспоминаніе о приходѣ его къ архипелагу, какъ я уже сказалъ, дикари означаютъ именемъ *Селенари*. Это исковерканное слово: général (генералъ),

которымъ подчиненные Данпркасто наиболѣе называли его въ обращеніи съ туземцами.

Послѣ того явился на Намукской пристани Американскій корабль, съ котораго бѣжали шестеро матрозовъ, первые изъ Европейцевъ, оставшихся на Тонгскомъ архипелагѣ. Четверо изъ нихъ жили однакожъ здѣсь недолго, но двое, Коннеллей и Амблеръ, переплыли на Тонга-Табу и основались тамъ. Всѣ они были большіе негодяи, и дикарямъ ничему доброму научиться отъ нихъ было невозможно.

Наконецъ прибылъ, въ Апрѣлѣ 1797 года, капитанъ Вильсонъ, съ кораблемъ Duff, на которомъ находились Миссіонеры. Санъ туи-тонга принадлежалъ тогда *Фуа-нуну-Гава*, котораго означаетъ Вильсонъ подъ родовымъ именемъ Фапа-Фаи. Старикъ Тубо-Му-Муи сохранялъ еще политическую власть, но, обремененный лѣтами, онъ возложилъ заботы правленія на сына своего *Финау-Тугу-Аго*, человѣка необыкновенной храбрости, но характера жестокаго и свирѣпаго. Онъ успѣлъ уже тогда лишить силы и изгнать изъ Тонга-Табу вдову Пулаго и ея сообщниковъ.

Когда *Duff* занялъ мѣсто на пристани и Вильсонъ сошелъ на берегъ, извѣдать расположеніе старшинъ, ему отвѣчали съ перваго раза, что рады имѣть у себя нѣсколькихъ Европейцовъ. По этому увѣренію, десять Миссіонеровъ переправились на землю и основались въ Гифо, подъ особеннымъ покровительствомъ Тугу-Аго. Такого покровителя выбрали нестолько потому, что

надѣялись большей безопасности, сколько потому наиболѣе, что онъ былъ страшенъ всѣмъ другимъ начальникамъ. «Тугу-Аго,» говоритъ Вильсонъ, «человѣкъ лѣтъ около сорока, мрачный и молчаливый. Говоритъ онъ мало, но въ гнѣвѣ голосъ его гремитъ, будто рыканіе льва». Фата-Фаи, напротивъ, по словамъ Вильсона, былъ человѣкъ одинакихъ лѣтъ съ Тугу-Аго, столь-же сильный и складный, но съ пріятными, ласковыми, предупредительными манерами; походка его была благородная и величественная, и все показывало въ немъ умъ и желаніе научиться.

Среди переговоровъ о поселеніи Миссіонеровъ на островѣ, чуть было не настала неожиданная и страшная бѣда. Безъ всякой предварительной угрозы, Вильсонъ вдругъ увидѣлъ корабль свой окруженнымъ многими сотнями лодокъ, на которыхъ находилось болѣе 3000 человѣкъ вооруженныхъ. Американецъ Амблеръ, о которомъ мы говорили выше, извѣстилъ Вильсона, что заговоръ, во главѣ коего опять явился одинъ Финау, былъ готовъ къ приведенію въ дѣйствіе, и что флотъ дикарей, подъ видомъ мирной торговли, готовится окружить и захватить корабль. Немедленно приняты были мѣры къ отраженію непріятеля. Когда лодки дикарскія стали вокругъ корабля, на палубу пустили только начальниковъ шуземныхъ, и они сдѣлались неожиданными аманатами, при недопущеніи другихъ дикарей и строгомъ за ними надзорѣ. Заговорщикъ Финау увидѣлъ, что мина его под-

копа была ошкрыпа, отложилъ нападки и разсыпался въ ласковостяхъ.

Въ другой разъ, во время бурной ночи, около 11-ти часовъ вечера замѣтили лодку, скользившую около корабля. Очевидно было намѣреніе дикарей: они хотѣли обрубить якорные канаты; тогда корабль, при настоящемъ направленіи вѣтра, долженъ былъ удариться и разбиться о прибрежные коралы. Часовой примѣтилъ злоумышленниковъ, выстрѣлилъ въ нихъ; они побросались изъ лодки въ море и спаслись вплавь.

Апрѣля 15-го Вильсонъ отправился далѣе оставя Миссіонеровъ усердію дикарей. Сначала участь этихъ проповѣдниковъ была довольно сносна, и даже нѣсколько времени надѣялись они на успѣхъ своихъ предпріятій.

Около этого времени старый Му-Муи сдѣлался опасно боленъ. Для отвращенія опасности, обычай требовалъ принесенія на жертву одного изъ членовъ семейства. Тугу-Аго выбралъ своего юнаго брата Коли-Лало. Несчастнаго завели въ засаду въ Ніуку-Лафа. Дикарь храбро защищался, изувѣчилъ на смерть трехъ противниковъ, и едва могли удалить его три островитяна съ острововъ Вити, побужденные на убійство его родною сестрою. Тугу-Аго, обрекшій брата на смерть, похоронилъ прупъ его со всѣми почестями. Нерѣдко потомъ прихаживалъ онъ плакать на его могилѣ, склонивши локти на колѣна и закрывши лицо руками. Такъ просиживалъ онъ по нѣскольку часовъ, и удалялся потомъ съ грустью.

Но жалкая жертва неспасла стараго Му-Муи. Онъ умеръ. Тѣло его надлежало похоронить съ обычными почестями. Какъ предуготовленіе печальнаго обряда, началось рѣзанье тѣла и разбиванье головъ остроконечными. Двѣ жены покойнаго приготовляемы были въ жертву на его фаи-тока. Лугъ, посреди коего лежалъ трупъ Му-Муи, ежедневно покрывался приношеніями всякаго рода.

Наконецъ, Мая 2-го началось самое погребеніе. Туи-тонга-фафине и Фата-Фаи предводили имъ. Съ разсвѣтомъ дня, 4000 дикарей уже столпились вокругъ фаи-тока. Безумные обряды открылись при несогласномъ шумѣ тысячи голосовъ и звукахъ раковинъ. Сто человѣкъ, вооруженныхъ копьями и дубинами, бросились на средину луга. Они бились, рѣзались, какъ попало, ломали другъ другу головы дубинами, и удары были столь жестоки, что глухой гулъ ихъ слышанъ былъ за 15-ть и 20 туазовъ отъ мѣста побоища. Вся трава взмокла кровью. Тутъ одни бѣжали, будто сумасшедшіе, бросаясь на пики и стараясь вонзить острее ихъ въ тѣло себѣ; другіе прокалывали руки; иные ноги; все это дѣлалось съ самыми жалобными словами, съ самымъ нѣжнымъ обращеніемъ къ покойнику. Одинъ урожденецъ Вити, слуга умершаго, вымазалъ себѣ масломъ все тѣло и голову, и потомъ зажегъ волосы на головѣ. Тихо и важно расхаживалъ онъ между другими съ горящею головою. Послѣ этого перваго отдѣленія страдальцевъ явилась другая толпа ихъ, потомъ третья, и каждое отдѣленіе старалось усилить добровольныя

мученія надъ собою, превосходя другихъ, и каждый страдалецъ отдѣльно желалъ превзойдти товарищей утонченностью своихъ терзаній.

Печальныя и тихія пѣнія прекратили эти ужасныя сцены, и на позорище выступила толпа женщинъ; около ста сорока дикарокъ шли цѣпью, одна послѣ другой, каждая неся корзинку съ землею; восемдесятъ мужчинъ слѣдовали за ними, съ корзинкою на каждой рукѣ, и всѣ пѣли: «Вотъ благословеніе мертвымъ.» Женщины повторяли сіи слова. За тѣмъ пришла другая толпа женщинъ, съ множествомъ тканей, повторяя плачевные припѣвы. Всѣ соединились и отправились къ гробу, устилая прекрасными рогожками и драгоцѣнными тканями часть земли, между хижиною, гдѣ лежало тѣло, и могилою его. Вскорѣ, при звукѣ раковинъ, печальныхъ и важныхъ пѣсняхъ толпы, тѣло понесли къ фаи-тока на большой связкѣ черныхъ тканей. Тутъ начались приношенія мертвецу; могилу покрыли тканями, богатыми рогожками и драгоцѣнными вещами. Каждый дикарь, каждый старшина принесъ свой подарокъ, сообразный его званію и богатству; Тугу-Аго прислалъ тридцать пять связокъ тканей на тридцати пяти носилкахъ. Между тѣмъ добровольныя мученія непрекращались: одни рѣзали себѣ пальцы, другіе уродовали лицо и терзали себя волокнами кокосовыхъ орѣховъ, привязанными къ рукамъ. Родственники и служители покойнаго особенно старались отличиться изысканностью доказательствъ своей печали.

Наконецъ тѣло опущено было въ послѣднее жилище, которое составляла яма, вырытая на вершинѣ фаи-нока. Ее закрыли камнемъ, футовъ 8-ми длиною, 4-ре шириною и одинъ футъ толщины. Для поднятія камня надлежало употребить двѣ толстыя веревки и силу отъ пятидесяти человѣкъ. Тихо опустили камень, когда трупъ былъ положенъ въ могилу, пока женщины и дѣти горько плакали и кричали: «Отецъ нашъ! Отецъ нашъ! Лучшій изъ начальниковъ!» Во время опущенія камня, въ отверзшую могилу безпрестанно бросали шкани и рогожки, а отчаянные рѣзаки съ бѣшенствомъ уродовали тѣло свое, какъ будто стараясь воспользоваться немногимъ, остававшимся имъ временемъ. Такое изступленіе кончилось съ окончаніемъ обряда, и когда веревки сняты были съ вершины насыпи, раздался продолжительный крикъ, на который отвѣчали всѣ присутствовавшіе воплемъ, раздирая гирлянды изъ цвѣтовъ ти (dracaena), повѣшенныя на ихъ шеяхъ. Этимъ окончился первый день печали, но сѣтованія продолжались почти цѣлый мѣсяцъ, только небыли они такъ жестоки и преувеличены, и Мая 28-го большимъ бумеи кончились продолжительныя и кровавыя похороны знаменитаго начальника.

Среди такого-то народа остались Миссіонеры, принужденные видѣть исполненіе языческихъ обрядовъ, неимѣя возможности уничтожить ихъ. Положеніе ихъ неулучшалось. Двое негодяевъ Коннеллей и Амблеръ, при пособіи товарища своего Моргана, возбуждали противъ нихъ дикарей. Тугу-

Аго неслушалъ, правда, совѣта этихъ людей злонамѣренныхъ, и продолжалъ свое покровительство Миссіонерамъ, но они разсчитали однакожъ, что безопаснѣе будетъ для ихъ будущности, если они неостанутся подъ защитою только одного начальника. Потому разсѣялись они по всему острову. Только двое осталось у Тугу-Аго, а другіе избрали себѣ покровителями четырехъ другихъ эгуи, самыхъ сильныхъ послѣ него.

Мая 14-го торжественно былъ онъ облеченъ типуломъ и почестями туи-кана-каболо, и перемѣнилъ имя свое, Финау-Тугу, на Талаи Табу, имя бога покровителя его семейства. Подъ смертною казнью надлежало называть его новымъ именемъ, и Тугу нешутилъ съ нарушителями его повелѣній. Миссіонеры много разъ имѣли случай удостовѣриться въ его неслыханной свирѣпости. Если ему неправился человѣкъ — безъ всякой причины и безъ суда, несчастному отрубали руку. Одинъ разъ, оскорбленный какимъ-то бѣднякомъ, онъ велѣлъ схватить его, связать ему руки надъ головою, и въ такомъ положеніи жечь ему подъ мышками горячими головнями. Едва могли Миссіонеры испросить пощаду несчастному страдальцу.

Въ это время Тонга-Табу страшили землетрясенія, сильныя и нѣсколько разъ повторявшіяся. Все народонаселеніе архипелага ужаснулось. Дикари думали, что сіи явленія свидѣтельствуютъ гнѣвъ великихъ *готуа,* и старались отвратить бѣдствія жертвами и моленіями. Впрочемъ, подобныя потрясенія несчитались здѣсь никогда рѣдкостью, и мо-

гли быть предвидимы; но нѣкоторые изъ ударовъ были столь однакожь жестоки, что ниспровергали строенія и съ корнемъ вырывали деревья.

Послѣ вторичнаго прихода Вильсона, окончательно отплывшаго въ Европу Сентября 7-го, 1797 года, предоставя участь Миссіонеровъ волѣ Божіей, почти лѣтъ тридцать Тонга-Табу небылъ посѣщаемъ замѣчательными мореплавателями. Ни одна оффиціяльная экспедиція неприставала къ берегамъ его, и немногіе искатели приключеній по Океанійскимъ морямъ, почти всѣ, встрѣчали здѣсь гибельный конецъ. Потому исторія этихъ лѣтъ была-бы, можетъ быть, вовсе невѣдомою для насъ, если-бы Англичанинъ Маринеръ несобралъ изустныхъ преданій туземцевъ и непередалъ намъ.

Главнымъ лицомъ и свирѣпымъ тираномъ этого времени былъ Тугу-Аго, или Талаи-Табу. Онъ властвовалъ будто лютый тигръ, казня, увѣча своихъ подчиненныхъ, такъ, что никакой деспотъ Азіи немогъ-бы съ нимъ сравниться. Однажды, отъ нѣчего дѣлать при торжествѣ кавы, онъ приказалъ отрубить лѣвыя руки двѣнадцати своимъ служителямъ. Всякому, кто ему неправился, рѣзали носъ, рубили уши, выкалывали глаза. Такое звѣрство утѣшало злодѣя.

Но эта свирѣпость, показывавшая какое-то безуміе, скоро привела всѣхъ въ отчаяніе и возставила главныхъ начальниковъ противъ тирана. Устроился заговоръ, начинщикомъ котораго явился сильный эгуи *Тубо-Ніуга*. Онъ подговорилъ съ собою брата своего *Финау*, начальника всѣхъ Га-

пайскихъ острововъ, но подвластнаго Тугу-Аго. Братья рѣшились избавить архипелагъ Тонгскій отъ сумасшедшаго звѣря. Вечеромъ, какъ кажется, въ Маѣ 1799 года, Финау и братъ его пристали съ своими подчиненными въ Гифо, гдѣ находился тогда Тугу-Аго. Предлогомъ пріѣзда сказано желаніе воздать привѣтъ туи-кана-каболо, и поднесть ему подарки. По причинѣ поздняго прибытія, надобно было оставить гостей переночевать. Едва всѣ погрузились въ глубокій сонъ, заговорщики встали. Финау долженъ былъ съ своими людьми стеречь всѣ выходы жилища, а Тубо-Ніуга взялъ на себя обязанность пройдти во внутренность его и своеручно убить спящаго властителя. Все исполнилось удачно. Смѣлый убійца прокрался къ своей жертвѣ, и чтобы несчастный зналъ отъ чьей руки наносится ударъ, онъ разбудилъ Тугу-Аго, сказалъ ему: «Я, Тубо-Ніуга, убиваю тебя!» и потомъ разбилъ ему голову дубиною, оставя бездыханнаго. Кровопролитіе жестокое слѣдовало за симъ убійствомъ; все семейство гу было погублено, кромѣ трехъ-лѣтняго младенца, усыновленнаго Тубо-Ніуга и спасеннаго имъ среди общей гибели.

Этой горсти убійцъ было достаточно довести злоумышленіе до удачной развязки, но они боялись остаться на мѣстѣ, гдѣ могли захватить ихъ озлобленные родственники и друзья убитаго. Тубо-Ніуга и Финау удалились въ округъ Гагуи, и оттуда наблюдали движенія противниковъ. Весь Тонга-Табу взволновался при извѣстіи объ ужасномъ событіи. Во всѣхъ сторонахъ раздавались звуки во-

енной раковины, призывавшіе дикарей къ оружію; общее ополченіе двигалось противъ убійцъ. Они съ своей стороны соединяли морскія и сухопутныя силы, захватили нечаянно и разсѣяли флотъ непріятельскій, переправились въ Гифо, и завязали дѣло съ войсками, находившимися на тамошнемъ прибрежьи. Послѣ упорнаго боя, Финау и братъ его уступили, отошли опять къ Гагуи, но случай доставилъ имъ сильнаго помощника. Это былъ *Туи-Гала-Фатаи*, побѣдитель острововъ Виши, знаменитѣйшій воинъ Тонгскій. Предводя отчаянными, подобными ему удальцами, два года бился онъ съ Вишійцами, народомъ храбрымъ и дикимъ, опустошалъ ихъ земли, раззорялъ жилища, рѣзалъ жителей. Упомленный успѣхами и грабежемъ, возвратился онъ на Тонга-Табу, въ то самое время, когда Финау и братъ его уступили силѣ и храбрости противниковъ. Можно судить о радости побѣжденныхъ, когда имъ предложили свою услугу люди, дышавшіе только войною, восхищенные тѣмъ, что битвы начались наихъ родной землѣ! Безстрашный предводитель кочеваго разбоя былъ смертельно боленъ, но если ему оставалось еще жить, хоть одинъ день — онъ хотѣлъ употребить его съ пользою.

И на другой-же день, 29-го Мая началась снова война. Туи-Гала-Фатаи, Финау, Тубо-Ніуга направились къ Гифо. Противники ихъ, неменѣе расположенные на сраженіе, избавили ихъ отъ половины пути. Когда войска сблизились, какъ будто по обоюдному согласію, минуту посвятили отдыху, но не-

терпѣвшій никакой отсрочки, Туи-Гала-Фаиаи бросился съ своими воинами на отрядъ непріятельскій. Начало было сдѣлано и битва завязалась общая. Она была отчаянна и кровава, упорна и убійственна съ обѣихъ сторонъ. Финау и его товарищи соперничали между собою въ страшныхъ свидѣтельствахъ храбрости. Зная, что ему нежить уже и безъ того отъ болѣзни, Туи-Гала-Фаиаи искалъ смерти, устлалъ землю вокругъ себя трупами и палъ на нихъ, пронзенный двадцатью ударами копей. Но крѣпкій болѣе его и могучій, Тубо-Ніуга остался невредимъ среди сорока труповъ, свидѣтельствовавшихъ страшную силу его головолома. Неменѣе храбрый, но болѣе осторожный, Финау разсчитывалъ свои удары, но тѣмъ вѣрнѣе были они. Одушевляемые тремя своими предводителями, подчиненные сражались свирѣпо. Непріятель былъ разбитъ.

Но побѣда, слишкомъ дорого стоившая Финау, непредставила слѣдствій рѣшительныхъ, такъ, что онъ несмѣлъ ожидать новаго нападенія сообщниковъ и друзей зарѣзаннаго имъ гу. Онъ удалился въ свои Гапайскія владѣнія; въ двухъ встрѣчахъ на Намука разбилъ воиновъ Тугу-Аго, и тѣмъ утвердилъ свое владычество на архипелагѣ Гапайскомъ, съ того времени сдѣлавшемся независимымъ. Такое измѣненіе дѣлъ немогло неотразиться на побѣжденныхъ. Разные эгуи и маша-буле подверглись страшному мщенію Финау. Ихъ кучами бросали въ лодки, топили, или пускали по открытому морю; другіе, нагіе и связанные, были

привязываемы къ кольямъ, вбитымъ въ землю, и издыхали голодомъ. Дикари говорятъ, что до сихъ поръ еще слышны бываютъ вопли этихъ несчастныхъ въ шумѣ морскихъ волнъ.

Безопасные на Гапаяхъ, Финау и Тубо-Ніуга помышляли о покореніи Вавао. Начальникъ этого архипелага, управлявшій отъ имени Тугу-Аго, хотѣлъ крѣпко стоять противъ побѣдителей, утомлялъ ихъ мѣлкою войною изъ засадъ, но всѣхъ усилій его недостало и на двѣ недѣли. Финау сдѣлался полновластнымъ господиномъ обширнаго острова. Тутъ оставилъ онъ, какъ подвластнаго ему царя, брата и союзника своего Тубо-Ніуга, и воротился въ мѣсто пребыванія своего Гапаи, обдумывать нападеніе на Тонга-Табу.

Несчастный островъ былъ тогда въ состояніи самаго плачевнаго безначалія. Послѣ Тугу-Або неосталось ниодного прямаго наслѣдника, и косвенныя отрасли Царскаго семейства спорили за наслѣдство. Островъ былъ раздѣленъ на двадцать партій, и каждая влекла къ себѣ часть вліянія и владычества. Вмѣсто одного царя было ихъ двѣнадцать; каждый ограждался своею крѣпостью, грозилъ, нападалъ, и вопросъ о первенствѣ рѣшаемъ небылъ. Незная къ кому обратиться между этими однодневными властителями, утѣсняемые бо̀льшимъ числомъ изъ нихъ, едва защищаемые немногими, Миссіонеры съ трудомъ могли противостоять опасности положенія, столь сомнительнаго. Трое изъ этихъ несчастливцевъ были зарѣзаны въ 1799 году, послѣ разбитія старшины, имъ

покровительствовавшаго, по имени Веа-Чи. Пяте-рыхъ застaлъ въ живыхъ и успѣлъ взять корабль, приставшій къ Тонга-Табу въ Январѣ 1800 года. Наконецъ послѣдній Миссіонеръ, пасторъ Висонъ, удалясь на Вавао, счастливо достигъ корабля, по-явившагося близъ береговъ, когда приказъ о смер-ти его былъ уже отданъ, и несчастнаго проповѣд-ника искали убійцы.

Безначаліе еще болѣе усилилось послѣ отъѣзда Миссіонеровъ. Страшась за жизнь свою среди ужа-сныхъ безпорядковъ, туи-тонга бѣжалъ на Вавао, куда дикари со всѣхъ подвластныхъ ему архипе-лаговъ приходили отъ времени до времени воздавать почтеніе его религіозному сану. Финау торжество-валъ. Присутствіе Тонгскаго первосвященника дѣ-лало законными его права. Онъ гордился и хвастaлъ такимъ блестящимъ доказательствомъ преимуще-ства, и всѣхъ соперниковъ своихъ называлъ нече-стивыми и бунтовщиками.

Преданный такимъ образомъ всякимъ ужасамъ меж-доусобій, Тонга-Табу былъ уже недоступенъ Евро-пейцамъ. Недолго спустя послѣ гибели Миссіоне-ровъ, экипажъ корабля *Арго*, разбившагося близъ острова Вити, достигнувшій до Тонга, погибъ въ битвѣ съ дикарями, за исключеніемъ только одного человѣка, спасеннаго мимошедшимъ кора-блемъ. Вскорѣ покушеніе болѣе важное ободрило островитянъ. До сихъ поръ, видя только воен-ные, хорошо вооруженные корабли, они немогли успѣвать въ своихъ злоумышленіяхъ. Имъ гора-здо легче оказалась измѣна съ купеческими. Ко-

рабль *Герцогъ Портландскій*, съ капитаномъ Мелономъ, сдѣлался первою ихъ жертвою. Въ слѣдствіе измѣны одного матроза Малайца и дезертера Американскаго Дойля, экипажъ былъ совершенно перерѣзанъ, за исключеніемъ старика, четырехъ юнгъ и креолки, называвшейся Элиза Мозей. Всѣ эти несчастные были пощажены только по ихъ лѣтамъ, и то на время. Предполагали употребить ихъ при разгрузкѣ и разломкѣ корабля, а потомъ принесть на жертву, чтобы уничтожить всѣ слѣды злодѣйства. Дойль начальствовалъ надъ работами, былъ душою и правою рукою островитянъ при грабежѣ. Уже нѣсколько дней продолжалась разгрузка, когда старикъ и четверо юнгъ захватили злодѣя, убили его, прогнали съ корабля дикарей, отрубили якори и уплыли въ море, оставя на островѣ бѣдную Элизу Мозей. Въ послѣдствіи ничего небыло слышно объ этихъ бѣглецахъ, вѣроятно, погибшихъ на какомъ нибудь островѣ.

Союзъ, корабль Нью-Іоркскій, съ капитаномъ Исаакомъ Пендлетономъ, подвергся въ свой чередъ кровавому бѣдствію. Приставши къ Тонга-Табу 1-го Октября 1804 года, капитанъ, прикащикъ и нѣсколько матрозовъ отправились къ берегу въ лодкѣ. Кончился день и прошла ночь, но никто невозвращался. Назавтра, лейтенантъ корабля Урейтъ началъ сильно безпокоиться объ участи товарищей. Ни одна лодка дикарей неприставала теперь къ кораблю, какъ было это прежде. Начальники островитянъ только знаками приглашали Американцевъ отправить къ берегу еще лодку. Они старались

дать выразумѣть, что капитанъ накупилъ множество свиней и другихъ запасовъ, для перевоза которыхъ одной лодки недостаточно. Урейтъ немогъ неопасаться поведенія столь страннаго, и тѣмъ болѣе, что военныя лодки явились около корабля, окружили его, и многіе изъ дикарей готовились уже взойдти на корабль, вооружась дубинами. Для утишенія ихъ отваги, надобно было указать имъ на пушки, готовыя стрѣлять. Дикари удалились и держались въ нѣкоторомъ разстояніи. Въ это мгновеніе большая лодка, отдѣлясь отъ берега, быстро пошла къ кораблю. Она обошла всѣ другія, правила прямо, и Американцамъ указывали на какую-то женщину, въ ней стоявшую впереди всѣхъ. Изумленный экипажъ корабля старался разгадать эту загадку, когда женщина, обмѣнявшись нѣсколькими жаркими разговорами съ эгуи лодки, неожиданно бросилась въ волны и вплавь старалась достигнуть корабля. Плывя, она просила помощи Американцевъ. «Берегитесь — кричала она — капитана и матрозовъ убили на берегу!» По лодкѣ дали выстрѣлъ, чтобы обезопасить женщину, и успѣли ее спасти на корабль. Но тутъ дикари, разъяренные тѣмъ, что добыча можетъ ускользнуть изъ рукъ, всѣ кинулись къ кораблю и начали общее нападеніе. Ядра, картечи, пули — ничто ихъ неостанавливало. Море покрылось трупами, обломками лодокъ, растерзанными членами — раненые, умирающіе наполняли воздухъ крикомъ — ничто непомогало! Остатокъ сражавшихся лѣзъ на корабль, и казался рѣшившимся — побѣдить

или погибнуть. Ужасный жребій могъ постигнуть Американцевъ, еслибы Урейпъ нерѣшился обрубить якори. Когда, подъ распущенными парусами, корабль двинулся, нападавшіе, опрокинутые, сбитые кораблемъ, обманутые въ своей надеждѣ на кровь и добычу, дикари заревѣли несгройными голосами. Казалось — тигръ рычитъ о своей добычѣ! — Между тѣмъ распрашивали женщину, взятую на корабль. Это была, какъ легко догадаться—*Элиза Мозей*, единственное живое существо, оставшееся отъ несчастнаго экипажа *Герцога Портландскаго*. Она разсказала, что послѣ хитрыхъ увѣреній и дружескихъ ласкательствъ, Пендлетонъ и его товарищи поддались обману, пошли во внутренность острова, и едва они потеряли изъ вида корабль, ихъ внезапно окружили и умертвили. Послѣ того рѣшились еще заманить другую лодку, готовя пришельцамъ такой-же жребій. Но Элиза рѣшилась жертвовать собою, обольстила дикарей тѣмъ, что ей легче будетъ увлечь въ обманъ весь корабль, и потребовала, чтобы ее отправили въ лодкѣ переговаривать съ офицерами и матрозами. Тайная мысль ея была предупредить и спасти. Обманъ удался, и по ея великодушію Союзъ вышелъ на волны открытаго Океана, какъ будто чудомъ спасенный отъ звѣрства Тонгатабцевъ. Увы! онъ попался въ руки дикарей еще болѣе свирѣпыхъ! Плачевной судьбѣ былъ онъ обреченъ — разбился близъ острововъ Виши, и всѣхъ, кто спасся отъ гибели, изжарили и съѣли тамошніе людоѣды!

Послѣ несчастнаго приключенія съ *Союзомъ*, немногіе купеческіе корабли останавливались при гибельномъ островѣ. Турнбулль прошелъ близъ Эоа, въ 1803 году, неприставая къ землѣ. Кемпбелль, капитанъ корабля *Гаррингтонъ*, остановился у Тонга-Табу въ 1809 году, но предвидя нападеніе, поднялъ якори и невыходилъ на берегъ. Менѣе осторожный, Броунъ, капитанъ корабля *Портъ-о-Пренсъ* сдѣлался жертвою бѣдственнаго вѣроломства.

Портъ-о-Пренсъ, прекрасный корабль, почти съ сотнею человѣкъ экипажа, вооруженный 24-мя 12-ти фунтовыми пушками и 8-ю каронадами такого-же калибра, остановился близъ купы Гапаи, въ Лефуга, 29 Ноября 1806 года. Обольщенный ласками островитянъ, капитанъ сошелъ на берегъ 1-го Декабря, и черезъ полчаса кончена была участь его и корабля. Броуна съ товарищами зарѣзали на берегу, пока эгуи Тубо-Тоа захватилъ корабль. Изъ 62-хъ Европейцевъ погибло 36; остальнымъ дали пощаду. Въ числѣ ихъ былъ *Маринеръ*, о которомъ я упоминалъ уже неоднократно, молодой, умный, хорошо воспитанный человѣкъ, и ему одолжены мы любопытнымъ описаніемъ всего бѣдственнаго событія. Хотя спасшійся среди убійства, онъ находился однакожь въ самомъ жалкомъ положеніи, когда царь Финау сжалился надъ нимъ и взялъ его къ себѣ. Послѣ такого принятія въ службу, Маринеръ сдѣлался настоящимъ Тонга-табцемъ, надѣлъ платье островитянское, принялъ нравы дикарей, слѣдовалъ всѣмъ ихъ обычаямъ. Синглетонъ, одинъ

изъ товарищей его бѣдствія, подобно ему подчинился также необходимости. Когда капитанъ Валдегравъ останавливался при Тонга-Табу, въ 1831 году, Синглетонъ все еще оставался тамъ, уже болѣе 25-ти лѣтъ между дикарями.

Гибель Портъ-о-Пренса была дѣломъ Финау, и весьма важнымъ политическимъ дѣломъ для этого честолюбца. Тутъ могъ онъ запастись артиллеріею, снарядами, снастями, мачтами, веревками, желѣзомъ. Такъ жаденъ былъ онъ къ обладанію всѣмъ этимъ, что безъ милосердія убивалъ всѣхъ, кто покушался на похищеніе его сокровищъ, говоря притомъ — «жизнь этихъ бездѣльниковъ вовсе неважна для благосостоянія общественнаго.»

Желая скорѣе и легче извлечь желѣзо изъ корабля, Финау велѣлъ зажечь корабль, и онъ сгорѣлъ до основанія. Послѣ этой слишкомъ поспѣшной работы, остатки корабля притащили къ пристани, и тутъ разломали ихъ. Бѣдные Англичане, неполько принуждены были оставаться невольными свидѣтелями разрушенія корабля ихъ, но изъяснять еще механическія средства для перевозки пушекъ, показать дикарямъ употребленіе ихъ и сдѣлаться артиллеристами Финау. Продолжительная разгрузка корабля подавала поводы и къ забавнымъ случаямъ. Многіе изъ предметовъ, находимыхъ на кораблѣ, были новостью для дикарей; они невѣдали ихъ употребленія и удивлялись, когда имъ объясняли это. Такимъ образомъ, часы, съ своимъ безпрерывнымъ стуканьемъ и скрытымъ движеніемъ,

привели островитянъ рѣшительно въ тупикъ. Переворотивши диковинную загадку на всѣ манеры, они бросали ее со страхомъ и опять принимались за нее. Сперва почли такую рѣдкость звѣремъ, а потомъ растеніемъ. Наконецъ обратились къ Маринеру, и тотъ, какъ умѣлъ, располковывалъ часовой механизмъ. Дикари поняли и въ одинъ голосъ закричали: *Фануа бото* (какой смышленый народъ)!

Ободренный прибавкою подкрѣпленія людьми и оружіемъ, Финау снова началъ помышлять о завоеваніи Тонга-Табу. Онъ снарядилъ свое войско, образовалъ изъ Англичанъ небольшой артиллерійскій отрядъ, полевую артиллерію составилъ изъ 4-хъ каронадъ, собралъ всѣхъ воиновъ на Намука и осмотрѣлъ ихъ на тамошнемъ малаи. Все это отправилось потомъ на 170-ти лодкахъ, и на слѣдующій день пристали въ Пангаи-Моду. Мафанга, священное мѣсто, долженствовавшее быть уваженнымъ отъ обѣихъ сражающихся сторонъ, прислало подарки къ Царю Гапайскому, и онъ, сопровождаемый своими мата-буле, совершилъ обрядъ *тогуи* на могилѣ своего отца. Оставя свое обыкновенное платье, Финау покрылся простыми рогожками, повѣсивши на шею, въ знакъ униженія, плетушку изъ листьевъ *ифи*. Такіе-же знаки и такая-же одежда были на чиновникахъ его Двора. Всѣ сѣли по восточному передъ могилою, поджавши ноги подъ себя, и били себя кулаками по щекамъ, молча, неговоря ни одного слова и непроизнося ни одной жалобы. Потомъ одинъ изъ главныхъ мата-буле Финау началъ при-

зываешь духъ отца царскаго. «Посмотри на этого вождя — говорилъ онъ — пришедшаго на Тонга напасть на своихъ враговъ. Даруй ему свое покровительство. Онъ идетъ сражаться, думая, что онъ право сражается. Всегда оказывалъ онъ почтеніе къ пуи-тонга, и тщательно исполнялъ всѣ духовные обряды.» Послѣ сихъ словъ, коренья кавы положены были на могилѣ, и Финау удалился съ своими сопутниками.

Въ тотъ-же день началась война. Финау отправился на *коло*, или крѣпость Ніуку-Лафа, одно изъ самыхъ крѣпкихъ мѣстъ острова. Находясь туазахъ въ сотнѣ отъ прибрежья, коло эта составляла округлую загорожу, 4-хъ или 5-ти акровъ пространства. Ее защищалъ двойной рядъ палисада, по 9-ти футовъ вышиною, и кромѣ того рвы, 12-ти футовъ глубиною. Черезъ каждые 15-ть туазовъ, загорожа охранялась платформами, по 9-ти футовъ квадратныхъ, ошкуда осажденные могли бросать каменья въ осаждающихъ. Сверхъ многихъ маленькихъ входовъ, у коло находились четверы большія ворота, задвинутыя снупри толстыми кокосовыми жердями. Съ обыкновеннымъ оружіемъ туземцевъ, коло была недоступна; но въ нѣсколько часовъ уступила она каронадамъ Портъ-о-Пренса, артиллеріи Финау. Ружейный огонь очистилъ сначала платформы, а потомъ загремѣли пушки. Сидя въ большихъ креслахъ, взятыхъ съ разграбленнаго корабля, Финау слѣдовалъ взорами за дѣйствіемъ пушекъ. Невидя въ началѣ никакого явнаго вреда осажденнымъ, онъ было разсер-

дился, но когда вступилъ онъ въ завоеванную крѣпость и насчиталъ тамъ 400 дикарей убитыхъ и раненыхъ на мѣстѣ битвы, то поздравилъ Маринера и его товарищей съ успѣхомъ побоища, благодаря за пособіе. Съ тѣхъ поръ жребій несчастныхъ его помощниковъ сдѣлался легче и сноснѣе.— Въ упоеніи побѣды, коло Ніуку-Лафская была сожжена. Но черезъ нѣсколько дней потомъ, по увѣщанію жрецовъ, называвшихъ себя прорицателями воли божеской, надлежало ее снова выстроить. Этимъ занялись воины Финау.

Но война шла однакожъ нетакъ, какъ хотѣлось Царю Гапайскому. Непріятель избѣгалъ общихъ встрѣчь, гдѣ пушки торжествовали надъ силою и храбростью, дѣлалъ засады, рѣзалъ отдѣльные отряды, образовалъ мѣлкую войну по лѣсамъ и рощамъ. Въ одной изъ такихъ засадъ чуть было не погибъ Маринеръ, и спасся только приверженностью четырехъ товарищей. Тридцать Гапайцевъ были убиты окрестъ его, послѣ упорнаго сопротивленія. Всего болѣе поразило нашего Европейца при семъ случаѣ единоборство одного Гапайскаго старшины противъ старшины Тонгскаго. Въ первой сшибкѣ переломились ихъ дубины; соперники перешли къ кулачному бою, потомъ къ борьбѣ. Задыхаясь, усталые, полумертвые, они упали одинъ подлѣ другаго, били другъ друга, пока силъ еще оставалось нѣсколько, и наконецъ лежали неподвижные, не въ состояніи даже потевелить и однимъ членомъ—такъ велико было ихъ усиліе и истощеніе. Постепенно отдыхая, соперники отказались однакожъ отъ боя,

и по взаимному согласію, каждый удалился въ свою сторону.

Война, превратясь такимъ образомъ въ мѣлкія битвы, влекла за собою ужасныя бѣдствія. Поля оставались запущенными. Насталъ голодъ. Спасаясь отъ него, убивали, жарили, ѣли плѣнниковъ. Одни дѣлались людоѣдами по вкусу, другіе по неволѣ, третьи изъ тщеславія. Сожравши одного за другимъ плѣнниковъ, воины дрались между собою и ѣли убитыхъ сорапниковъ. Маринеръ разсказываетъ ужасный примѣръ ожесточенія дикарей: двое изъ нихъ заманили къ себѣ тетку. Обѣщая подѣлить съ нею иньямъ, напали на несчастную, убили и раздѣлили ее между собою. Въ Тонгскихъ таборахъ крайность была неменьше, и объ ней можно судить также по примѣру: двѣ дочери Нугу-Нугскаго эгуи согласились съ двумя молодыми старшинами играть въ *лафо*. Условіе было такое: если проиграютъ дикарки, то безъ всякаго вознагражденія дѣлятъ съ старшинами остававшійся у нихъ иньямъ. Но въ случаѣ проигрыша старшинъ, иньямъ дѣлится, а старшины обязаны дополнить пиръ человѣческимъ трупомъ и раздѣлить его съ дикарками. Старшины проиграли, и такъ искусно засѣли потомъ въ засаду подлѣ непріятельской крѣпости, что легко могли отдать дикаркамъ половину трупа, имъ слѣдовавшую.

Удаленный на продолжительное время отъ своихъ Гапайскихъ владѣній, Финау искалъ только предлога окончить свое кровавое и безплодное предпріятіе. Смерть туи-тонга показалась ему

такимъ предлогомъ. Онъ говорилъ, будто ему необходимо присутствовать при погребеніи этого первосвященника, умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Между тѣмъ нехотѣлъ онъ потерять приобрѣтенныхъ выгодъ, и уступилъ Ніуку-Лафскую коло Таркаи, начальнику Беа, одному изъ славнѣйшихъ воиновъ Тонга-Табу, объявившему себя на сторонѣ Финау, съ признаніемъ его *гу*, или царемъ всего архипелага. Впрочемъ, союзъ и покорность были притворствомъ, ибо, еще неотваливши отъ берега, Финау увидѣлъ, какъ зажгли его крѣпость. Безъ жрецовъ, уговаривавшихъ его спѣшить отъѣздомъ, онъ рѣшился-бы мстить измѣну, истребилъ-бы Таркаи и весь родъ его. Но дѣло религіозное превозмогло всѣ требованія злобы. Финау ворошился на Намука и потомъ на Легуфа, гдѣ началось уже тогда торжество великаго табу, наложеннаго на произведенія земли. Новый туи-тонга присутствовалъ и первенствовалъ на этомъ похоронномъ торжествѣ, а черезъ пять дней потомъ женился на 18-ти лѣтней дочери Финау. Новому первосвященнику было неболѣе лѣтъ сорока, и онъ, кажется, былъ братъ своего предмѣстника.

Черезъ нѣсколько дней потомъ нечаянное событіе опять повело къ войнѣ. Одинъ изъ сыновей Тугу-Аго, по имени Тубо-Тоа, поклялся отмстить смерть отца головою убійцы Тубо-Ніуга, сообщника Финау. До исполненія своего мстительнаго обѣта заклялся онъ непить кокосоваго сока. Упорный въ своемъ намѣреніи, мститель приставалъ къ Финау, старался очернить въ мнѣніи его Тубо-

Ніуга, и представить его соперникомъ, опаснымъ для царя Гапайскаго. Финау внялъ убѣдительнымъ обольщеніямъ, сталъ завидовать своему брату, его всемогущему державству на Вавао, и даже изъявилъ желаніе быть отъ него избавленнымъ.

Этого казалось достаточнымъ Тубо-Тоа. Рѣшась тогда на убійство, онъ улучилъ случай, когда Тубо-Ніуга прибылъ на Легуфа, захватилъ его вечеромъ, и при помощи четырехъ сообщниковъ зарѣзалъ, почти въ виду Финау, который допустилъ совершиться убійству, и довольствовался потомъ публичнымъ отъ него отреченіемъ. Величайшія почести возданы были послѣ тѣлу убіеннаго. Его похоронили въ гробницѣ предковъ, со всѣми почестями, должными его сану. Желая лучше сохранить власть свою надъ отдаленною землею, Финау наименовалъ правительницею Вавао женщину, тетку свою Туи-Уму. Старшины присягнули въ вѣрности царю Гапайскому на священномъ блюдѣ кавы, но черезъ три недѣли потомъ, Вавао и его новая владычица возстали противъ Финау, обвиняя его въ участіи смерти Тубо-Ніуга. Островъ объявилъ себя независимымъ, и крѣпость была тамъ построена въ *Фелле-Тоа*.

Такая нежданная непріязнь отвлекла отъ нападенія на Тонга-Табу, ибо покореніе Вавао казалось Финау гораздо важнѣе, и онъ прежде всего помышлялъ объ этомъ. Переправясь на одинъ изъ острововъ Гапайскихъ, Ганао, съ 4000 человѣкъ, онъ пустился отсюда къ Вавао, только на трехъ лодкахъ, передовыхъ въ его флотѣ. Высадка сдѣ-

лана была въ *Наи-Афу*, священномъ мѣстѣ Вавао, какъ Мафанга священно на Тонга-Табу. Отсюда Финау пошелъ прямо къ непріятельской крѣпости, и стоя передъ нею открылъ переговоры. Старшины Вавайскіе непоказались непреклонными; они согласны были признать власть Финау, но требовали, чтобы въ такомъ случаѣ остался онъ на ихъ островѣ, оставивши при себѣ небольшое число своихъ Гапайскихъ подданныхъ, или, еще лучше, если пребываніе на Вавао ненравилось царю, они хотѣли утвердить его первенство ежегодною данью, но съ условіемъ, что островъ будетъ управляться туземцами, а не начальниками, посылаемыми съ Гапаи. «Мы утомились сраженіями» — говорили переговаривающіе — «и хотимъ продолжительнаго и прочнаго мира.»

Все это выслушалъ Финау съ гнѣвомъ, и отправился въ лодку свою, произнося грозные обѣты мщенія. Возвратясь на Ганао, онъ собралъ весь флотъ свой, и поплылъ къ бунтующему архипелагу съ 150-ю лодками и 5000 войска. Англійскіе артиллеристы были тутъ съ двумя пушками. На другой день пристали въ Наи-Афу, и назавтра поутомъ Финау находился уже противъ грозной крѣпости, съ ужасными снарядами на битву и пособіями всякаго рода.

Осажденные непугались. Они встрѣтили противниковъ тучею стрѣлъ. Финау неотвѣчалъ и требовалъ перемирія. «Пусть родные и друзья, находящіеся въ противныхъ рядахъ, увидятся и обнимутся»—говорилъ онъ. И дѣйствительно, въ пе-

ченіе трехъ часовъ потомъ, враждебные воины съ обѣихъ сторонъ являли взаимное дружество и плакали отъ умиленія, бросаясь другъ къ другу въ объятія и сѣтуя о бѣдственной необходимости войны. Эта трогательная сцена кончилась-бы, можетъ быть, примиреніемъ, безъ случайности внезапнаго, частнаго нападенія. Одинъ изъ осажденныхъ пустилъ стрѣлу въ Маринера и промахнулся; этотъ Англичанинъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ, отвѣчалъ выстрѣломъ изъ ружья, и—не далъ промаха. Смерть дикаря была знакомъ битвы, продолжавшейся потомъ цѣлый день, съ великимъ кровопролитіемъ съ обѣихъ сторонъ. Почти всѣ убійцы Тубо-Ніуга легли на мѣстѣ. Тубо-Тоа лишился жены своей, попавшейся въ плѣнъ. Но малыя выгоды со стороны осажденныхъ были жестоко искуплены осаждающими; пушки устилали трупами ихъ укрѣпленія, неоставляя никакой надежды, кромѣ смерти, геройской, но безплодной. Неоказывая однакожь робости передъ смертоносными жерлами, напротивъ, не одинъ дикарь бросался впередъ передъ нихъ, хотѣлъ съ ними биться, ругалъ ихъ. Какой-то смѣльчакъ, стараясь ободрить товарищей, рѣшился непремѣнно сразиться съ одною изъ пушекъ, и бросить копье свое въ самое жерло сего убійственнаго орудія. Онъ исполнилъ слово, и едва начались выстрѣлы, пошелъ съ угрожающимъ видомъ прямо на ту пушку, при которой находился Маринеръ. На него навели выстрѣлъ, но едва выстрѣлила пушка, дикарь бросился на землю и избѣжалъ погибели. Онъ вскочилъ потомъ, произ-

несъ нѣсколько угрозъ пушкѣ, потрясъ своимъ копьемъ и направилъ его въ грозную непріятельницу. Копье переломилось, ударившись въ жерло. Маринеръ прицѣлился въ смѣльчака ружьемъ, но стрѣла заставила его промахнуться. Неустрашимый дикарь повернулся послѣ сего въ крѣпость, съ торжественнымъ восклицаніемъ. Съ тѣхъ поръ назвали этого храбреца *Фана-Фануа* (*Фана*-лукъ, *Фануа* земля).

Только ночью кончилась упорная битва. Крѣпость устояла противъ всѣхъ усилій Финау; смущенный Царь Гапайскій удалился въ Наи-Афу, гдѣ укрѣпился, боясь нападеній. И на Вавао обратилась опять война въ мѣлкія битвы и частныя сшибки, при чемъ преимущество доставалось то той, то другой сторонѣ. Отдѣльныя воинскія нападенія, черты личнаго мужества, ознаменовали эту войну, при которой происходили похищенія женщинъ, приношенія людей на жертву, военныя и религіозныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ, вызовы, единоборства, вся Омировская эпопея.

Наконецъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ безполезнаго усилія, Финау увидѣлъ, что насильственныя мѣры худо помогаютъ, и прибѣгнулъ къ средствамъ болѣе кроткимъ. Нѣсколько разъ видѣлся онъ съ Вавайскими старшинами, и обошелся съ ними такъ ловко, что уговорилъ ихъ признать власть его. Болѣе сговорчивый потомъ, онъ непобоялся обѣщать, что останется на Вавао, и удержитъ при-томъ при себѣ небольшое число своихъ маша-буле, отославши остальное войско на Гапайскіе остро-

ва, правленіе коихъ вручитъ вмѣсто себя Тубо-Тоа. На другой-же день торжественно вошелъ Финау въ крѣпость, впереди старшинъ своихъ. Здѣсь отдалъ онъ почтеніе царицѣ Туи-Уму, и заключилъ окончательный миръ. Но едва заключенный, миръ былъ нарушенъ. Финау сжегъ крѣпость Фелле-Тоа и удержалъ Наи-Афу. Онъ обезоружилъ такимъ образомъ своихъ непріятелей, пріобрѣтая значительныя выгоды. Сдѣлавшись недовѣрчивѣе при такомъ поведеніи, главные старшины Вавайскіе почли болѣе благоразумнымъ дѣломъ союзиться съ Таркаи и бунтовщиками Тонга-Табу, нежели отдѣльно ожидать слѣдствій милосердія своего повелителя.

Около этого времени (1807 года), одинъ корабль Портъ-Джаксонскій привезъ на архипелагъ старшину Тонга-Табскаго и жену его, прожившихъ два года въ Англійской Сиднейской колоніи. Финау сдружился съ этими выходцами изъ чужой стороны, и они представили ему невесьма лестную картину быта и гостепріимства Европейцевъ. Между прочимъ разсказывали они, что въ городахъ, ими видѣнныхъ, можно умереть съ голоду, хотя подлѣ будутъ мѣста, наполненныя запасами всякаго рода; что между Европейцами только *деньги* дѣлаютъ эгуи, и что для пріобрѣтенія денегъ, бѣдные жители Европейскихъ городовъ работаютъ съ утра до вечера.

Деньги — да, что̀ такое эти деньги? Вотъ вопросъ, который долго занималъ Финау послѣ разговоровъ его съ Тонга-Табскими путешественни-

ками. Объ этомъ распрашивалъ онъ всѣхъ Англичанъ, и между прочимъ Маринера. «Изъ чего дѣлаются деньги?» говорилъ онъ. «Развѣ изъ денегъ можно сдѣлать полезныя орудія, или оружіе? Не желѣзныя-ли бываютъ деньги? Гдѣ можно доспать денегъ? Если деньги можно сдѣлать, почему всѣ недѣлаютъ денегъ, чтобы обмѣняться потомъ ими на все, чего пожелаете?» — Разрѣшая такое множество вопросовъ, Маринеръ сколько могъ лучше старался изъяснить Царю Гапайскому монешную систему Европейцевъ, сущность и употребленіе денегъ, рѣдкость ихъ и внутренную цѣнность, какъ преимущественно дорогаго металла, право предоставленное Европейскимъ эгуи бить деньги и означать ихъ своимъ изображеніемъ, и наконецъ, благодѣтельное дѣйствіе денегъ, какъ средства для мѣны. Финау понималъ все это только въ половину, и неудовлетворялся тѣмъ, что ему разсказывали. Присутствовавшій при разговорѣ, старшина Фили-Мое-Ату лучше Финау вникнулъ въ изъясненія. «Ну,» сказалъ онъ Финау — «я понимаю въ чемъ дѣло. Видишь: деньги нетакъ затруднительны, какъ всякое другое имѣніе, и гораздо лучше обмѣнять другое имѣніе на деньги, потому, что потомъ всегда можно на нихъ вымѣнять всякое имѣніе, каждый разъ, когда только захочешь и что только захочешь. Имѣнія могутъ портиться, особливо припасы, а деньги непортятся, и хотя деньги ничего нестоятъ сами по себѣ, но они потому дороги, что ихъ никто неможетъ добыть, неотдавши чего нибудь за нихъ въ обмѣнъ. Пото-

му деньги всегда будутъ стоить чего нибудь, если за нихъ всегда можно получить что нибудь, на примѣръ, столько, или вотъ столько припасовъ.» Такъ разсуждалъ Фили-Мое-Атту, отличная голова между дикарями, съ рѣдкою ловкостью угадавши полезную сторону нашей монетной системы. Но Финау несдавался и противорѣчилъ. «Нѣтъ — отвѣчалъ онъ — тутъ что нибудь не такъ. Что за нелѣпость считать чѣмъ нибудь такую вещь, изъ которой нельзя сдѣлать чего нибудь полезнаго! Вотъ, понятно было-бы оцѣнять дорого желѣзо, потому, что изъ него дѣлаются ножницы, ножики, топоры, а что сдѣлаешь изъ денегъ, и стало быть къ чему служатъ деньги? Если у тебя много иньямовъ, промѣняй ихъ на ткани. Деньги, я понимаю, лучше и удобнѣе для переноса, и притомъ онѣ непортятся и неteряютъ никогда цѣны. Да, вѣдь что будетъ изъ этого? Кто нибудь одинъ станетъ собирать ихъ, вмѣсто того, чтобы раздѣлить съ друзьями и сосѣдями, какъ прилично всякому доброму человѣку. И вотъ онъ сдѣлается скупой и своекорыстный человѣкъ. А имѣя припасы такимъ человѣкомъ несдѣлаешься, потому, что боясь порчи ихъ поскорѣе подѣлишься ими, либо промѣняешь на полезное что нибудь, либо раздашь своимъ сосѣдямъ, слугамъ и роднымъ. А! теперь я понимаю — прибавилъ Финау опъ чего *Папа-Лангуи* (Европейцы) такіе недоброхоты — опъ того, что у нихъ есть деньги!»

Но, какъ ни философствовалъ Финау, а разъяснивши себѣ сущность доллеровъ, онъ началъ очень

сожалѣть, что вмѣстѣ съ кораблемъ велѣлъ сжечь множество боченковъ, наполненныхъ серебряными кружками и находившихся на Портъ-о-Пренсѣ. Тогда почелъ онъ ихъ игрушками, *паанга*, родомъ кругленькихъ камешковъ, какими играютъ на Тонга дикари особеннымъ манеромъ. «Теперь вижу я— говорилъ онъ Маринеру — всю важность моей тогдашней добычи. До сихъ поръ все полагалъ я, что корабль вашъ принадлежалъ какому нибудь бѣдняку, какому нибудь повару эгуи Англійскаго. На кораблѣ Кука, принадлежавшемъ самому эгуи Георгу, было множество ожерельевъ, топоровъ, зеркалъ, а на вашемъ нашли мы только желѣзныя остроги, жиръ, кожи, да нѣсколько тысячь паанга, чѣмъ почиталъ я прежде деньги. Теперь понимаю, что вашъ капитанъ перемѣнилъ всѣ другія вещи на деньги, и что стало быть съ своими боченками денегъ могъ онъ вымѣнять что угодно, и слѣдовательно, былъ такой-же богачъ, какъ и тотъ, у кого есть ожерелья, топоры и зеркала.»

Покореніе Вавао было послѣднимъ воинскимъ подвигомъ Царя Гапайскаго. Погубленіе нѣсколькихъ старшинъ Вавайскихъ и нѣкоторыя дипломатическія сдѣлки заняли остальное время его жизни, которой нерасточалъ онъ на забавы. Свободное время отдавалъ онъ только охотѣ и рыбной ловлѣ. Спокойно проживая на Вавао, Маринеръ забывалъ здѣсь военные труды свои въ прекрасномъ помѣстьѣ, которое подарилъ ему Финау. Счастливый, сколько можно было ему быть счастливымъ между дикарями, бѣдный плѣникъ безпрестанно

помышлялъ о своей отчизнѣ. Онъ просилъ Царя отпустить его, и получилъ наконецъ позволеніе отправиться на кораблѣ *Надежда*, который пришелъ къ Вавао, подъ командою Нью-Іоркскаго капитана Чаза и взялъ трехъ товарищей Маринера. Но когда явился Маринеръ на корабль, его отказались принять. Корабль былъ излишне наполненъ людьми, отвѣчали ему, и бѣдняку надлежало ожидать другаго случая.

Столь-же ловкій политикъ, какъ и настойчивый воинъ, Финау неупускалъ случаевъ, когда могъ привлечь на свою сторону сильныхъ старшинъ. Такимъ образомъ принялъ онъ одного Тонга-Табскаго мата-буле, называвшагося Ку-Муала, по возвращеніи его изъ экспедиціи на острова Виги, и оказалъ ему пособіе. Такъ Тубо-Малоги, братъ Тубо-Тоа, тотъ самый вождь, который защищалъ прошивъ войскъ Финау крѣпость Ніуку-Лифа, утомленный войною и осадою, какую выдержалъ онъ въ Гифо съ старшиною Гата, былъ принятъ отъ Финау съ великими почестями, когда изъявилъ ему свою покорность, и попросилъ у него позволенія перейдти съ семействомъ своимъ на покойное житье въ архипелагъ Гапайскій.

Но дни Финау близились къ концу. Юная дочь его *Сау-Оман-Лангуи* (Даръ небесъ) предшествовала ему въ могилу, послѣ пяти, или шести-недѣльной болѣзни, а на другой день послѣ ея похоронъ, самъ Финау сдѣлался опасно боленъ. Напрасно одинъ изъ сыновей его былъ принесенъ въ жертву для умилостивленія боговъ; напрасно ласкали уми-

раюшаго Царя отъ одного капища къ другому, отъ одной молельни готуа къ другой, и принесли наконецъ въ жилище туи-тонга. Болѣзнь неслушалась ни моленій, ни заклинаній, и Финау умеръ на малаи своего жилища въ Наи-Афу.

Надобно было опасаться, чтобы разные старшины—Тубо-Тоа, Вуна-Лаги, Финау-Фиджи, несшали оспоривать власти надъ Вавао у сына его *Моэ-Нгонго*. Но юный наслѣдникъ, при пособіи совѣтовъ дяди своего, храбраго Финау-Фиджи, крѣпко принялъ правленіе островомъ. Разсчитывая, что раздѣленіе владычества его въ разныя мѣста можетъ ослабить и поколебать его силу, онъ отказался отъ всякихъ правъ на острова Гапайскіе, и объявилъ, что ограничиваетъ себя правленіемъ на купѣ Гафулу-Гу. Эта часть архипелага Тонгскаго наиболѣе приличествовала юному принцу, проведшему на Гамоа часть своего юношества и привезшему оттуда двухъ женъ. По возвращеніи его двѣ дочери Гапайскихъ старшинъ дополнили гаремъ Царскій.

Рѣшась на отдѣленіе своего царства, предписываемое благоразумною политикою, новый Царь Вавайскій, принявшій имя Финау II-го, собралъ своихъ подданныхъ на малаи Наи-Афу, и послѣ торжественной кавы произнесъ къ нимъ слѣдующую рѣчь, истинный образецъ дикарскаго краснорѣчія:

« Послушайте меня, вожди и воины. Если кто нибудь изъ васъ недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ на Вавао — вотъ время удалиться на Гапаи. Ибо никто неостанется въ Гафулу-Гу съ умомъ недовольнымъ и перено-

сящимся въ другія мѣста. — Душа моя печалится, разсматривая опустошенія, причиненныя безпрерывными войнами начальника, тѣло котораго покоится нынѣ на малаи. Мы сдѣлали, правда, много, но что было слѣдствіемъ? Страна обезлюдѣла, земля заросла дурными травами, и нѣкому очистить ее. Если-бы оставались мы въ мирѣ, она-бы оставалась еще заселенною. Главныхъ вождей и воиновъ нѣтъ болѣе, и мы принуждены довольствоваться обществомъ послѣднихъ званій народа. Какое безуміе! Не кратка-ли и безъ того жизнь!... Не доказательство-ли великаго характера въ человѣкѣ — оставаться мирнымъ и довольнымъ своимъ положеніемъ? И такъ стало быть глупо стараться сократить то, что и безъ того уже очень кратко. Кто изъ васъ можетъ сказать: желаю смерти, утомился жизнью? Видите: непоступали-ль мы, какъ безсмысленные? Мы искали того, что лишило насъ всего, что было дѣйствительно необходимо. Я нескажу вамъ однакожь: откажитесь отъ всякаго желанія сражаться. Пусть лицо войны приблизится къ нашимъ странамъ и непріятель придетъ опустошать наши владѣнія, мы будемъ умѣть противиться ему, тѣмъ храбрѣе, чѣмъ болѣе увеличатся наши насажденія. Предадимся-же обработкѣ нашей земли, поелику только это можетъ спасти нашу землю. И для чего будемъ мы жадны къ пріумноженію пространства? Наша земля недовольно-ли велика, чтобы составить наше существованіе? Мы никогда не съѣдимъ всего, что она производитъ. Но, можетъ быть, я говорю вамъ не съ надлежащею мудростью. Старые мата-буле сидятъ окрестъ меня, и я прошу ихъ сказать, если я ошибаюсь. Я молодъ еще — знаю это, и непоступлю благоразумно, если, по примѣру покойнаго начальника, захочу управлять слѣдуя только какъ онъ, собственнымъ понятіямъ и неслушая чужихъ совѣтовъ. Примите мои благодаренія за любовь и вѣрность къ нему. Финау-Фиджи и мата-буле, здѣсь присутствующіе, знаютъ, какъ старался я научиться всему, что можетъ быть полезно нашему

правленію; неговорите-же послѣ сего: для чего слушать намъ вздорное болтанье молодаго человѣка? Вспомните, что когда я говорю, то въ голосѣ моемъ слышите вы отзывы чувствъ Туи-Уму и Улу-Валу, и Афу, и Футу, и Ало, и еще всѣхъ старшинъ и мата-буле Вавайскихъ. Послушайте меня: я напомню вамъ, что если между васъ есть кто нибудь, держащійся другой земли, если кто изъ васъ недоволенъ настоящимъ состояніемъ дѣлъ, вотъ теперь единственный случай, который доставляю я вамъ оставить островъ нашъ, ибо послѣ этого времени мы небудемъ уже имѣть сообщеній съ Гапаи. Выбирайте-же мѣсто вашего пребыванія: есть Фиджи, есть Гамоа, есть Гапаи, есть Фатуна и Лотума. Тѣ только, чьи желанія единодушны, кто желаетъ жить въ постоянномъ мирѣ, тѣ только могутъ оставаться на Гафулу-Гу. Между тѣмъ, нехочу я совершенно сжать порыва военнолюбиваго сердца. Видите: земли Тонга и Фиджи постоянно въ войнѣ. Выбирайте ту землю, куда хотите вы идти для оказанія вашей храбрости. Возстаньте! Идите каждый къ себѣ, и размыслите получше объ отъѣздѣ лодокъ, которыя завтра отправятся къ Гапаи.»

Какъ все важно въ этой рѣчи, какое тутъ благородство и умъ, сколько краснорѣчія и политики! Безъ сомнѣнія, юный Финау немогъ одинъ составить такого плана своему царствованію; дядя его Финау-Фиджи, дикарь безстрашный и благоразумный, и самые мудрые эгуи Вавао, долженствовали принять участіе въ сей рѣчи юнаго царя, но кто-бы ни былъ авторъ, а рѣчь прекрасна, мнѣ кажется. Она составляла сущность той рѣшительности, какую оказалъ Финау, отказываясь отъ владычества Гапаями; она содержала притомъ настоящую критику прешедшаго царствованія и объявленіе о

перемѣнѣ системы дѣлъ. Конечно, если-бы старый Финау могъ выйдти изъ могилы, онъ, этотъ выходецъ въ славу черезъ войну и политику, честолюбецъ, которому недоставало только времени и силъ для обширныхъ слѣдствій, какъ возсталъ-бы онъ противъ мирныхъ и благодѣтельныхъ словъ сына своего! Какое противорѣчіе между двумя царями и двумя системами царства ихъ! Пожираемый жаждой завоеванія, Финау I-й часто оплакивалъ передъ Маринеромъ слабость силъ своихъ для дѣйствія; онъ жаловался, что самый архипелагъ недовольно обширенъ для его предпріятій. «О! для чего боги несдѣлали меня Англійскимъ Королемъ!» восклицалъ онъ. «Неосталось-бы тогда въ цѣломъ мірѣ ни одного острова, какъ-бы ни былъ онъ малъ, котораго неподчинилъ-бы я своему владычеству. Король Англійскій нестоитъ той силы, которою онъ обладаетъ. Повелитель столькихъ кораблей, и неспыдится онъ, что такіе маленькіе острова, какъ Тонга, безпрестанно обижаютъ вѣроломствомъ его подданныхъ? Будь я на его мѣстѣ, несталъ-бы я посылать мирнымъ словомъ просить свиней и иньямовъ! Нѣтъ — явился-бы я съ *челомъ битвъ* (avec le *front de la bataille*) и съ молніями *Болотане* (Британскими), и научилъ-бы ихъ, что̀ значитъ быть повелителемъ! Только людямъ предпріимчиваго духа долженствовало-бы обладать пушками, только имъ надлежало-бы управлять свѣтомъ, а кто позволяетъ оскорблять себя и немстить, тотъ долженъ быть подчиненъ храброму мстителю.»

Облеченный властью, юный Финау неизмѣнилъ словамъ своимъ, мудрымъ и миролюбивымъ. Онъ отослалъ воиновъ въ ихъ жилища, и далъ новое направленіе земледѣлію и полезнымъ ремесламъ. Крѣпость Фелле-Тоа была возобновлена, для обеспеченія земли отъ нападеній сосѣднихъ островитянъ, и всякія посѣщенія жителей Гапаи и Тонга-Табу были воспрещены. Позволено было только одинъ разъ въ годъ начальнику Гапаи, Тубо-Тоа, пріѣзжать, по случаю великаго начи, исполнять религіозные обряды на могилѣ послѣдняго гу. И въ такомъ случаѣ опредѣлено принимать всѣ возможныя мѣры противъ нечаянной измѣны. Предосторожность простерли до того, что рѣшились отказаться отъ ежегодной дани, которую хотѣлъ платить Тубо-Тоа царю Вавайскому, какъ наслѣднику Финау I-го. Сначала невозможно было запретить, чтобы одна единственная лодка, принадлежащая Тонга-Мана, члену семейства туи-тонга, не приходила разъ въ годъ для приношенія даровъ царю-первосвященнику, по случаю начи, но туи-тонга умеръ, и этимъ обстоятельствомъ воспользовались для уничтоженія его достоинства, и прекращенія такимъ образомъ всякаго повода къ сообщенію между двумя купами острововъ. Власть религіозная имѣла столь мало важности политической, что простаго силлогизма достаточно было къ перемѣнѣ государственной, столь значительной: «Если обитатели Тонга живутъ безъ туи-тонга, и обитатели Вавао также могутъ жить безъ него.» Съ симъ рѣшеніемъ кончилось

званіе первосвященника и обрядъ начи навсегда уничтожился.

Эта важная мѣра упрочила Вавао совершенную тишину. Пока на другихъ островахъ сражались, во владѣніяхъ Финау думали только о мирныхъ улучшеніяхъ. Такое измѣненіе войны и гибели на безопасность и миръ продолжалось еще, когда Маринеръ встрѣтилъ Европейскаго капитана, готоваго взять его съ собою. Со слезами на глазахъ разстался онъ съ Финау и со всѣми добрыми друзьями на островѣ, отправляясь на кораблѣ *Любимица*, подъ начальствомъ капитана Фиска изъ Портъ-Джаксона, занимавшагося въ Океаніи сборомъ жемчужныхъ раковинъ. Финау провожалъ Маринера на корабль, и восхищенный видомъкорабля и Европейцевъ, просилъ взять и его съ собою. Но боясь разочарованія пылкаго царя въ послѣдствіи, капитанъ рѣшительно отказался. Финау прогулялся только съ Фискомъ отъ Гаано до Лефуга, гдѣ забрали людей, остававшихся еще изъ Портъ-о-Пренскаго экипажа.

Съ отбытіемъ Маринера, то есть, съ 1810 года, прекращается для насъ достовѣрная и подробная исторія острововъ Тонгскихъ. Знаемъ только, что послѣ продолжительной и кровавой борьбы, междоусобія прекратились, по причинѣ утомленія всѣхъ сторонъ. Тонга-Табу раздѣлился тогда между различными старшинами, оставшимися независимо одинъ отъ другаго, при уваженіи взаимныхъ правъ. Гаша удержалъ себѣ начальство въ Гифо. Таркаи, начальникъ Беа, оставилъ послѣ смерти своей этотъ округъ брату своему Тагофа, храб-

рому и хитрому неменѣе Таркаи. Отецъ Палу, имя котораго неизвѣстно, утвердился въ округѣ Муа, вотчинѣ прежнихъ Фата-Фаи, удѣливъ наслѣдникамъ сего древняго рода, *Веа-ги* и *Тамага*, только почетные титулы. Въ Ніуку-Лафа сталъ прозябать наслѣдникъ древняго и могущаго семейства Губовъ. Наконецъ, самъ туи-тонга, котораго еще ребенкомъ лишилъ власти Финау, этотъ полубогъ, изгнанный съ своего Олимпа, низверженный съ своего алтаря, *Лафили-Тонга* жилъ въ послѣдствіи безвѣстный, почти забытый, обладая маленькою родовою волостью. Что касается до Царя Финау II-го, онъ умеръ вскорѣ по отъѣздѣ Маринера, и намъ остается невѣдомо, кто былъ его наслѣдникомъ.

Во всѣ эти годы немного кораблей приставали къ архипелагу. Страшныя бѣдствія, испытанныя тремя мореплавателями, и множество непріязненныхъ злоумышленій, отъ которыхъ съ трудомъ можно было избѣжать, заставили всѣхъ смотрѣть на Тонгскій архипелагъ, какъ на пагубную для Европейцевъ землю. Его старались избѣгать, приставали къ нему со страхомъ, и только Миссіонеры въ 1822 году оказались смѣлѣе другихъ. Апостольская ревность ихъ дала примѣръ ободряющей неустрашимости робкимъ торговцамъ. Общество Веслейское рѣшилось послать миссію на Тонгскій архипелагъ. Миссіонеръ Валтеръ Лаури, съ женою и съ двумя ремесленниками, Тилли и Тейндалемъ, прибыли на Тонга-Табу 16 Августа, на кораблѣ San-Michaël. Палу принялъ ихъ очень благосклон-

но; они поселились въ Муа, и могли построить путъ пріятное и здоровое жилище на морскомъ берегу. Едва утвердились они здѣсь, какъ принялись за земледѣльческія улучшенія и религіозныя наставленія дикарямъ. Четырнадцати-мѣсячное пребываніе немогло еще явить успѣховъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, когда, здоровье супруги Миссіонера потребовало перемѣны климата. Миссіонеръ возвратился въ Портъ-Джаксонъ. Двое товарищей его рѣшились остаться, но угрожаемые туземцами, они вскорѣ принуждены были, по приказанію самого Палу, отказаться отъ своего упорства. Одинъ, Тилли, оставилъ вовсе архипелагъ; другой, Тейндаль, перешелъ подъ покровительство Гата, начальника Гифо.

Новые Миссіонеры были посланы потомъ, Томасъ и Гутчинсонъ, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года нашли еще своего земляка Тейндаля живущимъ въ Гифо. Они сами рѣшились тутъ остаться и возобновили благочестивыя старанія своихъ предшественниковъ. Но успѣхъ ненаграждалъ ревности. Нетолько отказался Гата подать собою примѣръ, но непріязненно смотрѣлъ на усилія, какими гости его старались побѣдить беспечность и безчувствіе дикарей, касательно истинной вѣры. Двое Таитскихъ туземцевъ, христіане и проповѣдники, были счастливѣе въ сношеніяхъ съ Тубо, начальникомъ Ніуку-Лафа; онъ самъ, семейство его, и множество подданныхъ приняли святое крещеніе. Но добраго примѣра недостаточно было побѣдить упрямство другихъ старшинъ. Тубо потерялъ да-

же много власти своей, и безъ того уже ослабленной робкимъ его характеромъ.

Таково было состояніе Тонга-Табу, когда корабль *Астролябія* явился здѣсь, въ Августѣ 1827 года. Намѣреніе капитана корабля, Дюмонъ-Дюрвиля, было остаться здѣсь ненадолго, для повѣрки морскихъ часовъ и добычи разныхъ припасовъ; но судьбы судили иначе. Прибывъ 9-го Апрѣля на видъ Эоа, Французская корветта полагала назавтра стать у Пангаи-Моду. Жестокая буря захватила плавателей отъ С. З., и сбила съ пути. Цѣлыхъ десять дней Астролябія сражалась съ вѣпрами и волнами. Наконецъ 20-го, въ полдень, послѣ жестокой перевалки, при пособіи Ю. В. вѣтра, корветта двинулась въ восточный проливъ. Два, три часа еще, и корабль спалъ-бы у пристани. Но вѣтръ измѣнилъ въ пособіи. Онъ замѣнился совершеннымъ безвѣтріемъ, предавши такимъ образомъ плавателей волѣ теченій, въ проливѣ, унизанномъ мѣлями. Увлекаемая волнами, Астролябія кинута была къ сѣверному прибою. Быстрый маневръ отвернулъ ее, но вѣтеръ перешелъ къ Ю. Ю. В., и прижалъ корветту къ грудѣ подводныхъ коралловъ, совершенно отвѣсной стѣнѣ, такимъ *асорамъ*, гдѣ ненаходили дна въ глубинѣ, даже на 80 брассахъ!

Положеніе было критическое. Капитанъ Дюрвиль сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ возможнаго, для отвращенія опасности. Бросили верпъ-анкеры (ancres à jet), но острые кораллы скоро перерѣзали канаты, и малые якоря

были потеряны. Только двѣ цѣпи удержались въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей. Лопни одно изъ ихъ колецъ, и—Астролябія, измолотая объ утесы, предала-бы обломки свои, какъ легкую добычу, жаднымъ дикарямъ, и весь экипажъ корабля оспался-бы въ волѣ островитянъ, которыхъ такъ справедливо можно всегда подозрѣвать въ зломъ умыслѣ. Тогда—простите всѣ великіе труды, уже совершенные, простите ученые факты, собранные среди столькихъ опасностей и испытаній! Экспедиція, столь важная для ученаго и морскаго человѣка, погибла-бы такимъ образомъ, почти безъ вѣсти на скалахъ Тонга-Табу, и—судите послѣ сего о скорби капитана! Да, его страданія были тогда такъ-же тяжки, какъ тяжко было состояніе его прекраснаго корабля. . . .

Между тѣмъ, съ самыхъ первыхъ часовъ начала бѣдственнаго состоянія, на Астролябію явились посѣтители. Первыми были трое Англичанъ, жившихъ на островѣ—Синглетонъ, старый колонистъ Тонга-Табу, и двое другихъ, Ридъ и Ричетъ. Эти люди, особливо первый, предложили свои услуги Французскому капитану, и были ему полезны, какъ переговорщики съ дикарями и какъ переводчики. Послѣ Европейцевъ прибыли туземные начальники, и Палу первый изъ всѣхъ. Желая имѣть нѣкоторое ручательство на случай нападенія, капитанъ потребовалъ, чтобы эгуи этотъ остался на кораблѣ аманатомъ; Палу охотно согласился, и капитанъ уступилъ ему собственную каюту. Старшина Та-

гофа приплылъ къ корветтѣ только на слѣдующій день.

Двадцать четыре томительныхъ часа протекло, съ тѣхъ поръ, какъ корветта держалась въ своемъ опасномъ положеніи. Чѣмъ болѣе длилось такое состояніе, тѣмъ ужаснѣе оно становилось. Цѣпи уже уступали, и при сильномъ колебаніи буруновъ, правый бокъ корабля сталъ уже недалѣе 5-ти, или 6-ти футовъ отъ коралловой стѣны. Три, четыре толчка въ эту подводную громаду достаточны были расщепать корветту—корпусъ разломился-бы и разлетѣлся кусками, и самыя мачты невыдержали-бы удара. Предположивъ такое несчастіе ночью — сколько жертвъ неизбѣжныхъ! Капитанъ думалъ объ этой гибельной случайности, и хотѣлъ предостерегательною мѣрою доставить спасеніе, хотя нѣкоторой части своего экипажа. Ободренный дружескими увѣреніями дикихъ начальниковъ, обнадеженный словами Англичанъ, онъ рѣшился отослать значительную часть экипажа своего на островокъ Пангаи-Моду, гдѣ могла она расположиться подъ покровительствомъ Тагофа, пока самъ капитанъ корветты будетъ оставаться съ остальнымъ экипажемъ на кораблѣ, въ ожиданіи рѣшенія судьбы, каково-бы оно нибыло. Всего болѣе заставила рѣшиться на такое состраданіе къ ближнему видимая невозможность сдѣлать какой нибудь маневръ, полезный для сохраненія всего экипажа и корабля. Надобно было ждать сложа руки, и только молиться, чтобы якоря удержались. Если-же могли-бы они выдержать до перемѣны вѣ-

шра, тогда можно было раздвинуть паруса и отойдти отъ скалы съ остальными на кораблѣ людьми.

Часть экипажа, предназначенная для отправки на берегъ, уже приготовилась, когда на корабль явился ремесленникъ, принадлежавшій къ здѣшней миссіи. При видѣ шлюпокъ готовыхъ плыть, онъ спросилъ матрозовъ куда они сбираются, и едва сказали ему рѣшеніе капитана—« Вы хотите губить людей, капитанъ » — заговорилъ онъ съ живымъ участіемъ — « или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть ихъ хищничеству дикарей здѣшнихъ? Но и въ послѣднемъ случаѣ, они едва-ли могутъ уцѣлѣть. » Капитанъ отвѣчалъ, что онъ почелъ достаточнымъ положиться на дружеское расположеніе, какое оказываютъ Тагофа и Палу, и на благопріятныя увѣренія Англичанъ. « Капитанъ ! » возразилъ Англичанинъ — невѣрьте ни въ чемъ этому народу! Начальники дикарей и дикари люди самые вѣроломные, а земляки мои, друзья ихъ, немного получше. Да, если-бы Палу и Тагофа и точно думали о вашей безопасности, послушаетъ-ли ихъ народъ? Мало что всѣхъ ограбятъ, но если станете защищаться—перебьютъ, говорю я вамъ! » Казалось, что этотъ человѣкъ судитъ вѣрно, зная обстоятельства, и капитанъ началъ размышлять о словахъ его. Впрочемъ, при видѣ разныхъ вещей, приготовленныхъ для шлюпокъ, туземцы, спокойные дотолѣ, начали шумѣть. Видимо, жадными взорами сопровождали они столько богатствъ, а болзнь погибели въ дракѣ была для нихъ слишкомъ

незначительна при надеждѣ на добычу грабежа. Замѣшивъ такое движеніе, капитанъ Астролябіи уже неколебался болѣе. Немедленно прекращены были приготовленія къ отбытію шлюпокъ. Матрозы, уже сошедшіе съ корабля, взошли на него обратно, и на корабль вставили изъ шлюпокъ всю поклажу. Экипажъ Астролябіи долженъ былъ послѣ того раздѣлять одинъ, общій всѣмъ жребій. Только предвидя всяческое бѣдствіе, и желая спасти отъ гибели труды экспедиціи, капитанъ положилъ въ ящикъ бумаги, журналы, ученыя записки корабельныя, и велѣлъ снести этотъ ящикъ въ ботъ. Одинъ изъ матрозовъ и агентъ миссіонерскій, не безъ труда на это согласившійся, обязаны были плыть на ботѣ, и передать ящикъ въ Гифо, вручивши его тамъ г-мъ Томасу и Гутчинсону. Такимъ образомъ, часть экспедиціи, принадлежавшая ученому свѣту, немогла быть погублена, если-бы все другое погибло. Впрочемъ, и самый ботъ, ничтожное, маленькое помѣщеніе, немогъ подать никакого пособія въ случаѣ разбитія корабля на утесахъ.

Едва уплылъ ботъ, вѣтеръ засвѣжѣлъ и волненіе усилилось. Корабль представлялъ зрѣлище самое печальное. Матрозы, до того времени нѣсколько обнадеженные, и находившіе въ промѣнахъ съ дикарями нѣкоторое развлеченіе въ опасности, имъ угрожавшей, немогли уже болѣе обманываться въ неизбѣжной гибели корабля. Ночь, наступившая за тяжкимъ днемъ, была ужасна. Капитанъ продолжалъ принимать всѣ мѣры, какія внушало ему от-

чаянное положеніе. Къ вечеру снесли въ ялъ морскіе часы, разные инструменты, оффиціяльныя инструкціи, рекомендательныя письма разныхъ правительствъ, и вторая отправка вещей поплыла къ жилищу Миссіонеровъ, подъ начальствомъ одного офицера. Въ это время, для предупрежденія безпорядковъ при ночной тревогѣ, приказано было половинѣ экипажа идти въ шлюпки. Если-бы несчастіе случилось; всѣ мѣры были взяты, всѣ приказы отданы.

Ужасная ночь миновалась. День наступилъ опять, и положеніе корабля неперемѣнилось нисколько. Среди всего этого, начальники дикарей, Тагофа и Палу, безпрестанно были на кораблѣ, и ихъ угощали, кормили, подчивали виномъ и ромомъ. Жребій корабля, по видимому, озабочивалъ ихъ весьма мало, и они нечувствительны оставались при зрѣлищѣ людей, стоявшихъ на краю гибели, жизни столькихъ, ввѣренной слабому якорному канату, въ немногихъ шагахъ отъ утеса. Можно-бы подумать что вся эта печальная драма, борьба жизни съ смертію, нисколько до нихъ неотносилась. Только одно можно было замѣтить въ Тагофа и Палу, а равно и въ другихъ начальникахъ дикарей—тайную, скрываемую радость, при надеждѣ на грабежъ, въ случаѣ кораблекрушенія. Но, и ни эта радость, ни страхъ, ни желаніе, ничто необнаруживалось въ нихъ внѣшними признаками. Они постоянно являлись ласковы, важны, привѣтливы, готовы останавливать докуку простолюдиновъ, старавшихся взобраться на корабль.

Третій, прибывшій потомъ старшина, котораго Англичане называли самымъ могущественнымъ на всемъ островѣ, показывалъ равнодушіе еще болѣе своихъ товарищей. Это былъ *Лавака*, человѣкъ совершенно ничтожный, но важный по своему богатству.

Миссіонеръ Томасъ прибылъ на Астролябію днемъ 22-го числа, привезя съ собою Тубо, единственнаго христіанскаго эгуи изъ всѣхъ старшинъ. Тубо казался весьма непріязненнымъ къ тремъ упомянутымъ эгуи, своимъ соперникамъ, и безпрестанно говорилъ и предостерегалъ отъ нихъ, какъ отъ людей весьма опасныхъ. Но нелюбовь его несмѣла однакожъ оказываться явно въ ихъ присутствіи. Размышляя о своемъ положеніи, капитанъ Дюрвиль рѣшилъ такъ, что если-бы онъ могъ привлечь къ себѣ своекорыстіе одного изъ старшинъ, раздѣляющихъ власть надъ Тонга-Табу, обѣщая подкрѣпить его своими людьми, ружьями и пушками, то можно-бы найдти въ этомъ союзникѣ, при совершеніи бѣдствія, защиту, или надежду на опасеніе другихъ, даже побѣду въ случаѣ битвы. Потому объявилъ онъ Тубо оборонительный и наступательный союзъ; рѣшался сражаться за него, и возвратить ему права туи-кана-кабало, упрочивъ первенство его надъ всѣми соперниками. При этомъ предложеніи стоило посмотрѣть на бѣдняка Тубо и друга его Миссіонера. «И недумайте объ этомъ!» вскричали они съ ужасомъ и изумленіемъ. «Тагофа и Палу такъ сильны, что сохрани Богъ возста-

вашъ противъ нихъ! Мы сами погибнемъ, а васъ неспасемъ. » — Хорошо — сказалъ капитанъ — но въ случаѣ несчастія съ моимъ кораблемъ, что вы станете дѣлать? — *Keep your ship* (сохраняйте вашъ корабль) — отвѣчалъ Миссіонеръ — и изъ этого несчастнаго: Keep your ship нельзя было выбить его ничѣмъ. Капитану оставалось совѣтоваться и думать только съ самимъ собою. Онъ оставилъ Миссіонера и Тубо, непребуя отъ нихъ ничего болѣе. Показывая спокойный видъ, для разувѣренія экипажа, онъ казался чрезвычайно увлеченнымъ раскладкою растеній, которую производили въ это время естествоиспытатели, бывшіе на кораблѣ, разложивши гербаріи свои, какъ будто въ спокойномъ кабинетѣ....

Между тѣмъ, 22 числа, между трехъ и четырехъ часовъ по полудни, вѣтеръ казался склоннымъ къ перемѣнѣ, и всѣ паруса были приведены въ движеніе, а шлюпки принялись за свою работу. Показалось, что корабль отдѣляется наконецъ отъ утесовъ, но — тѣмъ жесточе было разочарованіе и внезапнѣе страхъ, когда минутъ черезъ десять Астролябія ударилась объ утесъ! Глубина впереди оказалась неболѣе 4-хъ футовъ. Тутъ дѣло по видимому являлось оконченнымъ. Кораблекрушеніе, столь давно грозившее, совершалось. Надобно было принудить дикарей къ объясненіямъ рѣшительнымъ—судьба отдавала участь погибавшихъ въ ихъ руки. Мгновенно рѣшась, капитанъ свелъ въ каюту всѣхъ трехъ островскихъ старшинъ, Палу, Тагофа, Ладака. Нескрывая отъ нихъ своего по-

ложенія, онъ спрашивалъ, что хотятъ они теперь дѣлать, и уговаривалъ ихъ оказать покровительство людямъ, которыхъ неволя заставляетъ искать спасенія на ихъ островѣ. Капитанъ прибавилъ, что небудетъ спорить ни за какія вещи, находящіяся на кораблѣ, съ тѣмъ, чтобы оставили за то Французамъ необходимое для возвращенія въ отечество. Всѣ старшины слушали рѣчи капитана внимательно, и потомъ, ораторъ ихъ тріумвирата, Палу началъ говорить. Отъ имени своихъ товарищей и своего, онъ повторилъ обѣщаніе, требуемое капитаномъ, соглашался на условіе, но прибавлялъ, что не жадность добычи, но наиболѣе благорасположеніе его руководствуетъ, и что онъ готовъ скорѣе погибнуть, нежели допустить въ обиду своихъ друзей, Французовъ. И дѣйствительно: множество дикарскихъ лодокъ, конечно, были готовы броситься на Астролябію, какъ на легкую добычу, въ минуту ея гибели. Едва только Палу вышелъ изъ каюты на палубу, онъ строго приказалъ имъ удалиться.

По счастью, доброе расположеніе старшинъ небыло подвергнуто болѣе рѣшительному испытанію. Пока продолжались переговоры, успѣли отвратить дальнѣйшіе удары корабля объ утесы. Когда явился на палубѣ капитанъ, Астролябія стояла опять въ прежнемъ положеніи, сомнительномъ, но неотчаянномъ. Такая удача оживила всѣхъ. Избавленная отъ вѣрной гибели почти чудеснымъ образомъ, корветта небыла, слѣдовательно, обрече-

на на погибель, и ей суждено было окончить свое тяжелое испытаніе счастливо.

И еще ночь прошла, такъ, что никакой перемѣны непослѣдовало; днемъ 23-го числа отъ утесовъ успѣли отдалиться на нѣсколько туазовъ, а 24-го Апрѣля, послѣ 94-хъ часовъ смертнаго томленія, съ пособіемъ перелетныхъ порывовъ вѣтра отъ С. В. и буксировки, Астролябія могла оставить гибельное мѣсто подлѣ утесовъ и тихо направиться къ пристани. Переходя проливомъ, она касалась еще подводныхъ громадъ, но уже не подвергалась прежней опасности; три или четыре раза принуждены были еще останавливаться, но вечеромъ 26-го могли уже бросить якорь при островкѣ Пангаи-Моду.

Во все время продолженія опасности, трое эгуи Тонгскихъ ни на минуту неперемѣняли своего ласковаго обхожденія. Въ самую сомнительную пору, мы уже видѣли поведеніе ихъ съ капитаномъ Дюрвилемъ, а когда мгновеніе ужаса прошло, дикари первые порадовались этому, какъ казалось, искренно. Тутъ, кстати, нѣкоторые подарки усилили дружбу ихъ. Полное дружество являлось и между матрозами и дикарями; благопристойность и честность руководствовали въ промѣнахъ. Нѣсколько разъ, офицеры и естествоиспытатели сходили тогда на берегъ, а нѣкоторые оставались даже тамъ ночевать, и никакой насильственный поступокъ неподавалъ повода къ подозрѣнію. Несмотря однакожъ на всѣ такіе признаки дружбы, капитанъ Астролябіи соблюдалъ систему строгой

недовѣрчивости и предосторожностей. Абордажныя сѣтки были разставлены по кораблю, и часовые смѣнялись постоянно, со всею тщательностью.

Убѣжденный въ расположеніи дикарей, капитанъ Дюрвиль могъ думать теперь о занятіяхъ другаго рода. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе оставить здѣшній непріязненный берегъ, но малые якори, оставшіеся на мѣстѣ несчастной стоянки, составляли потерю столь важную, что надобно было хоть попытаться достать ихъ изъ глубины моря. Нѣсколько дней шлюпки заняты были сею трудною, но безуспѣшною работою. Другія мѣлкія суда употреблены были для географической съемки и для починки корабля.

Въ первую недѣлю офицеры и естествоиспытатели одни сходили на землю, и ихъ принимали наилучшимъ образомъ. Капитанъ безпрестанно былъ на кораблѣ, чтобы неослабить системы осторожности, принятой имъ. Мая 4-го рѣшился онъ наконецъ отправиться на китоловкѣ, посѣтить Миссіонеровъ въ Гифо. Путешествіе это было продолжительно и утомительно. Часть пути надлежало брести по водѣ. Миссіонеры были ласковы и учтивы. Они провожали капитана въ Пангаи, гдѣ находился обширный и прекрасный общественный домъ, а потомъ въ Му-Муйскіе фаи-тока и молельни готуа. Свиданіе съ Гата, начальникомъ Гифоскимъ, заключило эту поѣздку. На слѣдующіе дни капитанъ посѣтилъ еще Ніуку-Лафа, Мафанга, Муа. Сія послѣдняя прогулка была учинена съ нѣкоторою торжественностью. Старшина Палу нѣсколько

разъ изъявлялъ желаніе принять у себя Французскихъ мореплавателей, и день сей аудіэнціи былъ установленъ съ особливымъ почетомъ. Капитанъ и офицеры отправились 9-го Мая въ большой лодкѣ, и всѣ были въ мундирахъ. Но вмѣсто того, чтобы найдти на мѣстѣ ласковую толпу дикарей, веселаго, дружелюбнаго хозяина, игры, праздникъ, пляски, пиръ, увидѣли только немного простолюдиновъ, нѣсколько женщинъ и дѣтей. Палу принялъ гостей угрюмо и съ замѣшательствомъ, и поподчивалъ плохою кавою, вмѣсто особенной вѣжливости. Онъ, казалось, чего-то остерегается, всегда казавшись прежде такимъ сердечнымъ и добрымъ пріятелемъ. Стараясь поправить непріятное впечатлѣніе подобнаго пріема, переводчикъ объяснялъ капитану, что у Палу недавно умерло дитя, и что онъ боится потерять и другаго. Капитанъ удовольствовался этимъ, справедливымъ или вымышленнымъ предлогомъ. Онъ продолжилъ свои обозрѣнія, посѣтилъ могилы Финау, Тугу-Аго и Тафоа, довольно плохо содержимыя и заросшія отвсюду кустарникомъ. Впрочемъ, они мало различались отъ Гифоскихъ, и теперешняя прогулка небыла-бы для капитана очень занимательною, если-бы онъ ненавѣстилъ старой Тамаги. Вотъ собственный разсказъ объ этомъ капитана Дюрвиля:

« Отсюда провели меня къ жилищу Тамаги, находящемуся въ весьма пріятномъ мѣстѣ, на берегу моря, въ небольшомъ селеніи Палеа-Магу. Тамага (настоящее имя ея Фана-Кана) приняла меня окру-

женная своими прислужницами и съ самою милою привѣтливостью. Это женщина лѣтъ отъ 55-ти до 60-ти. Вѣроятно, съ-молоду была она очень красива, и теперь еще сохраняла правильность чертъ, ловкіе манеры ; можно сказать даже , что въ ней видно было соединеніе пріятности , благородства и благопристойности, весьма замѣчательное между дикарями. Отъ Тамаги ожидалъ я драгоцѣнныхъ для меня свѣдѣній и не обманулся въ моемъ ожиданіи.

« Она вспоминала съ большимъ удовольствіемъ пребываніе здѣсь кораблей Данпркасто , которые посѣщала она съ своею матерью, вдовою туи-тонга Пулаго. Имя *Тине* , какимъ означалъ Французскій мореплаватель старшую сестру Пулаго , занимавшую тогда первую степень знатности на Тонга, показалось сперва неизвѣстнымъ , нетолько Тамагѣ, но и всѣмъ тѣмъ, кто находился при нашемъ разговорѣ. Кажется однакожъ, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, что это долженствовала быть Тинеи-Такала , имѣвшая тогда званіе туи-тонга фафине.

« Тамага съ трудомъ вспоминала о корабляхъ Кука , ибо ей было неболѣе девяти , либо десяти лѣтъ въ то время , что старалась она мнѣ объяснить, указывая на дѣвочку такихъ лѣтъ.

« Тутъ захотѣлось мнѣ узнать достовѣрнѣе : между посѣщеніями Кука и Данпркасто небыли-ль еще какіе Европейцы на Тонга ? Подумавши нѣсколько минутъ, Тамага объяснила мнѣ весьма по-

рядочно, что за немного лѣтъ до прихода Дантркасто, два большіе, похожіе на его суда, корабли, съ пушками и множествомъ Европейцевъ, останавливались у Намука и оставались тамъ десять дней. Флагъ ихъ былъ совершенно бѣлый и непоходилъ на Англійскій. Пришельцы эти обходились хорошо съ туземцами; имъ отвели домъ на землѣ, гдѣ и производились промѣны. Одинъ дикарь, продавши офицеру за ножикъ деревянную подушку, былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ, когда хотѣлъ унести проданное назадъ, уже получивши за него плату. Впрочемъ, это событіе ненарушило согласія, потому что дикарь былъ виноватъ по дѣлу.... Корабли Лаперуза означали на Тонга именемъ *Луаджи*, такъ, какъ Дантркастову экспедицію называли здѣсь *Селенари*. Послѣ сего неоставалось для меня болѣе сомнѣній, что Лаперузъ точно останавливался у Намука, по возвращеніи своемъ изъ Ботанибея, какъ располагалъ онъ это сдѣлать.» . . .

Пока капитанъ Дюрвиль старался такимъ образомъ употребить съ пользою свои посѣщенія, офицеры, естествоиспытатели, хирургъ, рисовальщикъ Астролябіи занимались съ своей стороны отдѣльными изслѣдованіями. Они оставались на берегу часть дня, и часто даже проводили тамъ ночи у разныхъ своихъ *офа*, или друзей. Никакое непріятное приключеніе незаставляло раскаяваться въ такой довѣренности, но вскорѣ явились обстоятельства совсѣмъ особенныя, весьма важныя и непріятныя.

Если-бы дикари предоставлены были только собственнымъ своимъ чувствамъ, можетъ быть, они остались-бы съ Французами въ притворной ласковости, вѣроятно, скрывая тайные умыслы вѣроломства, какими ознаменовывали себя противъ прежнихъ посѣтителей. Послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія, Астролябія отправилась-бы, имѣя болѣе причинъ хвалить ихъ, нежели порицать; но въ сношенія Европейцевъ съ дикарями впуталась измѣна, отношенія перемѣнились, и доброе расположеніе дикарей превратилось въ непріязнь.

Для изъясненія такого оборота дѣлъ, надобно знать, что экипажъ корветты, наскоро набранный въ Тулонѣ, былъ дополненъ нѣсколькими негодяями, взятыми изъ тюрьмы, съ тѣмъ, чтобы временемъ путешествія дополнился срокъ, какой надлежало имъ пробыть въ заключеніи. Къ несчастію и безславію экспедиціи, тутъ были люди озлобленные, готовые употребить всякое орудіе мщенія, если оно обѣщало имъ потомъ средства къ свободной безпутной жизни, хоть между дикарями. Капитанъ Дюрвиль зналъ это хорошо, и потому всячески старался онъ удалять экипажъ отъ слишкомъ близкихъ сношеній съ туземными начальниками, и особенно стремился онъ сократить свое пребываніе при Тонга-Табу, чтобы даже и времени недостало для дурныхъ замысловъ. Но несчастное приключеніе съ кораблемъ, работы, какихъ послѣ оно потребовало, стараніе отыскать якори, недостатокъ припасовъ — все принудило его разстроить свои планы. Надлежало оставаться на

пристани Пангаи-Модской, и медленіе это было употреблено въ пользу негодяями.

Между ними составился заговоръ. Онъ увлекъ такое множество дикарей, что даже Миссіонеры узнали объ немъ и извѣстили капитана Дюрвиля. Капитанъ тотчасъ рѣшился. Извѣстіе отъ Миссіонеровъ было 12 го числа; капитанъ предположилъ отплыть отъ острова на другой день, хотя объявилъ днемъ отплытія 14-е. Между тѣмъ удвоены были предосторожности на день и на ночь, такъ, что никто несмѣлъ уже оставлять корабля. Около 8-ми часовъ утра 13-го числа все было готово къ отъѣзду. Оставалось только послать яликъ къ берегу, взять тамъ штурмана и нѣсколько мѣшковъ песку. Яликъ отправился. Тутъ на корабль явились старшины дикарей, по обыкновенію, проститься, и капитанъ раздалъ имъ разные подарки. Разстались со всѣми признаками дружества. Старшины, казалось, сожалѣли объ отъѣздѣ пріятелей, но ничто непоказало никакихъ слѣдовъ покушенія на насильство.

Такъ шло дѣло до 9-ти часовъ утра, когда нечаянный и смятенный шумъ послышался на берегу. Дикари напали на яликъ и старались захватить матрозовъ и утащить яликъ. Побѣжденные числомъ, бѣдняки уступили. Капитанъ немедленно приказалъ вооружить большую шлюпку. Двадцать три человѣка отправились на ней, подъ начальствомъ офицеровъ Грессьена и Париса. Къ нимъ присоединился хирургъ Гемаръ. Но напрасно маленькій этотъ отрядъ старался отрѣзать путь

похитителямъ. Дикари убѣжали съ своею добычею. Впрочемъ, шлюпка забирала такъ много воды, что немогла подойдти близко къ берегу. Въ нѣкоторомъ разстояніи надлежало экипажу сойдти въ воду, и отсюда повести стрѣльбу изъ ружей прогнавъ дикарей, бывшихъ на берегу и упорно отстрѣливавшихся. Когда успѣли очистить отъ нихъ прибрежье, всѣ дикари убѣжали и увели съ собою плѣнниковъ. Могли только отбить у нихъ трехъ человѣкъ: штурмана, кадета Дюдемена, который ночевалъ у своего островскаго отца, и молодаго матроза Каннака. Другіе остались въ плѣну. Все это совершилось чрезвычайно скоро, но однакожь можно было замѣтить, что Тагофа участвуетъ въ заговорѣ и вѣроломствѣ. Встрѣтивши Дюдемена, онъ больно ударилъ его кулакомъ. Милостивѣе оказался онъ къ Каннаку, и вѣроятно, тронутый его молодостью, непрепятствовалъ ему соединиться съ матрозами шлюпки. Въ плѣну оставалось послѣ того восемь матрозовъ и кадетъ Фараге.

Загадкой было-бы все это нападеніе на яликъ, если-бы незамѣтили тогда только, что одинъ изъ матрозовъ, негодяй Симоне, бѣжалъ. По изъясненіямъ, какія собралъ потомъ Диллонъ, Симоне, издавна умышлявшій свое бѣгство, проскользнулъ въ лодку Тагофа 12-го числа утромъ, и одинъ изъ канонеровъ на яликѣ, Ребуль, послѣдовалъ его примѣру, приставши къ берегу. Такимъ образомъ, Тагофа пріобрѣлъ себѣ въ услуги двухъ Европейцевъ — важное преимущество, дорого цѣнимое ди-

карями. Это возбудило зависть другихъ старшинъ; всѣ бросились на яликъ; какъ на вѣрный запасъ людей. Такъ по крайней мѣрѣ *извиняли* дикари свое вѣроломство передъ Англійскимъ капитаномъ. Согласіе Симоне съ дикарями было очевидно, и онъ такъ мало въ этомъ скрывался, что кадетъ Дюдеменъ увидѣлъ его между ними въ полной одеждѣ и вооруженнаго, между тѣмъ, когда всѣ другіе плѣнники были ограблены совершенно.

Велѣно было зажечь селенія дикарей на Пангаи-Моду и въ Манима; шлюпка вернулась къ кораблю около 3-хъ часовъ по полудни, и немедленно отправилась снова, съ офицерами, матрозами и солдатами, испытанными и вѣрными. Видя невозможность нападенія на Тагофа въ его крѣпости въ Беа, этому отряду, изъ 20-ти только, но хорошо вооруженныхъ человѣкъ, предписано было идти вдоль по берегу, жечь жилища и лодки, стрѣлять въ тѣхъ, кто станетъ противиться, щадить только стариковъ и женщинъ. Цѣлью капитана было испугать дикарей и страхомъ выручить плѣнниковъ.

Посланные исполнили свое дѣло. Селенія Нугу-Нугу и Олева были выжжены; пять отличныхъ лодокъ истреблено; отрядъ мстителей шелъ къ Мафанга. Но по мѣрѣ приближенія къ сему завѣтному мѣсту, дикари, дотолѣ бѣжавшіе встрѣчи, стали собираться и противиться. Одинъ Французъ изъ отряда, капралъ Ришаръ, бросился въ кустарникъ за дикаремъ; на него напали восьмеро, сбили, изувѣчили его дубинами и искололи штыками.

Такая потеря заставила Французовъ быть осторожнѣе. Вступая въ лѣсъ и кустарникъ, они подвергались стрѣльбѣ непріятеля, и немогли отвѣчать ему съ выгодою. Притомъ эта перестрѣлка ни къ чему невела. Сожженія селеній дикарскихъ достаточно было для распространенія страха на островѣ. На первый день довольно было такого возмездія. Оно могло послужить въ пользу. Но на другой день слѣдовало принять мѣры рѣшительнѣе Несчастный Ришаръ перенесенъ былъ на корабль, ночью умеръ, и на другой день похороненъ на Пангаи-Моду.

Капитанъ Дюрвиль зналъ, что Мафанга святое мѣсто для островитянъ, и что при нападеніи на него весь Тонга-Табу встревожится этимъ осквернеміемъ завѣтнаго мѣста. Такимъ образомъ разные старшины необходимо вмѣшаются въ дѣло, до сихъ поръ касавшееся только одного Тагофа, и это вмѣшательство, при личныхъ враждахъ старшинъ и при желаніи спасти отъ гибели мѣсто священное, можетъ довести къ немедленной отдачѣ плѣнниковъ. Несмотря на опасность стоянки подлѣ берега, унизаннаго мѣлями, капитанъ рѣшился стрѣлять въ Мафанга изъ пушекъ.

Пока готовились къ такому нападенію, которому препятствовалъ между тѣмъ Ю. В. вѣтеръ, пришлыла лодка къ кораблю, привезла кадета Фараге, и съ нимъ былъ переводчикъ Синглетонъ. Кадетъ досшался на часть Палу, и тотъ, немогши уговорить его остаться на островѣ, отослалъ его теперь на корабль. Тутъ уже никакого сом-

нения неосшавалось о виновникѣ заговора. Вся честь его принадлежала Тагофа и его маша-буле. Синглетонъ говорилъ даже, что другіе старшины жестоко осуждали поступокъ Тагофа въ упреннемъ совѣтѣ. Но Тагофа былъ Наполеонъ, Ахиллесъ острова Тонга-Табу, и его воля являлась закономъ для всѣхъ. Между тѣмъ, какъ будто мимоходомъ, Синглетонъ обѣщалъ уговорить дикарей возвратить всѣхъ, кто незахочетъ *добровольно* остаться на островѣ. Капитанъ Дюрвиль почелъ безчестнымъ согласиться на подобное условіе. Здѣсь явно было коварство Симоне, который горделиво хотѣлъ прикрыть бѣгство согласіемъ капитана. «Никого изъ людей, ввѣренныхъ мнѣ королемъ, неоставлю я на Тонга-Табу — отвѣчалъ капитанъ Синглетону. «Если завтра мнѣ невозвратятъ плѣнниковъ и бѣглецовъ, я раззорю Мафанга ядрами и картечью.»

И дѣйствительно, на другой день, 15-го числа, корвета была готова, распустила большой флагъ, и подкрѣпила слова капитана пушечнымъ выстрѣломъ. Дикари отвѣчали поднятіемъ множества бѣлыхъ флаговъ на длинныхъ шестахъ. Въ чаяніи, что это означаетъ миръ, послали къ берегу лодку, но ружейная пуля, просвиставшая надъ нею, показала истинныя намѣренія островитянъ. Надлежало силою принудить наглецовъ къ повиновенію.

Пушечные выстрѣлы начались 16-го утромъ. Тридцать ударовъ изъ каронадъ были сдѣланы ядрами и картечью. Первымъ выстрѣломъ перешибло вѣтвь огромнаго фиговаго дерева, отѣнявшаго собою

малаи, сдѣлавшуюся на то время сборнымъ мѣстомъ войскъ Тагофа. Этотъ ударъ сопровождался жестокимъ и пронзительнымъ крикомъ, зачѣмъ послѣдовало глубокое молчаніе. Заслонясь песочными грудами и лежа во рвахъ, наскоро выкопанныхъ, дикари немного терпѣли отъ канонады, и добыли еще нѣсколько ядеръ въ пескѣ. Послѣполудня, Астролябія стояла такъ близко къ утесамъ, что при отливѣ дикари могли подойдти къ ней на разстояніе двадцати неболѣе туазовъ.

Всѣ три слѣдующіе дни корабль оставался въ такомъ невыгодномъ положеніи. Прекрасная, стоявшая дотолѣ погода стала измѣняться въ мрачную и бурную. Вѣтеръ дулъ жестокими порывами, и угрожалъ бросить корабль на утесы, о которые разбивались свирѣпо морскія волны. Тутъ можно было попасть въ такое-же бѣдствіе, изъ какого едва могла освободиться Астролябія при своемъ прибытіи къ Тонга-Табу. И притомъ, въ случаѣ кораблекрушенія небыло уже теперь никакой надежды спастись. Съ дикарями были въ непримиримой враждѣ, и они жаждали мщенія за раззореніе и смерть земляковъ. Качаемая прибоемъ, корвета ежеминутно казалась готовою сорваться съ якорей и расшибиться объ утесы. Экипажъ былъ недоволенъ, безпокоился, роптalъ. Можно было подумать, что матрозы завидуютъ даже безопасности своихъ товарищей, плѣнниковъ, отъ времени до времени являвшихся на берегу; всѣ ожидали послѣдствій съ самымъ грустнымъ чувствомъ. Война въ двухъ шагахъ отъ гибельныхъ утесовъ, вы-

стрѣлы, отъ времени до времени перерывавшіе безмолвіе на берегу и на кораблѣ, неизвѣстность будущаго, упорство дикарскихъ старшинъ, все это внушало самую печальную думу. Можно было даже опасаться неповиновенія матрозовъ, и капитанъ Дюрвиль, можетъ быть, отказался-бы наконецъ отъ своего предпріятія, но 19-го увидѣли небольшую лодку, плывшую отъ прибрежья противъ Мафанга. Въ ней находился одинъ изъ матрозовъ, по имени Мартиненгъ, съ порученіемъ отъ Тагофа, что эгуи обѣщаетъ возвратить плѣнниковъ капитану Дюрвилю, если прекратится пальба. Однимъ изъ карпечныхъ выстрѣломъ убило старшину, и это склонило островитянъ на уступку.

Переговоры кончились благополучно. Одинъ изъ маша-буле Тагофа, Ваи-Тонаи, съ трепетомъ пріѣхалъ объяснится, что нѣтъ возможности возвратить на корабль бѣглецовъ Симоне и Ребуля, куда-то скрывшихся, но что всѣ другіе Французы будутъ отданы сполна. Желая поскорѣе удалится отъ прибрежныхъ асоровъ, капитанъ неспалъ споритъ, промолчалъ и о томъ, что дикарямъ надлежало еще возвратить все, что они захватили изъ вещей въ яликѣ. Шлюпка отправилась къ Мафанга взять плѣнниковъ. Они явились въ самомъ странномъ одѣяніи, окутанные тканями, которыя подарилъ имъ Тагофа, въ замѣнъ содраннаго съ нихъ платья. Радуясь, что кое-какъ кончилось непріятное такое дѣло, на другой-же день капитанъ Дюрвиль поспѣшилъ оставить, 21-го Мая, 1827 года, берега Тонга-Табу, послѣ мѣсячной, са-

мой несчастной стоянки, избѣжавши отъ стольких опасностей — кораблекрушенія, заговора, войны.

Черезъ три мѣсяца потомъ, Французскую корвету смѣнилъ здѣсь Англійскій, принадлежавшій Ость-Индской Компаніи корабль *Изысканіе* (Research), подъ начальствомъ капитана Диллона. Онъ сначала приближался къ Эоа, но капитанъ непосмѣлъ идти на берегъ. Онъ очень хорошо зналъ всю непріязненность тамошнихъ островитянъ. Ему даже извѣстенъ былъ счастливо придуманный дикарями хитрый обманъ, многократно употребленный и бывшій западнею нѣсколькимъ Европейцамъ. Жители Эоа вздумали привлекать лодки кораблей, останавливавшихся близъ ихъ острова, высылая къ нимъ множество красивыхъ женщинъ въ своихъ лодкахъ. Океанійскіи Сирены должны были плавать окрестъ корабля, пока имъ неудавалось вызвать моряковъ на берегъ. Тутъ сотни дикарей нападали на бѣдняковъ, грабили ихъ, привязывали къ деревьямъ и морили до тѣхъ поръ, пока товарищи плѣнниковъ несоглашались выкупить ихъ Европейскими вещами. Такая выдумка была гораздо удобнѣе открытыхъ нападеній, подвергая меньшей опасности. Но невсегда этимъ довольствовались дикари Эоаскіе. Англійскій корабль *Пособіе* (Supply), допустивъ къ себѣ неосторожно большое число посѣтителей, вдругъ испыталъ нечаянное нападеніе ихъ. Капитанскаго брата и одного матроза убили они дубьемъ, и самого капитана бросили въ море. Случилось такъ, что онъ упалъ въ свою лод-

ку, бывшую подлѣ корабля, и тамъ увидѣлъ забытую зрительную трубу. Поспѣшно вскочилъ онъ, схватилъ трубу, оборотилъ ее въ дикарей. Думая, что это какое нибудь, неизвѣстное имъ, огнестрѣльное оружіе, дикари перепугались, побѣжали. Матрозы, сидѣвшіе въ каютѣ за обѣдомъ, выбѣжали, ухватились за копья и остроги, кинулись на дикарей, убили нѣсколькихъ; остальные побросались въ море. Корабль былъ спасенъ.

Избѣгая всѣхъ насильствъ и хитростей, Диллонъ сталъ на Пангаи-Модской пристани 15-го Августа и поспѣшилъ отплыть 26-го. Наученный примѣромъ Дюрвиля, Англійскій капитанъ принималъ всѣ возможныя предосторожности, чтобы неподпасть подобному его жребію. Онъ несходилъ самъ на берегъ, запасся водою и дровами черезъ дикарей, и строго воспретилъ принимать оспровинянъ на корабль. Но несмотря ни на какую осторожность, дикари попытались однакожь напасть на Диллона, ночью съ 19-го на 20-е Августа. Около 3-хъ часовъ утра разбудилъ его большой шумъ, начавшійся подъ окнами его каюты. Несмотря на темноту, легко можно было разглядѣть большую лодку, сопровождаемую множествомъ другихъ. Дикари приближались осторожно и готовы были лѣзть на корабль. Предупреждая злое намѣреніе, капитанъ немедленно выстрѣлилъ изъ своего пистолета по лодкѣ, и велѣлъ кричать переводчику, что прикажетъ стрѣлять изъ пушекъ, если лодки неудалятся безъ замедленія. Видя, что ихъ злодѣйство открыто, хищники неупорство-

вали. Впрочемъ, пребываніе здѣсь капитана Диллона неоткрыло намъ ничего новаго, ни о землѣ Тонгской, ни о жителяхъ ея. Узнали черезъ него одно только, что островъ Ротума, хотя отдаленный на 600 миль отъ Тонга-Табу, признаетъ однакожъ власть его. Свѣдавши, что Диллонъ хочетъ завернуть къ Ротума, почтенный Фака-Фануа, стражъ Мафанга, просилъ капитана взять съ собою и отвезши туда его втораго сына, 14-ти лѣтнюю дочь и одного изъ служителей. Этимъ посланнымъ препоручалъ онъ потребовать обыкновенной дани, какую жрецы Ротумскіе платили Тонга-Табскимъ. Уже за три года прежде, Фака-Фануа послалъ на Ротума своего старшаго сына, и ему очень хотѣлось имѣть какія нибудь свѣдѣнія объ этомъ молодомъ человѣкѣ.

Послѣдній мореплаватель, посѣщавшій архипелагъ Тонгскій, сколько намъ извѣстно, былъ капитанъ Валдегравъ, начальникъ Англійскаго военнаго шлюпа *Серингапатнамъ*. Остановясь у Пангаи-Моду, въ концѣ Мая 1830 года, онъ имѣлъ съ жителями сношенія, постоянно мирныя. Слѣдуя его разсказамъ, въ это время на Тонга-Табу опять явился какой-то туи-тонга, и хотя Тагофа все еще былъ самымъ сильнымъ и властнымъ старшиною, нѣкоторое противодѣйствіе ему оказалось въ пользу Тубо, продолжавшаго быть ревностнымъ и усерднымъ христіаниномъ. Старику этому предоставили разныя родовыя почести.

Какъ путешественникъ болѣе всѣхъ благопріятствуемый обстоятельствами, Валдегравъ могъ

присутствовать на нѣкоторыхъ праздникахъ, и между прочимъ на томъ, который давалъ туи-тонгу начальникъ Мори, по имени Партонъ, по возвращеніи своемъ съ Гапаевъ. Вотъ описаніе его:

«Въ 9-ть часовъ утра, туи-тонга сѣлъ въ обширномъ строеніи, назначенномъ для кавы, овальномъ, открытомъ со всѣхъ сторонъ. Его чиновники обсѣли кругомъ его. Направо помѣстилась спаруха, предназначенная для услугъ ему. Строеніе было не въ самой срединѣ загородки. Прямо, туазахъ въ 25-ти отъ туи-тонга, были расположены на землѣ два огромныя сосуда для кавы, и съ каждой стороны ихъ, полукружіемъ, сидѣли на корточкахъ старшины и важнѣйшіе дикари. За ними находился остатокъ собранія, стоя. Родъ главнаго крайчаго, налѣво отъ туи-тонга, громко возвѣщалъ имена особы, которой каждая чашка кавы долженствовала быть подана по мѣрѣ налитія, и другіе дикари несли ее и подносили избранному, присѣдая къ землѣ. Кава кончилась, и началась игра между двумя отдѣленіями начальниковъ; съ каждой стороны было по 20-ти человѣкъ. Туи-тонга вмѣшался въ одну изъ сторонъ. Игра состояла въ томъ, что надобно было воткнуть отвѣсно копье въ огромный отрубокъ, около фута толщиною, врытый въ землю. Первый игрокъ кинулъ копье горизонтально, а другіе потомъ такъ, что копья ихъ падали вертикальнымъ образомъ. Тутъ надобна была большая ловкость. Изъ двадцати копей, брошенныхъ съ обѣихъ сторонъ, только пять попали въ цѣль. Партію составляютъ 30-ть разъ удач-

ныхъ, но ни одна сторона недостигла этого числа, хотя и начинали въ нѣсколько пріемовъ. Туи-тонга попалъ одинъ разъ ; Партонъ два раза. Играющій становится почти футахъ въ 15-ти отъ цѣли и мѣтитъ, чтобы отвѣсно попасть въ эту особеннаго рода мишень. Когда кончилась игра, въ загородку принесли свиней, сосчитали, и туи-тонга раздѣлилъ ихъ всѣмъ. Мы получили четырехъ свиней, съ приличнымъ количествомъ иньямовъ. Послѣ обѣда начались пляски. Къ ночи собрались опять въ загородку, освѣщенную факелами, которые держали дикари. Придворный штатъ, поставленный въ срединѣ круга, состоялъ изъ 30-ти, или 40-ка человѣкъ. У начальника оркестра были три пустыя бамбуковины, положенныя на землѣ, по которымъ онъ билъ. Иные составляли басъ, ударяя по землѣ бамбуковинами, въ пустоту которыхъ были вложены другіе бамбуки. Нѣкоторые изъ дикарей хлопали руками, какъ будто цымбалами. Начальникъ, или корифей, держалъ припомъ голосомъ тенорную ноту, не перерывая звуковъ своего голоса. Напрасно старался я узнать, какъ онъ это дѣлаетъ, но только мѣра поддерживалась превосходно и кадансъ былъ вѣренъ. Въ теченіе пяти часовъ хоръ смѣнялся только два раза. Пляски начали женщины, ставши въ кружокъ, лицами къ хору, отлично соблюдая мѣру и сопровождая ее пѣньемъ. Безпрерывно двигая руками и головами, плясуньи поддерживались въ самыхъ красивыхъ положеніяхъ, то слегка отворачиваясь, то повертываясь полнымъ кругомъ, то въ половину, чрезвычайно строй-

но. Восемдесять женщинъ являлись въ каждой пляскѣ, и каждая изъ нихъ шевелила головою во одно время и одинаково съ другими. Мѣра, сперва медленная, дѣлалась постепенно живѣе, пока становилась чрезвычайно скорою. Съ головы до ногъ, казалось, плясуній дергаютъ судороги, и пляска кончилась общимъ восклицаніемъ.

« Другая пляска, изъ равнаго числа женщинъ, слѣдовала за этою и была сопровождена четырьмя плясками мужчинъ. Единственное различіе мужской пляски отъ женской заключалось въ томъ, что мужчины часто двигали ногами, а женщины едва подымали ихъ отъ земли. Все это составляло зрѣлище прекрасное. Женщины были одѣты только съ пояса до ногъ; руки и груди были у нихъ открыты, и зрители могли полюбоваться ихъ красивыми, стройными бюстами. Одежду, богатую и со вкусомъ драпированную, составляли перевязки изъ шапа, украшенныя пронизками и цвѣтами. Мы съ большимъ удовольствіемъ находились при туалетѣ дикарокъ, и пріятное препровожденіе времени доставило намъ разсматриваніе уборовъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ приносили. Мы любовались всѣми подробностями постепеннаго наряда, кончившагося тѣмъ, что въ знакъ утонченной роскоши лили кокосовое масло, надушенное сандаломъ, на голову, плеча, шею и грудь дикихъ щеголихъ. Женщины, говоря вообще, показались намъ скромны, но ласковы. Дочь Партона первенствовала въ одной пляскѣ, а сестра ея въ другой. Это были двѣ премилыя дѣвушки, лѣтъ по

15-ти. Туи-тонга предводилъ одною изъ мужскихъ плясокъ, а сынъ его, мальчикъ лѣтъ 11-ти, другою. Надобно большую крѣпость, чтобы по здѣшнему пѣть и плясать въ одно время, и особливо къ окончанію фигуръ. Я попытался подпѣвать дикарямъ съ четверть часа, и ужасно утомился, хоть и сидѣлъ. Мужчины были одѣты однообразно, кромѣ корифеевъ пляски, у которыхъ открыты были только руки, а остатокъ тѣла весь закутанъ тканями. Множество кусковъ тапа, навитыхъ около пояса, было таково, что составляло толщину футовъ на шесть сверхъ тѣла, и совершенно скрывало формы. Въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ пляски кончились. »

Отъ Тонга-Табу, капитанъ Валдегравъ направилъ путь къ Вавао, чтобы получить тамъ свѣдѣнія, касательно двухъ китоловныхъ судовъ, на экипажи которыхъ незадолго передъ тѣмъ нападали туземцы. Вечеромъ 4-го Іюня Серингапатамъ остановился близъ острова Вавао, а на другой день Валдегравъ сошелъ на берегъ, требовать отъ дикарскихъ старшинъ изъясненія причинъ, въ слѣдствіе коихъ дерзнули они напасть на корабли, охраняемые Великобританскимъ флагомъ. Предоставимъ здѣсь рѣчь самому капитану:

« Меня провели въ огромное строеніе, назначенное для кавы, гдѣ нашелъ я царя, сидящаго. Англичанинъ Броунъ находился по лѣвую руку его; по обѣ стороны стояли главнѣйшіе вельможи, и прямо противъ царя нисшіе чиновники. Кругомъ дома, по лугу, между Фаи-тока прежняго царя и домомъ

кавы, тѣснилось тысячи съ три дикарей. Царь просилъ меня сѣсть. Но, стоя передъ нимъ, и неснимая шляпы, такъ-же, какъ и всѣ мои офицеры, я отвѣчалъ: « Король Георгъ прислалъ меня спросить у тебя, Финау! для чего умерпвилъ ты капитана корабля *Елисавета* и кинолововъ съ корабля *Бродяги* (Rambler)? Могу-ли я сѣсть, пока не скажешь ты мнѣ: для чего учинилъ ты такія ужасныя дѣла? » — При сихъ словахъ Финау затрясся отъ гнѣва и отъ страха. Въ первый еще разъ съ роду спрашивали его такимъ образомъ передъ его народомъ. « Взгляни на этого священника — прибавилъ я, указывая на Миссіонера — онъ скажетъ тебѣ, что я пришелъ не мстить, но узнать обстоятельства дѣла. » Тутъ Финау началъ изъяснять, весьма тихимъ голосомъ, что начальникъ Бродяги и онъ Финау вели весьма дружескую торговлю, когда вдругъ два человѣка съ корабля бѣжали на островъ. Вмѣсто того, чтобы отнестись къ нему, царю острова, капитанъ хотѣлъ употребить силу и началъ стрѣлять по народу, собравшемуся на берегу. Бѣглецы были возвращены, но капитанъ имѣлъ неосторожность явиться послѣ того на землю; народъ взволновался, и убилъ его и всѣхъ, кто былъ при немъ на лодкѣ. Что касается до Елисаветы, то, по словамъ Финау, первыя сношенія капитана съ островомъ были столь дружественны, что восхищенный этимъ капитанъ обѣщалъ подарить ему, царю, ружье. Но во время отбытія корабля, капитанъ отказалъ въ подаркѣ, и Финау началъ думать вотъ такъ: « Елисавета,

какъ прежде Бродяга, станетъ теперь стрѣлять по народу моему; лучше предупредить такую бѣду» — и онъ велѣлъ убить капитана и нѣсколько матрозовъ. Впрочемъ, Царь прибавилъ, что весьма кается въ своемъ поступкѣ и никогда впередъ поступать такимъ образомъ небудетъ. «Хорошо — отвѣчалъ я на царскія объясненія — я перескажу королю Георгу все, что ты мнѣ говорилъ.» — Прощаешь-ли ты меня? — спрашивалъ Финау. — «Я неимѣю права прощать, потому, что пришелъ только спросить у тебя.» — Станешь-ли пить съ нами каву? — Я снялъ шляпу и присѣлъ подлѣ Царя. Народъ сопровождалъ мой поступокъ громкимъ рукоплесканіемъ. Каву принесли и я принялъ въ ней участіе. Потомъ Финау пригласилъ меня провести у него ночь. Посовѣтовавшись съ офицерами моими, я принялъ предложеніе.

«Послѣ кавы мы удалились въ хижину, замѣчательную по ея чистотѣ и красивой наружности. Двойная рогожка изъ кокосовыхъ волокнъ покрывала въ ней полъ. Царь просилъ меня велѣть офицерамъ выйдти, и часа съ три повторялъ мнѣ подробности ссоръ и знаки своей печали. Послѣ обѣда хотѣлъ онъ мнѣ показать ловкость свою въ стрѣльбѣ, взялъ ружье — промахивался мимо всѣхъ птичекъ, въ которыхъ мѣтилъ, и кончилъ тѣмъ, что попалъ въ какую-то несчастную курицу. За то ее тотчасъ общипали, исжарили и съѣли. Другая кава слѣдовала за подвигомъ властителя Вавайскаго. Во время продолженія кавы, Финау такъ усильно просилъ отдать ему мою шляпу, что я

принужденъ былъ согласиться. Вечеромъ происходили пляски въ домѣ кавы, и послѣ двухъ ужиновъ отправились мы въ хижину, гдѣ надобно было ночевать. На другой день, послѣ завтрака, я предложилъ Финау отправиться со мною на корабль. Онъ согласился, но министръ его началъ просить меня дать слово, что я невоспрепятствую Царю возвратиться обратно на землю. Я предложилъ аманата, и прибавилъ: « Мой хирургъ пошелъ за четыре мили отсюда, во внутренность острова, чтобы повидаться съ любимымъ царскимъ племянникомъ; духовникъ мой его сопровождаетъ — отдамъ-ли я такимъ образомъ ихъ въ ваши руки, если имѣю намѣреніе сдѣлать зло Царю вашему? Слово мое дано, и король Георгъ повѣситъ меня, если я, давши слово, несдержу его. » — Хорошо — возразилъ Финау — я иду съ тобою! — Мы пустились въ двухъ лодкахъ, сопровождаемые двадцатью девятью человѣками. Плывя между пуземныхъ лодокъ, мы были привѣтствуемы радостнымъ крикомъ. Когда Финау взошелъ на корабль, я велѣлъ моимъ солдатамъ маневрировать, и царю дважды подавали вина, какъ равно и свитѣ его. Царь исходилъ по всему кораблю, называлъ по имени каждую вещь, и пробовалъ свистнуть въ командный свистокъ. Услыша барабанъ, подавшій сигналъ къ офицерскому обѣду, Финау пошелъ за служителями и сѣлъ за общій столъ. Кончивъ тутъ обѣдъ, онъ перешелъ въ мою каюту, гдѣ снова принялъ участіе въ моемъ столѣ. Солдаты наши опять маневрировали съ полчаса, и восхищенные дикари

снова радостно кричали. Въ три съ половиною часа по полудни, Финау и свита его пустились отъ корабля въ шлюпкѣ, и уже въ девять часовъ шлюпка воротилась, полнехонька иньямовъ, которые дарилъ намъ властитель Вавайскій.

« Финау царь самовластный, и всѣ его повелѣнія тщательно и немедленно исполняются. Онъ язычникъ, и лѣтъ ему будетъ около тридцати. Дѣтей у него двое, женъ три. Жениться можетъ онъ только на дочеряхъ знатныхъ старшинъ. Наслѣдникъ его дитя отъ одной изъ его женъ, принадлежащей къ знаменитому туземному роду. Кромѣ женъ у Финау множество подругъ. »

Вотъ что узнаемъ мы отъ капитана Валдеграва, который впрочемъ обозрѣвалъ все поверхностно. — Что касается до новѣйшихъ трудовъ Миссіонерскихъ, все извѣстное объ нихъ достовѣрно состоитъ въ томъ, что проповѣдники, основавшіеся въ Гифо, обезнадежась упорствомъ Гапа, въ 1830 году перешли на острова Гапайскіе, гдѣ обратили въ христіанскую вѣру царя и большое число его подданныхъ. На слѣдующій годъ такую-же удачу увидѣли они на Вавао, и по всѣмъ вѣроятіямъ самый Тонга-Табу кажется уступающимъ общему направленію острововъ Тонгскихъ. Три Миссіонера, утвердившіеся въ Ніуку-Лафа, при благочестивомъ Тубо, ежедневно приобрѣтаютъ истинной вѣрѣ новыхъ поборниковъ. Желательно-бы, чтобъ между ревностными проповѣдниками сыскался новый Эллисъ, и сохранилъ намъ память о

нравахъ и идолопоклонствѣ, истребляемыхъ его товарищами, и чтобы прежній бытъ архипелага Тонгскаго доставилъ намъ черезъ то матеріялъ для всеобщей исторіи человѣчества, столь обширной и столь неполной притомъ.

ГЛАВА LXVIII.

АРХИПЕЛАГЪ ТОНГА. — НРАВЫ, ОБЫЧАИ, РЕЛИГІЯ ТУЗЕМЦЕВЪ.

Сосѣдъ архипелага Вити, занятаго черными племенами, Тонгскій архипелагъ очевидно принадлежитъ еще къ той породѣ Океанійцевъ, которую называемъ мы *Полинезійскою*, и по странности, довольно неизъяснимой, эта порода является на немъ благороднѣе, менѣе смѣшенна, болѣе правильна, и даже болѣе бѣла, нежели на другихъ островахъ, гораздо далѣе отстоящихъ отъ Меланезіи. Черты лица Тонгскихъ островитянъ пріятны, выраженіе важно и скромно. Большею частью, у нихъ орлиный носъ, губы небольшія, волосы вообще гладкіе, тѣло складное и стройное. Присовокупите къ тому цвѣтъ кожи не очень цвѣтной, особливо у женщинъ и начальниковъ, и вы безъ труда поймете, какъ много внѣшностью своею этотъ народъ можетъ походить на племена южной Европы. Иныя изъ здѣшнихъ дикарокъ представляютъ

формы столь прекрасныя и чистыя, что могли-бы служить образцомъ для нашихъ художниковъ. Одно только должно осудить въ нихъ — ноги слишкомъ толстыя.

Въ умѣренномъ климатѣ, при пищѣ обильной и легкой, дикари Тонгскіе вообще наслаждаются постояннымъ здоровьемъ. Они подвергаются однакожь элефантической проказѣ, сухоткѣ, простудамъ, и какой-то накожной сыпи по разнымъ частямъ тѣла. Старики здѣсь многочисленнѣе, нежели на другихъ Полинезійскихъ купахъ, свѣжѣе, ловче и сильнѣе.

Мы уже видѣли каковъ характеръ у этого дикаго поколѣнія — сначала гибкаго, вкрадчиваго, съ пріятными внѣшностями, но корыстнаго, жаднаго, злаго и жестокаго, если оказывается къ тому случай. Потому каждый мореплаватель могъ видѣть его подъ различными отношеніями, иной хваля безъ мѣры, другой слишкомъ уже можетъ быть унижая. Ласковые къ посѣтителю и убивающіе его, привѣтливые и жестокіе, великодушные и алчные корысти, глубоко лукавые, а паче всего храбрые — важные, привѣтные между собою, смышленые, хитрые, готовые къ образованію—вотъ черты, противорѣчащія одна другой и отличающія между тѣмъ дикарей Тонгскихъ. Общественныя связи между ними благородны и благопристойны. Семейства хорошо управляются отцами; женщины неподвержены позорному униженію; законы табу нестроги до нелѣпости. По всему этому, капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль непобоялся поставить

Тонгскихъ дикарей почти на одной линіи съ Ново-Зеландцами. Они вполнѣ одарены качествами высшей степени, и особливо властью надъ самими собою, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ума сильнаго, возвышеннаго.

Общественное дѣленіе можно опредѣлить здѣсь пятью разрядами: туи-тонга, эгуи, мата-буле, муа и туа.

Я уже говорилъ, что такое значитъ *туи-тонга* и его семейство. *Эгуи,* или знатные люди, кажется, составляютъ классъ владѣтелей земли. Ими заняты первыя должности на островахъ; изъ нихъ избираются политическіе начальники въ каждый округъ, почти независящіе отъ туи-тонга, и обязанные только воздавать ему условныя почести. Такая независимость, по видимому, несуществовала въ началѣ, но въ наше время сдѣлалась она дѣломъ безспорнымъ. Подъ защитою самыхъ могущественныхъ эгуи, начальники округовъ образуютъ вторыхъ, подчиненныхъ эгуи, раздѣляющихъ судьбу своихъ начальниковъ. Для означенія первовластія надъ какимъ-либо островомъ, округомъ, селеніемъ, начальники присовокупляютъ къ слову: *туи* (господинъ) имя своего владѣнія. Отсюда названія: туи-Вавао, туи-Гапаи, туи-Намука.

Только при благородномъ родѣ матери передается благородство. Если мать была простаго рода, дитя ея считается простолюдиномъ. Ни въ какомъ случаѣ богатство непридаетъ благородства. Даже и нынѣ, несмотря на перевороты, измѣнившіе столь многое на Тонга-Табу, при ка-

вахъ и другихъ торжественныхъ собраніяхъ, могущій и грозный Тагофа долженствовалъ уступать первенство робкому Тубо, ничтожному Лату и прочимъ членамъ Фата-Фаевъ, на которыхъ едва удостоивалъ онъ смотрѣть при другихъ отношеніяхъ.

Послѣ эгуи слѣдуютъ *мата-буле*, важное и полезное званіе, существенное уравненіе феодальной системы архипелага. Мата-буле суть природные совѣтники, опекуны эгуи. Они обязаны наблюдать за управленіемъ собственностей, соблюденіемъ церемоній, поддержаніемъ преданій. Рѣдко эгуи рѣшится на что нибудь важное безъ совѣта съ мата-буле. Они естественные посредники между чернью и властями, ступеньки между низшими и высшими.

Званіе *муа*, что-то смѣшенное, составляютъ почти всѣ родственники мата-буле. Имъ предоставляются ремесла, именуемыя свободными между дикарями: постройка лодокъ и большихъ зданій, обдѣлка китовыхъ усовъ, вязанье сѣтей. Другія ремесла принадлежатъ званію *туа*, самому низшему, подраздѣляемому опять на разныя части, смотря по большей или меньшей степени презрительности, какой подвергаются ихъ занятія. Самыя презрительныя упражненія суть поваренныя и земледѣльческія. Собственно-невольниковъ на Тонга никогда небывало; плѣнниковъ, взятыхъ въ битвѣ, либо рѣзали, либо обмѣнивали, отпускали просто, или наконецъ вмѣщали въ ряды побѣдителей.

Прежде, когда архипелагъ былъ подчиненъ власти правильной и уваженной, войны были рѣдки и,

разумѣется, частны. Тѣ, кого превожилъ духъ браннолюбія, отправлялись на острова Виги, мѣсто сраженій безпрерывныхъ и жестокихъ. Возмущеніе Финау измѣнило это мирное состояніе. Въ теченіе десяти лѣтъ потомъ весь архипелагъ находился въ битвѣ нескончаемой. Воинства въ двѣ, въ три тысячи человѣкъ многократно сходились на брань, и эти сраженія выказали предпріимчивый и воинскій духъ дикарей. Каждый, способный взяться за оружіе, отдавался въ распоряженіе эгуи и слѣдовалъ за нимъ во всѣ походы. Обыкновенно, старались избѣгать большихъ сраженій, и лучше замѣняли ихъ стычками и засадами. Побѣжденная сторона предавалась на волю побѣдителя, или бѣжала на союзный островъ, увозя въ своихъ лодкахъ женъ, дѣтей, стариковъ и лучшее имѣніе. Сколько такихъ бѣглецовъ гибло въ волнахъ Океана, дополнявшихъ тѣмъ погибель отъ меча побѣдителей!

Оружіе дикарей составляли копья и головоломы, или дубины разнаго рода. Теперь вооружаются они ружьями, и особенно штыками, насаженными на длинныя рукоятки.

Понятіе о преступленіи ограничивалось на Тонга почти однимъ только нарушеніемъ табу, или неповиновеніемъ начальнику—двоякимъ преступленіемъ и очень рѣдкимъ. Палки были обыкновеннымъ наказаніемъ, а въ важныхъ случаяхъ приговаривали къ смерти. Поединки извѣстны на Тонга. Если два эгуи обвиняютъ другъ друга, дѣло рѣшается

битвою одного противъ другаго. Иногда смерть одного изъ противниковъ оканчиваетъ споръ, но чаще слѣдуетъ искреннее примиреніе.

Управленіе собственностью, игры, пляски, разговоры составляютъ главнѣйшія упражненія эгуи и мапа-буле. Я говорилъ уже о *леагви* и *фанакалаи*. Подобно послѣднему, *джіа-луба* есть также ловля птицъ, посредствомъ приманки. Охота за крысами, *фана-гума*, почитается увеселеніемъ еще болѣе знаменитымъ; только знатнѣйшіе эгуи имъ занимаются. Прежде начала, служители разбрасываютъ по землѣ прикормку для крысъ, и чтобы показать туамъ, что они должны очистить мѣсто для господъ своихъ, бросаютъ въ разныхъ мѣстахъ обрубки дерева. Приготовя такимъ образомъ мѣсто, охотники являются туда, вооруженные луками и стрѣлами. Раздѣлясь на двѣ равныя стороны, подъ начальствомъ двухъ, самыхъ знаменитыхъ по званію старшинъ, начинаютъ соперничать въ оказаніи наибольшаго искуства при такой странной забавѣ. Стрѣлки становятся гусемъ, попеременно одинъ за другимъ изъ обѣихъ партій. Едва появится крыса, передовой охотникъ стрѣляетъ въ нее, и потомъ, убилъ или нѣтъ добычу, становится сзади цѣпи стрѣлковъ. Такимъ образомъ каждому достается выстрѣлить въ свою очередь, и сторона, которой удалось убить десятокъ крысъ, почитается выигравшею.

Другія забавы, или упражненія, суть: *ало*, ловля бонитовъ; *толо*, игра въ копья, о которой я уже говорилъ; *фанифо*, плаваніе черезъ бурунъ; *фанга-*

туа, битва дубинами; *фугу*, публичный бой; *тау-папа*, игра копьями; *лафо*, родъ игры въ палетъ (бросанье круглыхъ камешковъ); *гифо* и *габо* увеселенія женщинъ, игры, состоящія въ бросаніи шариковъ на воздухъ. Ловкостъ состоитъ въ томъ, чтобы безпрестанно были на воздухѣ пять шариковъ, переходя изъ руки въ руку.

Разговоры отъ нѣчего дѣлать почти всегда вертятся у дикарей на разсказахъ о *Папа-Лангуи* (Европейцахъ). Есть такіе говоруны, которые присвоиваютъ себѣ право занимать, или заставлять смѣяться другихъ, разсказывая множество смѣшнаго о нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Разумѣется, что такимъ сказочникамъ позволяется прибавлять самыхъ нелѣпыхъ преувеличеній и небывалыхъ подробностей, но гдѣ-же поэзія непользуется свободой прибавки, если хочетъ чтобы ее слушали внимательно и увлекались ея разсказомъ?

Множество ремесленныхъ званій, на какія дѣлятся островитяне, показываетъ рукодѣльность довольно обширную. Надобно упомянуть о постройкѣ лодокъ, въ чемъ дикари Тонгскіе превосходствуютъ (ремесло *фа-вака*). Другія ремесла суть: *фанна-ле*, искуство низать ожерелья изъ кашалотовыхъ зубовъ; *то фунга та мака*, кладка склеповъ, для погребенія старшинъ; *джіа кобенга*, вязанье сѣтей; *то фунга тотаи-ика*, рыбная ловля, сѣтями и удочкою; *тонга-фале*, постройка хижинъ; *та тату*, накалываніе кожи, или татуажъ; *тонгуи-акао*, чеканка головоломовъ; *фаи-кева*, бритье, ко-

шорое производятъ, либо острыми раковинами, либо кускомъ лавы; *фаи-уму*, поваренное искуство. Всѣ званія такихъ ремесленниковъ наслѣдственныя, между тѣмъ, какъ остальныя искуства, какъ-то: хирургическія операціи, постройка крѣпостей, вишье веревокъ, выработка оружія, неподлежатъ сему закону.

Землепашцы, или *каи-фунуа*, обработываютъ землю орудіемъ въ родѣ деревяннаго заступа, называемаго *гау*. Обыкновенно, женщинамъ предоставляется вязанье шканей, рогожекъ и корзинокъ. Въ первоначальномъ видѣ шкани именуются *тапа*, а окрашенныя и обдѣланныя принимаютъ названіе *гнату*.

Самыя тонкія рогожки дѣлаются изъ листьевъ пандана, и называются *гнафи-гнафи*. Спальныя рогожки (*фала*) подбиваютъ и разнообразятъ величиною. Есть по 70-ти футовъ въ длину и по шести въ ширину. Парусныя рогожки (*ла*) сколь легки, столь-же и крѣпки; рогожки съ узорами (*татау*), рогожки вмѣсто ковровъ (*такапу*), рогожки кровельныя (*баула*), дополняютъ вѣтви этой фабрикаціи. Корзинки дѣлаются такъ-же разнообразны, какъ и рогожки. Все это принадлежитъ къ занятіямъ женщинъ, а равно дѣланіе гребней изъ кокосовыхъ листьевъ, и выдѣлка нитокъ изъ коры *олонга*.

Ѣда между старшинами Тонгскими начинается съ утра, завтракомъ, за которымъ слѣдуетъ кава; потомъ въ полдень бываетъ обѣдъ, и при захож-

деніи солнца ужинъ. Въ большихъ обѣдахъ каждому ставятъ отдѣльную порцію. Женщины никакимъ закономъ неисключаются отъ трапезы мужчинъ, но нисшимъ званіямъ непозволяется передъ высшимъ ни пить, ни ѣсть. Никто несмѣетъ ѣсть передъ туи-тонга, и по странному сцѣпленію понятій самъ туи-тонга неможетъ дѣлать этого передъ старшими въ своемъ семействѣ.

Каждая незамужняя дикарка можетъ выбрать себѣ друга, который ей нравится. Сговоренныя, какъ бываетъ это съ большею частію дочерей старшинъ, обязаны жениху такою-же вѣрностью, какъ замужнія женщины. Впрочемъ, самыя свободныя дикарки неперяютъ нѣкоторыхъ приличій. Частая мѣна друзей почитается между ними безславіемъ. Замужнія женщины, обыкновенно, живутъ скромно и оспаются вѣрны мужьямъ. При нарушеніи супружескаго обѣта, законъ передаетъ виновную жену и соблазнителя во власть оскорбленнаго супруга. Будучи совершеннымъ господиномъ жены, мужъ можетъ убить ее безотчетно, но всего чаще кончится разводомъ, и тогда жена дѣлается свободною госпожею своихъ поступковъ. Эгуи берутъ женъ сколько пожелаютъ, но жены считаются между собою старшинствомъ по рожденію. Немного обрядовъ сопровождаетъ здѣшнія свадьбы. Женихъ приходитъ брать свою невѣсту въ домѣ отцовскомъ, и даетъ пиръ роднымъ обоихъ семействъ. Этого считается достаточнымъ для супружескаго обязательства. Туи-Тонга считался человѣкомъ, столь высоко поставленнымъ надъ другими, что

уже никакая женщина немогла сдѣлаться его законною женою. Этотъ царь-первосвященникъ забиралъ въ свой гаремъ по волѣ дочерей самыхъ отличныхъ эгуи, и всѣ онѣ считали за честь его выборъ. Наслѣдникомъ званія отцовскаго считалось дитя, рожденное отъ самой знатной изъ женъ туи-тонга. Нѣкоторыя женщины изъ семейства Фата-Фаевъ, и Тамага особенно, пользовались правами туи-тонга при выборѣ мужей. Мужъ выбирался, правда, одинъ, но позволялось имѣть особенныхъ друзей, и перемѣнять ихъ, такъ, что никто изъ этихъ прислужниковъ неимѣлъ никакого права на противорѣчіе своей знаменитой подругѣ.

Благородство, передаваемое по женскому колѣну, такъ высоко цѣнится на Тонга, что женщина нетеряетъ правъ своихъ выходя за-мужъ, и сохраняетъ всѣ преимущества своего званія. Если супруги неравной степени, мужъ низшаго рода обязанъ исполнить обрядъ мое-мое передъ женою принимаясь за обѣдъ, подъ опасеніемъ нарушить въ противномъ случаѣ уставы табу. Женщина, выходя за человѣка, болѣе ея знатнаго, увеличиваетъ личное къ ней уваженіе, но подобное право непереходитъ на мужа, который имѣетъ жену его благороднѣе.

Женщины, особливо матери семействъ, часто усыновляютъ чужихъ дѣтей, и они становятся равными ихъ собственнымъ. Политическая мѣра явно вмѣшивается въ сей уставъ. Дѣти принимаютъ званіе своей матери, и имъ отдаются равныя съ нею почести и условія этикета, съ самаго

дѣтства. Дѣтей мужескаго пола подвергаютъ обряду обрѣзанія. Татуажъ почти всегда производится уже надъ взрослыми; рисунки его бываютъ разнообразные и красивые. Женщинъ татуируютъ только на концѣ рукъ.

Хижины наиболѣе строятся овальной формы, футовъ по 30-ти въ длину, 20-ти въ ширину, и отъ 12-ти до 15-ти въ вышину. Ихъ составляетъ крышка, поддерживаемая рядомъ жердинъ, или брусьевъ, плотно сдвинутыхъ и перевязанныхъ одна къ другой. Полъ составляетъ битая земля, покрываемая слоемъ сушеной травы, на которомъ растягиваютъ рогожки изъ кокосовыхъ листьевъ. Внутренность можетъ быть раздѣлена на нѣсколько комнатъ, посредствомъ рогоженныхъ перегородокъ. Особенными рогожками по скату кровли защищается хижина, въ случаѣ надобности, отъ дождя, вѣтра и солнца. Одни господа хижины имѣютъ отдѣленіе въ ней, а все прочее семейство спитъ гдѣ попало въ остальной части строенія, только съ раздѣленіемъ мужчинъ отъ женщинъ. Для служителей строятся отдѣльныя маленькія хижины. Постели состоятъ изъ рогожекъ, и что носили на себѣ днемъ, то служитъ вмѣсто одѣяла ночью. Мебели Тонгскаго хозяйства несоставятъ длиннаго инвентаріума: одна, либо двѣ деревянныя чашки для кавы, калебасъ, или тыквина для воды, кокосовая орѣховина съ масломъ для туалета, скамейка, деревянный обрубокъ вмѣсто изголовья — вотъ все. Окружаясь небольшими огородами, хижины дикарей образуютъ маленькія селенія. Такое селеніе име-

нуется *коло*, если оно укрѣплено, а самое обширное называется *муа*, и составляетъ родъ столицы. Селенія вообще содержатся весьма опрятно; ихъ пересѣкаютъ дорожки, окружаютъ палисады, опѣняютъ купы деревьевъ.

Пища дикарей, здоровая и многоразличная, составляется изъ ѣствъ обыкновенныхъ во всей Полинезіи. Но поваренное искуство кажется достигнувшимъ на Тонгскомъ архипелагѣ большей утонченности, нежели на другихъ Полинезійскихъ островахъ. Маринеръ приводитъ до тридцати различныхъ поварскихъ рецептовъ. За то одежда дикарей весьма проста. Она состоитъ изъ тонкой рогожки, или куска ткани, который завертываютъ въ полтора объема вокругъ тѣла, завязывая на поясѣ. Женщины обыкновенно закрываютъ грудь, но у мужчинъ она открыта. Простолюдины часто довольствуются листвянымъ передникомъ, и поясомъ похожимъ на Таитское маро. Мальчишки долго бѣгаютъ нагіе совершенно, но дѣвочки одѣваются съ раннихъ лѣтъ. Иногда дикари надѣваютъ маленькіе калпаки на голову, обвертываютъ голову кускомъ ткани, въ родѣ чалмы, либо носятъ просто щипочки, сплетенные изъ кокосовыхъ листьевъ, родъ зонтика, для защиты зрѣнія отъ солнечныхъ лучей.

Уборка волосовъ самая важная часть Тонгскаго туалета. Тутъ несоблюдается никакого однообразія. Одни носятъ длинные косицами волосы; другіе стригутъ и брѣютъ ихъ. Нѣкоторые изъ дикарей красятъ еще волосы крѣпкими веществами, въ бѣ-

лый, красный, рыжій цвѣтъ, и потомъ тщательно завиваютъ ихъ. Иные изъ Тонгскихъ *фашіонеблей* несмѣютъ пошевелить головою, боясь разстроить прическу, тщательно прилаженную. Дикарки, напротивъ, стригутъ волосы весьма коротко. Но особенное отличіе обоихъ половъ на Тонга составляетъ тѣлесная чистота, доходящая до прихотливости. Употребленіе купанья, соединяясь съ натираніемъ кокосовымъ масломъ, придаетъ кожѣ мягкость и замѣчательную красоту. Дикарка, идя на праздникъ, чисто вымытая, намасленная, раздушенная, съ ея многочисленными и разнообразными украшеніями, съ ожерельями изъ раковинъ, птичьихъ костей, аккульихъ зубовъ, или китовыхъ усовъ, въ самомъ дѣлѣ кажется чѣмъ-то прелестнымъ и обольстительнымъ. Пандановые плоды, пахучіе цвѣточки, иногда украшаютъ ея красивую головку, или плетеницею обвиваются по ея прекрасной груди. Въ мочкахъ ушей, проткнутыхъ весьма широко, вставляются палочки, дюйма въ три длиною, и тростниковыя колѣнца, наполненныя желтымъ порошкомъ.

Я говорилъ уже о музыкальныхъ инструментахъ. Главные: *нафа*, родъ барабана, изъ бамбуковинъ разной величины, и *фанго-фанго*, родъ флейты, изъ бамбуковины, закрытой съ обоихъ концовъ и пробитой шестью дырочками, въ которыя играютъ носомъ. Извѣстна еще на Тонга сиринга, или Панова свирѣль, составленная изъ 8-ми, или 10-ти тростинокъ, параллельно приложенныхъ и производящихъ довольно неправильные звуки.

Подобно Таити и Гаваямъ, на Тонга есть пѣсни, назначенныя, однѣ для преданія на память историческихъ воспоминаній старыхъ временъ, другія для изображенія вымышленныхъ событій, и наконецъ особыя для простаго аккомпаньемана пляскѣ. Пляски, какъ уже говорилъ я, бываютъ весьма красивы, пріятны, благородны и разнообразны.

Жители Тонга, кажется, непризнаютъ фетишизма, который такъ силенъ на всей восточной Полинезіи. Ихъ идолослуженіе болѣе эмблеммати-ческое, нежели положительное, совершенно созерцательное обожаніе *готуа*, какихъ-то божествъ, неопредѣленныхъ и довольно темно описываемыхъ. *Готуа* Тонгское, конечно то-же, что *атуа*, Таитское, но религіозная идея его, символъ, догматъ, служеніе, у жителей Тонгскихъ гораздо темнѣе, и менѣе понятно, нежели въ Таитской миѳологіи.

Есть готуа всѣхъ разрядовъ, раздѣленные въ іерархическомъ порядкѣ, несчитая готуа-духовъ, какими почитаются умершіе эгуи и мата-буле, удостоиваемые сей чести послѣ кончины ихъ. Особенные *готуа-ту* суть духи птицы, опредѣленные ирево-жить людей.

Слѣдуя Куку, должно считать главными богами: *Кала-Футонга*, создавшаго большую часть предметовъ, бога-женщину, живущую на небесахъ, повелѣвающую стихіями и страшную въ гнѣвѣ своемъ (Вильсонъ называетъ ее *Кала-Фила-Тонга*). Далѣе слѣдуютъ: *Тали-Аубо*, богъ войны, покровитель *ту*, или царя Вавайскаго, съ которымъ онъ совѣ-

туется непосредственно; *Туи-Фуа-Болоту*, или начальникъ *Болоту*, низшій предшествующаго, несмотря на громкое имя; *Гигулео*, могущій богъ, обожаемый семействомъ туи-тонга; *Тубо-Тотаи*, буквально: *морской Тубо*, богъ странствующихъ, призываемый при вступленіи въ лодку; *Алаи-Валу*, богъ покровитель семейства *гу*, обожаемый въ Офу; *Ало-Ало*, богъ стихій, призываемый владѣльцами земель; *Мави*, котораго находимъ на Тонга превращеннымъ во что-то въ родѣ Энкелада, или Атласа. Онъ держитъ землю на хребтѣ своемъ, и шевелясь причиняетъ землетрясеніе.

За тѣмъ идутъ *Гала-Апи-Апи* и *Туи-Болоту*, второстепенныя божества моря и путешествій; *Тогуи-Уку-Меа* и *Тубо-Бугу*, похожіе на двухъ предшествующихъ; *Тангалоа*, божество ремеслъ и художествъ, который ловилъ когда-то рыбу удочкой и выпащилъ удою своею на поверхность моря острова Тонга. Этотъ послѣдній богъ, кажется, имѣетъ привиллегію передъ другими на странныя и любопытныя объ немъ преданія. Маринеръ приводитъ одно изъ такихъ преданій, и его должно передать здѣсь вполнѣ, какъ образчикъ миѳическихъ догматовъ и литературы архипелага Тонгскаго:

«Богъ Тангалоа и два сына его пошли жить въ Болоту. Жили они тамъ долго, когда Тангалоа сказалъ такъ сыновьямъ своимъ: » Подите съ вашими женами и живите въ мірѣ на Тонга. Раздѣлите землю на двое и живите раздѣльно. « Они пошли. Имя старшаго было Тубо, а младшаго Вака-Ако-Ули. Младшій былъ очень искусенъ. Первый онъ сдѣлалъ топоры, пронизковыя ожерельи, ткани

Папа-Лангуевъ и зеркала. Тубо былъ совсѣмъ различенъ: это былъ лѣнивецъ. Онъ только что прогуливался, спалъ и завидовалъ работамъ брата. Наскучивши просить ихъ, вздумалъ онъ его убить; и спрятался для этого худаго дѣла. Встрѣтилъ онъ однажды брата своего, когда тотъ гулялъ, и убилъ его. Тогда пришелъ изъ Болоту отецъ, распаленный гнѣвомъ. Потомъ онъ спросилъ: « Для чего убилъ ты брата своего? Немогъ-ли ты работать, какъ онъ? Бѣги, несчастный, бѣги! Скажи семейству Ваки-Ако-Ули, скажи, что-бы оно пришло сюда. « Тѣ пришли, и Тангалоа далъ имъ такой приказъ: » Подите и спустите на воду лодки; плывите на востокъ къ большой землѣ и останьтесь тамъ. Ваша кожа будетъ бѣла, какъ душа ваша прекрасна. Вы будете ловки, вы сдѣлаете топоры, всякія хорошія вещи и большія лодки. Въ то-же время велю я вѣтрамъ дуть отъ вашей земли къ Тонга. И отсюда нельзя будетъ имъ идти къ вамъ на своихъ худыхъ лодкахъ. » Потомъ Тангалоа такъ говорилъ старшему брату: « Ваши будутъ черные, потому, что у васъ душа худая, и вы будете лишены всего. У васъ небудетъ хорошихъ вещей, и вы непойдете въ землю вашихъ братьевъ. Какъ вамъ можно будетъ идти туда на худыхъ лодкахъ? Но братья ваши иногда придутъ торговать съ вами. »

Любопытно встрѣтить въ сей Океанійской легендѣ что-то намѣкающее на разсѣяніе людей по землѣ и разность родовъ, дѣленіе между злыми и добрыми, первое убійство и наказаніе за него.

Въ слѣдъ за первоначальными богами слѣдуетъ длинный рядъ *готуа,* духовъ умершихъ эгуи и маша-буле, имѣющихъ силу вдохновлять жрецовъ и являться своимъ родственникамъ и друзьямъ. Ихъ призываютъ на фаи-токахъ, составляющихъ предметъ глубокаго благоговѣнія; впрочемъ, такое благоговѣніе обще для всѣхъ божествъ. Примѣры не-

благочестія здѣсь весьма рѣдки, можетъ быть, потому, что тѣлесное здоровье почитается связаннымъ съ строгимъ наблюденіемъ религіозныхъ уставовъ. Проступокъ дикаря противъ религіи наказывается самими богами, которые ниспосылаютъ на виновнаго тяжкую болѣзнь, и даже смерть. Такая система наказанія временнаго, установленная и утвержденная единожды, немало способствуетъ повиновенію уставамъ и вѣрѣ въ преданія.

Боги являютъ свое присутствіе, по мнѣнію дикарей, особеннымъ свистомъ, потому строго опасаются дикари свистать, изъ уваженія къ божествамъ своимъ.

Жрецы на Тонгскомъ архипелагѣ необразуютъ, какъ на другихъ Полинезійскихъ купахъ, привилегированной касты и особеннаго сословія. Здѣсь природа создаетъ жреца, а не призваніе: надобно, чтобы жрецъ имѣлъ способность вдохновляться и быть отъ времени до времени посѣщаемъ божествомъ. Тогда становится онъ *фаге-гуеге*, то есть, отличенный, отдѣляясь отъ всѣхъ остальныхъ людей, и переходя въ состояніе «чистаго бытія.» Если вдохновеніе прекратилось, жреческое званіе съ нимъ уничтожается, и жрецы становятся существами обыкновенными, входя въ состояніе общественное, къ какому прежде они принадлежали, обыкновенно нисшему. Эгуи весьма рѣдко бываютъ жрецами, а особливо званія нѣсколько возвышеннаго.

Сомнѣваться нѣчего, что мнимое *вдохновеніе* Тонгскихъ жрецовъ есть обманъ и шарлатанство,

но Маринеръ говоритъ однакожъ, что, кромѣ ложной причины, будто оно внушается богами, надобно признать его особеннымъ какимъ-то состояніемъ, происходящимъ отъ безумнаго напряженія нервъ и впечатлѣнія на мозговые органы. Кажется, что Тонгскіе жрецы испытываютъ то неестественное состояніе, которое ощущали древнія Пиѳониссы и Сивиллы, и которое оказывается (если только вѣрить разсказамъ) въ явленіяхъ животнаго магнетизма. Жрецъ Тонгскій дѣлается печаленъ, задумчивъ, мраченъ, какъ будто борется съ внутреннимъ какимъ-то чувствомъ; уступая ему, онъ начинаетъ говорить, сначала глухо, будто по неволѣ; потомъ переходитъ далѣе до судорожныхъ припадковъ, лепечетъ, говоритъ быстро, безсвязно, дѣлается страшенъ и ужасенъ. Наконецъ слѣдуетъ какое-то эпилептическое трясеніе, потъ каплетъ съ него градомъ, ротъ дергаетъ, зубы стучатъ, губы синѣютъ, грудь вздымается, пульсъ бьется быстро, и только обильный потокъ слезъ облегчаетъ страдальца. Тогда онъ приходитъ въ себя, чувствуетъ сильный голодъ и ѣстъ за четверыхъ.

Дикари вѣрятъ, что боги сходятъ иногда съ Болоту, и вдохновляютъ не однихъ жрецовъ. Такія посѣщенія проявляются на избранномъ мрачною думою. Тутъ спѣшатъ раздѣлаться кавою, или переходятъ въ состояніе жреца. Маринеръ разсказываетъ, что подобный припадокъ случился съ однимъ молодымъ и красивымъ эгуи. Онъ побѣжалъ совѣтоваться съ старымъ жрецомъ, и тотъ объявилъ ему, что женщина, за два года умершая, и

перешедшая теперь въ Болоту, смертельно въ него влюбилась и требуетъ его къ себѣ. Для исполненія желаній ея, бѣдному эгуи слѣдовало умереть, и жрецъ прибавилъ, что черезъ нѣсколько дней смерть неизбѣжна. Жаль, что Маринеръ несказываетъ: сбылось-ли предвѣщаніе?

У жрецовъ обыкновенно требуютъ совѣта, если кто нибудь сдѣлается боленъ, и потому больныхъ носятъ отъ одной молельни къ другой. Если дитя сдѣлается весьма нездорово, мать приноситъ его къ дверямъ хижины жреца, въ сопровожденіи своихъ подругъ и родственницъ, у которыхъ надѣты бываютъ ожерелья изъ листьевъ дерева *ги*. Она садится въ кружку среди своихъ провожатыхъ, и требуетъ для больнаго ребенка заклинаній, долженствующихъ изгнать болѣзнь. Жрецъ произноситъ ихъ, и въ награду беретъ разные подарки.

Табу, это торжественное запрещеніе, тяготящее всѣ Полинезійскія земли, являетъ свои нѣкоторыя особенности и свои формы на Тонгскомъ архипелагѣ. Мы видѣли уже, что здѣсь оно снисходительнѣе для женщинъ. Вотъ еще нѣкоторыя различія его: кто прикоснулся къ особѣ гораздо высшей его, дѣлается табу по этой одной причинѣ, и неможетъ уже употреблять рукъ своихъ. Чтобы снять съ себя такую бѣду, надобно сперва исполнить обрядъ мое-мое, а потомъ вымыть ноги того, къ кому прикоснулись. Если вблизи неслучится воды, достаточно банановаго сока для об-

мытія. Если дикарь опасается, что касался пищи руками табуированными, избѣгая худыхъ слѣдствій, онъ кланяется въ ноги старшинѣ высшаго разряда, беретъ ногу его и прикладываетъ къ своему животу. Такой обрядъ именуется *фата*. Чѣмъ знатнѣе старшина, тѣмъ лекарство дѣйствительнѣе. Потому для фата особенно стараются исполнить его съ членомъ семейства Фата-Фаи. Въ случаѣ отсутствія туи-тонга, особенный сосудъ, для сего предназначенный, исполняетъ очищеніе, прикосновеніемъ къ бѣдному дикарю. Долгое время употребляли для сего оловянную чашку, оставленную Кукомъ; только кава составляетъ исключеніе изъ всякихъ табу.

Обрядъ начи, описанный мною, велъ за собою такое потребленіе съѣстныхъ припасовъ, что временное табу налагалось послѣ того на нѣкоторыя ѣства, и оканчивалось особенною церемоніею, называвшеюся *фака-лаги*. Она состояла въ огромной сборкѣ припасовъ, жареныхъ свиней, иньямовъ и пататовъ, что все несли на царскій малаи, гдѣ раздавали эгуи, обязаннымъ раздавать ихъ народу. При одномъ такомъ случаѣ, Маринеръ видѣлъ въ сборкѣ неменѣе 400 свиней и 3-хъ, или 4000 иньямовъ.

Другой праздникъ, похожій на начи, и называющійся *тао-тао*, состоитъ въ приношеніи *Ало-Ало*, богу стихій, чтобы онъ оплодотворилъ землю. Борьба дополняетъ этотъ праздникъ, родъ сатурналіи, гдѣ смѣшиваются всѣ званія, и гдѣ самый

туи-тонга можетъ получишь толчекъ ошъ послѣдняго туа, и несмѣетъ выказать своего оскорбленнаго величія. Особеннымъ отличіемъ смѣси лицъ на шао-шао было доброе согласіе бившихся между собою, хотя-бы иному досталось порядкомъ ; показать гнѣвъ на человѣка, изломавшаго другому руку, либо ногу, значило недостойное молодушіе. Единственное очищеніе бѣды въ такомъ случаѣ состояло въ мое-мое передъ высшими, когда игры кончились.

Именемъ *науджіа* назывался ужасный обычай — закалать въ честь богамъ младенца, испрашивая у нихъ здоровья больному начальнику. Такой-же жертвы требовали боги, если начальникъ оскорбилъ ихъ нечаянно. Въ старину, по смерти туи-тонга приносили на жертву его первую жену въ торжественной науджіа, чтобы похоронить потомъ тѣло ея вмѣстѣ съ тѣломъ супруга. Финау II-й уничтожилъ такое варварство. Велятъ царскимъ женамъ плакать и терзаться — по крайней мѣрѣ, не рѣжутъ ихъ.

Обряды погребенія описывалъ я, разсказывая, что происходило по случаю смерти одного изъ членовъ семейства Фата-Фаевъ. При погребеніи туи-тонга все тоже дѣлалось въ увеличенномъ видѣ. Четыре мѣсяца нашивали трауръ по царѣ-священникѣ. Табу, если кто нибудь касался трупа его, продолжалось десять мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, и пятнадцать для его близкихъ родственниковъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца запрещалось брить бороду и мазать масломъ тѣло во время дня. Подлѣ фаи-тока

день и ночь стояли женщины, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и едва позволялось имъ удаляться въ ближнія хижины, на-скоро чего нибудь поѣсть.

Въ день похоронъ, собравшись многими тысячами, одѣвшись въ старыя платья, имѣя каждый въ рукахъ своихъ *томе*, или факелъ изъ кокосоваго дерева, и кусокъ *болата*, или банановаго дерева, дикари садятся шуазахъ въ 40-ка около могилы. Одна изъ траурныхъ женщинъ приглашаетъ ихъ приблизиться, и они приближаются. Тогда два дикаря, стоя за фаи-тока, начинаютъ бить въ раковину, а шестеро другихъ идутъ круговидно между народомъ и фаи-тока. Когда церемонія кончится, присутствующіе ломаютъ свои болата, идутъ на фаи-тока и бросаютъ свои томе и остатки болатовъ.

Ночью снова гремятъ раковины, пока корифеи поютъ что-то въ родѣ речитатива, частію на Тонгскомъ языкѣ, частію на какомъ-то вовсе *неизвѣстномъ* (?). — Это возвѣщаетъ самую нелѣпую часть обряда, которой изъяснить невозможно. Въ раковины перестаютъ бить; одна изъ траурныхъ женщинъ садится внѣ фаи-тока и провозглашаетъ къ народу: «О люди! вы всѣ, собранные здѣсь исполнить предписанный вамъ долгъ! возстаньте и сдѣлайте такъ, чтобы вполнѣ совершилась ваша обязанность!» — Это значитъ, что всѣ должны тотчасъ оплодотворить землю вокругъ фаи-тока, и ужасная вонь показываетъ послѣ того, что каждый усердно старался исполнить долгъ на могилѣ туи-тонга.

На другой день, на разсвѣтѣ, дикарки высшихъ степеней, жены и дочери знатнѣйшихъ старшинъ, идутъ процессіею, послѣдуемыя своими служанками. Онѣ несутъ притомъ корзины, и широкими раковинами счищаютъ слѣды ночнаго усердія дикарей. Немногія женщины осмѣливаются увольнять себя отъ такой странной обязанности. Четырнадцать ночей продолжается это нелѣпое совершеніе обрядовъ. На шестнадцатый день женщины приходятъ въ самыхъ щегольскихъ нарядахъ. Головы ихъ бываютъ убраны цвѣтами; на рукахъ у нихъ красивыя корзинки, и онѣ только дѣлаютъ видъ, будто все еще исполняютъ уборку нечистоты, что дѣйствительно дѣлали прежде. По изъясненію дикарей, все это показываетъ таинственный смыслъ, что ничто неможетъ быть гадко и презрительно, если оно касается великаго туи-тонга.

Тугу-кава составляетъ также обрядъ, соединенный съ трауромъ. Онъ состоитъ въ томъ, что кладутъ вѣтку кавы передъ могилою, или молельнею, когда хотятъ начать дѣйствіе *тугуи*, то есть, терзанія тѣла. Эти тѣлесныя мученія небываютъ ни рѣдки, ни легки. Они напоминаютъ безуміе факировъ и жогги Индійскихъ. Всѣ молитвы именуются на Тонга *лоту*.

Колдовство и предвѣщаніе почитаются между дикарями весьма важнымъ дѣломъ. Сны, молнія, чиханье, птичій полетъ, все содѣлывается средствомъ гаданья, и иногда рѣшаетъ взяться за важное какое нибудь дѣло, или отказаться отъ него. Главнѣйшія средства колдовства суть: *татао*, ко-

гда прячутъ въ фаи-шока какую нибудь вещь, и шѣмъ губятъ ея обладателя; *кабе*, родъ вдохновенія по извѣстнымъ правиламъ, и наконецъ — *таньу*, когда вертятъ кокосовый орѣхъ, и потому, какъ онъ остановится, начинаютъ колдованье.

Медицина на Тонга всего болѣе ограничивается колдовствомъ, искупительными жертвами, молитвами и гаданьемъ. Но даютъ однакожъ пить больнымъ разныя выварки травъ, хотя и мало надѣются на подобныя лекарства.

Гораздо болѣе успѣли дикари въ хирургическомъ искуствѣ. Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ пускаютъ они изъ ногъ рожечную кровь острыми раковинами, называя такую операцію *тафа*. Родъ прижиганья (*тапа*) употребляется въ упорныхъ и сильныхъ опухоляхъ. Его производятъ прикладываньемъ куска горящей ткани, отъ чего трескается и болитъ потомъ кожа. *Каузо* есть насѣчка на груди, чтобы произвесть истеченіе налившейся подъ кожу крови, и иногда для извлеченія иззубреннаго кончика переломившейся стрѣлы. Маринеръ говоритъ объ одной такой операціи, произведенной съ большою ловкостью. Кускомъ бамбука и обломкомъ раковины извлеченіе стрѣлы было сдѣлано легко, и больной выздоровѣлъ черезъ шесть недѣль. Между шѣмъ стрѣла попала въ правый бокъ, между пятымъ и шестымъ ребромъ, на дюймъ ниже сосца, переломилась на третьемъ рядѣ зубцовъ, и щупая рану невозможно было добраться до нея. *Токолози*, занятое у дикарей Вити, состоитъ въ родѣ заволоки, въ случаѣ тяжкой болѣзни *гунта* (téta-

nos), весьма обыкновенной на Тонга. Такое-же средство употребляютъ при ранахъ въ животѣ и слабости всего тѣла. Дикари знаютъ также операцію *бока* (castration) и *тугуи-тугуи*, тренія (friction) масломъ съ водою, употребляемаго въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Они очень удачно лечатъ вывихи и переломы ногъ; воспаленіе глазъ (ophthalmie) исцѣляютъ острымъ сокомъ спондіи, или горькимъ сокомъ *бауло*. Въ ранахъ отъ огнестрѣльнаго оружія, они оставляютъ ихъ открытыми, не только для извлеченія пули, но и для превращенія фистульной раны въ живую, болѣе способную и легкую для исцѣленія.

Что касается до ужасныхъ болѣзней, называемыхъ *каги* и *пала*, отвратительныхъ и почти неисцѣлимыхъ болячекъ, дикари смягчаютъ ихъ горькими растительными соками. Но никакихъ уже средствъ нѣтъ у нихъ для *фуа* (éléphantiasis) и *момоко* (рода сухотки, или чахотки).

Языкъ Тонгскій, безспорно, принадлежитъ къ Полинезійскимъ. Богаче, звучнѣе языковъ на островахъ восточной Полинезіи, онъ имѣетъ болѣе буквальныхъ звуковъ и болѣе чиселъ. Допуская всѣ согласныя, онъ много выигрываетъ въ силѣ и разнообразіи. Приведенныя мною рѣчь Финау и легенда Тангалоа и его сыновей, показываютъ его синтаксическія формы, важныя, строгія, опредѣленныя. Эти образцики Тонгской литтературы заставляютъ сожалѣть, что изученіе сего архипелага все еще столь неполно и частно. Океанія — это рудникъ, едва только открытый. Мы знаемъ шутъ

нѣсколько жилъ, но кто скажетъ, что другія, богатѣйшія, не остаются недоступны нашему вѣдѣнію!

Произведенія Тонгскаго архипелага вообще сходствуютъ еще съ произведеніями Таити и Нука-Гива. Но здѣсь начинаютъ уже являться нѣкоторыя прозябенія Азіятскихъ острововъ, кажется, не распространяющіяся далѣе на востокъ.

Изъ числа растительныхъ произведеній должно упомянуть, изъ деревьевъ: corypha umbraculifera, mussaenda frondosa, pandanus odoratissimus, hernandia ovigera, casuarina, разные роды *hibiscus* и *ficus*, *inocarpus edulis*, *abrus precatorius*, *gossypium religiosum*, а изъ травъ — melodinus scandens, tacca pinnatifida, saccharum spontaneum, и проч.

Кромѣ свиней, и весьма небольшаго числа собакъ, на Тонга нѣтъ другихъ четвероногихъ, исключая еще крысъ, а изъ млекопитающихъ морскаго волка (Roussette). Птицы здѣшнія суть: горлицы, маленькіе прелестные попугаи, карастели, зимородки. Есть двѣ, три породы змѣй, одна водяныхъ змѣй, одна маленькихъ ящерицъ. Рыбъ и моллюсковъ множество и разнообразныхъ.

ГЛАВА LXIX.

АРХИПЕЛАГЪ ВИТИ.

Рѣшительно выходили мы теперь изъ этихъ *Полинезійскихъ* архипелаговъ, столь однообразныхъ нравами и столь измѣненныхъ уже сближеніемъ съ Европейцами. Передвинувшись за проливы Тонгскіе, наша Океанія прямо устремилась къ островамъ Виши, гдѣ Пендлетонъ надѣялся нагрузиться сандальнымъ деревомъ. Оттуда мы должны были постепенно обозрѣвать Новые Гебриды, Ваникоро, острова Соломоновы, Новую Ирландію, Новую Британію, всѣ эти земли, заключающіяся въ дикой, столь еще малоизвѣстной *Меланезіи*.

Славныя мечты опредѣляли путь для меня планъ путешествія! Жадному неизвѣстнаго, мнѣ казалось, что я найду на этихъ островахъ, куда шли мы теперь, впечатлѣнія новыя, болѣе живыя, болѣе неожиданныя, болѣе разнообразныя. Любопытнымъ взоромъ измѣрялъ я по картѣ всѣ эти огромныя

земли, пропивъ которыхъ Гаваи, Таити, Тонга-Табу казались маленькими, ничтожными островами. — «Какое чудное путешествіе будетъ тутъ для насъ!» воскликнулъ я съ восторгомъ. Пендлетонъ слушалъ меня и улыбался лукаво и хитро.— «Да, сказалъ онъ» — чудное путешествіе, и особливо некратковременное, потому, что съ того свѣта выходцевъ небываетъ, а путешествовать тутъ, значитъ навѣрное, отправиться на ту сторону гроба. Если хотите, ступайте одни, любезный пріятель. Думаю, никому другому незахочется быть исжареннымъ на кухнѣ Витійскихъ дикарей. На всѣхъ этихъ островахъ, безъ всякихъ чиновъ, ѣдятъ любопытныхъ путешественниковъ, и знатоки увѣряютъ, что это превосходно вылечиваетъ отъ любопытства.»—Какъ? неуже-ли мы нигдѣ неостановимся на этихъ островахъ?—«Какъ можно менѣе, потому, что останавливаться на нихъ вѣрная бѣда. Тутъ ненайдете уже людей, подобныхъ племенамъ, съ которыми разстались мы теперь, иногда вѣроломныхъ, жадныхъ, воровъ, бездѣльниковъ, но гостепріимныхъ — по крайней мѣрѣ, доступныхъ человѣку. О, нѣтъ! здѣсь неувидите уже вы болѣе дикарей, которые просятъ васъ поторопиться посѣтить ихъ, пообѣдать съ ними, присутствовать при ихъ пляскахъ и праздникахъ, неувидите добродушныхъ лепетуновъ, все вамъ открывающихъ, все показывающихъ—домы, мораи, общественныя зданія и духовныя мѣста. Для насъ все это теперь кончилось, и начнется только въ Новой Зеландіи. Здѣсь зрѣлище другое—людей, почти не-

отличенныхъ отъ звѣря, дикихъ, свирѣпыхъ, мыслящихъ только о погибели своего гостя, или убѣгающихъ при видѣ Европейца. Таковъ общій характеръ Меланезійскихъ племенъ. Невидавши, вообразить невозможно на какой степени варварства и звѣрства они еще находятся, какую ненависть чувствуютъ ко всякому роду образованности, какое ужасное безначаліе губитъ и терзаетъ ихъ! Бошисмены Африканскіе, Беды Цейланскіе, Негрито Манильскіе не ниже ихъ на лѣствицѣ общественнаго образованія. Вотъ вы сами увидите. И потому, съ тѣхъ поръ, какъ эти обширныя земли открыты, съ тѣхъ поръ, какъ Тасманъ посѣтилъ ихъ въ XVI-мъ столѣтіи, такъ мало плавателей дерзали посѣщать Меланезійскіе архипелаги. И кто былъ здѣсь, тѣ говорятъ кратко, невполнѣ, поверхностно. Если угодно, здѣсь и наблюдать много нѣчего, ибо физіологія совершенно дикаго человѣка мало представляетъ особеннаго, разнообразнаго, но еслибы и нашлись предметы для наблюденія, какъ собрать вѣрныя замѣтки о земляхъ столь недоступныхъ? Тутъ неуспѣвали самые смѣлые, самые настойчивые странствователи. Кукъ немогъ ступить на Новые Гебриды безъ очищенія береговъ пушками; Картеретъ на Санта-Крузѣ, Бугенвиль и Сюрвиль на островахъ Соломоновыхъ, и вотъ еще недавно капитанъ Морелль, узнали тяжкими опытами, сколь недоступно звѣрство Меланезійскихъ дикарей! Ихъ испребятъ — преобразовать ихъ невозможно. Племена мѣдноцвѣтныя, уже пріученныя теперь къ нашему оружію, нѣкогда завоюютъ всѣ эти земли, и

постепенно изчезнетъ передъ ними типъ Негритянскій. Но пока сбудется это, неблагоразумна и ничѣмъ невознаградима отвага пускаться въ среду ихъ мореплавателю. По крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ только проходилъ между островами Меланезійскими, стараясь мѣняться и торговать мимоходомъ, но избѣгая вдаваться въ опасность сообщенія болѣе близкаго и прямаго. »

Такъ Пендлетонъ, безъ всякой жалости, разрушалъ мои живыя мечтанія. Онъ ограничивалъ осторожнымъ и недовѣрчивымъ образомъ странствованіе, которое напередъ снизывалъ я себѣ изъ странныхъ и необыкновенныхъ приключеній, располагая быть Синдбадомъ Меланезіи. Да, что-жь такое? Все еще можно было надѣяться, хоть на что нибудь не совсѣмъ-то обыкновенное, и — я надѣялся! Почему знать, что случай, это шалунъ, могущій болѣе всякихъ разсчетовъ человѣческихъ, невмѣшается въ дѣло, необманетъ предусмотрительности моего благоразумнаго капитана, и въ трудности предпріятія видѣлъ я, какъ говорится — une raison de plus pour désirer davantage (еще одну причину сильнѣе желать его).

Среди всѣхъ этихъ желаній и надеждъ, Океанія шла своимъ путемъ; въ тридцать шесть часовъ пройдено было нами разстояніе, отдѣляющее острова Тонга отъ острововъ Вити. Утромъ 27-го Мая, мы оставили въ дальнемъ разстояніи низкія земли острова *Батоа*, и вошли въ проливъ, отдѣляющій острова *Онгъ-Геа* и *Буланга-Га*, земли по-

средственной высоты, необитаемыя по наружности и покрытыя лѣсомъ до прибрежьевъ. Продолжая такимъ образомъ путь нашъ къ С. С. З., постепенно оставляли мы направо: *Ангъ-Газа*, *Намука*, *Комо*, *Голо-Руа*, а налѣво *Марамбо*, *Камбара*, *Вангара* и *Табуне-Сики*. Наконецъ, 28-го, послѣ полудня, остановились мы подъ вѣтромъ въ полу-льё отъ *Лагемба*. Тунъ Пендлетонъ хотѣлъ взять двухъ, или хоть одного лоцмана, чтобы пробраться къ *Вануа-Лебу*, въ заливъ *Сандальный*. Наше поспѣшное отбытіе отъ Пангаи-Моду воспрепятствовало двумъ Тонгскимъ мореходамъ, опытнымъ ходакамъ въ здѣшнемъ морѣ, явиться къ намъ и руководствовать насъ въ нашемъ плаваніи. Надлежало употребить для этого Витійскихъ туземцевъ, хоть они немогли быть столь ловки, и заставляли опасаться вѣроломства. Никакая опытность Европейскаго мореходца немогла-бы, безъ помощи здѣшнихъ дикарей, спастись въ лабиринтѣ коралловъ, раздѣляющихъ два большіе острова Вити — *Вануа-Лебу* и *Вити-Леву*.

Едва Океанія стала на виду Лагемба, три лодки явились къ намъ; онѣ походили на Тонгскія, хотя были менѣе, нестоль красивы, и управлялись нестоль ловко. Экипажъ ихъ составляли дикари Тонга и Вити, и тѣмъ разительнѣе можно было видѣть разницу двухъ раздѣльныхъ типовъ — Полинезіи и Меланезіи. Хотя предупрежденный словами Пендлетона, не безъ непріятнаго удивленія смотрѣлъ я на новыхъ дикарей. Ихъ кожа цвѣта сажи, ихъ хилые члены тѣла, ихъ курчавые воло-

сы, ихъ черты свирѣпыя и непріятныя, ихъ плоскія фигуры, ихъ тусклые глаза, все это составляло противоположность правильнымъ, открытымъ, почти благороднымъ очеркамъ Полинезійскимъ. Тѣ и другіе дикари взошли на нашъ корабль, и съ первыхъ словъ легко было распознать, что языкъ дикарей такъ-же измѣнился здѣсь, какъ и тѣлесная внѣшность. Самъ Пендлетонъ, опытный въ Океанійскихъ нарѣчіяхъ, непонималъ ни одного слова изъ языка Винійцевъ, и безъ пособія Тонгцевъ мы немогли-бы разговаривать съ ними. Впрочемъ, вскорѣ новое пособіе явилось на Океаніи. Это былъ человѣкъ, бѣлѣе всѣхъ его окружавшихъ, съ чертами и манерами, исключавшими его изъ здѣшнихъ дикарей. Приплывши въ маленькой лодочкѣ, поспѣшно взобрался онъ къ намъ и бросился къ ногамъ Пендлетона. Голосомъ, прерываемымъ рыданіями, говорилъ онъ по-Испански: «Ради Богоматери и всѣхъ Святыхъ, синьоръ капитанъ! спасите меня изъ рукъ здѣшнихъ варваровъ! Я бѣлый и христіанинъ, какъ вы. Богъ наградитъ васъ за пособіе мнѣ, въ здѣшнемъ свѣтѣ, или будущемъ!» — Очень радъ — отвѣчалъ Пендлетонъ — но кто ты и откуда ты? — Бѣднякъ ободрился и разсказалъ свои похожденія.

Онъ былъ урожденецъ Манильскій, назывался Эрнандо, и попалъ въ острова здѣшніе на Испанскомъ кораблѣ *la Conception*. Кораблекрушеніе въ проливахъ, дѣлящихъ два большіе острова, передало его, съ сорока товарищами, на непріязненные берега Вити. Часть экипажа утонула и была съѣ-

дена здѣшними каннибалами. Остатокъ разсѣялся между различными племенами Вити. Начальники сдѣлали изъ Испанцевъ свою почетную гвардію, или главный штабъ застрѣльщиковъ. При такомъ условіи, бѣдняки пользовались нѣкоторыми правами и немогли-бы жаловаться на свое положеніе. Но та была бѣда, что при безпрерывныхъ войнахъ Витійскихъ корольковъ, они подвергались жребію другихъ плѣнниковъ, то есть, быть исжаренными и съѣденными. Такая печальная судьба постигла почти всѣхъ. Эрнандо спасся до сихъ поръ только чудомъ. « И вотъ услышалъ я — говорилъ Эрнандо — что четверо изъ товарищей моего бѣдствія были взяты съ Лагемба кораблемъ подъ бѣлымъ флагомъ. Сказалъ мнѣ это Тумбуа-Накоро, племянникъ великаго Ориво, начальника Имбао, моего покровителя и господина. Узнавши подробности такого счастливаго событія, началъ я въ свою очередь искать всячески случая, перебрался на Лагемба, и вотъ уже полгода жду, чтобы явился какой-нибудь корабль Европейскій. Едва завидѣлъ я васъ, чувство свободы сдѣлалось для меня невыносимымъ. Я умолилъ одного старшину плыть со мною, обѣщаясь быть его переводчикомъ, и обѣщая ему достать какой нибудь подарокъ. Такимъ образомъ добрался я къ вамъ, синьоръ капитанъ, и ради имени Божіяго, неотриньте меня — спасите меня изъ ада, гдѣ рано или поздно съѣдятъ меня эти демоны въ человѣческомъ видѣ! » Пендлетонъ успокоилъ бѣдняка, согласившись взять его съ собою. Зная Витійскія нарѣчія, Эрнандо могъ слу-

жить толмачемъ при покупкѣ сандальнаго дерева, и выгоды соединялись въ этомъ случаѣ съ человѣколюбіемъ. Дикарю, приплывшему съ Испанцемъ, дали топоръ и немного пороху, вмѣсто выкупа за плѣнника. За такой подарокъ Эрнандо сдѣлался свободенъ. Надобно было посмотрѣть, съ какою крикливою радостью несчастный старался выказать свою благодарность! Едва могли унять его отъ слезъ, и еще труднѣе было укротить порывы его восторга. Наконецъ, восторги бѣдняка стихли, и желая сдѣлать себя полезнымъ немедленно, Эрнандо выбралъ изъ дикарей, приплывшихъ къ намъ, двухъ искусныхъ лоцмановъ. Они обѣщали благополучно провести насъ къ Вануа-Лебу. Учинивъ всѣ такія распоряженія, мы простились съ Лагемба.

При взглядѣ на островъ, въ нѣсколькихъ миляхъ, онъ кажется довольно возвышенъ, довольно неровенъ, плодороденъ, покрытъ превосходнымъ произрастаніемъ. Крыши нѣсколькихъ большихъ хижинъ виднѣлись сквозь густыя и сплошныя деревья до самаго берега. На югъ, цѣпь ужасныхъ прибоевъ, по видимому, дѣлала островъ недоступнымъ, но Эрнандо сказывалъ намъ, что тамъ есть проходы для лодокъ и небольшихъ судовъ.

Едва скрылся изъ вида Лагемба, направо у насъ явились острова *Неау, Дзизіа, Бату-Бара,* посредственной величины, нестоль лѣсистые, довольно возвышенные. Послѣдній особливо былъ замѣчателенъ высокимъ утесомъ, находящимся въ его срединѣ. Ограненный съ разныхъ сторонъ, съ плос-

кою, какъ столъ вершиною, утесъ этотъ имѣлъ форму бриллианта. При помощи такого страннаго прибавленія, островъ хорошо отличается издали, и можетъ служить превосходнымъ указателемъ для кораблей.

Между тѣмъ приближались мы къ безконечнымъ цѣпямъ мѣлей, почти соединяющихъ Вануа-Лебу и Вити-Леву. Уже на небосклонѣ являлся верхъ высокаго острова *Коро*, показывающій почти самый входъ въ здѣшніе опасные проливы. Пендлетонъ готовъ былъ вступить туда, чтобы направиться къ *Вуґіа*, въ Сандальномъ заливѣ (Sandal's Bay). Но вѣтеръ, доколѣ постоянно державшійся къ Ю. В., вдругъ перекинулся къ С. жестокими и порывистыми шквалами. Пендлетонъ нашъ упорствовалъ. Два дня мужественно переносилъ онъ перелеты вѣтра съ дождемъ, держался, несмотря на темныя, бурныя ночи, море опасное и непріязненное. Среди безпрерывныхъ мѣлей, столь мало вѣдомыхъ, и теченій, обманывающихъ въ самомъ строгомъ вычетѣ, Океанія играла въ самую опасную игру случайностей. Такъ, на примѣръ, мы вдругъ увидѣли себя въ нѣсколькихъ брассахъ отъ опасныхъ островковъ Нугу-Тулу, когда считали еще ихъ во многихъ миляхъ на западъ отъ насъ. Кромѣ того, погода упрямилась, и Пендлетонъ принужденъ былъ перемѣнить путь. Съ сѣвера идти было невозможно — онъ рѣшился испытать счастья съ южной стороны. Два лоцмана Витійскіе сдѣлались намъ ненужны; онъ рѣшился оставить ихъ мимоходомъ на Муала, гдѣ жизнь ихъ была въ

безопасности, и совѣтоваться только со взятымъ нами Испанцемъ. Волю капитана исполнили, и мы покинули опасное крейсерство, чтобы начать плаваніе гораздо удобнѣе. Все, что я выигралъ изъ нашей двухъ-суточной борьбы съ моремъ и вѣтрами, былъ взглядъ на отдаленныя вершины, изъ которыхъ однѣ, по видимому, принадлежали *Вануа-Лебу*, другія большому острову *Табе-Уни*. Сей послѣдній составлялъ именно ту самую землю, передъ которою остановился неустрашимый Тасманъ, первый открывшій здѣшнюю купу. Недавно еще была она единственною извѣстною изъ здѣшнихъ острововъ страною.

Высокія вершины *Нгао* оставались у насъ влѣво, и мы близились къ *Муала*, когда сторожевые замѣтили впереди корабля лодку, то взносимую на вершины валовъ, то погружавшуюся въ бездны ихъ. Когда лодка приблизилась къ Океаніи, одинъ изъ нашихъ лоцмановъ, до сихъ поръ казавшійся безпокойнымъ и заботливымъ, вдругъ радостно закричалъ. «Онъ видитъ друзей—сказалъ Эрнандо — и теперь небоится попасть въ руки какихъ нибудь непріятелей.» Лодка, дѣйствительно, принадлежала Муальцамъ, и, казалось, направляется къ Имбао. По мѣрѣ сближенія съ нами, можно было различить людей, находившихся въ этомъ утломъ суденышкѣ, и начальника, стоявшаго на кормѣ. Мы перекликнулись и познакомились. Старшина Витійскій былъ извѣстная особа — племянникъ могущаго Ориво, начальника Имбао, Тумбуа-Накоро, тотъ самый, котораго взялъ съ собою капитанъ Дю-

монъ-Дюрвиль, бывшій потомъ нѣсколько дней пассажиромъ на Астролябіи. Онъ показался намъ именно тѣмъ, чѣмъ описываетъ его Дюрвиль — отличнымъ человѣкомъ изъ своего племени. Съ часъ пробылъ онъ у насъ на кораблѣ, и во все время хранилъ видъ благопристойный, естественную и благородную важность; его рѣчи и поступки непротиворѣчили его умной наружности. Ласковый видъ, формы дикарскаго аристократизма, казалось, еще лучше оттѣнялись бѣдностью его костюма. Вся одежда Тумбуа-Накоро состояла въ истасканной матрозской куртке, и маро, изъ за-котораго почти все тѣло его оставалось нагимъ.

Взошедши на нашу Океанію, Тумбуа-Накоро разговорился съ капитаномъ. Онъ сказалъ, что ѣдетъ теперь для сбора податей съ жителей Муала, принадлежащихъ дядѣ его, и теперь плыветъ въ Нгао. Разспрашиваемый объ этомъ островѣ и другихъ земляхъ архипелага, онъ передалъ намъ свѣдѣнія довольно смѣшенно, но говорилъ о прежнемъ пребываніи на кораблѣ съ бѣлымъ флагомъ (вѣроятно, Астролябіи Дюрвилевой), и съ готовностью отвѣчалъ на всѣ наши вопросы. Съ перваго слова Пендлетонова, охотно принялъ онъ къ себѣ обоихъ лоцмановъ, взятыхъ нами съ Лагемба; впрочемъ, это были люди его племени, и хорошо ему извѣстные. Одинъ изъ нихъ особливо принадлежалъ къ почетному семейству, и продолжительное отсутствіе его изъ отчизны могло подвергнуть женъ его опасности быть принесенными на жертву, по прошествіи извѣстнаго срока. Пе-

переправясь въ Имбао, имъ легко можно было переплыть на Лагемба, или, по крайней мѣрѣ, извѣстить своихъ родныхъ, что они непогибли и скоро возвратятся. Послѣ всѣхъ такихъ переговоровъ, два наши спутника сошли въ лодку Тумбуа-Накоро, съ радостью пустившагося въ путь послѣ полученныхъ имъ подарковъ.

Когда все это происходило, мы находились въ недалекомъ разстояніи отъ Муала. Издали островъ этотъ показался намъ плодороднымъ и миловиднымъ, съ его прибрежьями, увѣнчанными зеленью кокосовъ. Широкій прибой, одѣвающій западную сторону его, безъ сомнѣнія, долженъ составлять хорошее якорное мѣсто, если только есть тутъ проходы между кораллами.

Вѣтеръ такъ засвѣжѣлъ отъ Ю. В., что мы немогли далѣе продолжать нашихъ наблюденій. Сперва изчезли у насъ вдали вершины *Тотуа* и *Мотогу*, потомъ при захожденіи солнца въ свой чередъ Муала, а на другой день новая земля уже явилась передъ нами. Это былъ *Кандабонъ*, островъ, значительнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему, но столь гористый и утесистый, что нельзя предполагать его населенія значительнымъ. Къ Ю. З. сторонѣ высился величественный столбъ горы, съ обрывистыми боками и мохнатою вершиною. Конусъ этотъ, почти въ 600 футовъ вышиною, покрытъ до вершины произрастаніемъ, и тамъ и здѣсь, посреди открытыхъ рытвинъ, видны были намъ прелестныя долины, украшенныя кокосами, бананами и другими плодовитыми деревьями.

Отъ Кандабона направились мы къ *Вату-Леле*, избѣгая мѣлей, сосѣднихъ ему, недавнее открытіе которыхъ принадлежитъ капитану Дюрвилю. Океанія плыла по западному берегу, миляхъ въ двухъ разстояніемъ. Вапу-Леле казался намъ плодоноснымъ и населеннымъ. Тысячи дикарей сбѣгались на прибрежье, и смотря на корабль нашъ, сопровождали радость свою прыжками, глядя на всѣ его движенія съ неутомимымъ любопытствомъ.

Наконецъ, послѣ столь долгаго хожденія ощупью по Витійскому архипелагу, мы сблизились, утромъ 4-го Іюня, льё на двѣ къ берегамъ огромнаго острова *Вити-Леву*. Послѣ Гаваевъ, ни одна еще земля столь обширная, невстрѣчалась взорамъ моимъ. И притомъ, Вити-Леву, съ его террассами, одна надъ другою, съ самаго прибрежья до внутреннихъ высотъ зеленѣющій, прекрасный, покрытый плодами и цвѣтами, гораздо миловиднѣе волканическаго Гаваи, съ его ущельями и утесистою поверхностью. Но видъ, издали обольщающій вниманіе плавателя — вотъ почти все, что знаемъ мы касательно географіи Вити-Леву. Самый Дюмонъ-Дюрвиль, опознавшій здѣшніе острова такъ хорошо, что превзошелъ въ этомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, и изъяснившій положеніе ихъ множествомъ географическихъ съемокъ, неосмѣлился выйдти на берега Вити-Левскіе. Выгоды такого посѣщенія немогли быть соразмѣрны съ опасностью предпріятія.

И Пендлетонъ нехотѣлъ хвастать безразсудною отвагою. Захваченные безвѣтріемъ, миляхъ въ

трехъ на Ю. З. отъ острова, мы подобрали паруса, надѣясь, что лодки дикарей явятся для посѣщенія насъ на такомъ разстояніи. Дѣйствительно, мы увидѣли вскорѣ пять, или шесть лодокъ, плывущихъ отъ берега. Въ одной изъ нихъ, значительнѣе другихъ, находилось до 30-ти дикарей, а на кормѣ ея сидѣлъ человѣкъ, котораго, по его повелительнымъ словамъ и движеніямъ, легко можно было признать за главнаго начальника. Люди въ его и другихъ лодкахъ повиновались малѣйшему знаку его, съ удивительною покорностью. Когда вся флотилія была готова пристать къ нашему кораблю, нѣсколько мгновеній происходило какое-то замѣшательство между дикарями, причинявшее шумъ и ссору. Сидя спокойно на своемъ помостѣ, начальникъ произнесъ только одно слово и все замолкло.

Принимая мѣры предосторожности, Пендлетонъ вышелъ впередъ съ новымъ товарищемъ нашимъ Эрнандо. Начались переговоры, и въ восторгѣ отъ того, что могъ дать себя понимать, старшина Виши-Левскій просилъ позволенія взойдти на корабль. Едва согласился Пендлетонъ, дикарь кинулся по лѣстницѣ, съ полною довѣренностью и удивительною ловкостью, поздравилъ по своему манеру капитана и офицеровъ, и важно сѣлъ на палубѣ. Отсюда, говорилъ онъ, можно ему видѣть все, что происходитъ въ лодкахъ его, и поддерживать условленный порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, дикари его скоро заспорили, и однимъ словомъ, однимъ знакомъ, онъ усмирилъ ихъ, давши черезъ то высо-

кое понятіе о своей власти и вліяніи на дѣла земляковъ. Скоро завязался между нами разговоръ, и мы могли узнать, кого имѣли честь видѣть на нашемъ кораблѣ.

Нашъ посѣтитель назывался *Унонгъ-Лебу*, и начальствовалъ поколѣніемъ *Нанронгъ-Га*. Его ростъ, превышавшій девятью дюймами пять футовъ, его правильныя черты лица, въ самомъ дѣлѣ, красиваго, несмотря на цвѣтъ сажи, спокойный, важный, привѣтливый видъ его, все дѣлало въ немъ исключеніе, человѣка *comme il faut* (какъ слѣдуетъ), среди людоѣдовъ Витійскихъ. И при этомъ случаѣ, какъ при всѣхъ другихъ, могъ я удостовѣриться, что Океанійская аристократія, происходя отъ избранныхъ семействъ, превышала подчиненныхъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. Болѣе красивые, болѣе умные люди повелѣваютъ здѣсь повсюду другими, женятся между собою, и продолжаютъ такимъ образомъ въ своихъ потомкахъ двойное превосходство, тѣлесное и политическое. Унонгъ-Лебу всѣмъ намъ понравился. Вѣжливо и уклончиво бралъ онъ, что давали ему, но ничего непросилъ, ни прямо, ни косвенно. Въ лодкахъ, съ нимъ прибывшихъ, находилось очень мало запасовъ, и Унонгъ-Лебу казался, отъ этого въ большомъ горѣ. Ему нельзя было теперь показать, ни своего величія, ни своей щедрости, какъ-бы ему хотѣлось. Потому, разставаясь съ нами, онъ живо настаивалъ, чтобы капитанъ нашъ остановился близъ подвластнаго ему царства. Тамъ можно найдти, говорилъ онъ, множество прекрасныхъ вещей,

и особливо *хорошихъ женщинъ* — и это сопровождалось довольно выразительными пантомимами. Видя, что Пендлетонъ опасается немножко Сиренъ Виттійскихъ, и ихъ доброхотнаго *проксенета*, Унонгъ-Лебу прибавилъ, что если капитану угодно лучше остаться на морѣ всю ночь, то лодки дикарей придутъ къ кораблю весьма рано, и привезутъ сюда свиней и плодовъ. « Согласенъ »—отвѣчалъ Пендлетонъ—« если продолжится безвѣтріе, но при хорошей погодѣ, я дожидаться не стану. »

Пока шла вся эта бесѣда, мы имѣли досугъ дѣлать наши физіологическія наблюденія. Въ дикаряхъ Вити-Левскихъ видѣнъ былъ сполна весь типъ Меланезійскій. Съ плоскими лицами, курносые, съ курчавыми волосами, съ выдавшимися скулами, съ толстыми губами, съ бронзовою, даже черною кожею являлись намъ всѣ эти дикари. У всѣхъ гостей нашихъ, мочки ушей были съ пребольшими отверзтіями. На шеѣ у нихъ надѣты были ожерелья, и браслеты на рукахъ, изъ ракушекъ. Оружіе составляли луки, стрѣлы, копья, и особенно маленькія дубинки, изъ дерева весьма крѣпкаго, въ 12—18 дюймовъ длиною, съ круглою шишкою, весьма тяжелою, украшенныя притомъ человѣческими зубами. Опасное и страшное оружіе это висѣло у каждаго дикаря на поясѣ. Между утварью, какую видѣли мы въ лодкахъ, замѣтили мы нѣсколько грубыхъ горшковъ, явно пуземной работы. Эта вѣтвь издѣлій, вѣроятно, перенесена сюда западными сосѣдями, ибо Полинезійцы, гораз-

до болѣе образованные, и даже сосѣди Вити жители Тонга, незнаютъ вовсе глиняной посуды.

Хотя нѣкоторые изъ дикарей, посѣтившихъ насъ, были поражены болѣзнью въ родѣ проказы, но вообще они неказались очень неопрятными. Высокіе и довольно складные, они показывали тщательность въ своей головной прическѣ; волосы были у нихъ расчесаны, завиты, намазаны и засыпаны бѣлымъ, краснымъ, сѣрымъ и чернымъ порошкомъ, по произволу. У Тумбуа-Накоро, старшины Имбайскаго, было то особенное, что съ висковъ находились у него прекрасные черные волосы, между тѣмъ, какъ средина головы покрывалась волосами темнокраснаго цвѣта, и такъ отдѣлялась, что можно было счесть ее парикомъ. Одежда Винійцевъ вообще ограничивается широкою полосою ткани, въ родѣ Полинезійскаго маро. Но на нѣкоторыхъ мы видѣли лоскуты ткани, въ родѣ выдѣлываемыхъ на Тонга. При мѣнѣ, дикари прежде всего требовали пороху и ружьевъ. Они и нескрывались притомъ, что̀ хотятъ сдѣлать ружьями и порохомъ: «Убить нашихъ непріятелей—говорили они — и потомъ полакомиться ихъ тѣлами—вотъ для чего мы просимъ у васъ того и другаго!»

Впрочемъ, сношенія наши съ жителями Вити-Леву происходили весьма спокойно. Въ обмѣнахъ показали они себя честными, кроткими и сговорчивыми. На вопросы наши отвѣчали они столь ясно, сколько могли, затрудняясь только иногда, и стараясь войдти въ порядокъ идей, для нихъ новый. Мы узнали отъ гостей нашихъ, что народъ

Нанронгъ-Га былъ теперь въ войнѣ съ жителями Имбао. Унонгъ-Лебу объявилъ намъ даже, что Тумбуа-Накоро *таната-тза* (худой человѣкъ), хотя онъ и согласился, что этотъ непріятель его народа взялъ и сохранилъ отъ погибели *Папа-Лангуи* (бѣлыхъ), когда корабль ихъ разбился близъ его областей.

Къ десяти часамъ вечера вѣтеръ повѣялъ отъ Ю. В., и какъ ни хотѣлось намъ продолжить наши сношенія съ Вишійцами, но мы немогли ихъ дожидаться, распустили наши паруса и двинулись далѣе. Днемъ 5-го Іюня передъ нами открылась цѣпь острововъ *Малоло, Битонга, Бивуа*, составляющихъ западный предѣлъ архипелага Вити. Пендлетонъ нерѣшился доставать здѣсь сандальнаго дерева, соображая направленіе вѣтровъ, обстоятельства, и собранныя отъ Унонгъ-Лебу свѣдѣнія. Океанія наша направилась на Ю. В., чтобы коснуться южнаго берега Новыхъ Гебридовъ.

ГЛАВА LXX.

АРХИПЕЛАГЪ ВИТИ. — ГЕОГРАФІЯ.

Находясь между 16—20° широты южной и 174—179° долг. восточной, отъ Парижскаго меридіана, *архипелагъ Вити* растягивается на 100 льё отъ С. къ Ю. и на 90 льё отъ В. къ З. — Въ немъ замѣчательны два большіе острова, два другіе менѣе, еще пятнадцать средней величины, и неопредѣленное донынѣ число маленькихъ островковъ, ушесовъ и мѣлей. Хотя новѣйшія изслѣдованія капитана Дюмонъ-Дюрвиля много пояснили положеніе всѣхъ этихъ земель, но все еще о большей части изъ нихъ мы должны ограничиваться свѣдѣніями неполными. Вотъ все, что можно почесть достовѣрнымъ и извѣстнымъ, касательно географическаго изслѣдованія острововъ Виппійскихъ:

Вити-Леву и *Вануа-Лебу* суть два большіе острова архипелага. Первый важнѣе и обширнѣе втораго, простирается на семдесять миль отъ востока къ западу, и почти на шестдесятъ отъ сѣвера къ

югу. Поверхность его составляетъ красивую неровность, и все показываетъ, что земля должна быть плодотворна. По словамъ Диллона, островъ дѣлится на четыре округа: *Рева, Таузара, Брета, Имбао.* Послѣдній важнѣе всѣхъ, занимаетъ восточную часть острова, и старшина его *Ориво*, принимающій титулъ *Абуни-Валу*, подчинилъ почти всѣ восточные острова Вити своей власти. Диллонъ полагаетъ, что на всемъ островѣ можно считать до 100,000 жителей, и что половина ихъ принадлежитъ округу Имбао. Географическіе предѣлы острова суть: на югъ 18° 16′ шир. южной, на востокъ 176° 12′ долг. зап., на западъ 174° 46′ долг. западной. Положеніе сѣверной оконечности еще неопредѣлено вѣрно.

Вануа-Лебу, немногимъ развѣ уступающій въ пространствѣ Вити-Леву, еще менѣе его извѣстенъ. Приводятъ названія: *Пао, Дагонъ-Робе, Така-нова, Буа,* какъ имена его округовъ. Въ послѣднемъ находится *Сандальный заливъ*, стоянка надежная, но съ трудным входомъ. Разные округи повинуются здѣсь разнымъ начальникамъ, которые ведутъ между собою отчаянныя войны. Въ прежнее время, сандальнаго дерева было здѣсь величайшее изобиліе, особливо по западному берегу. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія, множество кораблей Американскихъ, Испанскихъ, Англійскихъ запасались здѣсь богатыми грузами. Но, кажется, что теперь лучшія деревья сдѣлались рѣже и ихъ трудно добывать. По словамъ Крузенштерна, Вануа-Лебу имѣетъ до 50 льё въ

окружности, и простирается отъ 16° 18′ до 17° шир. южной, и съ 176° 4′ до 175° 12′ долг. восточной. Но такое опредѣленіе предположительно.

Между двумя упомянутыми мною островами находится проливъ, 12-ть, или 15-ть льё ширины, весьма опасный, мало посѣщаемый, во всю длину усыпанный мѣлями. Другой, почти равный этому величиною проливъ раздѣляетъ Вити-Леву отъ острова *Кандабона*. Этотъ островъ, положеніе котораго опредѣлено капитаномъ Дюрвилемъ, высокъ, гористъ, кончится къ Ю. В. весьма высокимъ пикомъ. Пространство Кандабона полагаютъ въ 30-ть миль длины, отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при различной ширинѣ, отъ 4-хъ до 9-ти миль. Тумбуа-Накоро говорилъ, что жителей здѣсь 10,000, но это кажется преувеличеннымъ. Западный пикъ лежитъ подъ 19° 6′ шир. южной и 175° 30′ долг. восточной.

Таковы *три* главные острова архипелага Вити. Вотъ быстрое исчисленіе другихъ, начиная съ юга на востокъ и переходя потомъ отъ сѣвера на западъ:

Оно. Открытъ Биллингсгаузеномъ, въ 1819 году. Высокъ и населенъ, 15-ть миль въ окружности; коралловая мѣль на ю. з. и два необитаемые островка, около льё пространствомъ. Вершина горъ 20° 39′ ш. ю. и 178° 55′ д. в.

Батоа. Открытъ Кукомъ въ 1773 году, и названъ отъ него островомъ *Черепахъ*, по обилію ихъ тамъ; вновь обозрѣнъ Данпркасто въ 1793

году, и Дюрвилемъ въ 1827 году. Мало возвышенъ, мало населенъ, около 4-5-ти миль въ окружности, съ мѣлью, которая тянется на двѣ мили отъ берега. При видѣ Кука всѣ дикари разбѣжались. Корабль Американскій разбился здѣсь на мѣли, лѣтъ шесть или семь тому; дикари перевезли на Лагемба одинъ изъ его якорей. Широта южная 19° 48′, долг. западная 179° 21′.—Въ 4-5-ти миляхъ на ю. з. опасная мѣль, 4-5-ть миль окружности, усыпанная коралловыми остреями въ видѣ столбовъ, которые высятся въ иныхъ мѣстахъ на 15 футовъ надъ моремъ.

Онггеа-Лебу. Издали замѣченъ Вильсономъ въ 1797 году; вблизи осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокая и весьма лѣсистая земля, 6-7 миль въ окружности, съ другимъ, также высокимъ, но поменѣе островомъ *Онгъ-Геа-Рики,* и двумя песчаными островками *Нугу-Шонгіа;* все окружаетъ одна общая мѣль. Туземцы здѣшніе были перерѣзаны жителями Тонга, которые сдѣлали изъ этой купы родъ пристани для своихъ нападеній на Витійскій архипелагъ. Вершина острова 19° 8′ шир. южной и 179° 10′ долг. восточной.

Булангъ-Га. Кажется, открытъ кораблями Гаррингтонъ и Елисавета, и ошибочно названъ ими *Лакеба.* Видѣнный издали Вильсономъ въ 1797-мъ, хорошо осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, очень лѣсистъ, пріятнаго вида, шесть миль длиною отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., три мили шириною и окруженъ прибоемъ. Жителей полагаютъ

здѣсь восемдесятъ человѣкъ. Широта южн. 19° 8′, долгота вост. 179° 1′ (вершина горъ).

Ангъ-Газа. Замѣченъ Блеемъ въ 1789 году, видѣнъ Вильсономъ въ 1797-мъ, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Это купа, изъ трехъ или четырехъ островковъ, высокихъ, необитаемыхъ; главный 3—4 мили въ окружности и лежитъ подъ 18° 57′ шир. южной, 179° 7′ долг. восточной.

Намука. Открытъ Блеемъ въ 1789-мъ, осмотрѣнъ Вильсономъ въ 1797-мъ, и потомъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Вильсонъ назвалъ его Neat's Tongue. Высокъ, мили четыре длины отъ В. къ З., при милѣ ширины, и окруженъ обширною мѣлью. Весьма населенный нѣкогда, онъ имѣетъ теперь неболѣе сотни жителей; такъ истребили туземцевъ частыя войны съ Имбао и Лагемба. Обилуетъ свиньями и иньямами. Широта Ю. 18° 53′, долгота В. 178° 55′ (западный край).

Марамво. Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Малъ, высокъ, лѣсистъ, необитаемъ; при или четыре мили въ окружности. Широта Ю. 19° 1, долгота В. 178° 48′.

Камбара. Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, 9—10 миль въ окружности. Крузенштернъ называетъ его *Аполло*, и говоритъ, что открыли его корабли Гаррингтонъ и Елисавета. Считаютъ здѣсь до сотни жителей, подвластныхъ царю Лагембскому и занятыхъ ловлею черепахъ и выдѣлкою копей и лодокъ. Вершина подъ 18° 58′ шир. южной, 178° 39′ долг. восточной.

Вангара (по картамъ Крузенштерна *Фоокаффа*). Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, необитаемъ; двѣ съ половиною мили протяженія отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З. — Сѣверный край подъ 18° 53′ шир. южной и 178° 43′ долг. восточной.

Мозе. Открытъ Блеемъ въ 1789 году, видѣнъ Вильсономъ въ 1797-мъ (и названъ тогда *Опаснымъ*), осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827-мъ году. Высокъ, около 10-ти миль окружностью и окруженъ прибоемъ. Полагаютъ здѣсь до 100 обитателей. На широкомъ здѣшнемъ прибоѣ разбился *Argo*, и самый Вильсонъ спасся послѣ большихъ опасностей. Широта южная 18° 41′, долгота восточная 179° 5′.

Комо. Открытъ Блеемъ въ 1789 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, около 3—4-хъ миль окружностью, и человѣками съ сорока жителей. Широта южная 18° 44′, долгота восточная 178 58′.

Голо-Руа. Открытъ Блеемъ въ 1789 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Малъ, высокъ, необитаемъ. Широта южная 18° 40′, долгота восточная 178° 51′.

Эигул. Издали замѣченъ Вильсономъ въ 1797 году, и также издали осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ и необитаемъ. Пространство его неопредѣлено достовѣрно. Вершина его подъ 18° 19′ широты южной и 178° 56′ долг. западной.

Лагемба. Открытъ, по мнѣнію Крузенштерна, кораблями Гаррингтономъ и Елисаветою, наименовавшими его ошибочно *Атакомбо*; вблизи осмо-

шрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, пріятнаго вида, пять миль длины отъ С. къ югу, неменѣе ширины отъ В. къ З., окруженъ прибоями, проспирающимися въ ширину къ В. — Жителей считаютъ здѣсь до 1000 человѣкъ. Царь здѣшній получаетъ дань со всѣхъ острововъ, лежащихъ по югу, но самъ платитъ дань царю Имбао. Широта южная 18° 12′, долг. вост. 178° 47′ (вершина).

Табуне-Сики, или *Табоонаселли,* по картѣ Крузенштерна. Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Малъ и необитаемъ; въ окружности 2—3 мили. Широта южная 18° 46′, долг. восточная 178° 33′.

Бануе-Бату, или *Ваноо-Вадооа,* по картѣ Крузенштерна. Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ; обитателей человѣкъ пятьдесятъ; окружность 4—5 миль. Широта южная 18° 22′, долгота вост. 178° 20′.

Неау, а по картѣ Крузенштерна *Эдида* (Oedida), ибо смѣшанъ на ней съ слѣдующимъ; осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, семь, или восемь миль въ окружности, и населенъ сотнею дикарей. Широта южная 17°59′, долгота восточн. 178° 31′.

Дзизіа, по картѣ Крузенштерна *Любимица* (la Favorite); осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ; девять, или десять миль въ окружности, съ 1000 жителей. Широта южная 17° 46′, долгота восточная 178° 14′ (край юго-западный).

Бату-Бара. Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Можетъ быть, это островъ *Гавейсъ,* видѣнный Вильсономъ въ 1797 году. Онъ весьма высокъ; не-

болѣе 3—4-хъ миль въ окружности, но однакожь обитаемъ. Широта южная 17° 25′, долгота восточн. 178°.

Азата. Открытъ Вильсономъ въ 1797 году (названъ тогда остр. *Гамильтона*); осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, населенъ, шесть миль въ окружности. Широта южн. 17° 15′, долгота вост. 178° 3′ (вершина). На з. ю. з. отъ него три лѣсистые, необитаемые островка, *Нугу-Тулу*, возвышаются надъ мѣлью миль трехъ въ окружности.

Манго. Открытъ въ 1797 г. Вильсономъ и названъ остр. *Кокса* (Cox). Осмотрѣнъ издали Дюрвилемъ въ 1827 году. Весьма высокъ; 4-5 миль въ окружности; обитателей сто четыре. Широта южная 17° 24′, долг. вост. 178° 18′.

Каназеа. Открытъ въ 1797 г. Вильсономъ, назвавшимъ его Sims; видѣнъ издали Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, три, четыре мили въ окружности; обитателей человѣкъ 100. Широта южная 17° 17′, долгота восточная 178° 18′ (?).

О. Гадовса (Hadows), открытый Вильсономъ въ 1797 году (безъ сомнѣнія, это *Муніа*, по названію дикарей). Жителей человѣкъ 80. Широта южная 17° 16′, долгота вост. 178° 30′ (?)

О. Скотта. Открытъ Вильсономъ въ 1797 году (вѣроятно, это *Бануань-Балабу*, по названію дикарей). Высокъ, 10—12 миль въ окружности. Жителей до 2000. Широта южная 17° 12′, долгота вост. 178° 26′ (средина)? —

О. Миддлетона. Открытъ въ 1797 году Вильсономъ (не онъ-ли *Кабава,* по названію дикарей?). Высокъ, около 7—8 миль въ окружности. Широта южная 17° 6′, долгота вост. 178° 26′ (средина)? Этотъ, предшествующій, и еще одинъ маленькій островъ, названный Вильсономъ *Curling*, окружены общею мѣлью.

О. Ширдингъ (Shirding). Открытъ Вильсономъ, въ 1797 году. Высокъ, 5—6-ть миль въ окружности. Широта южная 17° 10′, долгота восп. 178° 38′?

О. Трехъ братьевъ (Tree-Brothers). Открытъ Вильсономъ, въ 1797 году (можетъ быть, это *Нагу-Толу*, по названію дикарей?). Три островка на одной мѣли, занимая 4—5 миль, на З. Ю. З. — Широта южная 17°, долгота восточная 178° 40′ (С. В. край).

О. Рубцовъ (Scars). Открытъ Вильсономъ въ 1797 году (или это Нугу-Толу?). Три островка, окруженные мѣлью, 5—6 миль въ окружности. Широта южн. 17° 6′, долгота восточная 178° 24′ (??).

О. Блуффа (кажется, это *Малима,* по названію дикарей?). Открытъ Вильсономъ, въ 1797 году. Малъ, необитаемъ, окруженъ мѣлью. Широта южная 16° 56′, долгота восточная 178° 32′ (?).

Нейта-Умба. Открытъ Вильсономъ въ 1797 году, и названъ остр. *Направленія.* Осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, три, четыре мили въ окружности; человѣкъ 60-ть жителей. Широта южная 18° 2′, долгота восточн. 178° 18′ (?).

О. Лова (Low). Открытъ Вильсономъ, въ 1797 году. Дикари называютъ его *Вабіуа*. Малъ, низокъ, необитаемъ, съ прибоемъ отъ 6-ти до 8-ми миль отъ С. къ Ю. — Широта южная 16° 44′, долгота восточн. 178° 24′.

Нугу-Лаудзала. Открытъ Вильсономъ въ 1797 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Маленькій, низкій, необитаемый, съ прибоемъ въ 10 12-ть миль, отъ С. къ Ю. — Широта южная 16° 43′, долгота восточн. 178° 3′.

О. Пещаный (Sandy). Открытъ Тасманомъ въ 1643 году, видѣнъ Вильсономъ въ 1797 году. Малъ, низокъ, съ мѣлью въ 12—15 миль, отъ С. къ Ю., и населенъ нѣсколькими дикарями. Вѣроятно, это *Ненгуле-Лебу*, по названію жителей. Широта южн. 16° 20′, долг. вост. 178° 4′.

Безконечныя мѣли, названныя Вильсономъ, въ 1797 году, *Харибда* и *Сцилла* (Charybd-Reef, Scylla-Reef), почти совершенно соединяютъ сіи острова съ слѣдующими:

О. Прощанія (Farewell). Открытъ Тасманомъ въ 1643 г., вновь видѣнъ Вильсономъ въ 1797 году. Высокъ, три, или четыре мили въ окружности, съ сотнею обитателей. Вѣроятно, этотъ островъ туземцы называютъ *Зигомбіа*. Широта южн. 15° 42′, долг. вост. 177° 42′.

О. Эдуардса. Открытъ Тасманомъ въ 1643 году, вновь видѣнъ Вильсономъ въ 1797 году. Высокая, значительная земля, но еще худо изслѣдованная. Широта южная 16° 16′, долгота вост. 177° 27′.

Іанудза. Купа изъ 4—5-ти, возвышенныхъ, необитаемыхъ, занимающихъ 4—5 миль пространства островковъ, отъ С. къ Ю. Ихъ открылъ Тасманъ въ 1643-мъ, вновь видѣлъ Вильсонъ въ 1797 году, и назвалъ *Кучами* (Clusters). Дюрвиль осмотрѣлъ ихъ въ 1827 году. Широта южная 16° 36′, долгота вост. 177° 51′ (южнаго острова).

Рамбе. Отрыпъ Тасманомъ въ 1643-мъ, видѣнъ Вильсономъ въ 1797 году, далеко съ моря, и названъ имъ *Gillet und Tate;* издали осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокая, значительная земля, но настоящее пространство ея еще неизвѣстно. Не знаемъ даже: купа-ли это, или одинъ островъ? Населеніе полагаютъ въ сотню человѣкъ. Широта южная 16° 33′, долгота восточн. 177° 37′ (вершина).

Табе Уни. Открытъ Тасманомъ въ 1643 году, видѣнъ Вильсономъ въ 1797 году, и названъ тогда *Lamberts;* осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Земля ужасной высоты, и неменѣе 22 миль пространства отъ С. В. къ Ю. З., при 10—12 миляхъ ширины. Жителей на немъ полагаютъ до 1000 человѣкъ. Широта южная 17° 1′, долгота вост. 177° 28′ (край Ю. З.). Къ С. В. отъ него маленькій островокъ *Біумбани.* Кажется, что Табе-Уни отдѣляется отъ Вануа-Лебу только узкимъ проливомъ.

Онгомеа. Открытъ Тасманомъ въ 1643 году, видѣнъ Вильсономъ въ 1797-мъ, и названъ, соединенно съ слѣдующимъ, *Ross;* осмотрѣнъ Дюрвилемъ, въ 1827 году, нашедшимъ, что сіи острова дѣлятъ

узкій проливъ. Высокъ, населенъ, шесть миль протяженія отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при 3—4-хъ миляхъ ширины. Широта южная 16° 48′, долгота восш. 177° 45′ (край Ю. З.).

Лаудзила. Открытъ въ 1643 году Тасманомъ, видѣнъ въ 1797 году Вильсономъ, и осмотрѣнъ въ 1827-мъ Дюрвилемъ. Высокъ, около 5—6-ти миль окружностью, съ сотнею обитателей. Нѣсколько лѣтъ тому, Тонгская лодка разбилась здѣсь, и туземцы перерѣзали и съѣли всѣхъ спасшихся плавателей. Широта южн. 16° 46′, долгота восш. 177° 53′ (край восточный).

Коро (а по картѣ Крузенштерна *Гороо*). Кѣмъ открытъ—неизвѣстно. Дюрвиль издали осмотрѣлъ его въ 1827 году. Очень высокъ, длиною неменѣе 12-ти миль отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З., при 4—5-ти миляхъ въ ширину, съ прибоемъ съ восточной стороны. Жителей полагаютъ до 1000 человѣкъ. Широта южная 17° 12′ — 17° 26′, а долгота вост. 177° (вершина).

Неираи. Открытъ Блеемъ въ 1789 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, 9—10 миль въ окружности, съ 1000 обитателей. Широта южная 17° 50′, долгота восш. 176° 57′ (вершина).

Нгао. Открытъ Блеемъ въ 1789 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Очень высокъ, неменѣе 10-ти миль длины, отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при 4—5-ти миляхъ въ ширину; жителей полагаютъ до 5000. Широта южная 18° 2′, долгота

восточная 176° 53′ (средина). На В. и на Ю. великій прибой, на которомъ разбился бригъ *Элиза*.

Муала (не это-ли *Мерла-Эавоо*, по картѣ Крузенштерна ?). Открытъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, миль семь отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при пяти миляхъ отъ С. къ Ю. — Полагаютъ на немъ до 1000 обитателей. Окруженъ опасными прибоями. Широта южная 18° 35′, долгота В. 177° 27′.

Мотугу. Открытъ Дюрвилемъ, въ 1827 году, но видѣнъ имъ только издалека. Очень высокъ, пять миль пространства и съ 1000 обитателей. Широта южная 19° 7′, долгота восточн. 177° 21′ (вершина).

Фотуа. Открытъ Дюрвилемъ въ 1827 году, но замѣчены были только вершины его. Высокъ, неменѣе 11-ти миль протяженія отъ В. къ З., и съ 1000 жителей. Широта южн. 18° 55′, долгота вост. 177° 45′ (средина).

Батигуи (безъ сомнѣнія, это *Ватега* Крузенштерновой карты). Открытъ Блеемъ въ 1789 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году, видѣвшимъ его однакожъ издали. Высокъ, и по крайней мѣрѣ при мили пространства. Жителей до 1000 человѣкъ. Широта южн. 17° 48′, долгота вост. 176° 42′.

Балау (по картѣ Крузенштерна *Буллоо*). Издали осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, пространство неизвѣстно, а жителей полагаютъ до 1000 человѣкъ. Широта южн. 17° 44′, долгота вост. 176° 22′.

Вакіа, по картѣ Крузенштерна, и *Вакайа* по названію дикарей. Маленькій островъ, съ сотнею жителей. Широта южная 17° 35′, долгота восточная 176° 40′ (?).

Гуммокъ. Такъ на картѣ Крузенштерна. Можетъ быть, это *Нингани* туземцевъ, островъ въ милю, или двѣ окружностію. Широта южная 17° 32′, долгота восточная 176° 20′ (??).

О. Прохода (Passage), по картѣ Крузенштерна, *Виту* по названію туземцевъ. Миля, или двѣ окружности. Широта южн. 17° 24′, долгота восп. 176° 22′ (?).

Макканіе (Mackanie), по картѣ Крузенштерна, а *Магунъ-Гаи* по названію туземцевъ. Двѣ, три мили окружности, и человѣкъ 50-ть жителей. Широта южная 17° 28′, долгота восп. 176° 40′ (?).

Моту-Рики (по картѣ Крузенштерна *Верать*). Открытъ Блеемъ въ 1789 году, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, неменѣе 4-хъ миль пространства. Населеніе до 1000 человѣкъ. Широта южн. 17° 48′, долгота вост. 176° 17′.

Леле-Убіа, два низкіе и лѣсистые островка, открытые Дюрвилемъ въ 1827 году. Каждый около мили въ окружности. Широта южная 17° 58′, долгота восточн. 176° 19′.

Нугу-Лаго и Нугу-Лубе, два островка, лѣсистые, мало возвышенные, каждый по милѣ въ окружности. Открыты Дюрвилемъ въ 1827 году. Широта южн. 18° 13′, долгота вост. 175° 59′.

Умбенга. Открытъ Дюрвилемъ въ 1827 году. Высокъ, около 9-ти, или 10-ти миль въ окружности. Народонаселеніе до 2000 человѣкъ. Онъ отдѣляется отъ Кандабона узкимъ проливомъ, сопровождаемымъ къ сѣверу мѣлями и множествомъ островковъ, протяженіе которыхъ еще неопредѣлено. Широта южная 18° 55′, долгота вост. 176° 2′ (средина).

Вату-Леле. Открытъ Дюрвилемъ, въ 1827 году. Низокъ, лѣсистъ, съ прибоями, простирающимися далеко на С.—Населеніе до 2000 человѣкъ. Протяженіе на 9-ть миль отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при трехъ миляхъ ширины. Широта южная 18° 33′, долгота вост. 175° 11′ (средина).

Малоло. Купа высокихъ, окруженныхъ мѣлями острововъ, изъ коихъ самый большой семь, или восемь миль въ окружности. Народонаселеніе до 1000 человѣкъ. Широта южн. 17° 45′, долгота вост. 174° 42′ (большаго острова).

Накоро. Купа изъ 10-ти высокихъ, населенныхъ острововъ. Открыты Дюрвилемъ въ 1827 году. Самый большой двѣ, три мили въ окружности. Широта южная 17° 33′, долгота вост. 174° 37′ (сѣвернаго островка).

Битонго. Купа, открытая Дюрвилемъ въ 1827 году; два острова и четыре возвышенные островка; самый большой двѣ, три мили въ окружности. Широта южная 17° 26′, долгота восточная 174° 34′ (большаго острова).

Бивуа. Осмотрѣнъ издали Дюрвилемъ, въ 1827 году. Купа изъ трехъ, или четырехъ острововъ,

высокихъ и населенныхъ; самый большой миль 7-8-мь въ окружности. Кажется, что эта купа образуетъ ю. з. часть острововъ, открытыхъ въ 1794 году капитаномъ Барберомъ. Широта южная 17° 16′, долгота вост. 174° 38′.

Матазуа-Леву, Сара-Леву, Сара-Рара. По показаніямъ туземцевъ, это названія главныхъ острововъ, открытыхъ Барберомъ въ 1794 году, и неопредѣленно назначенныхъ на картѣ Крузенштерна. Самый большой будетъ около 15-ти—18-ти миль въ окружности. Впрочемъ, вся эта купа такъ мало извѣстна, что даже вѣрное положеніе ея неопредѣлено. Надобно полагать ее, съ одной стороны, 16° 38′—17° 4′ широты южной, и 174° 40′ — 175° долготы В.

О. Круглый (Ronde), по картѣ Крузенштерна; три, или четыре мили въ окружности. Широта южн. 16° 38′, долгота вост. 175° 10′ (?).

Андуа, по картѣ Крузенштерна; четыре, или пять миль окружности. Широта южная 16° 50′, долгота вост. 175° 54′ (?).

Можно опасаться, что столь продолжительное исчисленіе покажется утомительнымъ, но все еще оно, по всѣмъ вѣроятностямъ, необнимаетъ вполнѣ архипелага Вити. Туземцы исчисляютъ и именуютъ множество острововъ, кромѣ упомянутыхъ нами, какъ можно это видѣть на таблицѣ, составленной старшинами Витійскими Тумбуа-Накоро и Унонгъ-Лебу, по разспросамъ г-на Гемара (Gai-

mard), естествоиспытателя, бывшаго на Аспролябіи съ капитаномъ Дюрвилемъ (она помѣщена въ описаніи сей экспедиціи). Но пока новые изслѣдователи несобрали свѣдѣній болѣе полныхъ, наше исчисленіе можно назвать самымъ полнымъ географическимъ очеркомъ архипелага Витійскаго.

ГЛАВА LXXI.

АРХИПЕЛАГЪ ВИТИ.—ИСТОРІЯ.

Мы уже говорили, что Тасманъ первый открылъ архипелагъ Витійскій. Впрочемъ, онъ замѣтилъ только часть этихъ обширныхъ и многочисленныхъ земель. По его разсказу, 1643 года, въ началѣ Февраля, корабли Голландскіе зашли въ лабиринтъ острововъ, обнизанныхъ мѣлями, утесами, подводными каменьями, и съ большимъ трудомъ успѣли отсюда выйдти. Тасманъ назвалъ всѣ сіи острова именемъ *остр. Принца Вильгельма* и *мѣлями Геемскерка*. Въ новѣйшее время, математическая съемка капитана Дюрвиля показала, что съ достовѣрностью можно почесть видѣнными Тасманомъ островами: *Іанудза, Рамбе, Табе-Уни, Лаудзала,* слѣдуя названіямъ нынѣшнихъ карпъ.

Въ 1774 году, Кукъ открылъ здѣсь островъ *Батоа*. Въ 1777 году, въ третье свое путешествіе, собралъ онъ на Тонга-Табу нѣкоторыя изъясненія объ островахъ *Фиджи* (Тонгское названіе

архипелага Виги). — Блей прошелъ здѣсь въ 1789 году, когда бѣдствующій и лишенный начальства надъ своимъ кораблемъ, искалъ онъ въ утлой шлюпкѣ гостепріимнаго берега. Думаютъ, что прошелъ онъ тогда между большими островами Вити-Леву и Вануа-Лебу, но въ его положеніи никакое исправное наблюденіе небыло возможно. Въ послѣдствіи, когда возвращился онъ отъ Таити на корабляхъ *Провидѣніе* и *Пособіе*, обогнулъ онъ архипелагъ по всей южной сторонѣ его, но, по забывчивости или беспечности, ни одно изъ наблюденій сего путешествія необнародовано. Въ 1793 году, Дантркасто собралъ нѣсколько подробностей о земляхъ Витійскихъ, и мимоходомъ взглянулъ на Куковъ Банюа. Вскорѣ потомъ плавалъ здѣсь стороною капитанъ Майтлендъ, и назвалъ архипелагъ *землями Свободы*. Наконецъ явился капитанъ Барберъ, съ кораблемъ Артуромъ, и заглянулъ въ западныя купы. Но ни тотъ, ни другой несказали о выводахъ своихъ плаваній. Напротивъ, Вильсонъ, въ 1797 году, составилъ карту своего странствованія по С. В. сторонѣ, гдѣ нѣсколько разъ подвергался опасности погибнуть. Небудучи исправными, показанія Вильсона дали, по крайней мѣрѣ, средства исправнѣе опредѣлять потомъ острова, имъ видѣнные.

Въ первыя пятнадцать лѣтъ нашего столѣтія, кажется, многіе купеческіе корабли посѣщали архипелагъ Вити. Торговля сандальнымъ деревомъ привлекала сюда спекулянтовъ изъ всей Индіи и Европейскихъ пристаней, и округъ Имбао, на восточ-

ной сторонѣ Вануи-Лебу, былъ средоточіемъ мѣны его. Тутъ находится гавань, названная Англійскими и Американскими торгашами Sandal-wood's Bay (Сандальный заливъ). Рѣдкій годъ три, четыре корабля неявлялись въ этомъ заливѣ, и ненагружались драгоцѣннымъ деревомъ, которое выгодно и скоро сбывалось на Китайскихъ рынкахъ. Нигдѣ нельзя было достать сандальной колоды лучше и больше, и, конечно, множество богатыхъ мандариновъ было положено въ землю въ произведеніяхъ лѣсовъ Витійскихъ. Колоды сандальныя имѣли дорогую цѣну въ Китаѣ, потому, что обитатели Небесной Имперіи считаютъ за весьма важное имѣть самое великолѣпное домовище для бренныхъ своихъ останковъ.

Такова была причина частаго прихода купеческихъ кораблей на Витійскій архипелагъ, въ первые годы настоящаго столѣтія. Но шкипера судовъ, нисколько нестарались передать публикѣ тайны своихъ поѣздокъ, а напротивъ, всячески придумывали, какъ-бы скрыть свои плаванія на Вити завѣсою тайны, боясь, чтобы открытія ихъ непривлекли жадныхъ соперниковъ. И такъ, они молчали, да если-бы и заговорили, то, безъ сомнѣнія, немногое мы узнали-бы отъ нихъ, кромѣ подробностей ихъ мѣлочнаго торга. Путь къ архипелагу, опасности мѣлей и утесовъ, обозрѣнія острововъ, ничто это неоткрылось намъ порядочно отъ всѣхъ сандальныхъ торгашей. Потому Крузенштернъ, въ гидрографическомъ очеркѣ, который составилъ

онъ въ 1824 году, принужденъ былъ прибѣгать къ матеріяламъ неисправнымъ и недостовѣрнымъ.

Все, что знаемъ мы изъ сношеній Европейскихъ купцовъ съ Витійскими дикарями, состоитъ въ выводѣ, что—вѣроятно, послѣ множества маловѣдомыхъ событій—кровавая ненависть началась наконецъ съ обѣихъ сторонъ, и подала поводъ къ свирѣпому мщенію со стороны туземцевъ. Вотъ два событія въ этомъ родѣ, одно взятое нами изъ путешествія Турнбулля, изданнаго въ 1813 году, а другое изъ разсказовъ Диллона, переданныхъ публикѣ недалѣе, какъ лѣтъ пять тому:

Первый изъ этихъ эпизодовъ Витійской исторіи касается корабля *Любимица*, капитанъ котораго, Кемпбелль, остановился въ Сандальномъ заливѣ въ Октябрѣ 1809 года. Лейтенантъ Томасъ Смитъ, и офицеры Локкерби и Грагамъ пошли отъ корабля 7-го числа, на трехъ лодкахъ, за грузомъ дерева въ заливъ Ваилеа. Прибывъ на мѣсто, нашли они всю тамошную сторону въ сильномъ волненіи. Ежедневно, ежечасно ждали тамъ сильнаго начальника округа Вугіа, Булландама, объявившаго войну островитянамъ Тафеіа, или Тафере. Дикари Ваилеаскіе долженствовали помогать его предпріятію. Обстоятельства дурно расположились для Любимицы. Надобно было помышлять о мирныхъ торговыхъ занятіяхъ среди военнаго шума. Двѣ лодки рѣшились остаться и ждать, что̀ будетъ. Третья, подъ начальствомъ Грагама пошла къ кораблю, и когда на другой день обѣ

остальныя хотѣли сдѣлать тоже, это оказалось затруднительнымъ.

На рукавѣ моря, отдѣлявшемъ Ваилеа отъ корабля, Смитъ и Локкерби встрѣтили флотъ Булландама, изъ 140 лодокъ, двигавшійся полукругомъ. Избѣжать встрѣчи явно было нельзя. Смитъ рѣшился плыть, какъ будто ничего небоится, и направился прямо къ центру дикарскихъ лодокъ. Прибывши къ нимъ, такъ, что голосъ могъ быть слышанъ, Европейцы получили позволеніе идти далѣе. Но едва вступили они въ среду дикарей, большая лодка пошла прямо на Европейскую китоловку, ударила и разбила ее. Локкерби и матрозы его были схвачены и объявлены плѣнниками, пока съ другой стороны дикари ухватили большую лодку Смита и его товарищей.

Первыя мгновенія плѣна сопровождались ужасными угрозами. Дикари хотѣли немедленно угомонить Европейцовъ, и принялись за копья и дубины, когда одинъ изъ старшинъ ихъ воспротивился, давая разумѣть, что побіенія плѣнниковъ нельзя совершить безъ воли главнаго начальника. Такимъ образомъ Европейцовъ повели всѣхъ къ Буллandаму. Онъ непоказалъ желанія позавтракать плѣнниками, а напрошивъ вздумалъ употребить ихъ въ пользу живыхъ. Потребовали отъ Смита, чтобы онъ сопровождалъ дикарей въ походѣ на жителей Тафере, надѣясь, что ружья матрозовъ сдѣлаютъ побѣду легче. По несчастью, порохъ подмочили при встрѣчѣ лодокъ, и Смитъ принужденъ былъ объявить, что оружіе подчиненныхъ

его сдѣлалось послѣ того безполезнымъ. Хотя разсерженный такою неожиданностью, Буллandамъ пощадилъ однакожь плѣнниковъ, запретилъ оскорблять ихъ, и даже оказывалъ большое уваженіе къ Смиту, какъ начальнику. Казалось, онъ гордился его сообществомъ, просилъ его всегда быть при немъ, когда сходилъ на берегъ, и сдѣлалъ его чѣмъ-то въ родѣ адъютанта. Кромѣ всего, когда Смитъ казался беспокойнымъ о жребіи, какой готовился ему въ будущемъ, дикарь разувѣрялъ его, изъявлялъ ему всякія ласки, и говорилъ, что когда покорятъ Тафере, нетолько возвратитъ онъ ему свободу, но заставитъ еще всѣхъ своихъ воиновъ заняться пригоповленіемъ на корабль груза превосходнаго сандала.

Между тѣмъ, понемногу, выполнялось соединеніе всѣхъ силъ, которымъ назначено было идти противъ непріятеля. Октября 11-го полный, соединенный флотъ поплылъ къ Ваилеа, и послѣ нѣкоторой борьбы противъ вѣтра, пустился вечеромъ въ С. В. часть земли, на которую рѣшено было напасть. Переправясь изъ первыхъ, Буллandамъ взялъ Смита съ собою, и ночевалъ на прибрежьѣ, охраняемый стражею изъ десяти человѣкъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами. На другой день, 12-го, отправились снова, и теперь уже прямо на Тафере. Едва Буллandамъ пришелъ на видъ этого селенія, передовой отрядъ непріятельскаго флота явился навстрѣчу. Завязалась битва. Начали стрѣлами. Потомъ, когда лодки сблизились, стали работать копьями и дубьемъ. Сшибка была

упорна и кровава, но жители Тафере, далеко уступая числомъ, необходимо должны были уступить и побѣду. Спасаясь отъ вѣрной смерти, они побросались въ море и пустились къ берегу вплавь. Напрасно Буландамъ приказалъ перерѣзать дорогу бѣгущимъ; побѣдители успѣли только захватить пустыя лодки, и въ нихъ одного дикаря живаго, бѣднаго мальчика, который спрятался, несмѣя бѣжать. У Витійцевъ пощады небываетъ. Плѣнника убили въ виду Европейцовъ, и тѣло его тотчасъ было отдано повару, получившему приказъ немедленно изжарить его для стола начальниковъ.

Это варварство было только началомъ свирѣпства болѣе ужаснаго. Тафере оказалось безлюднымъ. Мужчины бѣжали, но дикари догадались, что женщины, старики и дѣти должны были находиться гдѣ нибудь недалеко. Вся эта беззащитная часть народонаселенія, какъ полагали, гдѣ нибудь скрывается въ сосѣдствѣ. Рѣшились найдти ее и недавать спасенія. Лодка отправилась искать прятавшихся. По условленному знаку, вся бѣшеная толпа кинулась по берегу. Зажженная хижина показала, что дѣло погибели уже началось. Бѣдные жители Тафере скрылись въ загородкѣ мангиферовъ. Считая себя хорошо укрытыми, или надѣясь пощады отъ побѣдителей, они нестарались спасаться бѣгствомъ отъ всеобщаго побоища, и притомъ дѣти занимали заботою объ нихъ матерей, а старость лишала стариковъ всякаго средства къ побѣгу. Несчастные! Тѣснясь въ своемъ убѣжищѣ, долженствовавшемъ остаться безопаснымъ отъ

ужасовъ кровопролитія, они ждали, когда флотъ непріятельскій оставитъ ихъ берега, думали воротиться во свои хижины и забыть тамъ всѣ бѣдствія. Страшный крикъ раздался окрестъ убѣжища ихъ—ревъ тигра, нашедшаго добычу. Жертвы все поняли, на все рѣшились. Со всѣхъ сторонъ вбѣгаютъ палачи; головоломы ихъ поражаютъ дѣтей, женщинъ, стариковъ, при ужасномъ воѣ, плачѣ. Убѣжище превратилось въ бойню; трупы падаютъ одинъ на другой страшною, окровавленною пирамидою. Когда нѣкому было уже плакать, кровавую добычу поволокли къ берегу. Состояніе тѣхъ, кто оставался еще въ живыхъ, было страшнѣе состоянія мертвыхъ; несмотря на ихъ стоны, вопли, судорожное терзаніе, ихъ тащили наряду съ трупами, по каменьямъ, песку, мѣлямъ, и еще дышущихъ сбрасывали въ большую лодку, служившую мѣстомъ складки тѣламъ. Европейскіе плѣнники видѣли, какъ одно подлѣ другаго влачили тѣла молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ, грудныхъ дѣтей, дряхлыхъ стариковъ, и все это сбрасывали въ одну кучу. Такая нагрузка казалась праздникомъ людоѣдамъ: сотни труповъ для сожранія—какой роскошный обѣдъ для ихъ чудовищной привычки къ человѣкоядству! Восемдесятъ два трупа насчитано было на одной площадкѣ Булландамовой лодки. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ старшина дикарей, и замѣтивши между трупами тѣло молодой дѣвушки велѣлъ отложить его въ сторону, для изготовленія на собственной его кухнѣ.

Тафере являлось теперь совершенно опустѣлымъ. Мужчины всѣ убѣжали; женщины и безпомощные были убиты. Булландамъ занялъ селеніе, въ сопровожденіи Смита. Это было одно изъ прелестныхъ мѣстоположеній, гдѣ по скату холма располагалось сотня хижинъ, тамъ и здѣсь отѣненная купами кокосовъ и хлѣбныхъ деревьевъ, и отвсюду огороженная каменною стѣною. Булландамъ приказалъ сжечь все безъ остатка, истребляя жителей и домы, и что пощадила смерть, то погибло въ огнѣ. Зрѣлище было ужасно!

Исполнивъ это послѣднее дѣйствіе мщенія, побѣдительный флотъ направился къ тому мѣсту, гдѣ опредѣлялось кровавое пиршество. Измученный отвратительнымъ позоромъ звѣрства дикарей, Смитъ продолжалъ ежеминутно настаивать, что Булландамъ обязанъ исполнить обѣщаніе, данное ему, и возвратить свободу ему и товарищамъ его. Дикарь отвѣтствовалъ, что сдержитъ слово свое, и послѣ великаго пиршества отправитъ ихъ на корабль. Началось гнусное пиршество. Трупы раздѣлили по частямъ, и приготовляя жарить, развѣсили ихъ на окрестныхъ деревьяхъ. Потомъ, полусырые, полуизжаренные, стали раздавать дикарямъ. Отличный кусокъ предложенъ былъ Смиту, съ ужасомъ отвергнувшему его, хотя уже пять дней онъ ничего неѣлъ. Изумленные дикари спрашивали о причинѣ такого отвращенія, и съ трудомъ могли понять, когда Смитъ объяснялъ имъ, что мясо человѣческое для него хуже яду. Довольные такимъ извиненіемъ, тѣмъ усерднѣе при-

нялись они за ѣду сами, и ночь прошла въ пиршествѣ ужасныхъ людоѣдовъ. Чего несожрали, то немного поджарили и спрятали въ корзины—единственное средство сбереженія припасовъ у здѣшнихъ дикарей, которые нелюбятъ оставлять ихъ впрокъ.

Плѣнъ Смита продолжался еще нѣсколько времени, и—можете вѣрить, можете невѣрить — но Смитъ за достовѣрное разсказываетъ, будто въ теченіе всѣхъ *девяти* дней, которые провелъ на Випи, ничего и нисколько онъ неѣлъ. Начальникъ лодки, захватившей его въ плѣнъ, сталъ наконецъ требовать своего плѣнника, говоря, что хочетъ отвезши его на корабль, и надѣется получить за него три уса китовыхъ и 12-ть топоровъ. Буландамъ ничего неслушалъ. Только уже 16-го Октября, видѣвши еще убійство одного изъ жителей Тафере, чудомъ спасшагося между непріятелями, Смитъ и шестеро товарищей его были препровождены на корабль Неирайскимъ старшиною, которому поручено было требовать выкупа. Два остальные Европейца, Локкерби и матрозъ, возвратились въ послѣдствіи, благодаря настойчивости капитана Кемпбеля. Любимица оставила Випи, неутративъ такимъ образомъ ни одного человѣка.

«Дикари здѣшніе—прибавляетъ повѣствователь — оказываютъ въ исполненіи своихъ предпріятій такое упорное терпѣніе, что его можно сравнить только съ жестокою свирѣпостью послѣ побѣдъ. Они весьма ловки въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, приготовляютъ ихъ замысловато, исполняютъ хлад-

нокровно, и съ такою твердостью, что могутъ изумить Европейца. Къ силѣ тѣлесной присовокупляется у нихъ глубокое презрѣніе опасностей, и совершенная беззаботность о трудѣ и утомленіи. Начальникъ дикарей, Булландамъ сдѣлался между ними страшенъ побѣдами, и мечтаетъ о единовластіи на всемъ архипелагѣ.»

Таково первое событіе, изъ тѣхъ, которыя хотѣли мы передать, съ подробностями, какія разсказываютъ намъ сами дѣйствующія въ немъ лица. Разсказъ этотъ, исключая изъ него *девятидневный постъ* Смита и его товарищей, кажется, должно почесть достовѣрнымъ. Но второе изъ событій неноситъ въ подробностяхъ своихъ ни такой простоты, ни такой вѣроятности. Намъ передалъ его Диллонъ, бывшій однимъ изъ главныхъ актеровъ кровавой драмы. Главное перескажемъ мы изъ его повѣствованія, удаляя многословіе Диллона, отъ чего слова его становятся болѣе невѣроятными и быль походитъ болѣе на сказку. Указывая на источникъ, изъ котораго мы беремъ, этимъ самымъ складываемъ мы съ себя всякое ручательство за правду и достовѣрность событія.

Диллонъ былъ офицеромъ на *Гунтерѣ*, кораблѣ, шкиперъ, или капитанъ котораго *Робсонъ*, бывалый человѣкъ на Витійскомъ архипелагѣ, и проходецъ по морямъ, пользовался даже нѣкоторымъ почтеніемъ между дикарями, вмѣшиваясь въ ихъ распри и принимая участіе въ ихъ войнахъ. Начальникъ Ваилеа, по имени *Бонассаръ*, былъ особеннымъ его другомъ. Февраля 19-го 1813 года, Гунтеръ

остановился въ заливѣ Вайлескомъ, при небольшой рѣчкѣ, которая текла отъ селенія. Селеніе это находилось въ полу-льё отъ берега, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, между тѣмъ, какъ прибрежье было покрыто мангліеровымъ лѣсомъ.

Остановясь въ гавани, Робсонъ былъ посѣщенъ другомъ своимъ Бонассаромъ, и тотъ разсказывалъ, какъ во время отсутствія пріятеля счастье измѣнило ему въ войнахъ, какъ племена дикарей, недавно еще покорныя, возмутились и призвали на помощь себѣ сильныхъ обитателей прибрежья Нанпакабскаго; отсюда началась жестокая и несчастная война. Бонассаръ надѣялся, что пособіе его Европейскаго друга послужитъ ему къ поправленію обстоятельствъ. Къ этому мимоходомъ прибавилъ онъ, что подчиненные его немогутъ теперь отлучаться въ горы, для рубки тамъ сандальныхъ деревьевъ, пока защищеніе береговъ требуетъ ихъ присутствія, и что слѣдовательно, его политическія выгоды совершенно сходствуютъ съ торговыми выгодами капитана. Но при всѣхъ такихъ изъясненіяхъ, дикарь показывалъ самые дружескіе, самые откровенные пріемы, какъ прежде.

Надобно знать, что тогда особенно каждый Витійскій старшина имѣлъ у себя подъ рукою по нѣскольку Европейцовъ, то бѣглецовъ съ кораблей, то спасшихся на берега Вити послѣ кораблекрушеній. Хорошо принятые и обласканные, они основались между дикарями. Только немногіе, упо-

шребивши во зло пріобрѣтенное ими вліяніе черезъ свои воинскія заслуги, были перерѣзаны народомъ Баоскимъ (вѣроятно, жителями Имбао), но и такое мщеніе пало только на трехъ человѣкъ. Подоспѣвши во время, начальникъ Бао спасъ осшальныхъ отъ ярости своего народа.

Въ такомъ состояніи были дѣла, когда Гунтеръ здѣсь явился. Робсону очень хотѣлось какъ нибудь отговориться отъ прямаго и настойчиваго требованія своего пріятеля Бонассара. Онъ началъ торговлю, велъ ее такъ и сякъ, но уже наступалъ Мартъ мѣсяцъ, а дѣла его худо подавались впередъ. Одно и тоже говорили дикари: «Пособите намъ и мы вамъ поможемъ; сражайтесь съ нами вмѣстѣ и мы нагрузимъ корабль вашъ сандаломъ!» — Дѣлать было нѣчего—Робсонъ уступилъ. Апрѣля 1-го отдалъ онъ въ распоряженіе своего пріятеля три шлюпки, съ 20-ю фузелерами и маленькою двухъ фунтовою пушкою. Соединясь съ 3-мя, или 4000 дикарей, этотъ отрядъ пустился прямо къ маленькому острову Нанпакабу. Вышедши на берегъ, напали на жителей, и огнестрѣльное оружіе скоро рѣшило битву. Нанпакабъ очистили и взяли тамъ десять труповъ—лучшее украшеніе побѣды. Плывя далѣе по рѣкѣ внутрь земли, жгли по берегамъ хижины и насажденія; потомъ расположились на приморьѣ и приготовили пиръ изъ труповъ непріятельскихъ. «Каждый трупъ—говоритъ Диллонъ—былъ разложенъ на травѣ, и жрецы разнимали его по частямъ. Такъ производилась эта разъемка: начинали отрѣзаніемъ ступней отъ ногъ, потомъ

ногъ по колѣни; далѣе опрѣзывали осшатокъ ногъ, кисти отъ рукъ, руки по локоть и осшатокъ до плечъ. Окончательно отдѣляли голову и шею. Каждый опрѣзокъ отдѣльно завертывали со пщаніемъ въ зеленый банановый листъ, и жарили на огнѣ съ корнями таро».

Робсонъ исполнилъ требованіе пріятеля, но Бонассаръ недумалъ сдержать своихъ обѣщаній. Въ Маѣ мѣсяцѣ, все еще плохо подвигалась нагрузка корабля, когда подошелъ къ гавани сопутникъ Гунтера, плашкоутъ Елисавета. Европейцы, жившіе въ Бао, посѣтили въ это время Робсона, и онъ за плату уговорилъ ихъ помогать ему въ затруднительномъ дѣлѣ. И это пособіе непомогало. Нагрузка тянулась, и въ Августѣ на кораблѣ едва было только 150 тоннъ сандала, то есть, около трети полнаго количества. Дикари объявили, что за истощеніемъ лѣсовъ, они немогутъ болѣе ничего доставить. Боясь гнѣва Робсонова, когда онъ увидитъ себя явно обманутымъ, дикари перестали посѣщать корабль, гдѣ могли задержать ихъ вмѣсто залога.

Робсонъ взбѣсился. Пріятель Бонассаръ явно провелъ его, заставилъ пособить въ бѣдѣ, и недумалъ услужить въ свою очередь. За такое вѣроломство, за такое плутовство, какъ было неотомстить! Робсонъ рѣшился мстить громко и жестоко. Сначала напалъ онъ на дикарскія лодки въ Ваилеа; захватилъ четырнадцать; потомъ, имѣя надобность починить Елисавету, хотѣлъ неоспа-

взять дикарямъ ни одной лодки, чтобы лишить ихъ всѣхъ средствъ ко вреду.

Для совершенія такого замысла, воспользовался онъ появленіемъ двухъ большихъ лодокъ изъ Бао, съ 250-ю дикарей, прибывшихъ требовать возвращенія Европейцевъ, находившихся въ службѣ у тамошняго начальника. Приговоривъ обѣ лодки, соединивши свои экипажи, помогаемый поселившимися на Вити Англичанами, Американцами, Испанцами, Робсонъ полагалъ себя въ достаточной силѣ на высадку. Декабря 6-го высадка была сдѣлана, подъ начальствомъ Нормена, лейтенанта корабельнаго.

Но едва ступили на берегъ, какъ уже учинена была первая неосторожность. Вмѣсто того, чтобы идти густою колонною, нападающіе раздѣлились на маленькіе отряды, по три, по четыре человѣка. Это значило отдать себя подъ головоломы дикарей доброю волею. Дикари хорошо все это поняли и употребили хитрость. Они удалились съ прибрежья, чтобы заманить Англичанъ и союзниковъ ихъ внутрь земли. Всѣ отряды попались въ такую ловушку. Они сблизились на небольшую поляну, въ сторонѣ отъ прибрежья. Нѣсколько частныхъ сшибокъ, при чемъ удачно превозмогли непріятеля немногими выстрѣлами, казались обѣщающими всему походу быстрое и счастливое окончаніе. Но вдругъ маленькое войско Нормена услышало со всѣхъ сторонъ страшный и продолжительный крикъ. Онъ служилъ знакомъ общей и нежданной аттакѣ. Сидѣвшіе въ засадахъ, дикари

мгновенно кинулись на отдѣльныя кучки Европейцовъ, и перебили ихъ всѣ, за исключеніемъ двухъ только человѣкъ, успѣвшихъ убѣжать къ лодкамъ. Уцѣлѣлъ одинъ отрядъ, тотъ, которымъ командовали Норменъ и Диллонъ. Его составляли восемь вооруженныхъ матрозовъ, два старшины Баоскихъ дикарей и одинъ изъ ихъ воиновъ. Видя полное истребленіе товарищей, нашли одно средство спастись — отступать къ берегу, крѣпко прижавшись одинъ къ другому, маленькимъ каре. Вся долина была усѣяна вооруженнымъ, бѣшенымъ непріятелемъ. Всякое покушеніе на отдѣльное бѣгство можно было почесть смертнымъ приговоромъ. Одинъ изъ отряда отважился было бѣжать, но его тотчасъ догнали и убили. Наскоро сплотились подчиненные Нормена. Начали отступленіе; оно шло довольно удачно, пока приблизились къ подошвѣ холма, на дорогѣ бывшаго. Тутъ непріятель отрѣзалъ путь. Нѣсколько сотъ было на двѣнадцать человѣкъ, и чтобы придать себѣ болѣе ужасный видъ, дикари вымазали себѣ лица кровью убитыхъ непріятелей. Тутъ, при подошвѣ холма палъ Норменъ, пронзенный копьемъ. Диллонъ принялъ начальство — печальное, смертью угрожавшее наслѣдство! Окруженные отвсюду, Европейцы потеряли всякую надежду — оставалось недаромъ продать жизнь! Но среди такого отчаяннаго состоянія, Диллонъ вдругъ замѣтилъ на долинѣ отдѣльную скалу, или холмъ, съ боками крутыми, почти недоступными, родъ крѣпости, воздвигнутой случаемъ для спасенія, столь высокой, что стрѣ-

лы немогли почти долетать до ея вершины. Увидѣть это послѣднее средство надежды, дать его замѣтить товарищамъ, взбѣжать на него — все было дѣйствіе одной минуты, одного мгновенія. Диллонъ засѣлъ на утесѣ съ четырьмя Европейцами, имена которыхъ сказываетъ онъ (Севеджъ, Бушартъ, Дефней, Вильсонъ), и еще однимъ Китайцемъ, называвшимся Луисъ. Остатокъ отряда былъ перебитъ, при чемъ погибли оба старшины Баоскіе. И Дефней всползъ на утесъ израненый копьями, съ четырьмя стрѣлами, вонзившимися въ спину.

По счастью для этихъ бѣдняковъ, вершина утеса, къ той сторонѣ, гдѣ можно было на него взобраться, была особенно высока, такъ, что все, что бросали дикари недолетало до нихъ. Неслыханное защищеніе четырехъ человѣкъ могло слѣдовательно продолжиться путъ съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Едва какой нибудь дикарь начиналъ карабкаться по узкой тропинкѣ на утесъ, ружейный выстрѣлъ останавливалъ его. Десять, или двенадцать человѣкъ являлись на тропинкѣ, и падали подъ роковыми пулями. Такой примѣръ нанугалъ остальныхъ. Дикари ограничились тѣмъ, что окружили со всѣхъ сторонъ утесъ. Съ вершины его, Диллонъ могъ видѣть корабль свой на волнахъ залива, безсильный пособить ему, съ другой несчастныхъ товарищей, убитыхъ въ сраженіи, и которыхъ теперь разнимали, жарили и ѣли дикари въ виду его — печальное, страшное позорище, показывавшее живымъ, какая участь ихъ ожидаетъ!

Между тѣмъ ярость дикарей казалась утихающею. Заговорили о примиреніи и уступкахъ. Восемь дикарей, захваченныхъ въ плѣнъ Робсономъ, и находившихся на Гунтерѣ, въ томъ числѣ братъ *намбео,* или великаго жреца Ваи-Тейскаго, послужили къ тому основаніемъ. «Если вы насъ убьете, ихъ также убьютъ,» говорилъ Диллонъ. По счастью, самъ намбео былъ въ толпѣ дикарей, окружавшихъ утесъ. Онъ приблизился, пребовалъ изъясненій точно-ли братъ его неубитъ, и объявилъ, что съ своей стороны соглашается на размѣнъ плѣнниковъ, бывшихъ на кораблѣ, и Европейцевъ, находившихся на утесѣ. Рѣшились послать кого нибудь на корабль, чтобы рѣшить столь важное обстоятельство. Дефней, раненый и неспособный защищаться, былъ выбранъ Диллономъ. Онъ долженъ былъ уговорить капитана на обмѣнъ, но предупредить его, чтобы онъ отпустилъ только половину плѣнныхъ, а другую сохранялъ, какъ средство предупредить вѣроломство туземцевъ. Дефней отправился, безопасно дошелъ до берега съ намбео, и съ утеса могли провожать взорами лодку, пока она не пристала къ кораблю.

Надобно было дожидаться слѣдствій посылки на корабль. Старшины Витійскіе, стоя вокругъ утеса, старались завести разговоры съ Диллономъ и его товарищами, особенно желая уговорить ихъ оставить недоступное убѣжище и отдаться въ руки дикарей Диллонъ невѣрилъ; совѣтовалъ тоже товарищамъ, но одинъ изъ нихъ, Севеджъ, уже пять лѣтъ жившій между дикарями, не-

послушалъ его, осмѣлился сойдти и вмѣшаться въ толпу дикихъ. Его провели къ Бонассару, который сначала оказалъ ему ласковый пріемъ. Ободренный примѣромъ его, Китаецъ Луисъ также сошелъ съ утеса, и отдался въ покровительство старшины, которому прежде оказывалъ разныя услуги. Думая, что теперь и Диллонъ незамедлитъ согласиться, старшины настаивали въ убѣжденіяхъ особенно. Но они получили рѣшительный, отвѣтъ, что тогда только Диллонъ поступитъ подобно своимъ товарищамъ, когда лодка воротится отъ корабля. Всѣ убѣжденія дикарей оказались тщетны, и злодѣи оставили притворство. При единогласномъ восклицаніи, Севеджъ былъ схваченъ, опущенъ внизъ головою въ ровъ, наполненный водою, и задушенъ такимъ образомъ, когда въ то-же время отъ удара дубиною, нанесеннаго однимъ силачемъ, черепъ Китайца разлетѣлся осколками. Немедленно разнятые и изжаренные, трупы несчастныхъ были пожираемы въ виду Диллона, и онъ убѣдился, что недовѣрчивость его была спасительна.

Тутъ оставались на утесѣ только Диллонъ, Бушарпъ и Вильсонъ — трое противъ многихъ тысячъ осаждающихъ. Думая, что теперь уже легко взобраться на утесъ, дикари полѣзли по тропинкѣ съ удвоенною яростью, стараясь избѣгать выстрѣла. Предосторожность оправдывалась предшествовавшимъ опытомъ. Искусный стрѣлокъ, Бушарпъ, если повѣримъ Диллону, убилъ 27-мь дикарей 28-ю выстрѣлами. Диллонъ съ своей сто-

роны положилъ ихъ достаточное число. Вильсонъ нестрѣлялъ, но заряжалъ ружья. Кругомъ утеса лежала груда тѣлъ, и самые смѣлые недерзали идти на смерть, почти неизбѣжную. Утомясь потерями безъ успѣха, дикари перестали нападать. Будущее было имъ благопріятно. Сумракъ, или голодъ, рано либо поздно, должны были предать въ руки ихъ остальныя жертвы.

Тогда возобновились передъ глазами Европейцовъ сцены людоѣдства, какъ будто жестокая насмѣшка надъ будущею ихъ участью. Дикари дѣлили между собою изжаренные члены человѣческіе, и жрали ихъ съ неистовою яростью. Перерывая свое ужасное пиршество, нѣкоторые изъ старшинъ подходили къ подошвѣ холма, держа въ рукахъ куски мяса, еще кроваваго, показывали ихъ Диллону, и убѣждали его насмѣшливо сойдти. «Мы васъ тотчасъ изжаримъ и съѣдимъ, а ночью неловко заняться такою работою»—говорили дикари. На всѣ такія насмѣшки Диллонъ отвѣчалъ одно: «Если вы убьете насъ, ваши земляки на кораблѣ будутъ побиты!»— Вотъ велика бѣда — отвѣчали людоѣды — пусть Робсонъ скушаетъ нашихъ, если ему угодно, за то мы васъ съѣдимъ! Постойте, дайте наступить ночи; вамъ нельзя будетъ стрѣлять; мы взберемся къ вамъ и убьемъ васъ. —

Въ самомъ дѣлѣ, день вечерѣлъ, и съ наступленіемъ ночи положеніе осажденныхъ на холмѣ становилось вовсе безнадежнымъ. Притомъ у нихъ оставалось только семнадцать патроновъ, и первый мракъ передавалъ ихъ совершенно въ руки

непріятельскія. Несчастные совѣтовались и положили, чтобы недоставаться живыми врагамъ на мученія. Съ наступленіемъ ночи, они хотѣли застрѣлить другъ друга, и тѣмъ сократить неизбѣжныя страданія. На минуту оживила ихъ еще разъ надежда. Лодка плыла отъ корабля и правила прямо къ берегу. Но каковы были ужасъ и скорбь Диллона, когда онъ замѣтилъ, что по непростительной оплошности, капитанъ отпустилъ всѣхъ восьмерыхъ, бывшихъ у него плѣнниковъ! Послѣдняя мечта о спасеніи разрушилась. Что могло теперь заставить дикарей пощадить ихъ, если они немогли опасаться никакого мщенія? Еще обманъ, еще вѣроломство, значили-ль для нихъ что нибудь! Жребій Диллона и храбрыхъ его товарищей былъ рѣшенъ — выйдши живымъ изъ могилы невозможно! — Мы предоставляемъ ему самому разсказъ:

« Вскорѣ послѣ того, какъ вышли на берегъ восемь плѣнныхъ, бывшихъ на кораблѣ, ихъ подвели безоружныхъ къ холму. Жрецъ взошелъ къ намъ на холмъ, и объявилъ мнѣ, что Робсонъ не только охотно отпустилъ всѣхъ плѣнниковъ, но прислалъ еще ящикъ съ желѣзными вещами, чтобы вмѣсто выкупа отдать ихъ начальникамъ, которымъ должны мы по пріюмъ передать наше оружіе. Въ такомъ случаѣ, прибавилъ жрецъ, я проведу васъ живыхъ и цѣлыхъ къ пристани. Пока будетъ у меня возможность—отвѣчалъ я—оружія моего я неотдамъ, ибо увѣренъ, что меня обманутъ и поступятъ со мною, какъ поступили съ Севеджемъ и Луисомъ, повѣрившими слову непріятелей.

« Тогда жрецъ обратился къ Бушарту и уговаривалъ его согласиться на предложеніе. Тутъ внезапная мысль пришла мнѣ въ голову захватить самого жреца, и свободу нашу купить его личностью. Галстухомъ моимъ привязалъ я къ поясу ружье Севеджа, уставилъ дуло моего ружья противъ жреца, въ самое лицо его, и объявилъ, что немедленно выстрѣлю, если онъ покусится бѣжать, или кто нибудь изъ дикарей сдѣлаетъ малѣйшее движеніе, чтобы напасть на меня и моихъ товарищей, или остановить насъ при отступленіи. Потомъ велѣлъ я жрецу идти прямо къ пристани, угрожая немедленною смертью при непослушаніи. Жрецъ повиновался; мы сошли съ холма, и проходя сквозь толпы дикарей, онъ увѣщевалъ ихъ сѣсть и непричинять намъ никакого зла, потому, что если они нападутъ на насъ, мы тотчасъ убьемъ его, и тогда дикари навлекутъ на себя гнѣвъ боговъ, сидящихъ на облакахъ, которые, раздражась за неповиновеніе жрецу, поднимутъ волны морскія и потопятъ весь островъ.

« Дикари оказали совершенное повиновеніе жрецу своему, сѣли на травѣ, и *намбетти* (названіе туземныхъ жрецовъ) повелъ насъ, какъ мы ему приказали, къ пристани. Бушартъ и Вильсонъ держали дулы ружей своихъ противъ висковъ жреца, а я уставилъ свое ружье ему въ спину, между плечами, стараясь ускорить наше опасное путешествіе между жизнью и смертью. Приближеніе ночи побуждало меня къ тому, и я зналъ, какую власть имѣютъ слова жрецовъ надъ дикарями.

« Такъ дошли мы до самаго берега, и намбетти вдругъ остановился. Я приказывалъ идти далѣе; онъ рѣшительно отказался, говоря, что далѣе непойдетъ и я могу убить его, если мнѣ угодно. Напрасно угрожалъ я, спрашивая: почему нехочетъ онъ довести насъ до самой лодки? «Вы захватите меня тамъ живаго и увезете на корабль мучить» — отвѣчалъ жрецъ. Мѣшкать было страшно. « Стой и недвигайся! » закричалъ я, и— уставивъ въ него три наши ружья, мы стали пятиться отъ него задомъ и такимъ образомъ дошли до лодки. Вдругъ бросились мы въ нее, быстро поплыли и нестрашились уже, что дикари прибѣжали толпами къ берегу, пустивъ въ насъ тучи стрѣлъ и каменьевъ. Вскорѣ были мы безопасны отъ ихъ безсильной ярости.

« Благодарить милосердіе Божіе — было первою мыслью, едва только избѣжали мы погибели. Усильно гребли мы и достигли корабля, когда солнце готово было закатиться за горизонтъ. »

Вотъ повѣствованіе Диллона, на которое недѣлаемъ мы никакихъ замѣчаній, какъ ни кажется разсказъ этотъ невѣроятенъ. Впрочемъ, главный недостатокъ въ разсказахъ всѣхъ купеческихъ капитановъ состоитъ не въ томъ, что касается ихъ драматической стороны и достовѣрности, но наиболѣе въ томъ, что недостаетъ при нихъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній и вѣрныхъ подробностей о мѣстности и народахъ, о которыхъ говорятъ. Въ двухъ приведенныхъ нами эпизодахъ невозможно распознать, что это за селенія

шакія: *Ван-Теа, Нанпакабъ, Таферс, Бао,* какое мѣсто должно опредѣлить имъ на каршѣ и какою дорогою къ нимъ идти? Умышленно, или по небрежности, торговые мореплаватели лучше любятъ говорить намъ о геройскихъ подвигахъ въ своихъ отдаленныхъ странствованіяхъ, о мѣлочахъ неважныхъ и посторонних, нежели передавать намъ географическія данныя о земляхъ, ими посѣщаемыхъ, важныя для науки и общаго любопытства.

Вотъ почему, несмотря на путешествія шкиперовъ купеческихъ, географія архипелага Виги оставалась весьма невѣрною, когда капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль предпринялъ его обозрѣніе. Мы уже видѣли, какъ несчастливое пребываніе его на Тонга-Табу долженствовало сдѣлать подобное предпріятіе трудным и опаснымъ. Разстройство въ оснасткѣ, потеря якорей, столь необходимыхъ въ такомъ морѣ, гдѣ безпрестанно надобно останавливаться нежданно и вдругъ, представляли важныя затрудненія. Безчисленныя опасности ожидали Астролябію среди архипелага, усѣяннаго мѣлями и утесами, а въ случаѣ бѣдствія, плавателей ждали на берегахъ народы свирѣпые и кровожадные.

Вопреки всѣмъ опасностямъ и препятствіямъ, Дюрвиль нехотѣлъ удалиться отъ важной части изслѣдованій, означенной въ его инструкціяхъ. Онъ отправился къ архипелагу Виги, осмотрѣлъ острова Батоа, и 25-го Мая 1827 года повелъ корабль свой по проливу между Онгъ-Геа и Булангъ-Га. По этому пути, до прибытія къ Лагемба, были

осмотрѣны различные острова, о которыхъ упоминалось уже выше. Подлѣ Онгъ-Геа-Лебу лодка съ Тонгскими дикарями пристала къ Французской корветтѣ. Ею начальствовалъ старшина изъ семейства Фата-Фаи, по имени Муки; онъ взошелъ на корабль и разговорился съ капитаномъ. Отъ него узнали, что на Лагемба есть небольшой якорь у дикарей, доставшійся имъ съ Американскаго корабля, разбившагося при Батоа. Въ настоящемъ состояніи корабля, приобрѣтеніе якоря было драгоцѣнно, а по словамъ Муки, царь Лагембскій, Туи-Неао, согласился-бы уступить свою находку безъ затрудненія. Астролябія поплыла къ Лагемба, и Тонгская лодка слѣдовала за нею, передавши Французамъ одного Испанца, по имени Медіола, который спасся отъ разбившагося Испанскаго корабля Зачатіе (Concepcion).

Стараясь поскорѣе достать якорь, находившійся у дикарей, едва прибылъ Дюрвиль къ Лагемба, большая шлюпка отправилась на пристань, съ вооруженными людьми, подъ начальствомъ офицера Лоттена. Муки и Медіола посланы толмачами и посредниками. Шлюпка стала у берега, но, боясь нападенія, непричаливала къ берегу. Сначала дикарей появилось на берегу очень немного, но вскорѣ слухъ о прибытіи Европейцовъ разнесся далеко, и болѣе 200 человѣкъ сбѣжалось, вооружась копьями и дубинами. Прежде молчаливые и скромные, дикари сдѣлались теперь шумливы и наглы. Лоттенъ соблюдалъ всякую предосторожность, замѣчалъ всѣ движенія, старался угадать мысль дикарей. Въ

этомъ скоро неосталось сомнѣнія. Людоѣды бросились въ воду, ухватились за шлюпку. Надобно было предупредить опасность. Испанецъ и Тонгскій дикарь, спрятавшись въ срединѣ шлюпки, трепетали, и безмолвный ужасъ ихъ говорилъ яснѣе словъ. Велѣно было плыть обратно, и шлюпка воротилась къ кораблю безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній.

Во все это время, Астролябія неоставалась безъ посѣтителей. Еще трое Испанцевъ, уцѣлѣвшихъ отъ экипажа корабля Concepcion, явились къ Дюрвилю, просить, умолять его, разсказывая со слезами, что уже три капитана Европейскіе отказали взять ихъ, и заклиная быть великодушнѣе и милосердѣе. Дюрвиль принялъ ихъ, какъ Медіола, пассажирами. Съ ними прибыли еще почетные люди изъ дикарей: Туренгъ-Токи, братъ царя Лагембскаго, и Луа-Лала, кузинъ его, метисъ изъ рода Тонга и Вити, болѣе показывавшій слѣды перваго, нежели втораго, имѣя физіогномію и благородный видъ Тонга, при темномъ цвѣтѣ кожи и курчавыхъ волосахъ Вити. Наконецъ появился человѣкъ знатнѣе всѣхъ нами упомянутыхъ. Это былъ Тумбуа-Накоро, племянникъ великаго Ориво, главнаго начальника Имбао и всѣхъ восточныхъ острововъ. Находясь въ то время за сборомъ подати на Лагемба, онъ казался Французамъ благороднымъ, благопристойнымъ, важнымъ во всѣхъ манерахъ обхожденія.

Всѣ сіи посѣтители были еще на кораблѣ, когда возвратилась шлюпка. Послѣ разсказа Лотшеномъ

его приключенія, Туренгъ-Токи и Луи-Лала старались оправдать своихъ земляковъ. Безъ всякаго злаго умысла, изъ любопытства и глупости дѣлалось все это, говорили они. Но, вѣря словамъ ихъ, Дюрвиль нерѣшался болѣе пускаться къ берегу и началъ торговать у Туренгъ-Токи якорь, съ тѣмъ, чтобы сами дикари привезли его. Скоро согласились въ цѣнѣ. Брапъ царскій хотѣлъ послать свою большую лодку за предметомъ торга. Распоряженія произведены немедленно, но наступила ночь и дѣло оставлено до завтра. Какъ ручательство за доброе намѣреніе, всѣ три Витійскіе начальника остались на кораблѣ съ двумя Тонгскими островитянами.

Но море заволновалось, время сдѣлалось бурнымъ, и Астролябія немогла остаться близъ острова. Принуждены были выплыть въ море, и двое сутокъ продолжать сомнительное плаваніе между неизвѣстными островами. Только уже утромъ 28-го Мая, видя, что теченіемъ сноситъ къ сѣверу, Дюрвиль отважно рѣшился продолжать свои изслѣдованія, предоставляя себѣ искать пристани, если погода продолжится противная.

Одинъ за другимъ, тщательно осмотрѣны были острова Неау, Дзизіа, Батту-Бара, Азапа, Табе-Уни, Лаудзила, несмотря, что въ этомъ тяжеломъ дѣлѣ надобно было бороться съ бурями, грознымъ моремъ, безчисленными мѣлями, какія прикрывались теперь разъяренною глубиною волнъ. Однажды, 31-го числа, Астролябія увидѣла себя совсѣмъ за-

пертою въ лабиринтѣ скалъ. Она была тогда въ проливѣ между Лаудзала и Нугу-Лаудзала, ища прохода къ сѣверу. Нѣсколько разъ двигалась она къ самымъ асорамъ утесовъ и мѣлей, и каждый разъ длинная цѣпь пѣнистыхъ волнъ представлялась ей, безъ конца во всѣ стороны, плотная, связанная, такъ, что мѣсто являлось во все непроходимо. Капитанъ отказался наконецъ отъпредпріятія идти на сѣверъ, взялъ на югъ, еще разъ видѣлъ острова, уже наименованные выше, и сверхъ того Коро, Неираи и Нгао; наконецъ, неизвѣстный еще до тѣхъ поръ островъ: это былъ *Муала*.

Невольными участниками всей этой гидрографической прогулки были гости на Астролябіи, дикари Вити и Тонга. Проклиная вѣтры и море, они плакали, отчаявались, страшились, что уже никогда неувидятъ своей отчизны. Братъ царя Лагембскаго, Туренгъ-Токи, особенно проливалъ горькія слезы, словно дитя; Луа-Лала болѣе оставался въ безмолвномъ отчаяніи. Только одинъ Тумбуа-Накоро, превозмогая опасенія и печаль, терпѣливо сносилъ свою тягостную участь. Приготовясь на все, онъ объявлялъ, что если хотятъ увезти его, то онъ готовъ, но неспоря за себя, проситъ только возвратить на землю товарищей его нечаяннаго плѣна, Туренгъ-Токи и Луа-Лала, людей знаменитыхъ, жены которыхъ будутъ убиты, если эти дикари неявятся къ своимъ родичамъ.

На всѣ жалобы скорбь и требованія, Дюрвиль отвѣтствовалъ, что вовсе неимѣетъ намѣренія увозить и оскорблять этимъ своихъ гостей, но

при первой возможности поставить ихъ, живыхъ и здоровыхъ, на который нибудь Витѝйскій островъ. Пока Астролябія шла къ сѣверу, дикари невѣрили словамъ капитана, но поворотъ на югъ оживилъ въ нихъ надежду, а когда въ виду Муала имъ сказали, что перевезутъ ихъ сюда немедленно, радость ихъ была необычайная. Муала былъ дружественный имъ островъ.

Отправка дикарей на Муала произведена была 2-го Іюня. Дикари отпущены съ корабля, осыпанные подарками, и по видимому, весьма благодарные. Изъ всѣхъ, Тумбуа-Накоро былъ тотъ, о коемъ наиболѣе осталось воспоминаній. Честный, важный, смѣлый, скромный, онъ особливо былъ неистощимо услужливъ въ отвѣтахъ на всѣ вопросы, которые ему предлагали. Отлично понятливый, довольно образованный, судя по степени образованности народа, къ которому принадлежалъ, онъ умѣлъ отдавать вѣрный отчетъ въ нравахъ и обычаяхъ своихъ земляковъ. Довольно путешествовавши по всему архипелагу, онъ хорошо зналъ его. Вѣдая названіе каждаго встрѣчаемаго острова, всегда предлагалъ онъ разныя изъясненія, переводимыя Испанцами, совершенно изучившими Витѝйскій языкъ. По всему этому, присутствіе Тумбуа-Накоро было драгоцѣнно для ученыхъ на Астролябіи; къ изслѣдованіямъ географическимъ можно было прилагать вѣрныя названія туземцевъ.

Послѣ остановки при Муала, противные вѣтры непереставали тревожить Астролябію. Днемъ 5-го числа, она шла вблизи, миль 15-ть, подлѣ опасныхъ

прибоевъ, окружающихъ Ю. В. часть прекраснаго острова Вити-Леву. Ночью, взявши направленіе къ югу, чтобы осмотрѣть островъ, находящійся по картамъ въ 30-ти миляхъ разстояніемъ отъ Вити-Леву, Астролябія едва прошла 12-ть миль и подверглась страшной опасности. Мѣсяцъ прорѣзалъ густыя тучи, мелькомъ, и его мерцающіе лучи освѣтили длинный рядъ мѣлей, бѣлѣвшихся на нѣсколько кобельтововъ впереди корабля. Еще пять минутъ и—корабль разбился-бы объ нихъ. Быстрый оборотъ сохранилъ мореплавателей Французскихъ. Астролябія успѣла отодвинуться. Но урокъ былъ такъ опасенъ, что во всю остальную ночь принимались самыя строгія мѣры предосторожности, и съ утромъ подробно могли опредѣлить безконечную мѣль, обгибающую купу острововъ и островковъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Кандабона. Сей островъ былъ совсѣмъ нетакъ отдаленъ отъ Вити-Леву, какъ означалось это на прежнихъ картахъ. Отъ того Астролябія могла погибнуть среди ночнаго мрака.

Осмотрѣвши Умбенга и Кандабонъ, Дюрвиль взялъ еще къ сѣверу, чтобы пройдти опять къ Вити-Леву, но проливъ снова оказался запертъ цѣпью прибоевъ, можетъ быть, продолженіемъ прежней опасной цѣпи ихъ. Днемъ 7-го числа открылся прелестный, небольшой Ватту-Леле, и вечеромъ Астролябія была на Ю. З. сторонѣ Вити-Леву. Нѣсколько сношеній съ жителями большаго острова означили здѣсь краткую остановку; 10-го числа появились кучи острововъ и островковъ,

составляющія возвышенныя купы Малоло, Накоро, Битонго и Бивуа. Наконецъ, 11-го числа, вступивъ въ груды опасныхъ подводныхъ мѣлей, Дюрвиль долженъ былъ удалиться отъ земли, и тѣмъ кончить обозрѣніе архипелага Виши. Другіе, неменѣе важные пункты для трудовъ экспедиціи должны были обратить вниманіе Французскаго капитана. Такимъ образомъ, въ трудномъ плаваніи, ежедневно встрѣчая неожиданныя опасности, Астролябія достигла однакожь того, что утвердила надежнымъ образомъ положеніе множества острововъ, доселѣ по невѣрнымъ намѣкамъ ставимыхъ на карту; повѣривши прежнія открытія, сдѣлали много новыхъ, исправили названія, собрали наконецъ нѣсколько новыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о дикаряхъ Витійскихъ, драгоцѣнные матеріялы для знаній; надежные и полезные вѣхи поставили на пути изъясненій болѣе полныхъ и обширныхъ.

ГЛАВА LXXII.

АРХИПЕЛАГЪ ВИТИ. — НРАВЫ, ОБЫЧАИ, ЯЗЫКЪ ДИКАРЕЙ.

Мы говорили уже, что туземцы Вити принадлежатъ къ Меланезійскому типу, и должно сказать, что они составляютъ въ немъ одну изъ лучшихъ породъ. Высокіе, складные, проворные, мускулистые, они несклонны, какъ Полинезійцы, къ тучности, что нерѣдко даже и на Тонга. Къ верхушкѣ головы лицо у нихъ шире, носъ широкій, большой, сплюснутый, ротъ огромный, губы толстыя, зубы бѣлые, брови густыя, но всего болѣе отличаетъ ихъ кожа цвѣта сажи и курчавые волосы, что придаетъ имъ видъ мрачный и свирѣпый.

Трудно опредѣлить въ точности ихъ характеръ. Во всѣ времена согласно провозглашали ихъ вѣроломными и свирѣпыми, что подтверждается и дѣлами, достовѣрности коихъ оспоривать невозможно. Но до совершеннаго опознанія, удѣлимъ часть

и преувеличенію въ разсказахъ Европейскихъ проходцовъ, всего болѣе кричавшихъ о звѣрствѣ дикарей Вити. Если-бы и дикари могли въ свой чередъ изложить свои жалобы, можетъ быть, открылось-бы, что вина была взаимная; варварство островитянъ Вити нерѣдко бывало только возмездіемъ. Спекулянты, съ пушками и ружьями бродящіе по морямъ, вообще природы немягкой и некротокой, и если они неѣдятъ людей, то безъ дальняго зазрѣнія совѣсти любятъ обмануть и расплатиться потомъ пулями и картечами.

Объ одномъ неостается никакого сомнѣнія — людоѣдствѣ Витійцевъ, ужасномъ, отвратительномъ обычаѣ, въ которомъ превосходятъ они самыхъ Ново-Зеландцевъ. У этихъ, по крайней мѣрѣ, варварская религія играетъ главную роль въ пожираніи человѣческаго мяса, поддерживаетъ и продолжаетъ его; но на архипелагѣ Вити дикари руководствуются только отвратительною привычкою, находя вкусъ въ самомъ этомъ ужасномъ припасѣ. Эгуи Тонгскій, по разсказу Маринера, присутствовалъ однажды при пирѣ, данномъ Витійскими старшинами, и пиръ составлялъ нѣчто ужасно-величественное: 200 корзинъ иньямовъ, 200 куриць, 200 свиней, и — *двѣсти* человѣческихъ труповъ предложено было гостямъ. Пирующіе, на половину дикари Тонгскіе, на половину Витійскіе, неоставили мѣстъ своихъ, пока всего несожрали. Надобно однакожъ полагать, что и на Вити придается людоѣдству нѣчто религіозное, ибо Смитъ, приключеніе котораго мы пересказали,

говорятъ, что прупы сначала были при немъ переданы жрецамъ, которые приготовили ихъ.

Почти однимъ маро ограничивается одежда Витійцевъ. Вся заботливость туалета ихъ состоитъ въ прическѣ головы, которую они красятъ, завиваютъ, украшаютъ на сто манеровъ. Кромѣ обыкновеннаго татуажа, извѣстнаго въ Полинезіи (накаливанія кожи), многіе производятъ еще здѣсь татуажъ особенный, употребляемый Меланезійцами, состоящій въ рельэфномъ возвышеніи (tatouage en relief). Это дѣлается глубокими насѣчками, отъ чего на кожѣ остаются рубцы.

Два главные острова, кажется, раздѣлены между различными племенами, коими властвуютъ разные царьки. Царь Имбао, области въ В. части Витти-Леву, принимаетъ титулъ *Абуни-валу*, и владѣетъ почти всею восточною частью архипелага. Унонгъ-Лебу, владѣлецъ западной стороны, кажется, также властитель сильный. Вануа-Лебу, Буа, Нанпакабъ, Вугіа, Дагонъ-Робе, безъ сомнѣнія, правятся отдѣльными, неизвѣстными старшинами.

Говорятъ, будто у Ориво, царя Имбайскаго, сто женъ. Въ порядкѣ наслѣдства переходъ бываетъ отъ старшихъ къ младшимъ, а потомъ возвращается къ дѣтямъ старшаго. Власть царей неограниченная, если только непочесть ограниченіемъ вмѣшательства жрецовъ. Они именуются *Намбео* и *Намбетти*, а главный между ними беретъ титулъ *Намбетти-Леву*. У него бываетъ три жены и большое богатство китовыхъ усовъ. Сказываютъ, что есть еще великая жрица, именуемая

Намбетти-Левуа. Мужъ ея царствуетъ въ Нгао. Всѣ эти духовные особы пользуются великимъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Кажется, что ихъ не-призываютъ ни въ случаѣ рожденія, ни для какого нибудь обряда при похоронахъ, но прибѣгаютъ къ нимъ въ болѣзняхъ.

Весьма немногимъ ограничены свѣдѣнія наши о Витійской религіи. *Зань-Гуалу* считается первымъ богомъ. *Калу* начальствуетъ надъ *тамбу,* то есть, табу Витійскимъ. За нимъ слѣдуютъ низшіе боги: *Калу-Ніуза, Репро, Вазунгуи-Бавата, Вазонгуи-Тонга,* и проч.—Жрица призываетъ богинь: *Гуліо-Равара, Голи-Коро.* Всѣ боги живутъ въ *Луама-Ланги,* или небесахъ.

Богъ *Онденъ-Ги,* или Онденъ-Геи, сотворилъ небо, землю, всѣ предметы и всѣхъ боговъ. Послѣ смерти человѣческой, душа соединяется съ Онденъ-Ги. Боги неизображаются никакими вещественными предметами, но строятъ для нихъ молельни, или святые домы, называемые *амбуре,* въ которыхъ дѣлаются приношенія свиньями, бананами, тканями, и пр. Приношенія эти бываютъ по случаю болѣзни родственника или начальника. Послѣ смерти роднаго близкаго въ обычаѣ отрубать палецъ на рукѣ, либо на ногѣ. Когда умираетъ царь, или старшина, на могилѣ его убиваютъ нѣсколькихъ женъ его.

Отъ десяти до ста женъ позволяется имѣть начальникамъ, смотря по богатству ихъ. У простолюдиновъ бываетъ по одной женѣ. Дикарки выходятъ за-мужъ едва возмужаютъ, но мужчинамъ

запрещено всякое обхожденіе съ женщиною до 20-ти лѣтъ. Дикари увѣрены, что неизбѣжная смерть слѣдуетъ за нарушеніемъ сего закона. Только имѣющій уже бороду можетъ приступить къ женщинѣ.

Мужчины и женщины ѣдятъ розно. Рыболовство, кухня, выработка тканей принадлежатъ къ занятіямъ женщинъ; мужчины воюютъ, обрабатываютъ поля, дѣлаютъ лодки, строятъ домы.

Кава употребительна на Вити, но бетеля здѣсь незнаютъ. Бородъ небрѣютъ. При рожденіи дикарь получаетъ имя, но перемѣняетъ его, когда вырастетъ. Пятнадцати лѣтъ совершаютъ обрѣзаніе, употребляя для сего острую раковину. Кровь унимаютъ лоскутомъ тонкой ткани. Вообще дикари здѣшніе здоровы. Но между болѣзнями есть слѣды Неаполитанской. Сумасшедшихъ немедленно удавливаютъ.

Самоубійство весьма извѣстно на Вити. Нерѣдко, избѣгая притѣсненій начальниковъ, Витійцы произвольно умерщвляютъ себя. Воровство здѣсь весьма обыкновенно. Наказанія ничего неявляютъ опредѣленнаго и зависятъ отъ воли старшинъ и царей.

У Витійцевъ нѣтъ обычая мѣняться именами съ гостями своими — этого залога дружбы и братства между Полинезійцами. Но если старшина убьетъ какого нибудь непріятельскаго старшину, то беретъ себѣ его имя. Оружіе Витійцевъ составляютъ луки, стрѣлы, копья, дубины. Изъ послѣднихъ самыя опасныя суть коротки, съ круг-

лою шишкою на конце. Впрочемъ, домы и мебели здѣшнія походятъ на домы и мебели Тонгскія.

Киповые усы считаются величайшею драгоцѣнностью на Вити, и служатъ вмѣсто нашихъ драгоцѣнныхъ металловъ. Каждая шпука дѣлится вдоль на пять, на шесть частей, и изъ нихъ дѣлаются ожерелья, которыя только старшинамъ позволяется носить. Сокровищница Ориво состоитъ изъ большаго запаса киповыхъ усовъ.

Есть здѣсь званіе людей, нѣсколько похожее на Тонгскихъ мата-буле; ихъ называютъ *мата-нивануа*. Главное дѣло ихъ собирать подати и говорить публичныя рѣчи. Находятся также невольники обоихъ половъ, извѣстные подъ именемъ *каисси*. У Ориво считалось невольниковъ мужескаго пола до 100 человѣкъ.

Послѣ сраженія, пока побѣдители разбираютъ трупы, чтобы разнять и изжарить ихъ потомъ, поется хоромъ пѣсня, слова которой Тумбуа-Накоро пересказалъ г-ну Гемару, но неумѣлъ изъяснить смысла ихъ. Это все равно, какъ *Пиге* Ново-Зеландцевъ. Дюрвилю передали слова ея, но немогли изъяснить ихъ значенія.

Языкъ Витійскій, хотя перемѣшанный съ нѣсколькими Тонгскими словами, существенно различается отъ всѣхъ языковъ Полинезійскихъ. Въ немъ находимъ уже частое употребленіе звуковъ М и Н въ началѣ словъ, и даже передъ согласными. Такія сліянія, по замѣчаніямъ Дюрвиля, видны, во многихъ языкахъ черныхъ народовъ; ихъ мно-

жество въ языкѣ Коптскомъ, и безъ сомнѣнія, нечужды были они нарѣчіямъ древняго Египта.

Донынѣ извѣстныя произведенія архипелага Виши, кажется, общи съ островами болѣе восточными. Можно полагать однакожъ, что обширныя и высокія земли Вануа-Лебу и Виши-Леву содержатъ различные предметы, чуждые почвамъ Полинезійскимъ — необходимый и неизбѣжный переходъ отъ бѣдной и ограниченной природы Восточныхъ острововъ къ богатству и разнообразію архипелаговъ Западныхъ.

По разсказу Маринера, въ Пау, на островахъ Витійскихъ, дикари замѣтили однажды въ началѣ нашего вѣка, на прибрежьи моря, исполинскую ящерицу, которая нырнула въ море. Потомъ сожрала она многихъ купавшихся дикарей, и ужасъ распространился по всему острову. Собрались ловить чудовище, но стрѣлы отскакивали отъ жесткой чешуи его. Можно было подумать, что ящерица одѣта въ кирасъ. Тутъ дикари положили, что это было злое божество, посланное богомъ для истребленія ихъ. Но одинъ старый, безстрашный и ловкій воинъ предпринялъ избавить земляковъ отъ погибели. Онъ приготовилъ крѣпкую веревку, на концѣ которой привязалъ дерево, отдавши другой конецъ держать пятнадцати дикарямъ. Едва появилось чудовище на поверхности моря, смѣльчакъ поплылъ на деревѣ прямо къ нему, и закинулъ глухую петлю, такъ искусно, что голова и лапы чудовища были ею обхвачены. Дикари, державшіе веревку, начали тянуть ее изъ всѣхъ

силъ, и чудовище немогло освободиться отъ пеши, невзирая на всѣ ужасныя усилія. Толпою бросились на него, едва было оно вытащено на берегъ, и избили его дубьемъ. Потомъ, по обычаю туземному, непріятеля надобно было съѣсть; его исжарили, скушали на здоровье, и старики, участники пира, и теперь еще вспоминаютъ, что это было чудесное кушанье.

Нѣтъ сомнѣнія, что исполинская ящерица, какъ назвали чудовище Витійцы, былъ кайманъ. Это земноводное, найденное потомъ Дюрвилемъ на берегахъ Новой Ирландіи, могло отъ острова до острова, перебравшись къ архипелагу Виши.

ГЛАВА LXXIII.

НОВЫЕ ГЕБРИДЫ. — ГЕОГРАФІЯ И ИСТОРІЯ.

Океанія оставила архипелагъ Випійскій и на полныхъ парусахъ направилась къ Новымъ Гебридамъ, когда печальное событіе погрузило всѣхъ насъ въ глубокую печаль. Уже съ давняго времени, нашъ добрый Филипсъ сдѣлался нездоровъ. Разстройство желудка, пренебреженное сначала и усиленное тяжелою пищею на кораблѣ, мало по малу убивало нашего лихаго моряка. Но онъ и мы надѣялись на перемѣну, и чуть становилось ему легче, Филипсъ являлся на палубу и принимался за свою должность. Но уже веселость его навсегда изчезла; тучныя формы тѣла его пропали. Со времени опибытія отъ Тонга-Табу, больной уже неоставлялъ своей койки и слегъ рѣшительно. Будучи единственнымъ медикомъ на своемъ кораблѣ, Пендлетонъ истощилъ всѣ врачебныя пособія, и ни лекарства, ни заботливость его непомогали. Послѣднія пять ночей почти безотлучно просидѣлъ онъ подлѣ больнаго, истратилъ свою аптечку — смерть явно близилась къ нашему товарищу — дни его были изочтены...

Іюня 5-го, утромъ, Филипсъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Я находился подлѣ его смертнаго одра. «Несмѣю просить Пендлетона — сказалъ онъ мнѣ тихимъ голосомъ — но, желалъ-бы умереть не здѣсь, а тамъ на палубѣ, въ виду моря, подъ парусами. Мнѣ легче будетъ — здѣсь въ каютѣ мнѣ душно.».. Едва пересказалъ я просьбу Филипса капитану — «Порадуемъ его — отвѣчалъ онъ, со слезами на глазахъ — исполнимъ его послѣднее желаніе!» Четыре человѣка отправились въ каюту, и бережно сняли и перенесли мы койку Филипса на корму. Едва умирающій завидѣлъ прекрасный, лазурный Океанъ, глаза его оживились, мертвая физіогномія освѣжилась румянцемъ — онъ протянулъ руки и хотѣлъ приподняться. Но тѣло уже неслушалось души — онъ повалился на подушки снова, и это усиліе было послѣднее. Увѣрясь въ слабости силъ, морякъ сложилъ руки, и въ безмолвномъ восторгѣ смотрѣлъ на волны, на корабль, на паруса, на снасти — улыбка мелькала на устахъ его; казалось, онъ прощается съ старыми, привычными друзьями. Торжественная минута смерти возвышаетъ человѣка. Все смѣшное, что было прежде въ Филипсѣ, изчезло. Но смерть уже душила грудь его. Филипсъ хотѣлъ передать Пендлетону свои послѣднія желанія и просьбы. «Капитанъ,» сказалъ онъ — будьте роднымъ моимъ сиротамъ — отвезите имъ благословеніе отца — позаботьтесь объ ихъ участи. Духовная моя давно написана. Тамъ, въ ящичкѣ, она и роспись всего, что послѣ меня останется моимъ

ребятишкамъ. Хочу, чтобы Джонсъ сдѣлался морякомъ, какъ я былъ. Нелли мою пусть отдадутъ за моряка.» . . Рѣчь сдѣлалась невнятною. Слышно было, что Филипсъ молится. Смертный колоколецъ захрипѣлъ въ груди его. Черезъ четверть часа Филипсъ уснулъ спокойно, и — на вѣки...

Всѣ были свидѣтелями этой тихой кончины, середи бѣла дня, на палубѣ корабля. Всѣ мы любили добраго Филипса. По смуглымъ лицамъ матрозовъ текли слезы. Къ вечеру, парусный мастеръ зашилъ тѣло покойника въ койкѣ его, долженствовавшей служить ему гробомъ. Прежде этого обмыли его и нарядили въ лучшее его платье. Къ ногамъ привязали два ядра, и онъ былъ, окутанный, какъ Египетская мумія, положенъ въ большую корзину и перенесенъ въ переднюю часть палубы. Тутъ пробылъ покойникъ всю ночь. Звѣздчатымъ флагомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ былъ онъ закрытъ и два фонаря горѣли надъ нимъ во все время. Это было печальное, величественное зрѣлище смертнаго спокойствія на бурныхъ волнахъ моря. Казалось, и оно хотѣло почтить память отпараго знакомаго — было тихо, безмолвно. Никто на кораблѣ несмѣялся во всю ночь. Говорили мало, и то о нашемъ усопшемъ товарищѣ.

На другой день утромъ, все было готово къ погребенію. Только нижніе паруса оставались для управленія кораблемъ; реи верхнихъ образовывали кресты; паруса на нихъ подобрали; флагъ вѣялся на половинѣ мачты. По знаку Пендлетона, ударили въ колоколъ. Глухо раздался звонъ его отъ

языка, окутаннаго сукномъ. По звону колокола, всѣ стали порядкомъ на палубѣ корабельной. Шестеро подняли тѣло и снесли его къ всходнямъ. Тутъ наступилъ часъ прощанія вѣчнаго. Три выстрѣла означили его. Пендлетонъ, капелланъ корабля, такъ-же, какъ былъ его лекаремъ, приблизился къ тѣлу и читалъ молитву:

«*Всемогущему Господу-Богу, по Его безконечной благости, угодно было воззвать къ себѣ душу нашего любезнаго, здѣсь предлежащаго брата, и мы предаемъ бренные останки его волнамъ моря, съ вѣрою въ воскресеніе мертвыхъ, когда море отдастъ ввѣренное нѣдрамъ его, для вѣчнаго блаженства.*»

Всѣ тихо повторяли моленіе, и едва Пендлетонъ произнесъ: «Предаемъ бренные останки его волнамъ моря» — два матроза сняли съ гроба Филипсова флагъ, приподняли это послѣднее жилище своего лейтенанта и бросили его въ море. Молитва оканчивалась, когда тѣло, отъ тяжести, погружалось въ глубину Океана, оставляя на поверхности быстрыя, круго-видныя волны. Все утихло. Море было опять спокойно. Молитва замолкла. Три пушечные выстрѣла показали окончаніе обряда.

Такъ нестало одного изъ товарищей моей кочевой жизни, добраго Филипса, который своею оригинальностью, своимъ видомъ, своимъ нравомъ приносилъ всѣмъ намъ столько удовольствія. Недавно узналъ я его, и жалѣлъ объ немъ, какъ будто о старомъ другѣ. Жители корабля — это семьяне; тутъ искренно любишь каждаго, привы-

каешь ко всѣмъ, горюешь о каждой убыли. На землѣ едва замѣчаютъ люди потерю ближняго; на морѣ ее долго помнятъ — она невозвратима...

Но жизнь развлекла грусть объ умершемъ. Іюня 7-го, на другой день послѣ погребенія Филипса, казавшееся намъ вдали облаками, превратилось въ землю — это былъ островъ *Эрронанъ*. Пендлетонъ непремѣнно хотѣлъ остановиться при Гебридскомъ архипелагѣ, чтобы увѣриться, до какой степени надлежало довѣрять разсказамъ нѣсколькихъ купеческихъ шкиперовъ, по словамъ которыхъ мѣли около Танна обилуютъ трипангами, а внутренніе лѣса множествомъ превосходныхъ сандальныхъ деревъ. Вѣрные барыши могли послѣ сего ожидать каждый корабль, пустившійся на торговыя спекуляціи въ Гебридскихъ островахъ.

До сихъ поръ наша Океанія плыла по прекрасному морю и при благопріятномъ вѣтрѣ отъ Ю. В., такъ, что все казалось благопріятствующимъ нашему плаванію. Пендлетонъ шелъ прямо къ Новымъ Гебридамъ. Уже коническая вершина Эррона на отдѣлялась изъ средины облаковъ, когда вдругъ, и такъ, что мы вовсе немогли предвидѣть подобной случайности, паруса наши упали и прильнули къ мачтамъ. Вѣтеръ отъ Ю. В. мгновенно перевернулъ къ Ю. З. — Лейтенантъ Райнбовъ, бывшій на вахтѣ, закричалъ, забранился, послалъ все къ чорту на самой скорой почтѣ. Безъ Пендлетона, мигомъ прибѣжавшаго на помощь, Океанія могла испытать поврежденіе въ оснасткѣ. Въ пять минутъ, по голосу капитана все было при-

ведено въ порядокъ. Корабль поладилъ съ прихотью вѣтра. Но за то новое направленіе его удаляло насъ отъ земли, и мы немогли уже идти прямо къ ней. Впрочемъ, перебросившись къ Ю. З., вѣтеръ сдѣлался неровенъ, буренъ, дулъ порывами и перебиралъ пять, или шесть румбовъ компаса. Вскорѣ были мы на виду острова Танна, одного изъ Ново-Гебридскихъ, гдѣ Пендлетонъ хотѣлъ было остановиться. Но теченіе, волны, вѣтеръ, все отводило насъ отъ него. Напрасно мы лавировали. Вершина Таннскаго пика, вмѣсто приближенія, мало по малу удалялась отъ насъ и пропадала въ облакахъ. Ночью, только мерцающій свѣтъ въ направленіи острова показывалъ намъ блескъ огненнаго изверженія шамошняго волкана. Наконецъ, послѣ восьми дней труднаго и безплоднаго плаванія, мы невольно перешли все длинное пространеніе Ново-Гебридскаго архипелага, и находились между островами Фапіака и Тикопіа, одинъ былъ у насъ на западъ, другой на востокъ. Пендлетонъ отказался отъ посѣщенія Новыхъ Гебридовъ. Я немогъ видѣть ихъ самъ, и мнѣ надлежало довольствоваться замѣчаніями, какія сдѣлали прежніе мореплаватели, болѣе насъ счастливые.

Если захотимъ идти до самой первой эпохи открытія архипелага Гебридскаго, Испанецъ Квиросъ встрѣчается намъ прежде всѣхъ. Первый онъ видѣлъ Новые Гебриды, посланный для открытія великихъ земель Австральныхъ. Онъ узналъ отъ жителей Таумако, что къ югу отъ ихъ острова лежитъ купа острововъ, называемая *Маниколо*,

гдѣ живутъ люди бѣлые, черные и цвѣтные. Руководимый такимъ изъясненіемъ, Квиросъ пошелъ на югъ, и 25 Апрѣля 1606 года, подъ 14° 30′ ш. ю., открылъ множество возвышенныхъ острововъ, изъ которыхъ одинъ назвалъ островомъ Пресвятой Богоматери Лузской (Nuestra Senora de Luz). Прибрежье его было обрывисто, опасно, и испещрено водопадами, протекавшими въ море.

Съ моря, земля казалась покрытою насажденіями. Сбѣжавшись при видѣ корабля, плывшаго на полныхъ парусахъ, дикари съ берега махали кокосовыми вѣтвями и призывали Испанцевъ, то крикомъ, то знаками и огнями на горахъ. Квиросъ послалъ къ берегу офицера, съ двадцатью солдатами, которые были вооружены рондашами (щитами) и мушкетами. Посланные вошли въ прекрасную рѣку, протекавшую между высокими утесами, и видѣли на прибрежьи множество свиней. Дикари были трехъ цвѣтовъ—одни совершенно черные, другіе весьма бѣлы и рыжебороды, третьи мулатры. Испанцы дѣлали дикарямъ знаки мира, но пока продолжались еще взаимные переговоры, одинъ изъ туземцевъ спрыгнулъ съ утеса и вплавь достигъ шлюпки. Его схватили и взяли въ полонъ. «Ибо,» говоритъ разсказъ «онъ былъ крѣпокъ и смѣлъ, а движенія рукъ его и кривлянья лица предвѣщали ничего добраго.» Трудно впрочемъ угадать, какое зло могъ причинить одинъ человѣкъ двадцати вооруженнымъ. Захваченный дикарь долженствовалъ быть начальникъ, сколько можно было судить по его браслетамъ и ожерелью изъ

кабаньихъ зубовъ, и это украшеніе тѣмъ болѣе почли знакомъ отличія, что другой дикарь, захваченный хитростью, неимѣлъ ничего подобнаго. Желая невыпускать двойной добычи, надѣли цѣпи на бѣдныхъ плѣнниковъ и стали грести къ кораблю. Ужасаясь безвѣстности своего жребія, одинъ изъ плѣнниковъ оборвалъ цѣпь и бросился въ воду, таща за собою обрывки. Но какъ между тѣмъ наступила ночь, то онъ немогъ достигнуть земли, и былъ схваченъ снова. Квиросъ обласкалъ обоихъ дикарей, принялъ ихъ ласково, выбрилъ имъ бороды, подстригъ волосы, велѣлъ обвернуть ихъ лоскутами красной тафты и проводить потомъ на островъ, съ множествомъ кусковъ тканей, которые предполагалось промѣнять на припасы. Это было исполнено. Бывшій плѣнникъ Испанцевъ оказалъ въ промѣнѣ признательность и щедрость. Онъ наполнилъ шлюпки гостей свиньями, иньямами, бататами, и особенно превосходными бананами. Ободренный такимъ добрымъ началомъ, Квиросъ рѣшился продолжать свое пребываніе у новооткрытыхъ острововъ. Онъ испытывалъ даже здѣсь, если вѣрить разсказу, родъ маленькой колонизаціи. Вотъ, впрочемъ, собственная повѣсть Квироса, немного баснословная, немного преувеличенная, но простая, добродушная, характеристическая по впечатлѣнію и по времени:

«Мы продолжили плаванье въ шлюпкѣ около береговъ, въ виду другаго народа, многочисленнаго великорослаго, болѣе прежнихъ дикарей сѣроватаго. Эти туземцы показались намъ грубіянами

нисшаго образованія. Немного спустя послѣ того, какъ они дѣлали намъ знаки дружбы, мы увидѣли, что женщины бѣгутъ въ лѣсъ, а мужчины мгновенно пустили въ насъ тучу стрѣлъ, изъ которыхъ одна легко ранила въ лицо одного изъ Испанцевъ. Наши мушкеты заставили ихъ раскаяться въ такой злости, послѣ чего, съ приближеніемъ ночи, шлюпка воротилась къ кораблю разсказать обо всемъ происходившемъ.

«Любопытство узнать большую землю, видимую на Ю. В., заставило насъ сняться съ якоря. Посланные сюда 30-го Апрѣля привезли извѣстіе, что нашли тамъ хорошій заливъ, широкій, защищенный, съ доброю стоянкою на 30-ти брассахъ; что прибрежье простиралось весьма далеко окружіемъ на Ю. Ю. З.; что имъ дѣлали сигналы, зажигая на горахъ огни; что жители острова были великорослы; что они приплывали въ лодкѣ съ дружескими знаками, хотя притворными, какъ мы испытали потомъ, и подарили прекрасный плюмажъ изъ цаплиныхъ перьевъ. Такое извѣстіе исполнило всѣхъ радостью, ибо мы видѣли себя достигнувшими цѣли нашихъ желаній открытіемъ большой земли и добраго пристанища. Эскадра вошла 1-го Мая въ заливъ, который мы назвали, въ честь праздника того дня, заливомъ св. Филиппа и св. Іакова. Входъ, около восьми льё съ моря, простирается отъ С. къ Ю.; восточный край будетъ около 12-ти, а западный пятнадцати льё (широта 15°40′). Мая 3-го остановились мы въ доброй пристани, при устьяхъ двухъ рѣчекъ, на грунтѣ чистаго пе-

ску, отъ 40-ка до 6-ти брассовъ. Индійцы, окружившіе насъ въ своихъ лодкахъ, давали намъ знаки идти далѣе, но мы неразсудили за-благо этого дѣлать: въ тотъ день былъ праздникъ Обрѣтенія Святаго Креста Господня; мы назвали заливъ *Вера-Крузъ* (истинный Крестъ), весь островъ *Австральною землею св. Духа*, а двѣ рѣки въ заливѣ, одну *Іорданъ*, другую *Св. Спасителя*. Берега обѣихъ рѣкъ красоты очаровательной, украшены цвѣтами и зеленью. Прибрежье тутъ широко и ровно, и такъ защищено, что какой вѣтеръ ни дуй въ заливѣ, море остается у пристани тихо и спокойно. Берегъ, до самой покатости горъ, покрытъ деревьями. Горы, столько-же зеленыя, какъ и низъ, раздѣлены широкими долинами, плоскими, обильными, орошенными ручьями — словомъ, нѣтъ земли столь прекрасной въ Америкѣ, и немногія сравнятся съ нею въ Европѣ. Она въ обиліи и почти безъ обработки производитъ плоды добраго вкуса, бататы, иньямы, *папаи*, *плантаны*, померанцы, *лимы*, миндаль, *обо*, и множество другихъ, весьма вкусныхъ и намъ неизвѣстныхъ. Мы находили здѣсь алоэ, мушкатные орѣхи, гебеновое дерево, куриць, свиней, а далѣе во внутренности, сколько поняли мы изъ знаковъ дикарей, находятся огромные волы, птицы, превосходно поющія, дикіе голуби, куропатки, попугаи и пчелы. Жители чернаго цвѣта; живутъ въ хижинахъ, покрытыхъ соломою. Островъ подверженъ землетрясеніямъ, что означаетъ признакъ его довольной обширности.

«Дикари оказались неочень довольны нашимъ прибытіемъ. Когда мы ступили на берегъ, начальникъ ихъ пошелъ на насъ съ толпою народа, подарилъ намъ нѣсколько плодовъ и далъ знакъ удалиться. Видя, что мы его неслушаемся, провелъ онъ по землѣ черту и приказывалъ намъ за нее непереступать. Едва Торресъ подался далѣе, какъ дикари пустили въ насъ нѣсколько стрѣлъ, и это принудило насъ произвесть пальбу, и убить нѣкоторыхъ, а въ числѣ ихъ былъ и начальникъ. Остальные побѣжали къ горамъ. Особый отрядъ нашъ пошелъ въ другую сторону, искать запасовъ и постараться поладить съ туземцами, но они оказались такого злаго характера, что небыло никакого средства войдти съ ними въ переговоры. Безпрестанно забирались они въ засады на пути нашемъ, хотя и безъ большаго успѣха, ибо о древесныя вѣтви ломались ихъ стрѣлы, а между тѣмъ трудно имъ было отыграться отъ нашихъ мушкетныхъ пуль. Нѣсколько дней провели мы здѣсь, отдыхая и утѣшаясь послѣ трудовъ нашихъ. Мы отправляли божественную службу въ хижинѣ, сдѣланной изъ зеленыхъ вѣтвей, къ которой шла прекрасная аллея деревьевъ. Тутъ совершили мы процессію въ праздникъ Божіяго Дня (la Fête-Dieu), и поставили крестъ. Землю взяли мы во владѣніе отъ имени короля Филиппа III-го. Однажды, одно отдѣленіе наше, отправясь за плодами, открыло съ вершины горы прелестную долину, перешло черезъ нее, и съ вершины другой горы, въ двухъ льё отъ берега, услышало стукъ барабанный, что воз-

будило желаніе приблизиться въ ту сторону, съ величайшею тишиною. Подошли къ селенію, гдѣ дикари беспечно проводили время въ пляскѣ. Едва увидѣли они себя открытыми, какъ ударились бѣжать къ горамъ, оставя на мѣстѣ своихъ женъ и дѣтей, но вскорѣ увидѣли наши, что бѣгство произошло отъ того только, что дикарей застали они безъ оружія. Оставшись господами селенія, наши зашли въ одну хижину, взяли въ ней трехъ дѣтей и четырнадцать свиней, и скорѣе спѣшили поворотить къ берегу до возвращенія Индійцевъ, будучи удалены отъ всякаго пособія и весьма утомившись. Успѣли только перейдти долину, когда снова услышали крики варваровъ, сопровождаемые звуками ихъ барабановъ, сдѣланныхъ изъ пустаго древеснаго пня. Видя, что угрожаетъ нападеніе, наши бѣжали изъ всѣхъ силъ до покатости горы, на вершину которой взобрались они, сколько могли поскорѣе, обремененные ношами. Необходимость перевесть дыханіе заставила ихъ здѣсь остановиться. Варвары приблизились, и производя свои обыкновенные вопли, пустили въ нашихъ тучу стрѣлъ, по счастью, ни въ кого непопавшихъ. Имъ отвѣчали мушкетными выстрѣлами, ранившими нѣсколько изъ нихъ и заставившими всю толпу отойдти. Но дикари незамедлили опять надвинуть, преслѣдуя нашихъ отъ ската горы до прибрежья, такъ, что принуждены были наши, отъ времени до времени, останавливаться, заряжать мушкеты и стрѣлять. Не смотря ни на что, опасеніе нашего оружія незаставило варваровъ

оцказаться отъ добычи, пока были еще у нихъ стрѣлы, а потомъ угнѣздились они на вершинахъ ущесовъ и оттуда метали въ нашихъ большіе каменья. Одинъ изъ Испанцевъ былъ изувѣченъ—ему переломили руку. Но кромѣ этого, наши непотерпѣли никакого вреда при своемъ опасномъ отступленіи, исполнивши его съ превосходною смѣлостью и неоставивши своей добычи. Когда Индійцы заслышали пальбу изъ пушекъ корабельныхъ, и увидѣли, что со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ нашимъ на помощь, они оставили нападеніе и убѣжали въ горы.

«Послѣ нѣкотораго пребыванія въ заливѣ, корабли снялись съ якорей и вышли изъ него. Вскорѣ надлежало снова сюда возвратиться. Экипажъ вдругъ сдѣлался боленъ, и въ такомъ большомъ количествѣ, что даже неоставалось кому производить маневры кораблей. Немогли мы приписать такого событія самой сущности рыбы, которой ѣли мы здѣсь въ заливѣ весьма довольно, но подозрѣвали, что рыба могла наглотаться чего нибудь ядовитаго, или что, можетъ быть, чистили и рѣзали ее на вредоносныхъ растеніяхъ. Вскорѣ оба корабля стали похожи на больницы, наполненныя зачумленными какого нибудь города. Такъ были всѣ больны, что многіе нечаяли уже выздоровѣть. Но хирурги наши, хотя и сами также больные, заботились о другихъ столь ревностно и искусно, что бѣдствіе вскорѣ совершенно прошло, и столь счастливо, что никто неумеръ. Во время сего вторичнаго пребыванія близъ острова, нѣсколько

разъ сходили мы на землю, опустили дѣпей, захваченныхъ въ селеніи, въ надеждѣ, что они будутъ орудіемъ мира между нами и дикарями, но все это непроизвело никакого дѣйствія, и мы подняли якори въ другой разъ. Іюня 5-го, стараясь опознать земли подъ вѣтромъ и взять ихъ во владѣніе Короля нашего, построивши намъ городъ, какъ мы сдѣлали это въ заливѣ, гдѣ основали городъ, назвавъ его *Новый Іерусалимъ* и учредивъ въ немъ алкадовъ, коррежидоровъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ, встрѣтили мы на морѣ противный вѣтеръ, и такія волны, что онѣ покрывали даже часть нашихъ кораблей. Принуждены мы были обратиться въ заливъ. Оба корабля и малое наше судно шли по немъ вмѣстѣ, въ теченіе двухъ дней, и не безъ опасности. На третій, два изъ трехъ обуреваемыхъ судовъ нашихъ достигли рѣки и стали въ добромъ пристанищѣ, гораздо далѣе внутрь земли, противъ того, гдѣ производили мы прежде высадку нашу. Но капитанъ никакъ не могъ достигнуть цѣли своей, и подвергался въ заливѣ стольким опасностямъ, что принужденъ былъ выйдти изъ него и пуститься въ открытое море, гдѣ относило насъ вѣтромъ отъ берега, и мы немогли уже воротиться въ заливъ. »

Здѣсь кончится повѣствованіе Квироса, о томъ, что относится къ архипелагу Гебридскому. Несмотря на подробности столь ясныя, Tierra de l'Espiritu-Santo Испанскаго мореплавателя казалась потерянною для географовъ, когда Кукъ и Буген-

впль явились повѣрять описанія Квироса и Торреса.

Мая 22-го 1768 года, плавая въ здѣшнихъ моряхъ, Бугенвиль увидѣлъ два возвышенные острова и назвалъ ихъ *Пятидесятница* (Pentecôte) и *Аврора;* потомъ, на С. отъ послѣдняго, маленькій высокій островокъ, въ видѣ сахарной головы; наконецъ, далѣе къ З. еще третій островъ, выше всѣхъ предшествовавшихъ и совершенно обросшій лѣсомъ. Лодки плавали вдоль береговъ острова, не оказывалось ни одно движеніе, чтобы дикари имѣли намѣреніе плыть къ кораблямъ Европейцевъ. Множество дыма, поднимавшагося со всего острова, давало подозрѣніе, что земля значительно населена.

Приближась къ берегу, Бугенвиль опрядилъ три вооруженныя лодки осматривать его. При видѣ моряковъ, островитяне, вооружась луками и стрѣлами, сначала хотѣли воспротивиться высадкѣ, но какъ Французы шли упорно, то дикари отступили, удержались въ нѣкоторомъ разстояніи, и стали въ оборонительномъ положеніи. Напрасно дѣлали имъ знаки дружбы и шли къ нимъ безоружно; они упорствовали въ удаленіи. Наконецъ, Принцъ Нассаускій, бывшій при экспедиціи простымъ волонтеромъ, пошелъ одинъ во внутренность острова, и при видѣ одиноко отдѣлившагося человѣка дикари остановились. Тогда могли обмѣнять кой-какія Европейскія бездѣлки на плоды земные, но едва стали просить у дикарей въ мѣну нѣкоторыя изъ оружій ихъ, они отказались, и приняли угрожающее и непріязненное по-

ложеніе. Многіе изъ нихъ держали пращи свои наготовѣ къ дѣйствію. Тогда только могли понять, что дикари находились въ войнѣ съ сосѣднимъ племенемъ, и что они готовились къ важной битвѣ. Дѣйствительно, множество туземцевъ появились съ западной стороны и стали противъ прежней толпы. Присутствіе Французовъ воспрепятствовало однакожь началу боя.

Во все это время, Бугенвиль нагружалъ лодки плодами и дровами. Онъ приказалъ вырѣзать на дубовой дощечкѣ свидѣтельство взятія открытыхъ имъ острововъ во владѣніе Франціи. Потомъ зарыли подлѣ корней одного дерева это плѣнное доказательство неоспоримаго первенства въ обладаніи. Удовлетворя маленькому тщеславію повелителей новой земли, Французы отправились отъ берега. Это была минута, которой ждали дикари. Едва увидѣли они, что лодки плывутъ въ море, какъ пустили въ слѣдъ ихъ тучу каменьевъ и стрѣлъ. Немедленно отвѣчали имъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами на воздухъ, но видя, что нападатели упорствуютъ въ опасной шалости, перервали ихъ покушенія сильнымъ и мѣткимъ мушкетнымъ огнемъ. При первомъ паденіи нѣсколькихъ дикарей мертвыми, остальные съ воплемъ бросились въ лѣсъ, окружавшій прибрежье.

Бугенвиль также замѣтилъ на здѣшнихъ островахъ два различныя племя, черное и мулашровъ, то и другое съ толстыми губами, почти курчавыми волосами, и притомъ оба малорослые, не-

складные, пораженные проказою. Послѣднее заставило Бугенвиля назвать землю островомъ *Прокаженныхъ* (des Lépreux). Нѣсколько видѣнныхъ женщинъ были нелучше мужчинъ, которые ходили почти нагіе, едва прикрывая себѣ средину пѣла; женщины, также полунагія, шаскали дѣтей своихъ въ какихъ-то папировидныхъ шарфахъ, украшенныхъ красивыми рисунками съ красною бордюрою. Бороды у дикарей были выбриты; хрящи въ носахъ проколоты, для вставки украшеній; на рукахъ у нихъ были браслеты изъ кабаньихъ зубовъ, и на шеѣ кружки изъ черепахи. Оружіе составляли луки, тростн съ острыми костями, дубины, деревянныя, крѣпкія сабли, и наконецъ, каменья, которые бросали изъ пращей и руками. Таитянинъ Утуру, бывшій на корабляхъ, непонималъ ни одного слова изъ языка туземцевъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пристававали Французы, земля, склоняясь быстрою покатостью, была покрыта густыми деревьями. Тутъ нарвали нѣсколько плодовъ, оказавшихся хуже Таитскихъ. Вездѣ можно было замѣтить по лѣсу тропки, и тамъ и здѣсь загородки, назначеніе которыхъ было непонятно. Замѣтили также пять, шесть хижинъ, но столь низкихъ и бѣдныхъ, что въ нихъ можно было войдти только ползкомъ.

Въ теченіе двухъ или трехъ дней, безвѣтріе и перелетные порывы вѣтра удерживали корабли Бугенвиля въ бассейнѣ, такъ сказать, образуемомъ высокими землями. Мая 26-го подошелъ онъ къ западной, составлявшей, по его описанію, прекрасное прибрежье, покрытое деревьями и про-

межушками, хорошо обработанными. Общій взглядъ возвѣщалъ землю богатую, хотя и гористую. Нѣсколько дикарей подплыли въ лодкахъ, но несмотря ни на какія приглашенія, держались далѣе ружейнаго выстрѣла. По берегу кишали черноголовые дикари.

Бугенвиль хотѣлъ покуситься на вторичное обозрѣніе. Замѣтивши углубленіе, образующее родъ бухты, онъ послалъ лодки, вооруженныя, чтобы осмотрѣть прибрежье, пока самъ держался съ кораблями въ морѣ, около льё отъ берега. Одна изъ лодокъ, отдѣлясь отъ другихъ, встрѣчена нѣсколькими кучами стрѣлъ, на что отвѣчала ружейнымъ огнемъ и выстрѣломъ изъ лодочной пушки. Послѣ сихъ непріязненныхъ дѣйствій, сообщеніе съ дикарями было уже невозможно. Обозрѣвавшели могли однакожь убѣдиться, что углубленіе въ берегъ несоставляло залива; дикари казались похожими на жишелей острова Прокаженныхъ. Продолжая прибрежное плаваніе, неближе льё разстояніемъ, 27-го разглядывали что-то на низкой землѣ, какъ будто деревья, расположенныя аллеями, словно въ саду; земля казалась шутъ убитою и усыпанною пескомъ. Здѣсь кончились изслѣдованія Французскаго мореплавашеля. Тщетно искавши якорнаго пристанища, Бугенвиль отплылъ въ море 28-го Мая и продолжалъ путь свой къ западу.

Послѣднія земли, около которыхъ ходилъ Бугенвиль, были два большіе острова, Св. Духа и Маниколо, съ островомъ Св. Варѳоломея и остров-

ками, отъ него зависящими. Сравнивая свои замѣчанія съ показаніями Квироса, Бугенвиль подозрѣвалъ, что это одна и та-же купа, что Испанская земля Св. Духа. Но утверждаясь на множествѣ подробностей, опровергавшихъ такое предположеніе, почелъ онъ себя въ правѣ присвоить имя открывшаго совершенно новыя земли, и далъ имъ названіе *Большихъ Цикладовъ* (Grandes-Cyclades). Дѣйствительно, Бугенвилю принадлежитъ неоспоримая честь находки вновь земель, почитавшихся несуществующими; онъ предупредилъ Кука въ обозрѣніи, которое этому мореплавателю надлежало учинить съ превосходствомъ дѣла, отличавшимъ его среди всѣхъ другихъ мореходцевъ его времени.

Кукъ увидѣлъ островъ Авроры, Апрѣля 16-го, 1774 года, обогнулъ его съ сѣвера и шелъ около берега, по временамъ изникавшаго изъ тумана и облаковъ, его сокрывавшихъ. «Мы замѣтили,» пишетъ Форстеръ, «кокосы, даже на самыхъ вершинахъ земли. Сколько густой туманъ позволялъ намъ судить, островъ покрытъ лѣсами, пріятнаго, но дикаго вида. Мой отецъ увидѣлъ мелькнувшимъ небольшой пикъ утесовъ, который Бугенвиль назвалъ пикомъ Звѣзды, или pic de l'Averady. Но облака, быстро летѣвшія, скоро все закрыли.»

Іюля 18-го, Кукъ подошелъ къ острову Прокаженныхъ; двѣ лодки двинулись отъ берега, но держались къ кораблямъ неближе, какъ можно бросить камень. По прибрежью тѣснились тысячи дикарей, вооруженныхъ луками и стрѣлами, нагихъ,

черныхъ, съ какими-то украшеніями на груди и на рукахъ. Одинъ изъ всѣхъ былъ опличенъ чѣмъ-то въ родѣ шарфа, состоявшаго изъ бѣлой, грязной ткани, украшенной красною бордюрою.

На слѣдующій день шли около острова Авроры, чтобы направиться къ острову Пятидесятницы, болѣе красивому, богаче, обильнѣе, населеннѣе, по видимости. Дымъ взвивался тутъ со всѣхъ сторонъ. Отсюда пустились къ сѣверному краю острова Амбрима, чтобы дойдти до земель, лежащихъ къ западу. Приближась сюда узнали, что онѣ образуютъ огромный островъ, именуемый туземцами *Маниколо*. Кукъ нашелъ тутъ заливъ къ Ю. В., и бросилъ въ немъ якорь 21-го Іюля.

Когда лодка, отправленная отъ корабля, приближалась къ берегу, увидѣли дикарей, сбѣжавшихся толпою, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, которыми махали они издали. Потомъ черпали они руками воду и лили ее себѣ на головы. На такіе дружескіе привѣты, Кукъ также отвѣчалъ дружески. Тогда лодки приблизились къ кораблямъ, и туземцы, бывшіе на нихъ, продолжали размахивать вѣтвями, крича: *Томаръ* (казалось, что это слово было равносильно слову: *Taio*, другъ, братъ)! Не смотря однакожъ на всю миролюбивую внѣшность, многіе изъ дикарей были вооружены. Строго надзирая за гостями, они старались установить нѣкоторую мѣну. Англичане отдавали Таитскія ткани; дикари стрѣлы съ острыми костями, выпачканныя черноватою гуммью. Наконецъ, покруживши около

кораблей и шумно поболтавши, дикари уплыли къ пристани, зажгли тамъ большіе огни; явились опять къ кораблямъ въ лодкахъ своихъ, держа головни въ рукахъ; плавали по всему заливу и возвратясь на берегъ неперестали пѣть и плясать до глубокой ночи.

На-завтра снова явились дикари, одни вплавь, другіе въ лодкахъ. Въ этотъ разъ Кукъ пригласилъ одного изъ нихъ взойдти на корабль, и вскорѣ вскарабкалось ихъ множество. Тотчасъ наполнили они его повсюду, снизу до верху. Одни пробѣгали по каютамъ, другіе ловко всбѣгали на мачты, нѣкоторые старались проникнуть даже въ трюмъ. Всѣ эти люди казались очень смышлены, понимали малѣйшій знакъ, и въ немного часовъ пересказали Англичанамъ множество словъ своего языка. Имъ, конечно, завидно было на многія вещи, но они нетрогали ихъ, если имъ запрещали. Любопытство ихъ возбудили особенно зеркала, но дѣйствіе опраженія въ нихъ изумило дикарей только на немногія мгновенія, послѣ чего они пріучились къ невиданной диковинкѣ и съ удовольствіемъ глядѣлись въ нее.

Дѣло шло превосходно, когда неожиданное событіе чуть было ненарушило установившагося добраго согласія. Одинъ изъ дикарей, бывшихъ въ лодкахъ, видя, что его непускаютъ на корабль, натянулъ на матроза свой лукъ. Его земляки хотѣли было остановить задорщика, но онъ неслушалъ. Самъ Кукъ сталъ ему грозить, а дикарь

началъ въ него прицѣливаться. Тогда капитанъ, будучи угрюмой природы, предупредилъ дерзкаго выстрѣломъ дробью. Дикарь зашатался, но не переставалъ грозить, и только послѣ втораго выстрѣла выронилъ свой лукъ. Такому непріятельскому началу послѣдовало общее смятеніе. Лодки дикарей удалились; нѣсколько стрѣлъ было пущено съ нихъ и имъ отвѣчали пушечнымъ выстрѣломъ. Съ часъ послѣ того продолжалось враждебное положеніе; дикари опять приблизились, окружили корабль и начали промѣны, какъ будто никакихъ непріятельскихъ дѣйствій непроизошло. Только при звукѣ пушечнаго выстрѣла на берегу забили въ барабанъ. Безъ сомнѣнія, это былъ знакъ къ сбору дикарей.

Кукъ отправился послѣ обѣда къ берегу, съ двумя вооруженными лодками. Онъ хотѣлъ запастись водою и дровами. Хотя до 500 дикарей собралось на берегу, всѣ вооруженные дубинами, луками, стрѣлами, копьями, но никакой ссоры непослѣдовало. Капитанъ пошелъ къ толпѣ ихъ одинъ, размахивая зеленою вѣтвью, и со стороны дикарей тоже сдѣлалъ одинъ начальникъ. Вѣтвями размѣнялись, подали другъ другу руки и миръ былъ установленъ. Кукъ раздѣлилъ разные подарки между старшинами, получивъ въ обмѣнъ небольшую свинью, нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ и немного свѣжей воды. Когда онъ сдѣлалъ знакъ, что надобно дровъ, ему позволили рубить, но съ условіемъ, чтобы неудаляться отъ берега.

Такое условіе было рѣшительно и строго. Естествоиспытатели Форстеръ и Спарманъ, найдя прогинку въ кустарникѣ, рѣшились нарушить запрещеніе, и начали свои ботаническія изысканія, когда ихъ увидѣлъ одинъ дикарь и извѣстилъ о томъ товарищей. Тотчасъ сбѣжалась къ нимъ толпа, и ученыхъ принудили оборотиться и идти обратно къ берегу, несмотря на ихъ просьбы и усилія. Тутъ нашли они матрозовъ, занятыхъ рубкою дровъ, и кругомъ ихъ толпу дикихъ, болтавшую весьма громко. Наконецъ, островитяне разсѣялись, и одинъ изъ старшинъ предлагалъ Куку идти съ нимъ въ его жилище. Капитанъ отказался. Онъ воротился на корабль съ матрозами, и только вечеромъ приплылъ опять, требовавъ у дикарей буй, украденный однимъ изъ нихъ. Это было единственное воровство, учиненное во все время стоянки. Воръ возвратилъ покражу, и сопровождалъ потомъ Кука и Форстера въ нѣкоторыя изъ ближнихъ хижинъ. Хижины эти, въ числѣ шести, были низки и покрыты латаньеровыми листьями. Иныя были огорожены досками, и вмѣсто дверей имѣли четыреугольное, маленькое отверзтіе. Дикари несогласились открыть его для путешественниковъ. Подлѣ жилищъ были разныя насажденія, окруженныя палисадомъ, и тамъ и здѣсь высились кокосы и хлѣбное дерево. Запасъ иньямовъ покрывалъ подмостку; свиньи и курицы бродили кругомъ хижинъ, гдѣ, вѣроятно, обитали, вмѣстѣ съ хозяевами.

Неоставляя еще залива, Кукъ хотѣлъ посѣтить его противоположную сторону. Онъ сошелъ тамъ на землю, но неостался болѣе четверти часа, ибо дикари стали требовать разными знаками, чтобы онъ немедленно очистилъ ихъ землю. Впрочемъ, однимъ взглядомъ могъ онъ увѣриться, что тутъ небыло никакого источника воды, а только это и хотѣлось ему узнать; 23-го Іюля, утромъ, подняли якорь и оставили пристанище, наименовавъ гавань *Port-Sandwich.*

Когда корабли плыли отъ острова, дикари все еще толпились вокругъ нихъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ промѣновъ сдѣланы были съ честностью, изумившею Англичанъ. Корабль шелъ довольно быстро, и многія изъ дикарскихъ лодокъ отставали отъ него, неуспѣвши отдать слѣдовавшаго съ нихъ за полученные ими товары. Въ цѣлой Полинезіи, такое дѣло дикари почли-бы для себя счастьемъ. Но здѣшніе Меланезійцы, казалось, дорожили болѣе всего честью; они хотѣли торговаться, а не красть. Потому лодки ихъ упорно гребли за кораблемъ, чтобы отдать ему, что съ нихъ слѣдовало. Одинъ изъ дикарей особенно сдѣлалъ такой поступокъ, что объ немъ стоитъ упомянуть. Достигнувши корабля, онъ взошелъ на него съ вещами, за которыя уже получилъ обмѣнъ. Снова начали ихъ у него торговать; онъ непродавалъ, и искалъ человѣка, съ которымъ прежде имѣлъ дѣло. Тотъ явился, и неузнавши дикаря, снова предложилъ ему мѣняться за принесенное имъ. Кто-бы повѣрилъ? Честный дикарь невоспользовался

ошибкою, показалъ, что̀ получилъ онъ прежде, и передалъ свой товаръ, доказывая, что онъ хотѣлъ только очистить свою совѣсть. Удивительное дѣло въ этихъ племенахъ, столь наклонныхъ къ воровству!

Кукъ обозрѣлъ Амбримъ и Паумъ, и 24-го приблизился къ Ани, гдѣ видѣлъ на прибрежьи дикарей, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и похожихъ на Малликольцовъ. Безвѣтріе захватило корабль Куковъ близъ острововъ Стефена, гдѣ вдругъ внезапная болѣзнь поразила всѣхъ его офицеровъ. Поймали двухъ какихъ-то красноватыхъ рыбъ, похожихъ на большихъ лещей, величиною и видомъ, и немедленно изготовили ихъ для стола офицерскаго и унтеръ-офицерскаго. Тотчасъ послѣ обѣда, всѣ ѣвшіе рыбу оказались больными. Жестокая боль въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, горящій жаръ по всей кожѣ и какое-то онѣмѣніе въ суставахъ— таковы были признаки этого нечаяннаго отправленія. Ночью страданія удвоивались. Мучимые безсонницею, больные немогли улежать въ койкахъ, влачились на палубу, утомляемые чрезмѣрнымъ слиготеченіемъ, а тѣло у нихъ покрывалось вередами и пухло. У кого меньше было страданій, тотъ являлся болѣе слабымъ и сильнѣе другихъ отправленнымъ. Самыя животныя испытали бѣдственныя слѣдствія этого случая; собака и свинья, ѣвшія ядовитую рыбу, издохли. Но люди всѣ выздоровѣли, непрежде однакожъ десяти дней. Такъ съ сопутниками Кука случилось тоже самое, что за полтораста лѣтъ прежде испытали спутники Кви-

роса. Послѣ Кука другіе мореплаватели подвергались этой-же опасности, и испытали такое-же страданіе. Форстеръ приписывалъ его однакожь не самой рыбѣ, но ядовитой пищѣ, которою питалась она въ морѣ Гебридскаго архипелага. Тотъ-же самый сортъ рыбы въ другихъ мѣстахъ непричиняетъ никакого вреда.

Постепенно обозрѣвши малые острова Стефена, Памятникъ, Три холма, Два холма, Гору и Гинчинбрукъ, Кукъ открылъ обширную и прекрасную землю, которую назвалъ: *островъ Сандвича.* Обильный и зеленѣющій, онъ казался населеннымъ менѣе сѣверныхъ острововъ архипелага. Августа 1-го увидѣли островъ *Эрро-Манго,* или *Коро-Манго,* какъ оказалось по изслѣдованіямъ послѣ того. Августа 3-го бросили якорь близъ сѣверной части острова, защищенной только отъ пассатовъ В. и Ю. В. Это мѣсто назвалъ Кукъ мысомъ Измѣнниковъ, по событію, которое мы сей часъ разскажемъ.

Августа 2-го, приближась къ берегу въ двухъ лодкахъ, Кукъ встрѣтилъ на берегу дикарей, по видимому, весьма хорошо расположенныхъ. Ему указали на удобное песчаное прибрежье, куда вышелъ онъ одинъ, держа въ рукѣ зеленую вѣтвь, поданную ему однимъ изъ островитянъ. Скромные, даже вѣжливые, дикари удерживались въ удаленіи отъ шлюпки по малѣйшему повелительному знаку. Одинъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, старшина, поставилъ другихъ по берегу полукружіемъ, и коло-

шилъ каждаго, кто выходилъ изъ ряда. Кукъ раздѣлилъ дикарямъ нѣсколько подарковъ; потомъ потребовалъ себѣ свѣжей воды и нѣсколько плодовъ. Ему принесли бамбуковый сосудъ, иньямъ и нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ.

Все шло очень ладно, хотя островитяне и были вооружены копьями и дубинами. Кукъ наблюдалъ движенія всѣхъ, и особенно старшинъ, недовѣряясь опасной беспечности. Послѣдствія оправдали такую осторожность. Когда Англичане хотѣли воротиться къ кораблю, началась непріязнь. Дикари украли доску, по которой можно было сойдти въ лодку сухими ногами. Потомъ бросились они къ лодкамъ, старались утащить ихъ на берегъ, и насильно отнимали весла у матрозовъ. Угроза ружьемъ остановила было нападающихъ, но они тотчасъ бросились вторично, предводимые старшиною. Кукъ рѣшился наказать этого смѣльчака, приложился въ него, но ружье осѣклось. Такая неудача ободрила дикарей. Они пустили въ шлюпку тучу стрѣлъ и каменьевъ. Оставалось отразить силу силою. Три залпа, одинъ за другимъ, спасли Англичанъ; они могли свободно воротиться къ кораблю, положивши на мѣстѣ четырехъ и разсѣявши остальныхъ непріятелей. Два матроза были ранены стрѣлами островитянъ; одному вонзилась въ щеку стрѣла, толщиною въ палецъ, и вошла въ тѣло дюйма на два. Вечеромъ, нѣсколько дикарей появились на низменномъ отлогѣ одного утеса, показывая два весла, безъ сомнѣнія, желая возвратить ихъ; но невходя ни въ какіе перего-

воры, Кукъ велѣлъ выстрѣлить изъ 4-хъ фунтовой пушки, чтобы дать непріятелю понятіе о силѣ этого страшнаго оружія. Впрочемъ, такой отвѣтъ, кажется, ничего недоказывалъ.

Этотъ пушечный выстрѣлъ былъ прощальнымъ привѣтомъ дикарямъ, ибо Кукъ оставилъ немедленно Коро-Манго, чтобы отправиться къ другому острову, дававшему замѣтить себя на югѣ, во время ночи, блескомъ волканическихъ изверженій. Августа 9-го, въ трехъ, или четырехъ миляхъ на С. В. различили эту огнедышащую землю. Форстеръ такъ описывалъ ее: «Самый низшій изъ всѣхъ холмовъ одного ряда, конической формы, оказывалъ по срединѣ своей кратеръ. Онъ казался темнокраснымъ, и состоялъ изъ груды перегорѣлыхъ, совершенно безплодныхъ каменьевъ. Густой столпъ дыма, похожій на огромное дерево, вылеталъ изъ него отъ времени до времени, и вершина его расширялась по мѣрѣ возлетанія его на высоту. Каждый разъ, когда новый столпъ дыма выбрасывало такимъ образомъ, мы слышали шумный звукъ, подобный громовому, и за нимъ слѣдовалъ немедленно еще столпъ. Цвѣтъ дыма не всегда былъ одинаковъ; вообще казался онъ намъ бѣлымъ и синеватымъ, но иногда грязнымъ, сѣрымъ и немного красноватымъ. Мы полагали, что такое различіе происходило отъ мѣры огня, который освѣщалъ изъ кратера дымъ и пепелъ. Весь островъ, исключая волканъ, былъ очень лѣсистъ, и представлялъ множество красивыхъ пальмъ. Мы замѣтили также прелестную зелень, даже и въ это

время года, которое было зимою въ здѣшнемъ климатѣ.»

Кукъ нашелъ якорное мѣсто на Ю. В. краю новаго острова, называвшагося *Танна*. Онъ провелъ тушъ нѣсколько дней и собралъ замѣчанія о другихъ земляхъ архипелага. И донынѣ Танна есть единственное, сколько нибудь извѣстное мѣсто изъ всѣхъ Новыхъ Гебридовъ.

Робкіе и невидимые сначала, дикари мало по малу осмѣливались и согласились на мѣну. Потомъ, сдѣлавшись наглыми и ворами, они силою хотѣли все утащить, флагъ, рули, буи якорные. Угрозы, ружейные громы, ничто неунимало ихъ, даже грохотъ пушки непугалъ ихъ; надлежало доказать имъ, что пушки не просто парадная мебель. Свистъ пуль и пѣніе ядеръ укротили наконецъ дерзость островитянъ.

Форстеръ разсказываетъ два замѣчательные примѣра смѣлости съ ихъ стороны. Когда выстрѣлили изъ пушки, двѣсти дикарей, окружавшихъ корабль, бросились со страха въ море. Но среди такой общей тревоги, одинъ молодой дикарь, красивый и стройный собою, остался въ лодкѣ своей, ничего непугаясь и ничему не дивясь; только выраженіе какого-то презрѣнія насмѣшливаго оживило лицо его при видѣ своихъ трусливыхъ товарищей. Въ другой разъ, въ стараго дикаря, занятаго отвязкою якорнаго буя, выстрѣлили пулею, попали и незаставили его отказаться отъ работы; стрѣляли въ него еще нѣсколько разъ,

и онъ спокойно пошелъ послѣ того на корабль, предлагая кокосовый орѣхъ. Нельзя было никакому смѣльчаку показать болѣе храбрости и беззаботности.

Таковы являлись жители Таина. Августа 9-го Кукъ сошелъ на берегъ съ сильнымъ отрядомъ. Слѣдуя обычаю здѣшняго архипелага, онъ держалъ въ рукѣ зеленую вѣтвь, и пошелъ прямо къ дикарямъ, которые толпились на прибрежьи, вооружась луками и дубинами. Вскорѣ толпа раздѣлилась на двѣ части, одна направо, другая налѣво, какъ будто для наблюденія за малѣйшими поступками Англичанъ. Кукъ раздѣлилъ нѣсколько подарковъ старикамъ, и далъ имъ послѣ того разумѣть, что имѣетъ надобность въ дровахъ и водѣ. Старики указали ему на прибрежныя деревья, какъ будто уполномочивая рубить ихъ, но замѣтили, чтобы онъ нетрогалъ кокосовъ, столь полезныхъ жителямъ.

Такъ прошелъ день. Ночь представила другое зрѣлище. Волканъ царствовалъ во время ея, показывалъ все свое величіе, покрывалъ заревомъ все небо, разцвѣчая его всѣми оттѣнками краснаго цвѣта. Каждую четверть часа слышались громы его, похожіе на подземную канонаду двухъ сражавшихся войскъ. Воздухъ былъ наполненъ волканическимъ пепломъ, удручавшимъ зрѣніе. Весь корабль понемногу покрылся мѣлкимъ пепломъ. Это былъ песокъ, смѣшанный съ сажею и пемзою, которую находили по всему берегу. Волканъ находился отъ пристани недалѣе 5-6-ти миль, но множе-

ство возвышенностей между нимъ и гаванью препятствовали видѣть его возвышенную вершину. Только дымъ и красноватый пламень указывали мѣсто его.

На другой день, корабль подвинулся далѣе въ заливъ. Тутъ возобновились промѣны, сначала мирные и честные, но мало по малу перешедшіе въ смятенную ссору. Для возстановленія порядка, Кукъ велѣлъ выстрѣлить нѣсколько разъ черезъ головы дикарей, но это нисколько неиспугало ихъ.

Тогда капитанъ рѣшился еще разъ попытаться сойдши на берегъ, съ тремя лодками, на которыхъ были вооруженные солдаты и матрозы. Сотъ девять дикарей ждали его. Они непротивились вступленію на землю, но когда приглашали ихъ оставить оружіе, отказывались. Напрасно одинъ старый начальникъ, подружившійся съ Англичанами, по имени *Паовангъ*, совѣтовалъ землякамъ исполнить желаніе Европейцовъ. Они упорно оставались въ грозномъ положеніи, и когда Кукъ, думая испугать ихъ, велѣлъ выстрѣлить изъ пушки черезъ ихъ головы, они начали дразнить Англичанъ разными неблагопристойными движеніями. Надлежало начать перепалку нешутя, и нѣсколько пушечныхъ доказательствъ привели къ счастливымъ выводамъ запутанный силлогизмъ. Послѣ сего можно было заниматься работами на берегу спокойно. По песку прорыли канаву, чтобы положить границы между дикарями и Европейцами. Только старику Паовангу позволено было переходить черезъ межу. Другіе дикари, приближась къ ней, послѣ

того, какъ ободрились съ прекращеніемъ пальбы, несмѣли однакожь перешагнуть за предѣлъ и границу.

Такое положеніе, вмѣстѣ грозное и ласковое, кончилось успѣхомъ въ отношеніи упорныхъ дикарей. Они, правда, недопускали до той степени довѣренности, какую видѣли Англичане отъ всѣхъ Полинезійскихъ племенъ, но сдались на сношенія, столь близкія, какихъ невстрѣчали еще ни отъ одного племени Меланезскаго. Паовангъ былъ посредникомъ дружескихъ сношеній и показывалъ въ нихъ постоянную вѣрность. Другимъ пріятелемъ Англичанъ сдѣлался дикарь *Ва-Аку*, тотъ самый неустрашимый молодой человѣкъ, который смѣялся надъ испугомъ земляковъ, попадавшихъ въ море отъ перваго пушечнаго грома. Паовангъ былъ столь же неустрашимъ, потому, что въ немъ узнали стараго дикаря, который принимался за буй, несмотря на чрезвычайный ружейный огонь. Такимъ образомъ, самые отважные изъ туземцовъ согласились на дружбу съ Англичанами. Ва-Аку былъ особенно отличенъ Кукомъ и Форстеромъ, и послѣдній оставилъ намъ весьма лестный портретъ его. « Черты лица его были красивы; большіе глаза весьма живы; вся физіогномія выражала добрый нравъ, веселость и проницательность. Вотъ доказательство ума его: Кукъ и мы, повѣряя записанныя нами слова дикарей, замѣтили, что различными словами отмѣчено у насъ значеніе *неба*. Обратились къ Ва-Аку, спрашивая у него: которое слово настоящее? Тотчасъ протянулъ онъ

одну руку къ небу, и положилъ ее потомъ на одно изъ словъ. Потомъ началъ онъ водить другою рукою надъ своей головой, и произнесъ второе слово, давая выразумѣть, что первымъ означается собственно твердь небесная, а вторымъ облака, по ней плавающія. Такимъ образомъ пересказалъ онъ намъ имена окрестныхъ острововъ. Манеры его за сполома были скромны и пріятны. Только одно намъ ненравилось, что вмѣсто вилокъ употреблялъ онъ палочку, которую носилъ въ волосахъ, почесывая голову отъ времени до времени. Прическа его была улажена, по туземной модѣ, какъ щетина ежа, намаслена, раскрашена, и это дѣлало палочку его еще болѣе неопрятною, но дикарь нашъ совсѣмъ невоображалъ, что она можетъ ненравиться.»

Черезъ нѣсколько дней недовѣрчивость дикарей уменьшилась. Естествоиспытатели могли отважиться на изслѣдованія внутреннихъ земель, иногда на разстояніе 3-хъ, 4-хъ миль отъ берега. Ученый Форстеръ ходилъ по острову въ разныхъ направленіяхъ, и нѣсколько дикари нетревожили его. Только одного непозволяли — приближенія къ огнедышащей горѣ. Каждый разъ, съ направленіемъ въ эту сторону, туземцы становились на дорогѣ и препятствовали идти далѣе. Была-ли это дорога въ ихъ селенія, которыя хотѣли они укрыть отъ Европейцовъ, или суевѣріе дѣлало священными въ глазахъ ихъ окрестности волкана? Форстеръ немогъ ничего узнать, и находилъ только упорное сопротивленіе, несвѣдавши ему причины.

Впрочемъ, вотъ какъ разсказываетъ онъ одну изъ своихъ прогулокъ, и такъ, какъ донынѣ онъ остается единственнымъ Европейцомъ, обозрѣвавшимъ Танна взглядомъ художника и ученаго, что надобно дать мѣсто рѣчамъ его.

« Во всю ночь, съ 11-го на 12-е Августа, волканъ являлся въ видѣ величественномъ. Онъ гремѣлъ ужаснымъ образомъ. При каждомъ перекатѣ грома, столпы дыма и огня летѣли въ небо, и промежутки между ними едва составляли три, четыре минуты. Съ корабля видно было, что изъ кратера летѣли вмѣстѣ каменья чрезвычайной величины. Маленькіе столпы паровъ, поднимавшіеся въ окрестностяхъ огнедышащей горы, казались дымомъ отъ огней, зажженныхъ туземцами. Внутренніе огни кратера освѣщали еще облака дыма, когда мы отправились къ берегу. Къ западной сторонѣ нашли мы тропинку, доводившую до обрывистаго холма. Безъ труда взошли мы на него, черезъ прелестную рощицу деревъ и кустарниковъ, по холму росшихъ и распространявшихъ повсюду освѣжительное благоуханіе. Множество разнородныхъ цвѣтовъ украшали густую зелень, а лизероны, будто плющъ, вились до вершины самыхъ высокихъ деревьевъ, обвивая ихъ голубыми и пурпуровыми гирляндами. Множество птичекъ летали вокругъ насъ и оживляли эту дикую картину. Мы невидали ниодного дикаря на этомъ первомъ переходѣ горы, и незамѣтили никакого насажденія. Пройдя, по крайней мѣрѣ, полмили, разными извилинами, достигли мы маленькаго лужка, покрытаго нѣжною

травою, и окруженнаго самыми прелестными деревьями. Солнце жарко пригрѣвало насъ, ибо мѣсто закрыто было отъ всѣхъ вѣтровъ. Мы ощущали сѣрный запахъ, изникавшій изъ земли и умножавшій теплоту. Влѣво отъ дорожки, почти закрытый вѣтвями дикихъ фигъ, возвышался холмикъ бѣловатой земли, и паръ безпрерывно излеталъ изъ этого холмика. Земля была тутъ такъ горяча, что нельзя было ступить на нее ногою, и мы нашли ее пропитанною сѣрой. Когда мы раскапывали ее, пары летѣли сильнѣе, и мы замѣтили въ нихъ отчасти вяжущую, крѣпительную (stiptique, astringente) силу, похожую на свойство квасцовъ. Отсюда взошли мы гораздо выше, и достигли второй прогалины въ лѣсу, немного безплоднѣе. Тутъ нашли мы два новые кратера, извергавшіе пары, но въ меньшемъ количествѣ и запаха нестоль крѣпкаго. Земля, покрывавшая сіи *солфатары*, была одинакова свойствами съ прежде нами осмотрѣнною, только отъ сѣры, которою была пропитана, казалась она зеленоватаго цвѣта. Кругомъ набрали мы кусковъ красной охры, въ родѣ употребляемой дикарями для раскрашиванія лицъ. Волканъ былъ тогда шумнѣе, нежели во все прежнее время. При каждомъ взрывѣ его, паръ изъ солфатаръ подымался обильнѣе, нежели во время тишины, и образовывалъ густыя бѣлыя облака, что, казалось, показываетъ, что между ними и горящею горою существуютъ подземныя сообщенія, потрясеніе которыхъ производилось средствами намъ неизвѣстными. Замѣчая, что въ другой разъ уси-

ленныя изверженія волкана начинались послѣ дождя, мы подозрѣвали, что дождь возбуждаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ, производя, или увеличивая броженіе различныхъ минеральныхъ веществъ. Послѣ осмотра этихъ странныхъ отдушниковъ, мы полѣзли еще нѣсколько шаговъ впередъ, и открыли большое число насажденій въ разныхъ частяхъ лѣса. Сходя на другую сторону холма, узкою тропинкою, между тростниковыми огорожами, увидѣли мы главный волканъ сквозь деревья, и казалось намъ, что еще льё съ двѣ надобно только намъ перейдти для достиженія къ нему, черезъ холмы и долины. Мы могли разглядѣть отсюда его изверженія, и тѣ ужасныя громады каменьевъ, которые выкидывало въ вихряхъ дыма; нѣкоторые были величиною съ нашу большую шлюпку. Невстрѣтивши никакой непріятности, и невидя на дорогѣ ни одного островитянина, мы думали идти далѣе, но, вѣроятно, разговоры наши встревожили дикарей, бывшихъ на плантаціяхъ, ибо мы услышали, что нѣкоторые изъ нихъ затрубили въ большія раковины, звукомъ которыхъ дикіе народы, и особливо въ Южномъ морѣ, замѣняютъ нашъ набатъ. Послѣ сего, мы почли благоразумнымъ воротиться назадъ.

« Послѣ полудня, мы отправились по прибрежью къ восточному мысу, куда, за два дня прежде, дикари непозволили намъ идти. Нѣсколько туземцовъ говорили съ нами, въ теченіе пяти, или шести минутъ, и во время этого разговора замѣтили мы дикаря, сидящаго за деревомъ и дер-

жащаго натянутый лукъ, съ направленною на насъ стрѣлою. Едва увидѣлъ онъ, что мы завидѣли его, и прикладываемся въ него ружьемъ, какъ немедленно бросилъ онъ свое оружіе въ кустарникъ, и поползъ къ намъ на четверенькахъ. Думаю, что въ самомъ дѣлѣ, онъ неимѣлъ никакого злаго умысла, хотя и опасно было дозволять плохую шутку. Мы собирались перейдти за мысъ, и 15-ть, или 20-ть дикарей бросились къ намъ, прося непродолжать далѣе пути. Намъ вовсе нехотѣлось ихъ послушаться, но они усилили свои просьбы, и наконецъ объясняли знаками, что убьютъ насъ и съѣдятъ. Притворясь непонимавшими, мы давали разумѣть, будто принимаемъ знаки ихъ за предложеніе кушанья, отвѣчая имъ, что охотно готовы ѣсть. Тутъ дикари стали сильнѣе показывать, что непредлагаютъ ѣсть что нибудь, но угрожаютъ съѣсть насъ. Они представляли, какъ бьютъ человѣка, рубятъ его члены, отдѣляютъ мясо отъ костей, и для большей выразительности, они кусали себѣ руки, чтобы растолковать свое людоѣдство.

« Мы продолжали однакожъ идти къ хижинѣ, которую видѣли неподалеку, гдѣ земля начинала возвышаться. Видя упорство наше, многіе дикари выскочили изъ хижины, чтобы принудить насъ удалиться. Тогда рѣшились мы оставить любопытство наше, слишкомъ далеко могшее завлечь насъ. Каждое утро, на разсвѣтѣ, мы слыхали въ этой сторонѣ торжественное, тихое пѣніе, продолжавшееся болѣе четверти часа. Мы полагали, что это значило что нибудь религіозное. Вѣроятно, храмъ

скрывался путь въ рощахъ, и усилія, какія непереставали дѣлать безпрерывно дикари для удаленія насъ отсюда, уверждали наше предположеніе.

« Возвращаясь, мы взошли на вершину близкой плоскости, почти на 40 футовъ возвышенной, и очутились среди насажденія, обширнаго, главнѣйше состоявшаго изъ множества банановъ, перемѣшанныхъ съ кокосами и другими тѣснистыми деревьями, ограничивавшими обзоръ со всѣхъ сторонъ. Насажденіе это окружалъ тростниковый плетень, тщательно сдѣланный и похожій на Тонгскіе. Дикари усилили свои угрозы, увѣряя знаками, что всѣхъ насъ съѣдятъ, если мы подвинемся далѣе. Несмотря на упорство наше, надлежало-бы намъ наконецъ уступить, если-бы, по счастью, невстрѣтили мы друга нашего Паованга. Взаимная радость изъявлена была при нашей встрѣчѣ, и старикъ немедленно повелъ насъ по окраинѣ холма къ западной его сторонѣ. Мы видѣли множество фигъ, насаждаемыхъ дикарями, сколько для листьевъ ихъ, столько и для плодовъ. Прекрасныя Eugenias представлялись намъ также путь, съ ихъ похожими на подвѣски, освѣжительными плодами, и множество замѣтили мы еще пальмовой капусты. Прошедши небольшую рощицу цвѣтущихъ деревьевъ, мы достигли прекраснаго савàна, около ста вержей квадратныхъ пространствомъ, по краямъ котораго было три обиталища; высокія деревья, украшенныя богатою зеленью листовъ, до того скрывали сіе убѣжище, что едва можно было разглядѣть его издали. Здѣсь замѣтили мы въ углу

луга громадное, дикое фиговое дерево, стволъ коего былъ до 9-ти футовъ въ поперешникѣ, а вѣтви распростирались, по крайней мѣрѣ, на 120 футовъ во всѣ стороны, самымъ живописнымъ образомъ. У корней этого прекраснаго дерева, сохранявшаго удивительную свѣжесть, небольшое семейство, сидя вокругъ огня, жарило бананы и иньямы. Всѣ разбѣжались при появленіи нашемъ, но когда Паовангъ разувѣрилъ, что нѣчего бояться, дикари воротились; женщины и дѣвушки держались однакожъ вдали и глядѣли на насъ украдкою изъ за-кустарника. Мы сѣли между дикарями, и нѣкоторые изъ нихъ предложили намъ свои запасы, съ тѣмъ гостепріимствомъ, которое такъ очаровывало насъ на другихъ островахъ. Хижины здѣшнія составляютъ, говоря собственно, большіе сараи. Крыша, сходящая съ верху, простирается до земли. Онѣ открыты съ обѣихъ сторонъ, замыкаясь по концамъ только заборомъ изъ тростника и палокъ, дюймовъ около 18-ти вышиною. Возвышеніе крыши на нѣкоторыхъ простиралось до 9-ти и 10 футовъ, а ширина пола между краями крыши была почти такая-же; за то протяженіе весьма значительно, превосходя 35 футовъ. Постройка всего зданія весьма проста. Жерди впыкаются въ землю и сгибаются одна къ другой въ два ряда, связываясь вмѣстѣ. За тѣмъ застилаютъ ихъ сверху множествомъ рогожекъ изъ кокосовой коры, образующихъ кровлю, достаточную для защищенія отъ непогоды. Мы невидали тутъ никакихъ мебелей и утварей. Полъ покрытъ былъ

сухою травою, и въ иныхъ мѣстахъ пальмовыми рогожками. Внутренность вся была закопчена дымомъ, потому, что въ каждомъ шалашѣ находилось по нѣскольку печей. Въ срединахъ по три длинныя жердины кокосовыя, соединенныя въ верху поперечиною, стояли одна подлѣ другой. Множество палочекъ привязано было къ нимъ, съ самаго верха до 9-10 дюймовъ отъ земли, и на нихъ навѣшены были старые орѣхи кокосовые. Они служатъ туземцамъ для извлеченія масла, и изъ скорлупы дѣлаются уборы; потому, вѣроятно, вѣсятъ ихъ такимъ образомъ для сохраненія.

«Видя, что хотя мы осматриваемъ ихъ хижины, но не причиняемъ никакого зла, непрогаемъ, неберемъ ничего, дикари скоро ознакомились съ нами, и дикаренки, отъ шести до четырнадцати лѣтъ, до тѣхъ поръ дичившіеся, подошли къ намъ, и дали намъ смотрѣть ихъ, брать за руки. Мы раздали тутъ нѣсколько медалей, шелковыхъ лентъ и платковъ изъ Таитской ткани, что совершенно привлекло къ намъ любовь дикарей, и прогнало остальной страхъ ихъ и предосторожность. Узнавши имена всѣхъ, мы старались запомнить ихъ, и эта хитрость приобрѣла намъ большую дружбу; дикари восхищались, когда слышали отъ насъ имена свои, и каждый тотчасъ прибѣгалъ къ намъ, едва мы кликали его. Проведши здѣсь нѣсколько часовъ, отправились мы къ присани, и старый Паовангъ, незаботясь уже провожать насъ самъ, приказалъ только двумъ, или

премъ молодымъ островитянамъ показать намъ ближайшую дорогу.

«Особеннаго рода салфатара на западномъ холмѣ такъ увлекала вниманіе наше, что мы отправились къ ней на слѣдующій день, 12-го числа утромъ. Нѣсколько офицеровъ провожали насъ. Волканъ продолжалъ гремѣть цѣлый день, извергая удивительное количество мѣлкаго чернаго пепла. Разсматривая его лучше, мы видѣли въ немъ полупрозрачные шерлы, въ видѣ иголокъ. Вся земля покрывалась этимъ веществомъ, и оно чрезвычайно было вредно при гербаризаціи нашей, ибо всѣ растенія были имъ покрыты. Должно сказать, что произведенія волкана, кажется, много споспѣшествуютъ богатству произрастанія, столь замѣчательному на здѣшнемъ островѣ. Многія прозябенія являются въ двойной величинѣ противъ находящихся въ другихъ странахъ тѣхъ-же растеній, листы ихъ шире, цвѣты больше, запахъ сильнѣе.

«Вскорѣ достигли мы перваго мѣста, гдѣ выходятъ пары, и видя надъ нами стоящихъ дикарей, пошли къ нимъ безостановочно. Это были вчерашніе, ласковые наши знакомцы, и немедленно отправили они отъ себя прехъ во внутренность острова. Гнъ Гаджесъ срисовалъ окрестности, пока мы собирали травы и вѣсили термометръ на деревѣ, въ тѣни. Онъ былъ на 25° 6′ (100°) на кораблѣ, въ $8\frac{1}{2}$ часовъ, время отбытія. Такъ какъ несшій его держалъ его подлѣ тѣла своего, то онъ возвысился до 30° 6′, но будучи повѣшенъ на дерево, на пять минутъ, въ 30-ти шагахъ отъ

салфатары, оставался онъ на 26° 7′. Мы выкопали въ землѣ ямку, довольно достаточную для помѣщенія термометра во всю длину его, и держали его въ этой ямкѣ, привязавши на палку. Въ полминуты ртуть поднялась до 78°. Мы оставили термометръ еще на четыре минуты, и степень его возвышенія оставалась прежняя. Можно судить, какъ горячъ былъ паръ, вылетавшій здѣсь изъ земли. Замѣтивъ, что мы копаемъ салфатару, дикари просили насъ перестать, говоря, что земля отъ этого загорится, и будетъ такой огонь, который называютъ *ассоръ* (изверженіе волкана). Имъ казалось, что копанье непремѣнно обратится въ бѣду, и едва оказывали мы малѣйшее желаніе копать землю, они изъявляли неудовольствіе. Всходя выше, мы находили другія дымящіяся мѣстечки, подобныя описанному мною. Тутъ ворошились посланные прежде нашими пріятелями, и принесли сахарныхъ тростей и кокосовыхъ орѣховъ. Началось подобное вчерашнему подчиванье. Освѣжась, подались мы еще высше къ другому, замѣченному нами холму, отнуда надѣялись ближе увидѣть волканъ. Но едва приблизились мы къ насажденіямъ дикарскимъ, туземцы вышли навстрѣчу и лукаво указали намъ дорожку, говоря, что она прямо поведетъ насъ къ горѣ, или ассоору. Мы отправились, шли нѣсколько миль, по разнымъ извилинамъ, и вездѣ деревья закрывали отъ насъ даль со всѣхъ сторонъ. Мы посмѣялись, когда мы пришли къ тому самому мѣсту прибрежья, съ котораго пошли въ началѣ, и можно было предпола-

гать, что дикари нарочно постарались удалить насъ своею хитростью отъ прогулки внутрь острова.»

Форстеръ пытался пробраться, во время другой прогулки, въ одну изъ тѣхъ таинственныхъ сторонъ, откуда раздавалось торжественное пѣніе. Обманутый и недопущенный снова, онъ употребилъ, по крайней мѣрѣ, въ пользу свое покушеніе, тѣмъ, что собралъ нѣсколько замѣчаній о нравахъ туземцовъ.

« Дикари повели насъ — говоритъ онъ — новою тропинкою, черезъ насажденія, обильныя и содержимыя въ большомъ порядкѣ. Дикаренки бѣжали передъ нами, и показывали намъ разныя доказательства ловкости туземцовъ въ военныхъ занятіяхъ. Они бросали мѣтко каменья и употребляли искусно былинки и тростинки вмѣсто стрѣлъ. Брошенное ими всегда било въ цѣль, а тростинкѣ, которую могъ увлечь малый порывъ вѣтра, придавали такую силу, что она глубже дюйма входила въ дерево. Они балансировали также палки, нетрогая ихъ пальцами. Пяти и шестилѣтнія дѣти пріучались уже къ подобнымъ занятіямъ, готовясь нѣкогда успѣшно владѣть оружіемъ. Разными извилинами дошли мы къ жилищу, гдѣ увидѣли дикарокъ, приготовляющихъ обѣдъ. Онѣ жарили иньямовые коренья на огнѣ, зажженномъ подъ деревомъ. Приближеніе наше заставило ихъ съ трепетомъ убѣжать, но проводники наши ихъ успокоили, и онѣ продолжили свое занятіе. Мы сѣли подъ деревомъ, передъ одною изъ хижинъ, и старались разговориться съ туземцами, пока иные изъ

нихъ пошли искать намъ какихъ нибудь кушаньевъ. Множество словъ туземныхъ имѣлъ я возможность записать, и съ удовольствіемъ удовлетворялъ вопросы любопытныхъ, касательно нашего платья, нашего оружія, и проч., объ чемъ до сихъ поръ дикари неосмѣливались насъ спрашивать. Обитатели ближнихъ насажденій, узнавши о нашемъ приходѣ, собрались толпою около насъ, и казалось, были рады, что мы дружески и запросто разговариваемъ съ ихъ земляками. Случайно запѣлъ я пѣсню; меня убѣдительно просили продолжать, и хотя никто небылъ порядочнымъ пѣвцомъ, мы удовольствовали любопытство пріятелей и пѣли нѣсколько разныхъ пѣсенъ. Пѣсни Англійскія и Нѣмецкія, особливо веселыя, весьма понравились, но Шведская пѣсня доктора Спарманна заслужила общее браво. Кончивши наше пѣніе, мы просили нашихъ друзей, въ ихъ чередъ, доставить намъ случай полюбоваться музыкальными способностями жителей Танна. Одинъ изъ дикарей тотчасъ запѣлъ, просто, но пріятно, и мы ничего еще неслыхивали столь прекраснаго изъ пѣнія разныхъ народовъ въ южныхъ моряхъ. Оно обнимало большее число нотъ противъ Таитскаго, и даже Тонга-Табскаго, имѣло какой-то важный тонъ, выгодно отличавшій его отъ болѣе сладкой и изнѣженной музыки упомянутыхъ острововъ. Слова казались расположенными метрически и легко выговаривались. Едва одинъ дикарь кончилъ свою пѣсню, запѣлъ другой; пѣсня его была отлична отъ пѣсни перваго, но все въ важномъ тонѣ, который обозначалъ общій ха-

ракшеръ здѣшнихъ жителей. Дѣйствительно, рѣдко видѣли мы ихъ смѣющихся, или шутящихъ по-просту, какъ видно это между болѣе образованными племенами, на островахъ Друзей и Общества, умѣющими уже высоко цѣнить забавы и увеселенія. Теперь показали еще намъ дикари музыкальный инструментъ, состоящій изъ восьми дудочекъ, подобно Тонга-Табской сиринксѣ, съ тою разницею, что толщина дудочекъ правильно уменьшалась и обнимала полную октаву, хотя дудочки и несоставляли большой стройности.

«Послѣ обѣда опять отправился я на берегъ съ докторомъ Спарманномъ, и мы прошли на плоскую возвышенность посѣтить дикарей. Нѣсколько ихъ встрѣтили насъ на половинѣ дороги и повели къ своимъ хижинамъ. Едва усѣлись мы тутъ подлѣ одного отца семейства, человѣка среднихъ лѣтъ и замѣчательной физіогноміи, наши друзья просили насъ пѣть. Охотно согласились мы, а когда изъявили они удивленіе о различіи пѣсенъ моихъ и Спарманновыхъ, мы старались имъ объяснить, что мы съ нимъ изъ разныхъ земель. Тутъ, указывая намъ на одного старика изъ толпы, дикари сказали намъ, что онъ съ острова Коро-Манго, и заставляли его повеселить насъ своимъ пѣньемъ. Старикъ сталъ посрединѣ собранія и началъ пѣсню, въ продолженіе которой дѣлалъ онъ разныя движенія, увеселявшія насъ, а равно и всѣхъ зрителей. Пѣсня старика совсѣмъ непоходила на пѣніе островитянъ Танна, но небыла ни непріятна, ни противна условіямъ музыки. Казалось, что въ

ней былъ метръ, особенный, различный отъ медленнаго и важнаго, который слышали мы поутру. Когда старикъ кончилъ пѣніе, намъ показалось, что дикари заговорили съ нимъ его языкомъ, и что по видимому, онъ непонималъ языка Таннскихъ островитянъ.

« Пока пѣлъ старикъ Коро-Мангскій, женщины вышли изъ хижинъ, и образовали маленькую толпу подлѣ насъ. Онѣ вообще были малорослѣе мужчинъ, и носили старыя юбки изъ травъ и листьевъ, болѣе или менѣе долгія, смотря по возрасту. Имѣвшія уже дѣтей, и тѣ, которымъ казалось лѣтъ по 30-ти, непредставляли уже никакой прелести, свойственной женскому полу. У дѣвушекъ лѣтъ 14-ти черты были очень пріятныя, оживляемыя улыбкою, по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали робѣть. Формы тѣла ихъ были легки, руки отмѣнно нѣжны, груди круглыя и полныя. Онѣ были закрыты только отъ пояса до колѣнъ. Волосы ихъ падали буклями съ головы, и зеленые банановые листья на головѣ весьма красиво оттѣняли черный цвѣтъ ихъ кожи. Въ ушахъ у нихъ видны были кольцы изъ черепахи. Мы замѣтили, что уборка женщинъ увеличивалась по мѣрѣ ихъ возраста; самыя старыя и безобразныя были уже обвѣшаны ожерельями, подвѣсками, въ ушахъ и въ носу, и зарукавьями. Мнѣ показалось, что дикарки повиновались малѣйшему знаку мужчинъ, неоказывавшихъ къ нимъ притомъ никакого вниманія. Онѣ таскали всѣ ноши, и можетъ быть, что этотъ родъ трудовъ, и соединенное съ нимъ утомленіе, ибо ноши невсегда

соразмѣряются съ силами, служащъ къ уменьшенію роста женщинъ.

«Мы увидѣли и между дикарями Таннскими примѣръ, доказывавшій, что нѣжныя чувства и человѣческія ощущенія одинаковы во всѣхъ частяхъ свѣта. Маленькая дѣвочка, лѣтъ восьми, увлекательной физіогноміи, украдкой смотрѣла на насъ, между головами дикарей, сидѣвшихъ на землѣ. Едва замѣтила она, что мы на нее глядѣли, какъ убѣжала и спряталась въ хижинѣ. Я дѣлалъ ей знакъ воротиться, и чтобы привлечь ее, показывалъ ей лоскутокъ Таитской пікани, но ни что немогло ее заставить подойдти къ намъ. Отецъ ея всталъ наконецъ, уговорилъ и ласково привелъ къ намъ. Я взялъ ребенка за руку, и отдалъ ей лоскутокъ, съ разными притомъ бездѣлками. Радость и удовольствіе изображались на лицѣ отца дѣвочки.

«До самаго захожденія солнца оставались мы съ дикарями; они пѣли и показывали ловкость свою, желая намъ понравиться. По просьбѣ нашей стрѣляли они на воздухъ и въ цѣль. Стрѣлы ихъ невзлетали высоко, но въ недальнемъ разстояніи, какъ уже я говорилъ, стрѣлянье ихъ было весьма ловкое. Съ пособіемъ дубинъ, отражали они стрѣлы своихъ противниковъ, почти такъ, какъ Таитяне. Намъ сказали, что всѣ дубинки, у которыхъ острыя стороны сдѣланы въ видѣ извилистомъ, получаются съ низкаго острова, называемаго Иммеръ, но мы немогли узнать: дѣлаютъли ихъ тамошніе дикари, или съ Танны ѣздятъ

туда нарочно, собирать на пустомъ островѣ раковины и рубить дерево на дубинки.»

«Передъ уходомъ нашимъ, женщины зажгли огни въ хижинахъ и около нихъ, принимаясь готовить ужинъ. Дикари собрались вокругъ огней; казалось, что вечерній воздухъ былъ имъ чувствителенъ при наготѣ ихъ. У многихъ видѣли мы опухоли на верхнемъ вѣкѣ глазъ, и приписали это дыму, въ которомъ безпрестанно сидятъ дикари. У иныхъ опухоль эта была такъ велика, что мѣшала зрѣнію, и дикари принуждены были закидывать головы назадъ, пока могли привесть глаза свои въ одну линію съ предметомъ, на который хотѣли глядѣть. Нѣкоторые изъ дикаренковъ страдали такою опухолью, и, можетъ быть, потому, что она передается отъ поколѣнія поколѣнію.»

Послѣ Форстера и Спарманна, самъ Кукъ рѣшился идти осматривать огнедышащую гору. Онъ отправился утромъ 14-го, и пошелъ къ холму, гдѣ предшественники его наблюдали фумеролли. Термометръ былъ опущенъ въ землю. На свободномъ воздухѣ показывалъ онъ 26° 7′, но въ горячей землѣ салфатары, въ одну минуту, поднялся до 98°, то есть, до температуры, близкой къ степени кипящей воды. Поверхность столь горячей почвы занимала четыре, или пять квадратныхъ туазовъ, и подлѣ нея росли фиговыя деревья, тѣнь которыхъ закрывала это пространство, палимое подземными огнями. Въ разныхъ разстояніяхъ встрѣчали путешественники хижины, жителей и обработанныя земли. Для очищенія земли, покрытой

лѣсомъ, дикари рубятъ вѣтви большихъ деревьевъ, подкапываютъ землю подъ ихъ корнями, зажигаютъ потомъ лѣсъ и обращаютъ его въ пепелъ.

Дикарь, уговоренный Форстеромъ и Спарманномъ, согласился быть ихъ проводникомъ; но на перекресткѣ двухъ дорожекъ, другой, менѣе ласковый туземецъ, вооруженный камнемъ и пращею, загородилъ имъ дорогу. Дуло ружья, въ него направленное, заставило его бросить оружіе изъ рукъ, но онъ началъ кричать, и на шумъ прибѣжали двое, трое дикарей и молодая женщина, съ дубиною въ рукахъ. Они повели путешественниковъ на вершину холма, и показывая отсюда дорогу къ кораблю, просили идти по ней. Упорствуя въ своемъ предпріятіи, Англичане неоставляли своей прогулки впередъ. Проводникъ ушелъ отъ нихъ, но они взлѣзли на пригорокъ далѣе, по мнѣнію ихъ, уже близкій къ волкану. Ожиданіе было обмануто: еще далеко было до цѣли ихъ путешествія, и множество горъ оставалось впереди. Такое препятствіе уже охолодило ревность пѣшеходовъ, когда толпа дикарей съ оружіемъ пришла къ нимъ, и заставила по неволѣ отказаться отъ пути впередъ. Впрочемъ, ссоры никакой невышло. Едва только Европейцы отправились къ берегу, дикари сдѣлались добры и ласковы, сами провожали гостей, и предлагали кокосовъ, банановъ и сахарныхъ тростей. Это было послѣднее покушеніе достигнуть волкана.

На третій день, 16-го, на берегу явился дикарь, котораго называли царемъ, или арики острова.

Кукъ нарочно отправился съ корабля, увидѣть его и дашь ему нѣсколько бездѣлокъ. Царь все принялъ и удалился. Это былъ старикъ, весьма преклонныхъ лѣтъ, открытаго, веселаго вида. Ничто непоказывало въ немъ его высокаго сана, если только недолжно было почесть важнымъ отличіемъ поясной его перевязки, испещренной чернымъ и краснымъ, между тѣмъ, какъ у другихъ островитянъ была она темножелтоватаго цвѣта. Впрочемъ, старый Паовангъ, казалось, непоказываетъ своему царю почтенія, какое слѣдовало-бы по его званію. Начальника этого сопровождалъ сынъ, дикарь лѣтъ сорока. Толпа народа, составлявшая свиту царскую, заняла весь берегъ.

Власть этихъ пришлецовъ осталась для Кука загадкою. Одинъ изъ нихъ оказался столь безвластенъ, что когда приказалъ онъ одному изъ присутствовавшихъ дикарей взлѣзть на дерево и сорвать ему нѣсколько кокосовъ, тотъ непослушался. Тщетно обращавшись къ другимъ дикарямъ, начальникъ полѣзъ самъ. Наказаніе ослушникамъ состояло въ томъ, что онъ общипалъ до одного плода и раздалъ ихъ всѣ матрозамъ. Отецъ и сынъ, безъ чиновъ, навязались обѣдать съ Кукомъ. Обоимъ очень полюбились овощи, но до соленаго оказались гости небольшими охотниками.

На другой сторонѣ залива, Форстеръ нашелъ источники горячихъ водъ, въ которыхъ термометръ возвышался до 88-ми и 95°. Нѣсколько черепокожныхъ, брошенныхъ туда, сварились въ двѣ,

или три минуты. Вода съ кипѣніемъ пробивалась сквозь черноватый песокъ, при подошвѣ остроконечнаго утеса, стоявшаго близъ холмовъ салфашарныхъ; она текла къ морю, которое, при большомъ приливѣ достигало до нея и заливало ее.

Доброе согласіе, установившееся съ нѣкотораго времени, было вдругъ нарушено несчастнымъ событіемъ. Пограничная линія обведена была кругомъ Англійскаго становища на берегу, и часовые наблюдали, чтобы ни одинъ дикарь непереходилъ за эту линію. Четверо, или пятеро дикарей рѣшились упорно перейдти; часовой выстрѣлилъ, и убитый имъ дикарь былъ вовсе невиноватъ. Кукъ бранилъ часоваго, но брань его недостаточна была привести въ порядокъ дѣло. По счастію, дикари казались болѣе опечаленными нежели разсерженными. Они принесли на берегъ плодовъ, стараясь обезоружить безчеловѣчныхъ гостей своихъ, и недумали удержать вмѣсто залога ученаго Форстера, или мстить ему, хотя онъ бродилъ тогда по острову и былъ въ ихъ рукахъ. Форстеръ возвратился благополучно. Онъ встрѣтилъ даже на дорогѣ двухъ дикарей, которые несли убитаго земляка, и услышалъ отъ нихъ только изъявленіе скорби, печальнымъ словомъ: *маркомъ* (умеръ)!

Кукъ оставилъ Таннскій заливъ 21-го Августа. Онъ обошелъ островъ съ юга, осмотрѣлъ низкій островъ Иммеръ, высокіе острова Эрронанъ и Аннатомъ, а потомъ направился къ С. З.—На слѣдующій день обогнулъ онъ западное прибрежье острова Сандвича, прошелъ въ полу-льё разстоя-

ніемъ отъ Ю. З. мыса Малликоло, гдѣ видѣлъ прибрежье покрытое островитянами. Пройдя потомъ между Малликоло и землею св. Духа, онъ осмотрѣлъ сію послѣднюю во всю ея восточную длину, и 24-го, вечеромъ, направился на сѣверный мысъ острова. Два дня лавировалъ корабль Куковъ, стараясь проникнуть въ обширный заливъ, образовывавшій впадину въ островѣ. Показалось было нѣсколько лодокъ, но дикари, испуганные, несмѣли пристать къ кораблю. Они были совершенно нагіе, только съ поясами, отъ которыхъ широкіе листья висѣли до колѣнъ. По внѣшнему виду, казались эти дикари хилыми, черны цвѣтомъ, съ курчавыми, коротkими волосами.

Послѣ полудня 26-го Августа, Кукъ находился недалѣе двухъ миль отъ внутренняго края залива, и отправилъ для обозрѣнія береговъ двѣ лодки. Дикари съ своей стороны осмѣлились снова явиться передъ кораблемъ въ лодкахъ, но приспать къ нему опять несмѣли, и только издали перекинули къ нимъ нѣкоторые подарки, при чемъ кое-какъ отвѣчали они на вопросы, имъ предложенные.

Офицеръ, посланный для обозрѣнія береговъ, представилъ свои замѣчанія. Онъ говорилъ, что на прибрежьѣ нашелъ онъ рѣку, столь глубокую, что лодки могли ходить по ней. Такое обстоятельство являлось довольно важно. Кукъ немогъ послѣ сего ошибиться и полагалъ достовѣрнымъ, что заливъ, гдѣ онъ теперь находился, долженствовалъ быть Квиросовъ заливъ Св. Іакова и Св. Филиппа, на внутреннемъ краю котораго Испанцы

заложили свой мнимый городъ, Новый Іерусалимъ. Англійскій мореплаватель неискалъ дальнѣйшихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній. При наступленіи ночи, направился онъ изъ залива, у котораго западный берегъ казался иллюминованъ огнями, съ самаго прибрежья до вершинъ горныхъ. Полагали, что это означаетъ очищеніе дикарями земли отъ растущаго на ней лѣса.—Сентября 1-го, Кукъ потерялъ изъ вида всѣ острова здѣшняго архипелага, оставя имъ названіе: Новые Гебриды, принятое въ географіи.

Таковы были изслѣдованія Кука. Надлежало выписать ихъ съ полнотою и подробностью, ибо Кукъ былъ единственный плаватель, хорошо обозрѣвавшій этотъ важный архипелагъ. — Дантркасто, въ 1793 году, удовольствовался быстрымъ взглядомъ; видѣлъ Эрронанъ, Аннатомъ, Танна, волканъ котораго обозначался огромнымъ облакомъ дыма на чистомъ, голубомъ небѣ.—Крузенштернъ говоритъ объ остановкѣ Головнина на Танна въ 1809 году, но извѣстія объ этомъ намъ неизвѣстны. Наконецъ, въ 1827 году, Дюмонъ-Дюрвиль, проходя сѣверною частью архипелага, исправилъ географическое опредѣленіе Эрронана, и ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ осмотрѣлъ островъ Аннатомъ. Погода воспрепятствовала ему заняться дальнѣйшими изслѣдованіями.

ГЛАВА LXXIV.

НОВЫЕ ГЕБРИДЫ. — ГЕОГРАФІЯ И НРАВЫ.

Архипелагъ *Ново-Гебридскій* образуетъ узкую цѣпь, около 120-ти льё протяженіемъ, отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., между 15-20° широты южной, 164-168° долготы восточной (отъ Парижа). Онъ заключаетъ въ себѣ *девять* большихъ острововъ, и много еще меньшей величины. Вотъ порядокъ ихъ, начиная съ юга.

Аннатомъ, открытый Кукомъ въ 1774 году, вновь видѣнный Дантркасто въ 1793-мъ, и осмотрѣнный Дюрвилемъ въ 1827 году. Его составляютъ высокія горы, съ прибрежьемъ весьма узкимъ, особливо въ сѣверной части. Прибрежье это покрыто кокосами и множествомъ другихъ деревъ, съ бѣловатымъ, голымъ пнемъ, которыя Дюрвиль причисляетъ къ роду Melaleuca leucadendron, дающему *каюпутовое* масло (Kaïouputi). Во всей этой части острова ничто непоказываетъ слѣда народонаселенія. Пространство—10 миль отъ В.

къ З. и миль шесть поперечника. Широта южная 20° 11′, долгота вост. 167° 15′ (западный край).

Эрронанъ. Открытъ Кукомъ, видѣнъ Дантркасто и Дюрвилемъ. Онъ высокъ, представляя форму отдѣльнаго конуса, съ ушесистыми боками, широко срѣзаннаго на вершинѣ. По словамъ Форстера, жители его приближаются къ племенамъ Полинезійскимъ. Окружность острова пять миль. Южная широта 19° 31′, восточная долгота 167° 46′ (вершина).

Иммеръ. Открытъ Кукомъ, низокъ и малъ, двѣ или три мили въ окружности. Широта южная 19° 21′, долгота восточная 167° 46′.

Танна. Открытъ Кукомъ и вновь видѣнъ Дантркасто. Высокъ, весьма населенъ, около 22 хъ миль протяженія отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при 9-ти миляхъ ширины. Широта южная 19° 20′ — 19° 40′, долгота вост. 166° 53′ — 167° 10′.

Жители Танна бронзоваго цвѣта, съ хилыми, угловатыми формами, малорослы и невидны. Носъ у нихъ широкій, глаза полные и кроткіе, черты лица являютъ живость и умъ. Почти у всѣхъ, по словамъ Кука, физіогномія открытая, мужественная, добрая, но у меньшаго числа, нестоль счастливо одаренныхъ природою, видъ злой и коварный. Ловкіе и проворные, дикари искусно дѣйствуютъ оружіемъ, но сохраняя всѣ силы свои для войны, оставляютъ они всѣ тяжелыя работы женщинамъ. По прибрежью видите всюду дикарокъ, согбенныхъ подъ тяжестями, когда мужчины носятъ только свое оружіе.

Дикарки Таннскія малорослы, и довольно красивы съ молоду. Глаза у нихъ кроткіе и добрые; манеры не безъ пріятности. Одѣяніе мужчинъ составляетъ передникъ, не только нескрывающій наготы, но еще болѣе выказывающій ее. «Они походятъ» говоритъ Форстеръ, «на идола покровителя огородовъ въ Греческой миѳологіи.» Женщины одѣваются тканью изъ банановыхъ волокнъ, покрывающею ихъ отъ пояса до колѣнъ.

Кромѣ обыкновеннаго татауажа накалываніемъ, рубчатый татуажъ употребляется также дикарями. Кожу срѣзываютъ бамбукомъ, или острою раковиною, и потомъ прикладываютъ къ ней какую-то траву, отъ чего вздувается она, заживляя раны; этимъ татуажемъ изображаютъ цвѣты, животныхъ и другія фигуры, и онъ въ большой чести у дикарей.

Оба пола употребляютъ еще, какъ украшеніе, разныя краски, черную свинцоваго цвѣта, или красноватую, иногда темнокрасную, и мажутъ ими по лицу, шеѣ и плечамъ, кривыми полосами, въ два, въ три дюйма шириною. Рѣдко употребляется бѣлый цвѣтъ, но иногда половина лица красится совершенно краснымъ, а другая чернымъ цвѣтомъ.

Волосы, отъ природы курчавые и завитые, темные, или черные, раздѣляясь на маленькія косички, въ нижнихъ концахъ своихъ кажутся извитыми снурочками. Для достиженія такой красы, ихъ тщательно вертятъ иногда вокругъ тоненькихъ былинокъ. Иные дикари, оставляя свою прическу въ естественномъ видѣ, довольствуются связкою во-

лосъ на темѣ зеленымъ листомъ. Въ эти пуки втыкаютъ они палочки, которыми чешутъ свои неопрятныя головы, и тутъ-же втыкаются бамбуковинки, украшенныя птичьими перьями. Иногда закрываютъ головы шляпами, изъ рогожекъ, или банановыхъ листьевъ. У женщинъ обыкновенно волосы коротки, какъ и у молодыхъ дикарей до мужескаго возраста. Бороды у мужчинъ малы, густы и пушисты. Иногда они завиваютъ ихъ извивистыми кудельками, какъ волосы на головѣ.

Мужчины и женщины обременены запястьями, ожерельями, серьгами и привѣсками. Всѣ такіе уборы дѣлаются изъ твердыхъ камней, раковинъ, черепахи, кокосовой скорлупы, или просто, изъ кусочковъ гладкаго дерева, смотря по средствамъ каждаго. Всего болѣе дорожили дикари для такихъ украшеній зеленымъ нефритомъ (jade vert), которыя Англичане привезли къ нимъ изъ Новой Зеландіи. Хрящъ въ носу протыкаютъ, вдѣвая въ скважинку бамбукъ, въ полъ-дюйма (?) толщиною.

До прибытія Европейцовъ, дикари неимѣли никакого понятія о желѣзѣ, а потому сначала презирали его. Но узнавши полезность его во время пребыванія у нихъ Англичанъ, они мало по малу дѣлались жадны къ его пріобрѣтенію. Достойно замѣчанія, что каменные топоры Таннцовъ походили наиболѣе на наши Европейскіе, нежели на скобели (herminette) Полинезійскихъ народовъ.

Промышленность дикарей ограничивается обработкою земель, выдѣлкою тканей, рогожекъ и оружія, построеніемъ хижинъ и лодокъ. Хижины и лод-

ки ихъ непоказываютъ большаго искуства; оружіе составляютъ копье, стрѣлы, лукъ и дубины. Стрѣла оружіе любимое; острый конецъ ея дѣлается треугольный съ зазубринами. Для бросанья стрѣлъ употребляютъ плетеный снурокъ, въ шесть дюймовъ длиною, съ петелькой на одномъ концѣ и узломъ на другой сторонѣ. Указательный палецъ правой руки кладется въ петельку, а другой конецъ снурка обвертывается около стрѣлки, которую держатъ большимъ пальцомъ и другими, давая ей такимъ образомъ направленіе. Ударъ производится пальцомъ указательнымъ, и при полетѣ стрѣлы, снурокъ остается на пальцахъ. Такими стрѣлами, дикари бьютъ птицу и рыбу въ 20-ти и 30-ти футахъ, попадаютъ въ пятно шести дюймовое, никогда непромахиваясь на такомъ разстояніи, но на удвоенной дистанціи рѣдко могутъ они уцѣлить, хотя полетъ стрѣлокъ ихъ достигаетъ 40-ка туазовъ.

Обыкновенно, молодые дикари употребляютъ пращи и луки, а постарше описанныя мною стрѣлы и дубины. Луки дѣлаются изъ прекраснаго казуариноваго дерева, крѣпкіе и гибкіе. Отъ времени до времени натираютъ ихъ масломъ, чтобы поддержать гибкость. Дубины бываютъ пяти и шести формъ. Наиболѣе уважаются длиною въ четыре фута, съ узловатою круглою рукоятью и шишковатымъ шаромъ съ другаго конца. Иныя, разнясь въ длинѣ, имѣютъ шишки съ боку, а на нѣкоторыхъ дѣлается острее. Одно изъ такихъ орудій можно назвать карманною дубиною — это отломокъ ко-

ралла, въ 16-ть дюймовъ длиною, который иногда бросаютъ вмѣсто камня.

Кухонныя заботы лежатъ на женщинахъ ; онѣ жарятъ и пекутъ иньямы и бананы ; варятъ въ сосудахъ зеленые листья одного рода фигъ съ hibiscus esculentus ; готовятъ пуддингъ изъ мякоти банановъ и таро, съ примѣсью миндалинъ и листьевъ. Разные роды плодовъ ѣдятъ безъ приготовленія. Свиньи и дичь служатъ иногда для стола, но основаніе ѣствъ составляютъ рыба и ракушки. Единственное питье — вода, смѣшанная съ кокосовымъ молокомъ.

Ничего немогли узнать отъ дикарей объ образѣ правленія надъ ними. Нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ титулъ начальниковъ , но если и дѣйствительно есть у нихъ какія преимущества , то они очень ограничены. Только къ старому Іоаги оказывалось нѣкоторое почтеніе. Во окрестностяхъ залива, гдѣ находился Кукъ, за достовѣрное могли узнать, что тамошніе жители неповиновались ни какому особенному правительству. Они жили разсѣянные въ нѣсколькихъ селеніяхъ, въ каждомъ понемногу семействъ, а часто и отдѣльно семействами. Можно полагать, что Таитцы всегда ходятъ съ оружіемъ при себѣ. — Исчисляя народонаселеніе острова, Форстеръ явно ошибается, положивши его въ 10,000 ; можетъ быть, должно почислить половину. — Никакими вопросами немогли добиться у дикарей существа ихъ религіи, и даже есть-ли у нихъ какая религія. Должно было ограничиться догадкою, что каждое утро слышимое въ одной час-

ни острова нѣніе составляло какую нибудь духовную службу.

Увидя что нибудь, новое для нихъ, дикари кричали: *Гіибу!* Это слово употребляли они для выраженія другихъ впечатлѣній, какъ-то: изумленія, удивленія, желанія. Впрочемъ, они придавали ему особенность способомъ выраженія, и одну изъ такихъ прибавокъ составляло прищелкиванье пальцами. Форстеръ полагалъ, что языкъ Таитскій столь-же различенъ отъ Тонгскаго, какъ и отъ Малликольскаго. Многія слова представляютъ гортанные звуки и сильныя придыханія. Впрочемъ, звучныя и исполненныя гласныхъ, Таитскія рѣченія легко запѣваются. Географическія свѣдѣнія Таитцовъ непереходятъ за островъ Коро-Манго — они незнаютъ ни Малликолло, ни Апи, ни даже острова Сандвича, ближайшаго къ нимъ изъ Гебридскихъ — ничего кромѣ Коро-Манго — счастливые люди!

Главнѣйшія произведенія Таиты суть: плоды хлѣбнаго дерева, кокосы, плодъ похожій на персикъ, но неѣдомый, другой, похожій на померанецъ, но также неупотребляемый въ пищу, иньямы, бататы и дикія фиги. Хлѣбные плоды, кокосы и бананы здѣшніе нетакъ обильны, и нетакъ хороши, какъ на Таити, но иньямы и сахарныя трости, вкусомъ, количествомъ, объемомъ превосходспівуютъ. Одинъ изъ здѣшнихъ иньямовъ вѣсилъ 56 фунтовъ. Свиней достаточно, но живность рѣдка. Что касается до птицъ, онѣ малочисленнѣе, нежели на Таити, но, кажется, превосходнѣе та-

мошнихъ блестящими перьями. Вдоль береговъ Англичане производили удивительный ловъ рыбы. Форстеръ замѣтилъ, что лѣса острова Танны производятъ множество растеній, ненаходящихся на Таити, изъ коихъ иныя свойственны Азіятской флорѣ, а другія суть принадлежность собственно этого острова.

Геологическое устроеніе Танна было предметомъ подробныхъ изслѣдованій для естествоиспытателей, сопровождавшихъ Кука. «Родъ глиноватаго камня — говоритъ Форстеръ — смѣшаннаго съ обломками мѣлу, образуетъ большую часть изслѣдованныхъ нами скалъ. Обыкновенно, онъ цвѣта темнаго, или желтоватаго, и находится отвѣсными слоями, около 6-ти дюймовъ въ толщину. Во многихъ мѣстахъ замѣтили мы черный, мягкій камень, состоявъ пепла и шерловъ, выброшенныхъ волканомъ, перемѣшанный съ глиною, или родомъ шриполи, и называемый рудокопами *pierre ponce*. Это вещество лежитъ индѣ слоями, перемѣшанными съ чернымъ камнемъ. Волканическій такой-же песокъ, смѣшавшись съ растительными остатками, образуетъ лучшую почву острова, на которой, какъ уже я замѣтилъ, всѣ прозябенія растутъ въ обиліи. Волканъ, горящій на островѣ, безъ сомнѣнія, перемѣняетъ отъ времени до времени изверженія свои, и мы сдѣлали-бы, можетъ быть, нѣсколько новыхъ наблюденій по сей части, если-бы дикари постоянно непрепятствовали намъ приблизиться къ жерлу волкана. Самородную сѣру находили мы въ бѣлой землѣ, покрывающей салфатары, изъ коихъ по-

дымаются водянистые пары. Эта весьма квасцовая земля пропитана соляными частицами. Мы видѣли также около упомянутыхъ мѣстъ красные шарики, и дикари украшаютъ себѣ носы селенитомъ, или бѣлымъ камнемъ. Замѣчая издали огромныя глыбы лавы, немогли мы найдти ее въ большихъ кускахъ, неимѣя возможности подойдти къ самой горѣ.»

Коро-Манго, открытый Кукомъ въ 1774 году, удаленъ отъ Танна неболѣе, какъ на 20-ть миль къ сѣверу. Земли его довольно возвышенны, и къ восточному прибрежью образуютъ глубокій заливъ, около котораго лежатъ, по видимому, плодородныя почвы. Съ двухъ сторонъ являются лѣса, очаровательные на видъ, а къ югу земля идетъ пологимъ уклономъ, представляя обширное пространство, особенно обработанное. Коро-Манго будетъ около 20-ти миль отъ С. къ Ю., при ширинѣ почти такой-же. Южная широта его 18° 40′ — 19° 12′, а восточная долгота 166° 30′ — 166° 50′.

Жители этого острова, и другихъ къ югу лежащихъ, составляютъ отличіе отъ обитателей на островахъ болѣе сѣверныхъ. Они говорятъ даже другимъ языкомъ. Ростъ ихъ посредственный, но они довольно складны, и черты лица ихъ не безобразны. Будучи весьма темнаго цвѣта, они размазываютъ себѣ лица чернымъ и краснымъ, и носятъ волосы въ кудряхъ, или букляхъ. Немного видѣли здѣсь женщинъ, и всѣ онѣ были весьма уродливы. Носятъ онѣ юбку, короткую, сдѣланную изъ листьевъ, между тѣмъ какъ у мужчинъ нѣтъ другаго

одѣянія, кромѣ поясовъ. Хижины покрываются пальмовыми листьями, и насажденія дикарей окружаются тростниковыми плетнями.

О. Сандвичъ открытъ также Кукомъ, въ 1778 году. Онъ лежитъ въ 22-хъ миляхъ на С. С. З. отъ предыдущаго, около 22-хъ льё въ окружности, а самое большое протяженіе его десять льё, отъ Ю. В. къ С. З. — Островъ этотъ, самый красивый изъ всей купы Гебридовъ, представилъ Англичанамъ зрѣлище самое увлекательное. Долины и рощи богатѣйшей зелени пересѣкаютъ здѣсь землю. Въ тѣни высокихъ пальмъ видны маленькія, довольно красивыя хижины, а берегъ является покрытый лодками. Индѣ, густыя рощицы и промежутки желтыхъ, обработанныхъ полей напоминаютъ шахматныя поля Европы. Широта южная 17° 34′ — 17° 54′, долгота восточная 165° 47′ — 166° 15′.

О. Гинчинбрукъ. Открытъ Кукомъ въ 1778 году. Маленькій, и лежитъ близъ С. З. берега острова Сандвича. Ш. Ю. 17° 31′, Д. З. 166° 6′.

О. Монтагю. Открытъ тогда-же Кукомъ. Невеликъ, высокъ, обитаемъ, въ 5-6 миляхъ отъ Сандвича къ С. — Ш. Ю. 17° 26′, Д. В. 165° 57′.

О. Памятника. Открытъ Кукомъ тогда-же. Это собственно утесъ, черноватый, съ полосами, покрытый нѣсколькими кустами, и высокій въ 25-ть туазовъ. Ш. Ю. 17° 16′, Д. В. 166° 3′.

О. Двухъ холмовъ. Открытъ Кукомъ тогда-же. Малъ, составленъ изъ двухъ холмовъ, обтесанныхъ остреями къ верху и раздѣленныхъ узкимъ и низ-

кимъ перешейкомъ, имѣющимъ до 2-хъ миль протяженія. Ш. Ю. 17° 16′, Д. В. 166° 1′.

О. Трехъ холмовъ. Открытъ Кукомъ тогда-же. Четыре мили въ окружности, отличается тремя холмами въ видѣ пиковъ, лѣсистъ, населенъ дикарями въ родѣ Малликольцовъ. Голый островокъ у него съ Ю. В., а въ 5-ти миляхъ на С. З. лежитъ утесъ, съ сильнымъ прибоемъ моря. Ш. Ю. 17° 3′, Д. В. 165° 57′ (средина).

О. Стефердъ. Открытъ Кукомъ тогда-же. Купа маленькихъ, неравной величины острововъ, населенныхъ и занимающихъ пространіе около 5-ти льё отъ Ю. В. къ С. З.

О. Апи. Открытъ Кукомъ тогда-же. Двадцать льё окружности, около восьми протяженія, отъ С. В. къ Ю. В., весьма высокъ, гористъ, перерѣзанъ долинами и рощами, и населенъ, какъ показывалъ дымъ, съ него подымавшійся. Ш. Ю. 16° 50′, Д. В. 166° 5′ (юго-вост. мысъ).

О. Паумъ. Открытъ Кукомъ тогда-же. Онъ выходитъ на значительную высоту, въ видѣ копны сѣна. Наибольшее протяженіе его неболѣе однакожъ 4-хъ льё. Кукъ полагалъ, что его перерѣзываетъ на-двое узкій каналъ. На немъ есть также дикари. Ш. Ю. 16° 27′, Д. В. 165° 56′ (вост. мысъ).

О. Амбримъ. Открытъ Бугенвилемъ въ 1768 году, и видѣнъ былъ Кукомъ въ 1774-мъ. Это земля около семи льё въ окружности, низкая по прибрежью, постепенно возвышающаяся къ центру, образуя наконецъ гору средней высоты. Дымъ, выходящій изъ этой горы, даетъ поводъ почитать

ее волканическою. Полагаютъ большую населенность. — Ш. Ю. 16° 18′, Д. В. 165° 55′ (Ю. В. мысъ).

О. Пятидесятницы. Открытъ Бугенвилемъ въ 1768 году, и виденъ Кукомъ въ 1774 году. Земля значительной вышины, покрытая лѣсомъ, за исключеніемъ обработанныхъ въ большомъ количествѣ пространствъ. Длина, отъ С. къ Ю., неменѣе 33-хъ миль, при 8-10 миляхъ въ ширину. Спутники Кука замѣтили ночью большой палъ въ лѣсахъ, и изъ того заключили, что жители очищали себѣ поля. Ш. Ю. 15° 26′, — 15° 58′, Д. В. 165° 50′.

О. Авроры. Открытъ Бугенвилемъ въ 1768 году, виденъ Кукомъ въ 1774-мъ. Земля высокая, населенная, около 11-ти лье длины, отъ С. къ Ю., и только 4-5 миль ширины. Вся является покрытою лѣсомъ, съ прибрежья до вершины горъ, и всѣ долины въ ней прорѣзаны ручьями. Пикъ по срединѣ вышины значительной. — Ш. Ю. 14° 51′ — 15° 22′, Д. В. 165° 47′ — 165° 53′ —

О. Прокаженныхъ. Открытъ Бугенвилемъ въ 1768-мъ, виденъ Кукомъ въ 1774 году. Земля высокая, населенная, овальной формы, 18-20 лье окружности. Весь сѣверный мысъ показался Форстеру ниже остальной части острова, и былъ покрытъ различными деревьями, между коими высились безчисленныя пальмы. Великолѣпные водопады льются съ горъ. — Ш. Ю. 15° 24′, Д. В. 165° 27′ (вершина).

О. Малликоло. Открытый Квиросомъ въ 1606 году, онъ былъ виденъ Бугенвилемъ въ 1768-мъ, и

осматриванъ Кукомъ въ 1774 году. Огромный, прекрасный островъ, 18 льё отъ С. З. къ Ю. В, при 6-7 льё ширины. Кукъ описывалъ его плодоноснымъ и населеннымъ. Съ средней высоты земли идутъ легкимъ покатомъ къ берегамъ, упираясь на срединѣ въ небольшую горную цѣпь. Въ Ю. В. части находится заливъ Сандвича, а немного далѣе къ югу три островка, названные остр. *Маскелина.* — Ю. Ш. 15° 50 — 16° 36′, В. Д. 164° 47′ — 165° 26′.

По извѣстіямъ Кука, дикари здѣшніе малорослы, мѣднаго цвѣта, съ длинными головами, плоскими лицами, болѣе похожи на обезьянъ, нежели на людей, и нестолько еще по лицу, сколько по членамъ тѣла, хилымъ и уродливымъ. Волосы у нихъ, черные и темные, коротки, курчавы, но неруновидны. Бороды густы, плотны, обыкновенно черныя и коротки. Природную уродливость дополняетъ еще веревчатый поясъ, которымъ перепягиваютъ они себѣ тѣло по срединѣ, до того, что кажутся перерѣзанными, какъ будто муравьи. Выемка, происходящая отъ такого пояса составляетъ самое нелѣпое уродство. Дикари ходятъ нагіе, прикрываясь только спереди листомъ, либо лоскуткомъ рогожки. Женщины, безобразныя неменѣе мужчинъ, мажутъ красною краскою голову, лица и плечи. Украшенія и оружіе дикарей походятъ на Таннскія. Языкъ Малликольцовъ показался Форстеру совсѣмъ отличнымъ отъ всѣхъ, какіе только слышалъ онъ въ южныхъ земляхъ. Въ немъ множество звуковъ на брръ, съ сильнымъ удареніемъ. Такъ, на примѣръ, одинъ изъ друзей Англійскихъ Малликолецъ

назывался *Мамбрррумъ*, а другой *Бономбрррруай*. Свинью называли дикари *Броа*, и безпрестанно вертѣлось у нихъ на языкѣ слово: *Томарръ* (другъ). Впрочемъ, дикари легко произносили Европейскія слова, чего никакъ немогли сдѣлать Таитяне. Изъявляя удивленіе, они шипѣли, похоже на гуся.

О. Свят. Варѳоломея, былъ открытъ Бугенвилемъ въ 1768-мъ, и осмотрѣнъ Кукомъ въ 1774 году. Онъ лѣсистъ, населенъ, мало возвышенъ, 6-ть, 7-мь льё окружностью, и находится въ проливѣ между Малликоло и островомъ Св. Духа. Островокъ примыкается къ нему съ Ю. В. стороны. — Ш. Ю. 15° 42′, Д. В. 164° 50′ (вершина).

О. Св. Духа, открытый Квиросомъ въ 1606-мъ, былъ вновь найденъ Бугенвилемъ въ 1768-мъ, и видѣнъ Кукомъ въ 1774 году. Онъ весьма обширенъ, 22 льё отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при ширинѣ отъ 10-ти до 12 миль, вырѣзанъ въ С. части большимъ заливомъ, и обставленъ съ южной стороны множествомъ маленькихъ острововъ. Земля, особливо съ западной стороны, весьма возвышена, образуя безпрерывную цѣпь горъ, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинается прямо съ морскаго берега. Весь островъ, исключая прибрежье и нѣкоторые обрывы голыхъ утесовъ, покрытъ лѣсомъ и насажденіями. Произрастаніе представило здѣсь Форстеру величайшее многообразіе и богатство. Согласно съ Квиросомъ, бывшимъ здѣсь за два столѣтія прежде, Форстеръ говорилъ, что островъ Св. Духа одна изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ.—

Широта южная 14° 40′ — 15° 42′, долгота восточная 164° 7′ — 164° 55′.

Небольшое число островитянъ, которыхъ могли наблюдать Англичане, казались плотнѣе и складнѣе жителей Малликоло. Изъ этого заключили, что они составляютъ особую породу, и мнѣніе подтверждалось тѣмъ болѣе, что языкъ ихъ неимѣлъ никакого сходства съ Таннскимъ и Малликольскимъ, а напротивъ сближался съ Тонгскимъ. Волосы на головахъ дикарей были то короткіе, курчавые, то длинные, прямые. Украшенія составляли запястья и ожерелья; у одного дикаря висѣла на лбу бѣлая раковина; другіе были вымазаны темноватою краскою. Другаго оружія у нихъ невидали, кромѣ копьецовъ и острогъ для рыбной ловли. Между подарками, какіе имъ дѣлали, особенно нравились имъ гвозди. Съ своей стороны поднесли они перечную вѣтвь (piper).

О. Гора звѣзды, вѣроятно, тотъ самый, что названъ былъ Квиросомъ-Nuestra-Senora de Luz, и видѣнъ Бугенвилемъ въ 1768 году. Это маленькій островокъ, или скала, нѣсколько миль въ окружности.—Ш. ю. 14° 22′, д. в. 165° 32′ (.) —

Этимъ можно заключить роспись острововъ Архипелага, названнаго Кукомъ: Новые Гебриды, но, кажется, сюда-же надобно почислить еще: *островъ* Бенкса, открытый Блеемъ въ 1789 году, когда плылъ онъ въ шлюпкѣ своей отъ Тонга къ Тимору. Это куча, изъ четырехъ высокихъ и населенныхъ острововъ, съ нѣсколькими скалами на югъ, на пространствѣ 15-20 льё отъ С. къ Ю. Са-

мый большой около 20 льё окружностью; другіе только по 5-6 льё. Самый малый далѣе другихъ на В. и очень замѣтенъ по горѣ въ видѣ сахарной головы. Никто послѣ Блея невидалъ этихъ острововъ, почему положеніе и форма ихъ подлежатъ еще сомнѣнію. Ш. Ю. 13° 27 — 14° 11′, Д. В. 166° 3′ — 166° 30′ (?). — Можетъ быть, эти самые острова видѣлъ Квиросъ до прибытія къ землѣ Св. Духа.— Должно вспомнить еще объ островѣ Блея, открытомъ имъ въ 1789 г., небольшомъ, средней высоты, подъ 13° 50′ ш. ю. и 165° 17′ д. в. —

ГЛАВА LXXV.

ОСТРОВА МЕЖДУ НОВЫМИ ГЕБРИДАМИ И СОЛОМОНОВЫМИ: ТИКОПІА И ВАНИКОРО.

Тревожимая противными вѣтрами, наша Океанія была 15-го Іюня между островами *Фатака* и *Тикопіа*. Первый представился намъ въ видѣ митры; такая форма заставила Эдуардса, въ 1791 году, назвать сей островъ, послѣ открытія его тогда, *островомъ Митры*. Съ тѣхъ поръ видѣли его Русскій мореплаватель Хрущевъ (Kroucheff?), въ 1822-мъ, и Дюрвиль въ 1828 году, сдѣлавшій обозрѣніе острова. По его вычетамъ, Фатака подъ 11° 55′ ш. ю. и 167° 48′ д. в.—Дюрвиль говоритъ, что это утесъ, съ милю протяженіемъ, посредственно лѣсистый, скалистый, и высотою отъ 60-ти до 80 туазовъ. Его составляютъ двѣ неравныя горы (mondrains), послѣдуемыя къ С. почти отдѣльнымъ, цилиндрическимъ, пробитымъ насквозь въ срединѣ утесомъ. Диллонъ говоритъ, что Тикопійцы считаютъ сей островъ своимъ,

плаваютъ туда разъ въ годъ, во время зап. вѣтровъ, ловишь тамъ птицъ и рекиновъ, для сборки перьевъ однихъ и зубовъ другихъ. Чтобы неопняли у нихъ острова, гдѣ производятъ они такое двоякое занятіе, дикари истребили на немъ всѣ кокосовыя деревья, и Фатака остается необработаннымъ и безплоднымъ.

Когда этотъ островъ удалялся у насъ изъ вида, точкою вдали показался островъ *Ануда*, открытый въ 1791 году Эдуардсомъ, назвавшимъ его тогда *Cherry*, и видѣнный потомъ Хрущевымъ, въ 1822-мъ, Дюрвилемъ въ 1828 году. Онъ невеликъ, невысокъ, неболѣе 3-хъ миль въ окружности и населенъ Полинезійскимъ племенемъ. Дюрвиль опредѣляетъ положеніе его подъ 11° 37′ ш. ю., и 167° 27′ д. в. —

Фатака и *Ануда*, съ двумя мѣлями, *Пандорою* и *Шарлоттою*, открытыми, первая Эдуардсомъ въ 1791-мъ, вторая Джильбертомъ въ 1788 году, кажется, составляютъ высшія точки подводной цѣпи громадъ, которыя тянутся на В. черезъ острова Ротума, Валлисовъ, Аллу-Фату и Гамоа, а на З. присоединяются къ Тикопіа, Ваникоро, Нипенди и Соломоновымъ островамъ.

Пендлетонъ направлялъ путь свой такъ, чтобы пристать къ *Тикопіа*, давно видимому нами, хотя и оставалось до него неменѣе 15 льё. Въ два часа съ половиной по полудни, бывши въ милѣ на ю. з. отъ земли, мы увидѣли, что она болѣе кажется, нежели въ самомъ дѣлѣ можетъ назваться огром-

ною. Болѣе 4-хъ 5-ти миль нельзя было положить на всю ея окружность, но на такомъ маломъ пространствѣ, что за произрастаніе сильное и прекрасное! Это роща среди красиваго, обширнаго луга, одинъ изъ тѣхъ острововъ, которые создаетъ искуство на садовыхъ озерахъ!

Приближась къ острову, мы ждали, чтобы приплыла къ намъ лодка, отдѣлившаяся при появленіи нашемъ отъ берега. Издали можно было разглядѣть, что въ числѣ семи человѣкъ, бывшихъ въ ней, одинъ отличался отъ всѣхъ цвѣтомъ кожи и одеждою. Загадка объяснилась, когда лодка пристала къ кораблю. Отличный незнакомецъ былъ Англичанинъ Джонъ Патерсонъ; вѣроятно, бродяга, бѣжавшій изъ Портъ-Джаксонской тюрьмы, но выдававшій себя за матроза, оставленнаго на Тикопіа купеческимъ кораблемъ, съ торговою цѣлью.

Да, что намъ было до того, кто онъ и зачѣмъ здѣсь, если только могъ онъ удовлетворить нашему любопытству! Патерсонъ исполнилъ это охотно. Онъ разсказалъ, что славно живетъ съ островитянами, народомъ общительнымъ и кротkимъ, и представилъ намъ своего покровителя Тафуа, съ благодарностью взявшаго разныя бездѣлки отъ Пендлетона. Восхищенный разсказомъ Англичанина, нашъ капитанъ немедленно хотѣлъ самъ пуститься къ берегу. Тутъ Патерсонъ его остановилъ.—«Васъ непустятъ на берегъ» — сказалъ онъ. — Для чего такъ, если ты говоришь, что дикари добры и гостепріимны? — « Для чего! Исторія длинна. Посѣтители употребляли во зло

гостепріимство дикарей, и теперь дикари боятся Европейцовъ. За нѣсколько лѣтъ до васъ, являлся здѣсь корабль съ бѣлымъ флагомъ, и съ множествомъ пушекъ и людей останавливался передъ Тикопіа. Лодка пристала отъ него къ берегу; дикари отправились на корабль, и пятеро изъ нихъ были увезены куда-то на западъ. Немного спустя, повальная болѣзнь явилась на островѣ и погубила четверть его небольшаго населенія. Тикопійцы рѣшили, что это подшутилъ злой духъ, являвшійся на островъ съ кораблемъ подъ бѣлымъ флагомъ. Всякій корабль долженъ, или можетъ быть подобною игрушкою злаго духа, и потому положено — никакой лодки недопускать потомъ къ берегу. Что касается до отдѣльныхъ Европейцовъ—дѣло другое. Ихъ допускаютъ охотно, потому, что пребываніе людей, спасшихся на островъ съ разбитыхъ кораблей, никогда неоказывалось хипростью злыхъ духовъ. »

Таковъ былъ разсказъ Патерсона, и искренность его можно-бъ было подозрѣвать, если-бы расположеніе дикарей неподтверждало его весьма хорошо. Сколько показывали эти люди неохоты на то, чтобы шлюпка наша пошла къ берегу, столько-же изъявляли они желанія видѣть на островѣ кого нибудь изъ нашихъ матрозовъ. Просьбы, убѣжденія, ласки, предложенія всякаго рода — ничто небыло ими упущено. Все это до того дошло, что боясь побѣга, Пендлетонъ снова распустилъ поскорѣе паруса и пустился на востокъ отъ острова.

Тикопіа принадлежитъ къ землямъ, которыя

открылъ Квиросъ въ 1606 году. Потомъ его невидалъ никто до 1798 года, когда пристalъ сюда корабль Барвелль и далъ острову имя. Диллонъ проходилъ здѣсь въ 1813 году, и оставилъ на берегу Пруссака Бушарта, Индійскаго ласкаря Джое и Витійскую дикарку. Жители ласково призрѣли весь этотъ народъ, и оставленные прожили здѣсь до 1826 года, когда Диллонъ опять пришелъ къ Тикопіа. Тогда Бушартъ и Джое могли дать ему первыя изъясненія о мѣстѣ погибели Лаперуза, и эти изъясненія были побудительною причиною отправки корабля *Изысканіе* (Research), принадлежавшаго Остъ-Индской Компаніи. Research былъ передъ Тикопіа въ 1827 году, авъ 1828 году Дюмонъ Дюрвиль произвелъ обозрѣніе этого маленькаго острова.

Заключенные среди купъ Меланезійскихъ, жители Тикопіа составляютъ однакожъ прекрасное различіе Полинезійскаго рода. Они великорослы, сильны, стройны, кроткаго, веселаго нрава и гостепріимны. Бороды у нихъ рѣдкія, но волосы падаютъ по плечамъ. Женщины бѣлѣе мужчинъ, съ счастливою физіогномією и съ формами прекрасными. — Находясь между двумя породами, Тикопійцы заняли обычаи у той и другой. Они татуируются, какъ Тонгцы, и обременяютъ носъ и уши украшеніями изъ черепахъ, какъ островитяне Ваникорскіе. *Кава* и *бетель* равно между ними употребительны. Полинезійскія уродованія, какъ-то: ломанье зубовъ, отрубленіе одного, или многихъ суставовъ у пальцовъ, имъ совершенно неизвѣстны.

Они очень любятъ пляски, но неимѣютъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ доски, по которой бьютъ мѣру двумя палками.—Религія здѣшняя родъ манихеизма, похожаго на Тонгскій. Духи, или *atya*, имѣютъ особенныя хижины, гдѣ обожаютъ ихъ съ извѣстными обрядами. Начиная ѣсть, часть кушанья бросаютъ на землю. Вѣроятно, это часть богамъ. Божескія почести воздаются еще нѣкоторымъ рыбамъ, наравнѣ съ духами, и между прочимъ муренѣ даютъ глубокое почтеніе. Морской волкъ причисляется въ боги, подъ именемъ *Atya Tapy*. — Населеніе Тикопіа невосходитъ выше 400, или 500 человѣкъ, раздѣленныхъ на четыре деревни, изъ которыхъ каждая признаетъ своего начальника. Религіозная власть находится въ рукахъ великаго жреца и прехъ нисшихъ. Островитяне живутъ мирно между собою, и почти невѣдаютъ бѣдствій войны. Когда начинаются ссоры, старшины унимаютъ ихъ, грозя спорщикамъ гнѣвомъ боговъ. Старшины такъ здѣсь уважаются, что каждый встрѣчающій ихъ повергается передъ ними ницъ лицомъ. — Пищу дикарей составляютъ плоды, рыба и ракушки. Прежде имѣли они свиней, но какъ эти животныя портили поля, то дикари приняли вдругъ рѣшительное намѣреніе всѣхъ ихъ истребить, и съ тѣхъ поръ нѣтъ ихъ на островѣ. — Власть старшинъ наслѣдственная. Сынъ принимаетъ отъ отца всѣ преимущества, а если онъ очень молодъ, ихъ беретъ братъ отцовскій. Старшинъ хоронятъ въ ихъ собственныхъ домахъ. — Число женщинъ превосходитъ здѣсь число муж-

чинъ. Потому рожденіе мальчика принимается радостнѣе рожденія дѣвочки; его торжествуютъ, празднуютъ, и родителямъ приносятъ сосѣди подарки. Многоженство позволяется, и нѣкоторые изъ дикарей имѣютъ по три жены. Впрочемъ, ничего нѣтъ простѣе брачныхъ обрядовъ здѣшнихъ. Получивъ согласіе, женихъ идетъ вечеромъ къ невѣстѣ, а на другой день утромъ объявляютъ онъ и она старшинѣ о своемъ союзѣ. Старшина утверждаетъ ихъ согласіе, а за то подносятъ ему молодые корзинку плодовъ. — Чужеземцы могутъ жениться только на вдовахъ. Ласкарь Джое попался здѣсь въ такой союзъ совсѣмъ нечаянно. Онъ пришелъ вечеромъ къ какой-то вдовѣ, у которой были уже взрослые дѣти. Прелестница заговорила о бракѣ, и какъ бѣднякъ неоприцался, молчаніе принято знакомъ согласія; вдова вымазала ему красною краскою лицо, и отпереться было невозможно. — Женщины бываютъ вѣрны мужьямъ. Нарушеніе вѣрности мужъ можетъ наказать смертью жены, хотя до того рѣдко доходитъ. Дѣвушки бываютъ свободны, а потому шалости ихъ нерѣдки, и къ несчастью, для скрытія слѣдовъ иногда послѣдуются дѣтоубійствомъ. Но самоубійство здѣсь большая рѣдкость. — Когда повальная болѣзнь оказывается на островѣ, дикари стараются заклясть ее разными очистительными обрядами. Такимъ образомъ въ 1827 году, послѣ отбытія капитана Диллона, когда Тикопіа погибала отъ болѣзни, дикари построили небольшую лодку и украсили ее цвѣтами и зеленью. Послѣ такого

приготовленія, четыре сына главнаго старшины носили ее на плечахъ, сопровождаемые всѣмъ народомъ. Съ торжествомъ обходили весь островъ, громко крича и сильно ударяя по кустарникамъ. Прибывши опять на то мѣсто, съ котораго пошли, спустили лодку на море и предали ее волѣ вѣтровъ. Вспомнимъ, что у Цингалезовъ есть нѣчто похожее на сей обрядъ, для укрощенія бога бурь. Впрочемъ, Тикопійцы неприписывали обряду своему большой важности, и болѣе увѣренности оказали строгому закону отчужденія, который постановили противъ всѣхъ Европейскихъ кораблей.

Мы оставили Тикопіа при Ю. В. вѣтрѣ, слишкомъ свѣжемъ въ настоящее время года. Потому 16-го утромъ вершины острова *Ваникоро* уже появились передъ нами, въ видѣ трехъ плоскихъ, мало возвышенныхъ островковъ. Мало по малу, они росли и слились наконецъ въ одинъ островъ. Вечеромъ, при захожденіи солнца, Океанія была недалѣе двухъ льё отъ восточнаго берега. Разсматриваемый отсюда, Ваникоро являлся весьма лѣсистымъ и неровнымъ. Округлая цѣпь мѣлей, казалось, защищала его отъ приближенія со всѣхъ сторонъ, исключая восточную часть земли, гдѣ видна была глубокая вырѣзка, далеко уходившая внутрь острова.

И такъ — это былъ Ваникоро, столь мало посѣщаемый, столь мало извѣстный, пока Диллонъ и Дюрвиль несдѣлали его предметомъ особенныхъ изслѣдованій! — И такъ здѣсь *погибъ Лаперузъ*, здѣсь новая Астролябія воздвигла памятникъ преж-

ней на мѣстѣ ея уничтоженія! — Могъ-ли я оставаться равнодушнымъ, припоминая всѣ событія, сдѣлавшія памятнымъ для Франціи Ваникоро? Я былъ *одинъ* Французъ на Американскомъ кораблѣ, и съ трепетомъ сердца готовился ступить на ту землю, которую всѣ другіе мои сопутники разглядывали самымъ равнодушнымъ образомъ. Они немогли понять чувства родины, чувства національности, меня превожившихъ. Но Пендлетонъ понялъ меня. «Наша поѣздка вовсе неудачна съ нѣкотораго времени — сказалъ онъ мнѣ. — Море сердится и никуда насъ непускаетъ. Вы видите, что я шелъ прямо къ Ваникоро — для васъ и для себя хотѣлось мнѣ побывать здѣсь. Ваше чувство я угадывалъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на ту землю, которую столь достопамятною сдѣлали въ послѣднее время труды Диллона и Дюрвиля. Но Океанъ вовсе несоглашается на наши желанія. Посмотрите вонъ туда, на юго-востокъ — въ тамошнихъ облакахъ столько скопляется вѣтра, что для корабельныхъ парусовъ, подлѣ такихъ утесовъ, его будетъ черезъ чуръ много. Разумѣется, вы незахотите, чтобы вашъ пріятель Пендлетонъ составилъ собою второй томъ Лаперуза. Но, небудемъ еще отчаяваться. Если вѣтеръ упрямится, постараемся переупрямить его и будемъ держаться въ виду пристани, пока можно будетъ пристать къ ней безопасно.»

Предвѣщаніе Пендлетона исполнилось. Юго-востокъ разыгрался во всю широкую волю Океана, и мы немогли сладить съ нимъ. Ночь была бурная.

Къ утру мы опять двинулись къ берегу, и насъ рѣшительно отбило вѣтромъ и теченіемъ. Все, что могли мы сдѣлать, перебирая паруса — обходить островъ подъ вѣтромъ, въ двухъ, или трехъ льё отъ прибоевъ западной мѣли. Дѣлать оставалось нѣчего. Стоя на палубѣ, старался я, посредствомъ превосходной трубы, отличить для зрѣнія различныя мѣста, сдѣлавшіяся извѣстными по разсказамъ Диллона и Дюрвиля — селенія *Паіу, Ваку, Нама.* Но ничто небыло видимо ясно. Мнѣ представлялись только громады лѣсовъ, покрывающія весь островъ, отъ прибрежьевъ до вершины горъ. Мѣли острова представляли зрѣлище болѣе любопытное. Тамъ и здѣсь, черноватыя скалы, отъ восьми до десяти футовъ вышиною, выставлялись изъ моря, и безмѣрныя волны Океана, разбиваясь объ эти отдѣльныя груды камней, образовывали въ разныхъ разстояніяхъ водометы, высоко взлетавшіе надъ пѣнистою, однообразною поверхностью морскою. Съ сей стороны, подводная цѣпь, удаляясь въ иныхъ мѣстахъ отъ земли на цѣлую льё, оставляетъ между мѣлями и берегомъ огромный внутренній бассеинъ, гдѣ воды въ затишьѣ всегда остаются спокойны, будто въ озерѣ, переливаясь во всѣ различные цвѣта, по причинѣ безпрерывныхъ измѣненій глубины.

Надобно было отказаться отъ посѣщенія Ваникоро. Вѣтеръ и море этому противились. Океанія принуждена была даже потомъ пройдти подъ вѣтромъ *Тупуа*, хотя столь близко, что мы могли отличить хижины дикарей по прибрежью. Ни одна

лодка дикарская непосмѣла пуститься въ море — такъ бурлило оно. Наконецъ удалось намъ обогнуть восточный мысъ огромнаго острова *Нитенда*, или *Вера-Круза*. Мы шли потомъ вдоль сѣвернаго прибрежья его, до высоты залива *Граціоза*, гдѣ бросили якорь на сорока брассахъ, въ милѣ разстояніемъ отъ берега. Это было въ полдень 18-го Іюня.

Конецъ VII-й части.

ОПИСАНІЕ

рисунковъ, принадлежащихъ къ *седьмой* части *Всеобщаго путешествія.*

Листы. Изображ.

ОСТРОВА ТОНГА.

CXXXV. 265. *Таа*, начальникъ въ Гифо, на островѣ Тонга-Табу, въ 1773 году (ч. VII, стр. 104).

266. *Пулаго, туи-тонга*, или царь Тонгскихъ острововъ, въ 1777 году (ч. VII, стр. 114).

CXXXVI. 267. Прибытіе на островъ Намука (ч. VII. стр. 30).

268. Кулачный бой между дикарками на остр. Тонга-Табу (ч. VII, стр. 81).

CXXXVII. 269. Матрозъ *Маринеръ*, спасшійся при погибели корабля Портъ-о-Пренсъ, въ 1806 году, и жившій много лѣтъ на островѣ Гапаи (ч. VII, стр. 156).

270. Жилище миссіонера Лаури, на Тонга-Табу, обращенное въ сарай для лодокъ (ч. VII, стр. 70).

CXXXVIII. 271. Лодка Тонга-Табская (ч. VII, стр. 40).

272. Обрядъ торжественной кавы на Тонга-Табу (ч. VII, стр. 50).

CXXXIX. 273. *Таафа*, начальникъ въ Беа, и *Палу*, начальникъ въ Муа, на Тонга-Табу (ч. VII, стр. 40).

274. *Фаи-тока*, или старинныя гробницы царскія на Тонга-Табу, въ Муа (ч. VII, стр. 71).

Листы. Изображ.

CXL. 275. *Туи-тонга*, или нареченный царь и первосвященникъ Тонга-Табу, сынъ Тагофа, и мать его, дочь Палу (ч. VII, стр. 66).

276. Фаи-тока въ Гифо на Тонга-Табу (ч. VII, стр. 57).

CXLI. 277. *Гата*, начальникъ Гифо (ч. VII, стр. 47).

278. Внутренность Тонга-Табской хижины (ч. VII, стр. 224).

CXLII. 279. Пляски, *гифо и габо*, игра мячемъ Тонгскихъ дикарокъ (ч. VII, стр. 220).

280. Дубины, молотки, топоры и разныя орудія Тонгскія (ч. VII, стр. 218).

CXLIII. 281. Жилище Англійскаго Миссіонера въ Гифо (ч. VII, стр. 46).

282. Опасное положеніе корабля Астролябія, подъ начальствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, на скалахъ Тонга-Табскихъ, 21-го Апрѣля 1827 года (ч. VII, стр. 182).

CXLIV. 283. *Малаи*, или площадь въ Мафанга, на Тонга-Табу (ч. VII, стр. 65).

284. Нападеніе Тонга-Табскихъ дикарей на лодку Астролябіи, Мая 13-го, 1827 года (ч. VII, 195).

CXLV. 285. Высадка французовъ, посланныхъ отбить у дикарей лодку (ч. VII, стр. 196).

286. Дерево *Меа*, изъ рода ficus, на Тонга-Табу (ч. VII, стр. 75).

CXLVI. 287. Посѣщеніе Дюмонъ-Дюрвилемъ *Тамаги*, знаменитой Тонга-Табской дикарки, въ 1827 году (ч. VII, стр. 192).

288. Первоначальное жилище Миссіонеровъ, въ 1822 году, въ Муа, на Тонга-Табу (ч. VII, стр. 178).

CXLVII. 289. *Ваи-Тотаи*, мата-буле, или чиновникъ Тагофа (ч. VII, стр. 201).

290. Заклинанія Тонга-Табскихъ жрецовъ надъ больнымъ ребенкомъ (ч. VII, стр. 232).

Листы. Изображ.

CXLVIII. 291. Укрѣпленія Мафанга, при канонадѣ его Дюмонъ-Дюрвилемъ, въ 1827 году (ч. VI. стр. 200).

292. Подземная печь, или яма, гдѣ Тонга-Табцы жарятъ свиней (ч. VII, стр. 55).

ОСТРОВА ВИТИ.

CXLIX. 293. *Туренеб-Токи*, братъ царя Лагембскаго, и *Луа-Лала*, кузинъ его (ч. VI, стр. 30).

294. *Тулбуа-Накоро*, дикарь Имбайскій, на Европейскомъ кораблѣ (ч. VII, стр. 250).

CL. 295. Видъ горы на островѣ Кандабонѣ (ч. VII, стр. 251).

296. Дикари острова Вити-Леву (ч. VII, стр. 256).

CLI. 297. Оружія и различныя украшенія дикарей Витійскихъ (ч. VII, стр. 310).

НОВЫЕ ГЕБРИДЫ.

298. Дикарь съ острова Малликоло, по рисунку Кука, въ 1774 году (ч. VI. стр. 331 и 379).

CLII. 299. Нападеніе Коро-Мангскихъ дикарей на Кукову лодку (ч. VII, стр. 340).

300. Дикое мѣстоположеніе на островѣ Танна, по рисунку Форстера (ч. VII, стр. 352).

CLIII. 301. Дикарь острова Танна, по рисунку Кука (ч. стр. 370).

302. Дикарка острова Танна, по рисунку Кука (ч. VII, стр. 369).

ОСТРОВЪ ТИКОПІА.

CLIV. 303. Видъ Тикопіа (ч. VII, стр. 384).

(*Рисунокъ* 304-*й* принадлежитъ къ VIII-й части *Всеобщ. Пут.*).

CLV. 305. Дикари Тикопійскіе и жилища ихъ (ч. VII, стр 387).

(*Рисунокъ* 306-*й* принадлежитъ къ VIII-й части *Всеобщ. Пут.*).

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Океанія:* острова *Гамоа, Ніуеа, Тонга, Вити, Новые Гебриды.*

ГЛАВА LXIV. *Острова Гамоа. Географія и Исторія.* Положеніе, исчисленіе ихъ; открытіе Роггевейномъ, названіе островами *Мореплавателей* отъ Бугенвиля. Лаперузъ. Погибель капитана Делангля. Эдуардсъ. Коцебу. — Сложеніе, нравы, свирѣпость, число жителей..... 7

ГЛАВА LXV. *Переѣздъ отъ острововъ Гамоа къ островамъ Тонгескимъ. Ніуеа. Тонга.* Островъ *Ніуеа* — открытіе Шутеномъ; названіе *Кокосовыми* и *Злодѣйскими*. Прибытіе къ *Намука* (Роттердаму); ласковость дикарей; аманашъ, прогулка на берегъ; прелесть мѣстности; испугъ путешественника; отплытіе. — Опасное мѣсто въ ущесахъ *Гунеа-Тунеа* и *Гунеа-Гапаи;* островъ Аштта. Островъ *Тонга-Табу*, или *Амстердамъ*—Недовѣрчивость Пендлетона. Англичанинъ Синглетонъ. Старшины Тагофа, Палу и Лавака. Договоръ и торговля съ дикарями. — Поѣздка въ *Гифо* — старшина Гаша; жилище Миссіонеровъ; *кава* и подробности ея обрядовъ; кухня дикарей; красота мѣста; капищи и *фаи-токи* (гробницы); пѣсня дикарей. — *Ніуку-Лафа*, завѣтное мѣ-

Стран.

сто — огромныя лодки, часовня. *Мафанга* — капище и канонада его Дюмонъ-Дюрвилемъ. — *Нугу-Нугу* — послѣдняя отрасль царей ; сынъ Тагофа *туи-тонга* (царь); хитрая политика Тагофа; угощеніе Палу — царское кладбище; обѣдъ, кушанья; исполинское дерево; выдѣлка шканей, домашній бытъ, игры, птичья ловля, торжественныя пляски, музыка, комедія, пѣніе. — Ночлегъ. — Коварство Тагофа. Поспѣшное отплытіе корабля..... 21

ГЛАВА LXVI. *Архипелагъ Тонга. Географія.* Многочисленность острововъ Тонгскаго архипелага. Дѣленіе на купы: *Тонга, Гапаи, Гафулу-Гу.* Отдѣльные очерки положенія и времени открытія острововъ главнѣйшихъ, какъ-то: *Эоа* (Миддельбургъ), *Тонга-Табу* (Амстердамъ), *Намука* (Роттердамъ), *Тофуа, Вавао,* и проч. — Предѣлы Полинезіи — климатъ земли..... 90

ГЛАВА LXVII. *Архипелагъ Тонга. Исторія.* Открытіе *Тасманомъ* — свиданіе съ дикарями; завѣтное блюдо. *Кукъ* — описаніе Форстера; фаи-токи, старикъ царь; воровство; приключеніе лекаря; огнедышащая гора. Финау—бу-мои-Туи-Тонга Пулаго—дѣленіе властей; званіе Туи-Тонга. Праздникъ *Нагу.* — Испанецъ *Маурелль* — посѣщеніе Вавао. — Лаперузъ, Блей, Эдуардсъ, Дантркасто—заговоръ.—Вильсонъ и Миссіонеры — еще заговоръ! — Похороны Му-Муи. Тиранъ Тугу-Аго. Смерть его. *Финау* и Тубо Ніуга. Начало междоусобій. Финау покоряетъ Вавао. Удаленіе Туи-Тонга на Вавао. Гибель корабля Герцогъ Портландскій. Элиза Мазей спасаетъ другой корабль. Битвы съ дикарями. Погибель Миссіонеровъ. Финау захватываетъ корабль Портъ-о-Пренсъ. Онъ употребляетъ на войну плѣнниковъ и пушки. Взятіе крѣпости. Свирѣпость битвъ, голодъ и бѣдствія. Уступки Финау. Бунтъ на Вавао. Финау усмиряетъ его. *Что такое деньги?* — Смерть Финау. — Миролюбіе сына его. Рѣчь царя къ дикарямъ. Уничтоженіе Туи-Тонга. Новые Миссіонеры — обращеніе Тубо. — *Дюмонъ-Дюрвиль* — опасное положеніе корабля ; обозрѣніе ; разсказъ Тамаги ; заговоръ ; битвы съ дикарями. — *Диллонъ* — Сирены Океанійскія. — *Валдегравъ* — по-

Стран.

сѣщеніе Вавао; переговоры съ царемъ. Успѣхи христіанства и нынѣшнее состояніе архипелага Тонгскаго..... 100

ГЛАВА LXVIII. *Архипелагъ Тонга. Нравы, обычаи, религія тузелицовъ.* Предѣлы *Полинезіи.* Физическое сложеніе жителей, характеръ, общественное дѣленіе: Туи-Тонга, Эгуи, Маша-Буле, Муа, Туа. Храбрость, оружіе, игры и забавы. Дѣленіе ремеслъ. Браки, преимущества женщинъ. Домы, пища, одежда. Музыка, пѣніе. Миѳологія, легенды, жрецы, *табу*, фата, начи, тао-тао, науджіа и другіе обряды. Похороны, нелѣпые обычаи, колдовство. Медицина и болѣзни. Языкъ. Произведенія природы..... 214

ГЛАВА LXIX. *Архипелагъ Вити.* Мечты путешественника и разрушеніе ихъ. Дикость и непріязненность *Меланезіи.* Начало острововъ Вити. Островъ Лагемба. Испанецъ Эрнандо. Свиданіе съ дикарями. Противные вѣтры, опасность плаванія. Острова Имбао и Муала. Вити-Леву — дикари и старшина ихъ. Отплытіе къ Новымъ Гебридамъ..... 240

ГЛАВА LXX. *Архипелагъ Вити. Географія.* Общій очеркъ. Исчисленіе главнѣйшихъ острововъ, мѣстность, положеніе, имена, время открытія..... 258

ГЛАВА LXXI. *Архипелагъ Вити. Исторія.* Открытіе Тасманомъ. Посѣщеніе Кукомъ, Блеемъ, Данпркасто, Майтландомъ, Барберомъ и Вильсономъ. Торгъ сандаломъ. Ссоры Европейцовъ съ дикарями. Приключенія Смита. *Странныя похожденія Диллона.* Плаваніе Дюмонъ-Дюрвиля..... 275

ГЛАВА LXXII. *Архипелагъ Вити. Нравы, обычаи, языкъ дикарей.* Свирѣпство и людоѣдство. Одежда, управленіе, жрецы, религія, женщины. Различіе съ Полинезіею. Отличія языка. Произведенія. Исполинская ящерица..... 306

ГЛАВА LXXIII. *Новые Гебриды. Географія и Исторія.* Смерть и похороны моряка. — Островъ *Эрроманъ.* Островъ *Танна.* Препятствія къ обозрѣнію Новыхъ Гебридовъ. Исторія ихъ: *Квиросъ* — земля Св. Духа и Вера-Крузъ — непріязнь дикарей — Новый Іеруса-

Стран.

лимъ. — *Бугенвиля* — битвы — островъ Прокаженныхъ — названіе *Большими Цикладами*. Прибытіе *Кука* — посѣщеніе Малликоло; честность дикарей; земля Сандвича ; Коро-Манго — вѣроломство дикарей. *Островъ Танна* — волканъ ; опасенія , умъ и храбрость дикарей. Прогулки къ волкану. Недовѣрчивость дикарей. Хижины, нравы, пѣсни, начальники. — Посѣщенія другихъ мореплавателей Европейскихъ..... 314

ГЛАВА LXXIV. *Новые Гебриды. Географія и нравы.* Общій очеркъ и исчисленіе земель архипелага. Положенія ихъ, жители , нравы и обычаи. Произведенія природы..... 367

ГЛАВА LXXV. *Острова между Новыми Гебридами и Соломоновыми. Тикопіа и Ваникоро.* Островъ Фатака и Ануда. Тикопіа — вражда дикарей противъ Европейцовъ и исторія. Племя Полинезійское — нравы , обычаи. Произведенія природы. — *Ваникоро.* Грустное воспоминаніе. Взглядъ на островъ. — Прибытіе къ *Нитенди*, или Вера-Крузу..... 383

Описаніе *сорока* рисунковъ, принадлежащихъ къ *седьмой части* Всеобщаго Путешествія 1

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЬ

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

VII.